БРУСИЛОВ

С. Семанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена жизни и деятельности А. А. Брусилова, крупнейшего русского военачальника, с именем которого связана одна из блестящих операций первой мировой войны — «Брусиловский прорыв». Потомственный военный, прошедший путь от воспитанника Пажеского корпуса до верховного главнокомандующего, А. А. Брусилов становится видным советским военачальником. В книге широко использован исторический материал, документы первой мировой войны и предреволюционных лет. Книга рассчитана на массового читателя.

- Сергей Симанов
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - «В ПОСТУПКАХ ПРЯМ И ВЕРЕН САМОМУ СЕБЕ…»
  - ПОРУЧИК БРУСИЛОВ В ПОХОДЕ ПОД ЭРЗЕРУМ
  - «ЛОШАДИНАЯ АКАДЕМИЯ»
  - ТРУДЫ В СУМЕРКАХ
  - КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ
  - ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТА
  - ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
  - НА СЛУЖБЕ НОВОЙ РОССИИ
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. БРУСИЛОВА
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Сергей Симанов
БРУСИЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга посвящена жизни и деятельности замечательного русского полководца и военного мыслителя генерала Алексея Алексеевича Брусилова. Ее автор С. Семанов много и плодотворно работает над военной тематикой. Им уже изданы биография адмирала С. О. Макарова, книга о подвиге частей Красной Армии при штурме Кронштадта в 1921 году и другие. Новая книга «Брусилов» рассказывает о биографии знаменитого военного деятеля, его боевом опыте и службе в Красной Армии в первые годы Советской власти.

Русская история была богата талантливыми военными деятелями. Имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, многих других замечательных полководцев благодарно чтит советский народ.

В этом ряду достойное место занимает генерал Алексей Алексеевич Брусилов.

Брусилов был потомственным военным, его прадед, дед и отец служили в рядах русской армии на протяжении двух столетий. Все лучшее, передовое и прогрессивное, что было в старой русской армии, ее суворовские традиции вобрал в себя генерал Брусилов.

Еще молодым офицером Брусилов приобрел боевой опыт, участвуя в русско-турецкой войне 1877–1878 годов в Закавказье за освобождение порабощенных Османской империей народов. Он был кавалеристом, то есть принадлежал к самому подвижному в ту пору роду войск.

Стремление к наступлению, к маневру и разгрому вражеских войск стало решающим фактором в становлении полководческого таланта Брусилова. Он получил хорошую теоретическую подготовку и на практике, командуя войсками, внедрял это в боевую выучку войск.

Брусилов был хорошим педагогом и воспитателем, долгое время возглавлял подготовку высших кавалерийских кадров. Боевую мощь армии он видел прежде всего в знаниях и умении командного состава управлять войсками, а также в прочных боевых навыках солдат.

В первой мировой войне генерал Брусилов участвовал с первых дней, командуя армией. Он добился больших успехов в разгроме австро-венгерской армии в ходе Галицийской операции. Маневренный период войны длился сравнительно недолго. Возникла сплошная линия фронтов. Оборона оказалась сильнее наступления, попытки ее прорыва были неудачными. Возник так

называемый «позиционный тупик».

В этих условиях с наибольшей яркостью проявился полководческий талант Брусилова. Он оказался единственным военачальником первой мировой войны, которому удалось добиться прорыва мощной обороны и выйти из «позиционного тупика».

В мае — июле 1916 года войска Юго-Западного фронта, возглавляемые Брусиловым, взломали оборону австро-венгерской армии на широком фронте и повсеместно вынудили ее к отступлению. Австро-венгерская армия понесла большие потери и была близка к полному поражению. Наступление Юго-Западного фронта, получившее название «Брусиловского прорыва», вывело войну из «позиционного тупика». Опыт русской армии был применен союзниками на Западе только через два года, на завершающем этапе войны.

В книге «Брусилов» дана широкая картина боевых действий на русско-австрийском фронте. На большом и достоверном историческом материале автор дает отпор зарубежным фальсификаторам, которые, сознательно искажая факты, преднамеренно недооценивают роль и значение русской армии в ходе войны. Между тем такие операции, как наступление в Галиции или «Брусиловский прорыв», были крупнейшими и наиболее решительными по характеру наступательных операций, оказавших влияние на ход и исход всей войны. Опыт названных операций явился вкладом в дальнейший ход развития военного искусства.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец участию русской армии в империалистической войне. Старая армия распалась, а для защиты завоеваний Октября создавалась новая Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Свергнутые классы развязали в России гражданскую войну, началась интервенция империалистических держав. На чьей же стороне оказался бывший генерал, потомственный дворянин Брусилов? В отличие от многих царских генералов он не примкнул к белогвардейцам и не эмигрировал, он остался вместе со своим народом.

Враги Советской власти называли Брусилова «предателем», «изменником» своих классовых интересов. Но изменниками и предателями были те, кто воевал против своей Родины, кто покинул ее пределы, кто в конечном итоге предал свой народ.

Брусилов остался на своей Родине и вместе со своим народом. Он пошел служить в Красную Армию и весь свой богатейший боевой опыт передал командирам молодой Красной Армии.

Выдающиеся полководцы Советской России С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и М. В. Фрунзе глубоко ценили и уважали А. А. Брусилова.

В настоящее время мы чтим память Алексея Алексеевича Брусилова и изучаем его наследие и его опыт.

Книга «Брусилов» выходит в знаменитой биографической серии «Жизнь замечательных людей». Она обращена прежде всего к молодежи, она учит ее любить свою Родину и гордиться военной славой предков. В серии «ЖЗЛ» отныне наряду с великими отечественными военными деятелями занял наконец свое подобающее место русский и советский военачальник Алексей Алексеевич Брусилов.

Ярко и живо написана книга С. Семанова «Брусилов» — примечательный шаг в изучении славного ратного прошлого Родины, хорошее пособие для патриотического воспитания советской молодежи.

Заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза К. Москаленко

29 сентября 1979 года

«В ПОСТУПКАХ ПРЯМ И ВЕРЕН САМОМУ СЕБЕ…»

Будущий знаменитый военачальник родился в семье потомственного военного, чьи предки вот уже несколько поколений служили в русской армии.

Быть потомственным по роду занятий — свойство очень почетное и таковым почиталось всегда. Когда дело передается от отца к сыну, от деда к внуку, то одно это уже вызывает благожелательное расположение к носителю семейной традиции. Тем более, если сам род занятий уважителен и почтенен. Так ценились в народе потомственные камнерезы и плотники, охотники и мореходы, кружевницы и вышивальщицы.

Потомственные воины ценились особо, ибо ратный труд не только тяжел, но и смертельно опасен. И выучка требуется тут особая: суровая и неустанная.

Цепочка родовых занятий, передаваемая порой из глубины веков, надежно обеспечивала многие людские достижения, сберегала открытия, секреты творчества, полезные традиции и навыки. Правнуки пользовались достижениями далеких предков, порою не зная даже имен их. Увы, исторические судьбы России складывались далеко не в благоприятных условиях. Кто были зодчие, возводившие храмы Новгорода и Владимира? Кто выковал золоченый шлем Ярослава, сложил Псковский или Нижегородский кремль! Узнаем ли когда-нибудь? Воскресим ли память о замечательных предках?

Невольно складывалось такое положение, что память о предках иногда сберегалась лишь в пределах двух-трех поколений. А иной, обратный опыт легко можно было бы позаимствовать за границей. Скажем, у английских лордов. О, они уж умели хранить память о предках, еще как! Рассказ об этом стал непременной принадлежностью английской литературы. Вот, например, сценка из классика XVIII века:

«…Итак, мой двоюродный дед, сэр Ричард Ревлин, великолепный в свое время генерал, уверяю вас. Он проделал все кампании герцога Мальборо и получил этот рубец в битве при Мальплакэ… Это вот — дед моей матери, ученый судья, хорошо известный в западном округе… А вот два его брата, Вильям и Уолтер Блэнт, эсквайры, оба члены парламента и выдающиеся ораторы… Вот еще славный малый; я не знаю, как он мне приходится, но он был мэром города Манчестера».

Итак, у мелкого дворянина-пропойцы из Лондона имеется

целая галерея семейных портретов. И опять-таки предки ведь не то чтобы короли или премьер-министры, подумаешь — мэр Манчестера (много ли меньше его гоголевский городничий Сквозник-Дмухановский, он ведь тоже «мэр» своего безымянного города!). Но далеко не всегда была возможность собирать картинные галереи в России. Пример тому — семья потомственных офицеров Брусиловых.

Никаких семейных портретов Алексею Алексеевичу Брусилову в наследство не досталось, да и не написали их в свое время. И все же попробуем воспроизвести эту галерею. Вот портрет военного в стальной кирасе. Голова в пышном парике, отчего кажется очень крупной, лицо гладко выбрито, взгляд суров и тверд. Картина написана в манере письма своего времени: колорит темный, рисунок строгий, никаких посторонних частностей, украшений — пейзаж там или архитектурная деталь. Таковым — суровым и строгим — было время, когда жил и действовал Иван Иевлевич Брусилов, прадед героя этой книги: время великих преобразований Петра. Иван Иевлевич служил вахмистром, то есть младшим офицером, в петровской армии, потом сделался полковым аудитором (по-современному нечто вроде военного прокурора). Суровый, видать, был человек, ибо порядки в государстве Петра Великого были строги до жестокости, всяческие нарушения дисциплины карались круто. Иван Иевлевич служил исправно, сделавшись последовательно поручиком, капитаном и, наконец, секунд-майором. Последний чин в петровские времена считался уже немалым: в ту пору делали много, а жаловали наградами скромно.

Другой портрет: сын уже названного Брусилова и, следовательно, дед нашего героя Николай Иванович. Тут был бы совсем другой колорит письма! Картина получилась бы нарядная, светлая: Николай Иванович в небольшом, изящном, сильно напудренном парике, в зеленом мундире дорогущего английского сукна, золотом сверкают ордена и эполеты. Позади героя — роскошная драпировка, а слева, в углу картины, — раскрытое окно, море и корабли. Красиво и цветасто писали при императрице Екатерине Алексеевне! Пышность, роскошь и расточительность царили при дворе, и все дворяне старались подражать ему. Как сын штаб-офицера, Николай Иванович в отрочестве был зачислен в привилегированный Сухопутный шляхетский корпус, куда принимались только потомственные дворяне. Благополучно окончил его, служил в войсках, никаких особых подвигов не совершил и благополучно вышел в отставку в звании, как и отец, секунд-майора. Правда, за полвека звание это немного подешевело, что ли: при Петре Великом требования

были куда как строги, а при его наследниках начались всяческие потакания «вольностям дворянства». Впрочем, о деде Брусилова нам известно немного.

Зато отец известен хорошо. И недаром. Представьте: генерал с пышными золотыми эполетами, короткая стрижка, виски зачесаны вперед, лицо подпирает стоячий, нашитый золотом воротник, на груди многочисленные ордена и цветастые ленты через плечо — знаки высших отличий государства. Портрет торжествен, но строг, как того и требовал русский ампир — живописная манера второй четверти прошлого века.

Биография Алексея Николаевича вполне достойна своего героического времени — эпохи Отечественной войны 1812 года. Уже в тяжелую для нас кампанию 1807 года он начал воевать в небольшом офицерском чине. А затем — сражения с Наполеоном, отступление до Москвы, поход в Европу, взятие Парижа. И все это в боевом строю, под огнем, на передовой. Однако Брусилов продвигался в чинах туговато, хотя имел много боевых наград: только к пятидесяти годам он стал полковником. С 1839 года служил на Кавказе, где в ту пору велась упорная и кровопролитная война с войсками Шамиля. Как и его дед, он служил аудитором, стал генерал-майором, сделался начальником всей военно-судебной службы на Кавказе, а в 1856 году был произведен в генерал-лейтенанты. В ту пору его старшему сыну, знаменитому в будущем русскому военачальнику, было всего три года.

Алексей Алексеевич Брусилов, правнук, внук и сын русских офицеров, родился 19 августа 1853 года[1]. Будущий полководец был, что называется, поздним ребенком: при его рождении отцу уже миновало шестьдесят шесть лет, а матери приближалось к двадцати восьми. Разница в летах между супругами не может не обратить внимания нынешнего читателя, но заметим, что для современников родителей Брусилова все это почиталось в порядке вещей. Пожилой супруг был жених хоть куда: боевой генерал, украшенный звездами и рубцами, крепкий здоровьем и положительный нравом; до сих пор не женился — походы, царева служба времени женихаться не оставляли. Молодая супруга ко дню венчания была уже по тем понятиям совсем немолодой девушкой, ей уже исполнилось двадцать пять. Она была дочерью гражданского чиновника, служившего в канцелярии наместника Кавказа, поляка по рождению Антона Нестеровского, звали ее Мария-Луиза. Скромная и застенчивая, она, надо признать, красотой не отличалась; была необычайно добра, деловита, заботлива, мечтала о семье, детях.

Брак оказался счастливым. Супруги нежно любили и

заботились друг о друге. Пошли дети. Один за другим появились на свет четверо мальчиков: Алексей, Борис, Александр и Лев. Александр скончался во младенчестве, а трое других росли крепкими, веселыми и здоровыми, радуя родителей и родных.

Считают, и не без оснований, что характер будущего взрослого человека в сильнейшей степени зависит от того, как прошло его раннее детство; благоприятнейшее воздействие оказывает обстановка теплоты, ласки, дружбы и радости, царящей вокруг ребенка; сам того еще не понимая, он впитывает эту разлитую вокруг него благодать всем своим существом, а потом целую жизнь в самых глубинных тайниках души сохраняет, как негасимый свет, это добро и эту нежную чистоту. И уж совсем бесспорно, что обратные примеры пагубны и трагичны. Уже чуть-чуть повзрослев, став хоть малость сознательным, обретя память, человек как бы уже обороняет себя от вредного воздействия извне. Младенец же равно открыт для воздействия на его природу. Счастье, когда это воздействие порождено теплом любви и мира.

Маленькому Алексею Брусилову повезло (следовательно, повезло и Брусилову-полководцу). Его детство прошло в чистейшей атмосфере взаимной любви и счастья. Нежная мать, заботливый отец, младшие братья, требовавшие от него, совсем еще маленького, тоже ласки и заботы, — все это заложило в душе огромный запас нравственного здоровья. Счастье, которое не заменится ничем.

И вот вдруг первое потрясение, первая жизненная гроза, и какая! Алексею едва исполнилось шесть лет, когда скоропостижно скончался отец. Здоровый и закаленный человек, он внезапно простудился, запустил простуду, получил крупозное воспаление легких. В ту пору лечить эту болезнь не умели… Дети по малолетству не понимали, к счастью для себя, всю трагичность случившегося. Но их мать… Несчастная женщина не выдержала горя. Она буквально увяла на глазах у близких, у нее открылась скоротечная чахотка, ничто не могло ей помочь, и она скончалась, пережив своего супруга всего на четыре месяца…

Трое малолетних братьев за полгода стали круглыми сиротами. Теперь их могло ждать холодное сиротское детство: грустные дома призрения, безрадостный, с тайными слезами быт. И тут Брусилову и его братьям вновь судьба преподнесла великое благо.

Алексей Николаевич не имел ни сестер, ни братьев, но у Марии Антоновны была единственная сестра Генриетта. Она давно уже вышла замуж за военного инженера Карла Антоновича Гагемейстера, обрусевшего немца. Супруги жили счастливо, но

детей им, как тогда говорили, бог не дал. Дядя и тетка маленьких Брусиловых без колебаний взяли сирот к себе. И не только взяли, но сделали все, чтобы заменить им родителей. Никто, конечно, не может заменить родных отца и мать, но если есть в природе что-то хоть приблизительно близкое к тому, то следует признать: супруги Гагемейстеры оказались из числа таких вот великодушных и самоотверженных людей.

В дядином доме мальчики стали истинно родными детьми. Их не баловали, напротив — приучали к порядку и послушанию, но окружала их такая искренняя любовь, такое неподдельное участие, общие семейные радости, забавы и маленькие торжества в подобающих случаях, что они не почувствовали никакого разрыва в обстановке родительского дома и дома их дядюшки. Мальчики платили своим приемным родителям тем же: лаской и вниманием. Уже став молодым человеком, офицером, пережив войну, Алексей Брусилов по-прежнему остался им предан и искренне привязан. Он советовался с дядюшкой о делах, писал им обоим подробные письма, дорожил их вниманием.

Все они в доме дяди получили, помимо прочего, и прекрасное образование. С помощью иностранцев — гувернанток и гувернеров мальчики хорошо выучили языки: старший, например, владел французским совершенно свободно, немецким чуть-чуть похуже, английский тоже знал достаточно. Ребята приучались читать классику, прежде всего Пушкина. Штудировали всемирную и русскую историю (последнюю по Карамзину). Учились музыке, причем всерьез: тетка сама была неплохой пианисткой, поэтому племянники не только овладели фортепьяно, но стали позже непременными участниками музыкальных вечеров, проводившихся в доме для близких и гостей.

Детство и отрочество Алексея Брусилова и его братьев прошло в Кутаиси, где продолжал служить дядя. Прекрасные, цветущие долины, благодатный климат Грузии, ее гостеприимный и гордый народ, веселые игры со сверстниками — все это создавало поистине замечательные условия для полного мальчишеского счастья. Но не только. Пушкин, оспаривая известную поговорку, что несчастья, мол, учат, сказал с присущей ему глубиной суждений: «Говорят, что несчастье — хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет». Детство Алексея Брусилова прошло в истинном счастье, и это стало лучшим его детским университетом. Именно в детстве — детстве счастливом, радостном, полном разностороннего учения и полезных забав, в счастливой, доброй семье — заложились положительные основы характера будущего воителя и патриота.

Семейные традиции властно вели его собственную судьбу, и у него, как и у младших его братьев, не имелось ни малейшего сомнения в том, какой жизненный путь предстоит им избрать. В воспоминаниях знаменитого полководца есть строки, сказанные вроде бы мимоходом, но полные для нас глубокого смысла: «Самым ярким впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны. Многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных».

Алексею было всего четыре года, когда отец зачислил его в Пажеский корпус. Однако целых десять лет будущий паж пребывал в доме дяди, и только летом 1867 года его отвезли в Петербург. Здесь четырнадцатилетнему подростку предстояли экзамены в объеме начальных классов гимназии, он выдержал их успешно, особенно отличившись в иностранных языках. Его зачислили прямо в третий класс. Так со 2 ноября он сделался воспитанником самого привилегированного военно-учебного заведения в тогдашней России.

Пажеский корпус был основан еще при Елизавете Петровне в 1759 году, замышлялся он как придворная дворянская школа, где молодые люди готовились как для гражданской, так и для военной службы. Но с 1802 года направленность обучения в корпусе несколько изменилась и более уже оставалась без существенных перемен сто с лишком лет. Главной целью Пажеского корпуса стала подготовка офицерских кадров для русской гвардии. В ту пору и вплоть до 1917 года гвардейские полки считались особым родом войск: шефами полков являлись особы царствующего дома, офицеры — из числа родовитого дворянства, солдаты — наиболее рослые и крепкие среди призывников.

Алексей Брусилов и его семья не принадлежали к родовитому дворянству, они были из числа «служилых», из тех, что выдвинулись в эпоху Петра Великого, но заслуги Брусиловых в течение почти полутора веков русской военной истории обеспечивали старшему их потомку место в привилегированном учебном заведении. По уставу в число пажей могли зачисляться только сыновья и внуки лиц «первых трех классов» (по тогдашней табели о рангах), то есть дети военных или гражданских генералов и соответствующих им придворных чинов. Корпус размещался в роскошном здании на Садовой улице, близ Невского проспекта (теперь там Ленинградское суворовское училище). Обычно переход от теплоты семейной жизни к строгому военному распорядку проходит болезненно. Однако у Алексея имелось в натуре то, что называется «военная косточка». Он легко и охотно принял казарменный быт, суровые, порой

жесткие законы мужского военного братства, без напряжения привыкал к армейской дисциплине и послушанию. Стало быть, он действительно оказался прирожденным военным.

Надо отметить, что уровень преподавания и воспитания в Пажеском корпусе был в ту пору довольно высок. Образовательная программа отличалась разносторонностью и широтой: воспитанники изучали — помимо, разумеется, чисто военных предметов — географию, историю, естествознание, рисование, русский и иностранные языки. Преподаватели в корпусе подбирались из числа самых известных и уважаемых в столице, нередко там работали профессора Петербургского университета и других высших учебных заведений. Кстати, требовательность к воспитанникам никакими послаблениями не смягчалась, ленивцев и повес наказывали, а порой и отчисляли. Строгую требовательность эту Брусилову пришлось вскоре испытать на себе.

В каждом классе имелся свой воспитатель, наблюдавший за поведением и нравственностью подопечных юношей. Среди этих воспитателей преобладали люди опытные и любящие свое дело. Сохранились в Военно-историческом архиве характеристики, которые регулярно составлялись о каждом воспитаннике, выражая действительные особенности юной личности, направления в развитии характера.

Вот, например, как точно обрисован пятнадцатилетний Алексей Брусилов: «Характера резвого и даже шаловливого, но добр, прямодушен и чистосердечен, никогда не скрывает своих дурных сторон и не хвалится хорошими, как к своей, так и к чужой собственности имеет полное уважение, к одежде всегда опрятен и бережлив. В разговоре несколько грубоват и резок, развит хорошо. Способности тоже хорошие, но любит лениться, а потому и успех только что порядочный».

Присмотримся повнимательнее к этой очень живой характеристике. Отметим: «добр, прямодушен и чистосердечен». Надо получше запомнить эти бесхитростные, но точные слова: юный воспитанник Пажеского корпуса наделен был этими качествами в той же мере, как и знаменитейший позже полководец Брусилов. Еще: «развит хорошо», «способности хорошие», однако «ленится»; неудовлетворительная характеристика, хоть и прикрыта добродушными ссылками на способности, ведь главное здесь — леность. Порок наисущественнейший. Увы, слишком многие утешаются зыбкой формулой «способный, но ленивый».

Так продолжалось, надо признать, довольно долго. В следующем, четвертом классе он занимался опять-таки кое-как,

его причислили к «разряду удовлетворительных». В пятом дело пошло еще хуже. В характеристике говорится: «Заниматься стал очень слабо». И чуть позже: «Курит и вошел в товарищеский кружок шалунов». (Заметим, что в ту пору в русском языке слово «шалун» имело несколько иной смысл, чем ныне, приближаясь к значению «сорванец» и т. п.) Итог оказался, как и положено, плачевным: Алексей не выдержал годовых испытаний, его оставили в пятом классе на второй год…

Все это сулило грозные перспективы нерадивому кадету, но… Но, к своему счастью, юный Брусилов получил в столице лишь поверхностную болезнь. Об этом можно судить твердо, ибо сохранились развернутые характеристики его опытных педагогов. Вот одна, составленная в самое неудачное время для будущего генерала: «В поступках прям и верен самому себе; благоразумен и поэтому сговорчив; когда говоришь с ним о его заблуждениях — его трудно заставить, но легко убедить. Добр — простит обиду и поможет».

Не сохранилось, к сожалению, ничего, что бы могло рассказать о внутреннем мире Брусилова-подростка: ни дневников его, ни писем, ни рассказов близких. Можно лишь засвидетельствовать по чисто внешним приметам, что в шестнадцать-семнадцать лет он переживал какую-то душевную невзгоду. Отсюда вся нервозность поведения, рассеянность (ее преподаватели толковали как леность), шалость и печальный итог всего — второгодничество. Нет сомнений, что то была опасная, можно сказать даже, критическая точка в его судьбе. Сможет ли он взять себя в руки, подтянуться, проявить необходимейшую для всякого военного строгую самодисциплину? Или…

Он провел год в Кутаиси, у дяди. Видимо, много пережил душевно за это время, много занимался. Подробности неизвестны, но очевидно, что он вернулся в корпус другим человеком: собранным и подтянутым. Сразу сдал экзамен не только за пятый класс, но и за следующий — тот, который он пропустил. Теперь дело пошло куда лучше. В старшем, выпускном классе занятия шли уже исключительно по военному делу, а Брусилов занимался им с большой охотой. Много сил он отдавал упражнениям в кавалерийской езде, которую очень любил.

Итак, летом 1872 года настал долгожданный час выпуска и производства в офицеры. Пажеский корпус готовил своих питомцев в основном для службы в гвардии. Но правила были строги, и тех, кто успевал похуже, могли направить в армейские части. Алексей Брусилов оказался в числе последних, но решающее значение имели тут не его ученические грехи, а нечто более серьезное и прозаическое. Позже он признался в том

лаконично и прямо: «В гвардию я не стремился выходить вследствие недостатка средств». Да, так. Молодому офицеру гвардии полагалось (не по уставу, конечно) вести жизнь на широкую ногу, а стоила такая жизнь в Петербурге баснословных денег.

Молодой прапорщик Алексей Брусилов выбрал местом службы 15-й Тверской драгунский полк. Выбор был продуман: во-первых, он страстно любил кавалерию, а во-вторых, полк стоял в Закавказье, невдалеке от Кутаиси, где жили родные ему люди.

Девятнадцатилетний прапорщик был упоен своим новым положением: он офицер, да еще офицер-кавалерист, он избавлен от мелочной опеки ученичества, ему открыты, как казалось, все радости мира. Вспомним, как начал свою офицерскую службу ровесник Брусилова, герой «Капитанской дочки» Петр Гринев. Он по пути к месту назначения выпил со случайным попутчиком, охмелел с непривычки и проиграл в бильярд сто рублей — сумму по тем временам баснословную. Пушкин точно изобразил настроения и повадки новоиспеченного офицера-дворянина — примеров, подобных описанному, в реальной истории предовольно.

Так точно случилось и с Брусиловым: «Вернувшись опять на Кавказ, уже молодым офицером, я был в упоении от своего звания и сообразно с этим делал много глупостей, вроде того, что сел играть в стуколку с незнакомыми людьми, не имея решительно никакого понятия об этой игре, и проигрался вдребезги, до последней копейки. Хорошо, что это было уже недалеко от родного дома, и мне удалось занять денег благодаря крестнику моего дяди. Я благополучно доехал до Кутаиса».

Как видно, ничто тут не изменилось за сто лет: Брусилов не первый и не последний.

На исходе лета 1872 года он благополучно прибыл в свой полк — первое место службы. Он стал кавалерийским офицером, драгуном.

Драгуны — один из родов кавалерии, причем наиболее поздний из всех других (об этом чуть ниже). И поскольку сам Брусилов всю жизнь был кавалеристом — и не только по роду службы, но и по сути своей натуры, — то здесь следует сказать хотя бы несколько слов о роли кавалерии в военной истории.

Слов нет, пехота старше, нежели конные войска. Велись между древними народами уже долгие, большие войны, а лошадь еще не была приручена. Первым боевым использованием коня стала колесница: легкая двухколесная повозка с одним или — реже — несколькими воинами. Все хорошо знают такие изображения в древнеегипетских росписях, ведь в Египте полки

колесничих стали главным видом вооруженных сил, сами фараоны выходили в бой на колесницах.

Кавалерия в привычном для нас облике, то есть как отряды вооруженных всадников, появилась также в глубокой древности у кочевых племен. Самые, пожалуй, знаменитые из них — наши далекие соотечественники скифы. Основным оружием их было не копье и сабля, а лук со стрелами, то есть средство дальнего боя. И это не случайность, а закономерное следствие уровня тогдашней техники: люди еще не придумали стремян, ездили «охлюпкой», без опоры на стремена крепко держаться в седле невозможно, а значит, нельзя успешно владеть оружием ближнего боя — трудно нанести сильный удар и при этом не упасть с коня.

Отсутствие стремян было причиной относительной слабости конницы в античном мире. Вспомним, что в армиях греков и римлян главной ударной силой стала тяжеловооруженная пехота. Не знал древний мир и подковы — это значит, что кавалерия была ограничена в своих передвижениях, лошади легко сбивали копыта, особенно на твердом грунте. Александр Македонский, Ганнибал и Цезарь хоть и были сами прекрасными наездниками, но прославились успехами прежде всего своей великолепной пехоты.

Расцвет кавалерии произошел в средние века. И на Востоке, и на Западе конница стала главной боевой силой, а пехота чуть ли не вспомогательными войсками. В Западной Европе основой армии сделалась тяжелая рыцарская конница, сильно вооруженная, но малоподвижная. Напротив, на Востоке (например, у арабов или татаро-монголов) сложился иной тип кавалерии — легкой и подвижной, главное оружие которой — искривленный меч, сабля (впоследствии она стала принадлежностью почти всех конных войск). Во время крестовых походов и при нашествии татаро-монголов на Польшу, Чехию и Венгрию оба вида кавалерии столкнулись. Эти столкновения закончились в общем-то в пользу легкой и подвижной кавалерии Востока.

В старой Руси сложился свой тип вооруженных сил, где был равно использован опыт Запада и Востока. Войска Киевской Руси, а позже и Московского царства имели более тяжелое вооружение, чем легкая конница степняков, но подвижность русской кавалерии была куда выше, чем у западных рыцарей. В этом одна из причин, что наши предки успешно отразили наступление отборных армий захватчиков, вторгавшихся на Русь как с Востока, так и с Запада.

Развитие огнестрельного оружия подняло значение пехоты, но отнюдь не отменило роль конницы. Тогда же встал вопрос: как

сочетать коня и ружье? Ведь на скаку, с седла не попадешь в цель из тяжеленного мушкета… Военная практика вскоре подсказала решение, и тогда-то появились драгуны. Происхождение этого слова неясно, зато точно известно время и место рождения. В конце XVI века французская армия вела кампанию в Италии. И вот маршал Бриссак догадался посадить пехотинцев на лошадей, чтобы срочно перебросить их в необходимом направлении; у заданной цели новоявленные кавалеристы спешились и повели бой, как им положено, в пешем строю. Маневр Бриссака оказался неожиданным и успешным.

Как все истинно ценное и новое, опыт этот получил быстрое распространение. В XVII столетии драгунские части появляются во всех европейских армиях. В 1631 году первый драгунский полк был сформирован в России, сформирован из иностранцев; опыт оказался неудачен. Как и многое другое в русской военной истории, наши драгунские полки ведут свою настоящую историю со времен Петра Великого. Именно тогда, во времена Полтавы и походов в Германию и Персию, где еще никогда не вндали дотоле русских знамен, именно в ту пору российская кавалерия состояла почти сплошь из драгунских полков. Это понятно. Смелые и решительные войны Петра отличались размахом и маневром, а поэтому, коли пришла нужда. — пехоту на коня! Всадников в пешие шеренги! «А о Петре ведайте, что жизнь ему недорога, жила бы только Россия!»

Тогда же, то есть при Петре, в 1703 году, возник Тверской драгунский полк. История его известна довольно хорошо, и это долгая, славная и очень интересная история. Не место излагать ее здесь, как и рассказывать о роли драгунских войск в русской армии: тут тоже возникали свои моды и пристрастия, в течение капризного XVIII века драгунские полки то спешивались и становились карабинерами, то, напротив, «утяжелялись» и превращались в кирасир. Но с начала XIX века драгуны опять стали существенной частью кавалерии, а полк, в котором начал свою службу молодой Брусилов, участвовал почти во всех военных кампаниях, что вела Россия с 1812 года.

Итак, Тверской драгунский полк появился еще до Полтавской победы. Военные люди всегда любят историю своих частей и подразделений, гордятся ею. В русской армии почти обо всех именитых полках создавались исторические описания, есть они (хоть и не слишком обширные) и о тверских драгунах. Юному прапорщику Алексею Брусилову, как и его однополчанам, старшим и младшим, было чем гордиться.

Обстановка в Закавказье в ту пору оставалась вполне спокойной. Долгая и кровопролитная война с горцами Шамиля

закончилась. В августе 1859 года грозный некогда имам сдался войскам генерала Барятинского в ауле Гуниб. С тех пор опасные набеги мелких феодальных князьков в грузинские и кубанские долины прекратились. Мир царил и на русско-турецкой границе. Впрочем, то следовало бы назвать скорее длительным перемирием: правящая верхушка Османской империи по-прежнему мечтала вернуть под свою власть народы Кавказа.

Части русской армии, которые несли службу в Кавказском военном округе, имели прекрасный боевой опыт и традиции. Они приучены были действовать в той своеобразной местности, где горные кручи соседствовали с цветущими равнинами, а холод заснеженных ущелий с полуденным зноем долин. Большинство офицеров и старослужащих солдат хорошо научились применяться к особенностям театра военных действий, имели достаточную воинскую закалку. Кстати, и это немаловажно, многие из них знали языки местных народов, их обычаи и нравы.

Тверской драгунский полк уже давно располагался в Закавказье. Офицеры отличались немалым боевым опытом, в особенности старшие по возрасту, ветераны войны с Шамилем. Младшие по-возрасту офицеры ревниво берегли традицию.

15 августа 1872 года прапорщик Алексей Брусилов представился командиру тверских драгун полковнику Мейендорфу Богдану Егоровичу. То был пожилой вояка, добродушный и благожелательный, из давно обрусевших немцев. Он тепло принял новоиспеченного офицера, хриплым басом сказал несколько приветственных слов и поручил полковому адъютанту позаботиться об его устройстве. Это произошло в Тифлисе, когда драгуны прибыли из летних лагерей. Брусилов был назначен младшим взводным офицером в 1-й эскадрон.

Служба оказалась для молодого офицера увлекательной, интересной и даже приятной. В частях Кавказского округа не очень-то мучили личный состав строевой муштрой и нарядами. Офицеры, особенно молодые, жили довольно-таки вольготно. Высокое начальство находилось далеко, командиры частей смотрели сквозь пальцы на проделки их младших сослуживцев, к тому же вокруг Кавказ со всеми своими соблазнами: южной природой, прекрасным вином, вековыми обычаями веселого застолья. А в Тифлисе — театры, изысканное общество, балы и званые вечера, на которых офицерская молодежь всегда являлась самыми желанными гостями.

Юный Брусилов легко вошел в новую для него жизнь. Общительный, скромный и приветливый, он быстро сошелся со своими новыми товарищами. Принимал участие в развлечениях, но меру соблюдал, что оказалось весьма кстати. Увы, немало его

сотоварищей, старших и младших, злоупотребляли обычаями кавказского застолья, проще говоря, пили излишне много. На это окружающие смотрели тогда сквозь пальцы, что приводило порой к плачевным последствиям. К счастью, этого рокового для русского человека соблазна Брусилов полностью избежал. Ни в молодости, ни тем более в зрелые годы никакого пристрастия к вину он не испытывал. Но застольного веселья не избегал, товарищей не сторонился.

Большинство офицеров-драгун жили жизнью пестрой, бивачной. Почти все оставались холосты, а потому беспечны в быту. Очень почитали оперетку: «в лагере жили в палатках, и к вечеру все, кроме дежурного по полку, уезжали в город» (то есть в Тифлис), вспоминал позже Брусилов. Впрочем, надо признать, что тамошняя оперетта была по тем временам сравнительно недурной. Ну-с, а после спектакля само собой: «кончали мы вечер, обычно направляясь целой гурьбой в ресторан гостиницы «Европа», где и веселились до рассвета». Отметим, что в компании Брусилова и его товарищей оказалось все же немало интересных людей, назовем Александра Сумбатова (Южина) — в ту пору совсем еще юношу (он младше Брусилова), а позже известнейшего русского актера и драматурга, директора Малого театра.

Офицеры кавказских частей ревниво блюли традиции, в том числе и сомнительные. К числу последних принадлежало дуэлянтство. Позже Брусилов просто и прямо вспоминал: «Времена Марлинского, Пушкина, Лермонтова были от нас сравнительно еще не так далеки, и поединки, смывавшие кровью обиды и оскорбления, защищавшие якобы честь человека, одобрялись людьми высокого ума и образования. Так что ставить это нам, зеленой молодежи того времени, в укор не приходится».

В ту пору дуэли в военной среде оставались весьма распространенными. Строго говоря, в России они тогда законом запрещались, даже карались (по уложению 1845 года). Но как карались?.. За «правильную», так скавать, дуэль, то есть с соблюдением неписаных, но весьма популярных предписаний «дуэльного кодекса», полагалось по закону наказание от 7 дней до 6–8 лет заключения в крепости. Как видно, разница в крайних пределах наказания поразительно велика: неделя ареста или многолетнее заключение — отличие громаднейшее! И надо сказать, что военные власти смотрели на дуэльные дела весьма снисходительно, длительные сроки заключения применялись в исключительных случаях, обыкновенно тогда, когда дело оказывалось нечистым, то есть опять-таки с нарушением «дуэльного кодекса».

Естественно, что так называемый запрет дуэлей и фактическая безнаказанность участников только способствовали их распространению. В воспоминаниях Брусилова скупо, но выразительно рассказывается о подобных происшествиях в их полку. Причины дуэлей были пустяковыми, просто вздорными, а кончались порой трагически. Сам Брусилов по уравновешенному своему характеру и полному отсутствию заносчивости ссор кровавых не затевал, но ему однажды случилось стать секундантом. Дело кончилось худо: в итоге бессмысленного (по пьяному делу) скандала один офицер убил на дуэли другого. Поскольку случай оказался из ряда вон выходящим, всех участников наказали.

В послужном списке Брусилова появилась следующая запись: «По решению главного военного суда от 22 августа 1874 г. за принятие на себя обязанностей быть посредником поединка, окончившегося смертью одного из противников, присужден был к содержанию год арестом на Тифлисской главной гауптвахте на два месяца». Порядочный срок наказания для секунданта, надо признать. Подобное могло бы существенно повлиять на дальнейшую судьбу молодого офицера, но… В той же записи вслед шла в высшей степени примечательная фраза: «Наказание это не велено считать препятствием к наградам и преимуществам по службе». Значит, наказать-то наказали, но отнеслись со снисхождением. Простительная, мол, слабость — дуэль.

Служба Алексея Брусилова в Тверском драгунском полку меж тем протекала вполне благополучно, но и ничем примечательным не отмечалась. Служба как служба, не хуже и не лучше, чем у других. Рассказывать тут особенно нечего.

Позже генерал Брусилов описал обстановку, окружавшую прапорщика Брусилова, в следующих нелицеприятных словах: «Мы не блистали ни военными знаниями, ни любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного, хотя Кавказская война привлекала на Кавказ немало людей с большим образованием и талантом. Замечалась резкая черта между малообразованными офицерами и, наоборот, попадавшими в их среду людьми высокого образования».

Ясно, что молодой Брусилов принадлежал к малообразованному большинству. Увы, среда, его окружавшая, не способствовала развитию, а сам он был еще слишком юн, несамостоятелен.

И все же «военная косточка» в его характере сказывалась. Дисциплину он не нарушал, на службу не опаздывал, а главное — страстно любил само военное дело, саму армейскую жизнь. Ведь

для многих бытовая армейская неустроенность, постоянные перемещения, порой неожиданные, все эти резкие перемены обстановки могут оказаться невыносимыми, не выдержит такого иной человек, затоскует. Брусилов же с радостью отдавался напряженной повседневности армейского быта. Ему нравилось проводить занятия с драгунами своего взвода. Он обожал лошадей и верховую езду, охотно учился у седоусых ветеранов тысячелетней мудрости обхождения с конем. Словом, служил в охотку.

Старшие не могли этого не заметить. Уже через полгода после зачисления в полк Брусилов был назначен на должность адъютанта полка, то есть нечто вроде распорядителя по штабу, пост, требующий аккуратности, дисциплины и такта. Всем этим он обладал в полной мере, с делом справлялся, и 2 апреля 1874 года его произвели в поручики (старший лейтенант по-современному). Правда, пока он лишь исполнял обязанности полкового адъютанта, ибо нельзя было назначить на такую сравнительно высокую должность прапорщика; теперь же его представили на утверждение. Тут некстати произошла скандальная дуэль, утверждение задержали. И только 14 июня 1875 года поручик Брусилов по всей форме сделался адъютантом Тверского драгунского полка.

Ему исполнилось двадцать два года. Офицерская юность благополучно миновала, были приобретены некоторые опыт и практические командные навыки. Не хватало знаний, военного образования, но это дело наживное. Но самое основное — не хватало главнейшего опыта для всякого офицера: сурового опыта войны.

ПОРУЧИК БРУСИЛОВ В ПОХОДЕ ПОД ЭРЗЕРУМ

В старину — а стариной для нас стал уже прошлый век, да и начало нынешнего — принято было считать, что каждый офицер переживает две войны — одну в юности, другую в пожилом возрасте. Вряд ли эта арифметическая примета всегда справедлива, но примета была. И биография Алексея Алексеевича Брусилова полностью тому соответствует.

Первой войной для него, двадцатичетырехлетнего поручика 15-го Тверского драгунского полка, стала русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Сто лет тому назад Османская империя, ныне уже не существующая, охватывала гигантское пространство от Ливийской пустыни до Персидского залива, включая в себя — тогда не существовавшие еще — Болгарию, часть Югославии и Греции, Сирию, Палестину, Иорданию, Ирак, часть Аравии… Разноязыкая и разноликая империя эта сложилась в ходе завоеваний турок-османов в XIV–XVI веках и отчасти в XVIII веке. Сравнительно малочисленная группа турецкой феодальной знати в ходе кровавых войн получила власть над миллионами арабов, курдов, армян, греков и славян.

Османские феодалы, фанатичные и невежественные, вели самую примитивную грабительскую политику в отношении покоренных народов. Экономика цветущих некогда государств пришла в расстройство, а культура, искусство пребывали в состоянии глубочайшего упадка. Османские захватчики ничего положительного не принесли другим народам, как это порой бывает в истории: ни новых методов земледелия или хозяйствования, ни более совершенной техники, ни более высокой культуры.

Османским феодалам свойствен был свирепый мусульманский фанатизм. Естественно, что народы других вероисповеданий испытывали особый гнет. Фридрих Энгельс справедливо отмечал в свое время, что «славяне в Турции особенно сильно страдают от гнета военных оккупантов-мусульман, которых они должны содержать»[2]. Совершенно верно, особенно если прибавить к славянам многочисленное армянское население, проживавшее тогда в пределах Османской империи.

Управление гигантской этой империей строилось на самом простейшем, явном и грубом грабеже покоренных народов (как,

впрочем, и трудящихся турецкой национальности тоже). Во главе каждой области стоял паша — полновластный наместник стамбульского султана, он собирал налоги в пользу султанской казны и — каждый в меру способностей — в свою собственную пользу. Делалось это с рабовладельческой грубостью и разбойничьей жестокостью. Болгарский революционер Христо Ботев писал в ту пору: «Мы — рабы… Мы не можем даже сказать, что голова, которая у нас на плечах, принадлежит нам». Горькие слова эти полностью справедливы, ибо турецкие наши были полновластными владыками не только имущества, но и «головы», то есть жизни, любого из покоренных. И головы с непокорных плеч слетали очень и очень часто…

Естественно, что славянские народы Балканского полуострова и армяне Малой Азии обращали свои надежды к России. Османские феодалы не только грабили и унижали их, они стремились к большему — уничтожить культуру, родной язык, народные традиции и обычаи, веру отцов. А именно в России были близкие славянским народам язык и культура, греки и армяне исповедовали ту же веру, что и русские, большая часть Армении уже давно добровольно присоединилась к России, и жители ее не ведали национального унижения и гнета.

С конца XVII столетия Россия неоднократно вела войны с турецкими захватчиками. От ига османских феодалов к середине XIX века были освобождены обширные области Южной Украины, Северный Кавказ, Кубань, Закавказье, Бессарабия, получила независимость Румыния. В общем, эти войны со стороны России имели справедливый характер: каковы бы ни были в каждом отдельном случае замыслы и намерения царизма, объективно удары по грабительской Османской империи способствовали освобождению многочисленных угнетенных народов. Вот почему — и справедливо — эти угнетенные народы видели в образе русского воина своего грядущего освободителя и мстителя за вековые унижения и страдания; такие чувства в равной мере испытывали славяне, греки и армяне.

Русско-турецкая война, о которой пойдет речь, была названа войной освободительной. Это в целом верно. Каковы бы ни были намерения и планы правящих кругов России, народные массы страны выражали свои чувства ясно и определенно, а именно это в конечном счете и сыграло главную роль. Одна из русских газет писала в ту пору: «Со всех концов России получают заявления, что наиболее щедр к пожертвованиям простой, бедный, неимущий класс людей. Рабочие на фабриках и заводах работают по праздникам и весь свой заработок отдают в пользу славян». Речь шла о сборах в пользу восставших сербов, черногорцев и болгар.

И таких известий было множество.

Немало русских граждан изъявляло желание добровольно отправиться на Балканы и влиться в боевые части славянских повстанцев. В числе их были люди самых различных социальных слоев и самых разных убеждений. Характерно, что освободительное движение славянства горячо поддержали известный революционер Петр Кропоткин и ряд его единомышленников — Андрей Желябов, например, и многие другие. Сотнями готовились к отъезду офицеры, как отставные, так и находящиеся на военной службе, а также множество самых что ни на есть гражданских людей, никогда досель не державших в руках оружия. Всеми ими двигала только одна бескорыстная цель — помочь славянским братьям, попавшим в тяжкую беду.

Царское правительство колебалось, оно шло на войну неохотно, царь Александр II и его наиболее значительные министры Горчаков и Милютин боялись вступать в конфликт с Турцией и стоявшей за ней Англией. Только под давлением общенародного мнения царизм выступил в защиту славян.

Выступил лишь тогда, когда все средства мирного решения кровавого конфликта на Балканах были отвергнуты турками. Причина султанской дерзости легко объяснима, это не было и тайной для современников: интриги английской буржуазии, давнего врага России. Корыстные и циничные цели британской политики точно выразил один из тогдашних турецких дипломатов: в Лондоне всеми силами искали «способ развязать войну между Россией и Турцией, чтобы по окончании ее России, одержавшей победу, но измотавшейся, потребовался бы целый ряд лет, чтобы оправиться и снова взяться за распространение своего влияния в Азии».

…В те не очень-то в общем давние, по уже кажущиеся бесконечно от нас далекими времена войны начинались неспешно. «Внезапное нападение» — одно из не очень приятных изобретений XX века, эпохи кровавых империалистических злодейств; сомнительная честь подобного «открытия» принадлежит японским самураям, без объявления войны напавшим на русский флот в Порт-Артуре в 1904 году. Но молодой поручик Алексей Брусилов пока еще жил в благопристойном и добропорядочном XIX столетии. Тогда о предстоящей войне загодя велись дипломатические переговоры, о них судачила печать, велись бесконечные споры в парламентах, в кафе, в дворянских и купеческих клубах, просто на улицах.

Брусилов и другие молодые офицеры не очень-то интересовались политикой, да и плохо разбирались к ней, однако служили они на Кавказе, в пограничном округе, а по ту сторону

границы — Турция. Весной и летом 1876 года, как обычно, к вечеру офицеры уезжали из лагерей в город. Читали местные тифлисские газет и, обсуждали новости. Новости эти были не такие уж свежие, Петербург далеко, но все же приближение надвигавшейся военной грозы ощущалось явно. Турки свирепо подавили волнения в Болгарии и других славянских землях. Газеты сообщали ужасающие подробности расправ с пленными и мирным населением. Началась война между Османской империей и крошечной Сербией. Ясно, говорили офицеры, что сербам не удержаться, тогда уж придется нам выступать им на помощь…

А знойное кавказское лето было в разгаре, а оперетта все так же гремела, а ресторан гостиницы «Европа» все так же гостеприимно принимал по вечерам господ офицеров. Но вот…

2 сентября командир полка получил телеграмму из Тифлиса, от начальника штаба Кавказского военного округа: полку надлежало немедленно выступить в лагерь на русско-турецкой границе. В ту пору даже по военной тревоге сборы были неспешные: пока уложили на подводы полковое имущество, собрались, срочно перековали и переседлали коней, перебрали амуницию…

У Брусилова было особенно много хлопот, ведь ему надлежало отвечать за все штабные и хозяйственные дела полка, а это порядочно, ибо следовало подготовить к походу четыре эскадрона, то есть пять сотен без малого всадников, нестроевую, то есть обслуживающую, роту (двести с лишним человек), полковой обоз, штаб и многое другое, что не числится в штатном расписании, но составляет непременную принадлежность армейской жизни. Скажем, полковые любимцы, не очень-то породистые Полкан и Балкан — как с ними быть? Ведь не бросать же их… Однако собрались, хлопоты были закончены. 6 сентября поутру весь полк по стародавнему обычаю отслужил молебен и поэскадронно двинулся по узкой извилистой дороге на Тифлис.

У России были основания укреплять свои силы на турецкой границе. В сентябре 1876 года не удалась попытка петербургских дипломатов договориться с другими великими державами, чтобы без войны заставить султана предоставить автономию славянским народам. Более того: 17(29) октября сербские войска были разбиты превосходящей по численности турецкой армией. Над сербским народом нависла угроза страшного истребления.

Султанское правительство, чувствуя поддержку Англии, отказывалось от всяких переговоров с Россией, явно провоцируя войну. Зверства на Балканах продолжались, как продолжались и бесполезные дипломатические переговоры. Правительство нерешительного Александра II колебалось. Была объявлена даже

мобилизация как средство давления на Константинополь (малой частью этих мер и стал перевод брусиловских драгун на границу). И это не помогло. Даже в марте 1877 года русские дипломаты объехали Берлин, Лондон, Париж и Вену — снова тщетно. Петербургское правительство стало перед выбором: или война, или полная потеря влияния России на Балканах и на всем Ближнем Востоке. 12(24) апреля Россия объявила Турции войну. Началась десятая по счету русско-турецкая война.

В своих воспоминаниях Брусилов пишет, что офицеры «пламенно желали» войны, «в особенности нетерпеливо рвались в бой молодые офицеры, наслушавшиеся вдоволь боевых воспоминаний от своих старших товарищей, участвовавших в турецкой войне 1853–1856 годов и кавказских экспедициях». В чем же причина была этого воодушевления? Брусилов прямо и нелицеприятно объясняет, что для большинства его товарищей-офицеров привлекательна «была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, денежное содержание увеличивается, а вдобавок дают и награды.

Что же касается низших чинов, — продолжает Брусилов, — то, думаю, не ошибусь, если скажу, что более всего радовались они выходу из опостылевших казарм, где все нужно делать по команде; при походной же жизни у каждого большой простор. Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело царево — решать, а наше — лишь исполнять. Насколько я знаю, такие настроения и мнения господствовали во всех полках Кавказской армии».

Оценка эта и справедлива, ибо подобная ограниченность понимания была свойственна не только Кавказской армии, и самокритична: поручик Алексей Брусилов тоже не слишком-то глубоко понимал тогда смысл происходивших событий, да и не очень и вникал в них: дело драгун рубить врагов, а что там, как там — не нашего ума дело… до бога высоко, до царя далеко. Пики к бою, шашки наголо, вперед марш-марш, «ура!» — вот и вся тут наука.

Здесь следует разобраться. В наше время кажется немыслимым, чтобы солдаты или тем паче офицеры не представляли бы себе смысл и задачи той службы, которую они несут. Меж тем в старой России было именно так. Никто из высшего армейского руководства или его представителей не попытался даже объяснить поручику Брусилову и его товарищам, а тем более солдатам — «низшим чинам» по пренебрежительному наименованию тех лет, почему началась война с Османской империей, какие цели стоят перед русской армией, перед родиной в целом. Даже офицерскому корпусу не прививалась

необходимость хоть какого-то политического осмысления происходящего.

Воспитание воинов строилось на самом простецком принципе: верность престолу и отечеству, а все прочее — от лукавого. Причем не случайно «престол» тут был поставлен впереди «отечества»: вся нехитрая «политическая работа», которая хоть как-то проводилась в старой русской армии, именно так и строилась. Младший современник Брусилова и его полный тезка, тоже офицер, граф Алексей Алексеевич Игнатьев в своей известной книге «Пятьдесят лет в строю», касаясь данной темы, писал, что в офицерах стремились воспитать прежде всего верность царствующей династии, а не долг перед родиной.

Так возникала и закреплялась среди офицерского корпуса ограниченность и даже неразвитость в понимании самых важных общественных вопросов. И это не могло не ослаблять армию России как военный организм. Всем памятен купринский «Поединок», где описывается некультурный, бездуховный офицерский быт в начале нашего века. Безусловно, что молодой писатель, увлеченный тогда либерально-прогрессивными настроениями, несколько пересолил по части мрачных красок, в чем и сам позже признавался, однако узость понимания жизни была общим свойством старого нашего офицерства. Свойственно это было в полной мере и поручику Брусилову. То нельзя поставить ему в вину, но бедой его, безусловно, являлось, и не только его. И много лет спустя, в пору суровых революционных потрясений, беда эта стоила многим очень-очень дорого, а прозрение и понимание давались куда как нелегким опытом.

…Тверской драгунский полк прибыл на турецкую границу в конце сентября и расположился на зимние квартиры в районе города Александрополя (ныне Ленинакан Армянской ССР). К войне готовились энергично. Более всего Брусилов занимался лошадьми, в условиях суровой и капризной горной зимы содержать их было нелегко. Настроение его было бодрое, как и все молодые офицеры, он радовался, что рутина казарменной жизни кончилась, что нет более плацпарада, что близится настоящее живое дело — война.

Полк Брусилова вошел в состав 1-й кавалерийской дивизии (вместе с еще одним драгунским и тремя казачьими полками; обычно в русской кавалерийской дивизии имелось несколько полков различного тактического применения: так, казаки были более легкой и более маневренной кавалерией, нежели драгуны, зато последние более пригодны к действиям в сомкнутом строю — основном тогда виде конного боя). 1-я дивизия входила в состав главных сил Кавказской армии, командовал которыми

генерал М. Т. Лорис-Меликов. Обходительный, ловкий, с хорошо подвешенным языком, что редко бывает среди военных, он впоследствии сделал головокружительную карьеру, став правой рукой стареющего Александра II. А в ту пору это был заурядный генерал, никакими дарованиями, кроме вышеуказанных, не отмеченный.

В апреле 1877 года война наконец началась. Как известно, военные действия велись на двух театрах — Балканском и Кавказском. Кавказский был второстепенным, он находился на периферии Османской империи, располагался в горных районах, с редкой сетью дорог и редким сравнительно населением. Иное дело — Балканский полуостров, точнее — та его часть, которая ныне составляет территорию Румынии, Болгарии и европейской Турции. Здесь находились кратчайшие пути к турецкой столице — Стамбулу, здесь пролегала густая сеть дорог, тут легче было сосредоточить и снабжать крупные войсковые подразделения. Вполне закономерно, что оба противника считали этот театр главнейшим и именно здесь сосредоточили основные боевые силы.

Будучи второстепенным, Кавказский участок фронта отнюдь не должен был оставаться с русской стороны в пассивном состоянии. Напротив, тут предполагались решительные, причем именно наступательные действия. Русские стратеги так формулировали задачи здешних сил: «Конечная цель наших военных действий находиться не в Азиатской Турции, а на Балканском полуострове. Цель эта будет тем ближе достигнута, чем больше турецких сил мы привлечем против себя и чем больше займем пунктов и пространства в Азиатской Турции… Наиболее важными и выгодными пунктами для занятия представляются Карс и Эрзерум, и все возможное должно быть сделано, чтобы ими овладеть».

Сейчас безусловно очевидно, что и стратегическое и тактическое решение оказалось тут правильным. Наступать вдоль турецкого побережья Черного моря мы не могли ввиду полного господства флота противника: после поражения России в Крымской войне западные державы навязали ей унизительное условие, запрещавшее держать военный флот в Черном море; в 1870 году Россия порвала это соглашение, но флот создать не успела. Кратчайшим же расстоянием в глубину страны было оперативное направление Карс — Эрзерум. Здесь не первый раз уже воевали русские и турецкие войска. Почти полвека тому назад Александр Пушкин побывал в этих местах, его «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» дает прекрасное описание тамошней природы, военного быта на

горных дорогах и биваках, сцены боев и схваток. Кстати, и способы войны за эти полстолетия существенно не изменились, так что с малыми поправками пушкинские картины могут быть отнесены и к брусиловскому времени.

Всего к началу войны Кавказская армия насчитывала 95 с половиной тысяч бойцов — несколько больше, чем у турок. В горной, труднопроходимой местности и при плохой тогда связи эти силы были разбиты на несколько отрядов. Для наступления в глубь Турции выделялись главные силы — так называемый «основной корпус» под командованием Лорис-Меликова, в нем числилось 52 с половиной тысячи, в том числе и личный состав тверских драгун. Итак, с первого дня войны поручик Брусилов волею судеб оказался в авангарде главных русских сил, поведших наступление.

К ночи 11 апреля офицерам полка стало известно, что завтра начинаются военные действия: Брусилов лично привез эту весть из штаба корпуса, куда его, как и других полковых адъютантов, вызвали для вручения манифеста об объявлении войны. Тотчас же стали готовиться к атаке на пограничные турецкие казармы, стоявшие на противоположном берегу горной реки. Уже в половине первого 12 апреля в кромешной темноте южной ночи Брусилов с отрядом драгун переправился через разбухшую от весеннего половодья реку. В темноте брод теряли, приходилось то и дело плыть на лошадях в ледяной воде. К счастью, обошлось без потерь.

Брусилов шепотом отдавал команды драгунам, тихо окружавшим казарму. Ожидалось, что турки, которые тоже знали о приближении войны, вот-вот откроют огонь. Но все молчало. И только когда один из драгун, знавший несколько турецких слов, громко постучал в ворота казармы, все стало ясно: турки… спали. То ли верховное командование не позаботилось своевременно оповестить свои пограничные части, что началась война, то ли не сработала телеграфная связь, то ли начальник отряда оказался беспечен, но казарма была окружена, и после кратких переговоров все турки сдались брусиловским драгунам без единого выстрела. Молодой поручик был доволен: в первой же операции захвачен весьма важный пленник — командир турецкой пограничной бригады. Брусилов не скрывал своей радости, но опытные ветераны кавказских войн своевременно предупредили: успех его случаен, турки — серьезные противники, они еще покажут себя. Вскоре так и произошло.

Русские войска уже к концу апреля начали охватывать турецкую крепость Карс — основу приграничных укреплений противника. Главнокомандующим Анатолийской армии Турции

был Мухтар-паша, опытный в военном деле человек, он понимал, что в открытом бою проиграет русским, поэтому отступил из Карса на запад, к горным перевалам, оставив в крепости большой гарнизон с приказом держаться до последнего. 1-я кавалерийская дивизия первой из русских частей вышла к Карсу. Разведка донесла, что Мухтар-паша только что ушел, поэтому сильный отряд был направлен за ним в погоню.

Брусилов со своими драгунами шел в авангарде. Дорога проходила мимо многочисленных сел, большинство их были армянские. Жители в них открыто и восторженно встречали разъезды русских кавалеристов. Брусилов хорошо запомнил их радостные лица, их приветствия и много позже в мемуарах не преминул рассказать об этом. В церквах звонили колокола, жители выносили на дорогу плоский армянский хлеб, соленый овечий сыр, вино. Но эскадроны торопились, было не до подарков.

Двое суток погони не дали результатов, если не считать нескольких пленных турецких солдат, отбившихся от своих. На третьи Брусилов увидел заснеженные кручи горного кряжа — то был Сеганлугский хребет, за которым и намеревался укрыться Мухтар-паша со своими главными силами. Нужно было поворачивать обратно, люди и кони страшно устали. Обоз и лазарет отряда к тому же отстали. Повернули. Обратно ехали уже медленнее, подгоняемые лишь голодом и желанием поскорее пробраться к своему лагерю. И вдруг за одним из поворотов дороги Брусилову и его товарищам открылось страшное зрелище. Стоял знакомый санитарный фургон их полка и пара обозных двуколок. Лошади были выпряжены и исчезли, а на обочине в лужах крови валялись полдюжины обозников и санитаров. Боже, что с ними сделали! Глаза выколоты, кисти рук отрублены, над некоторыми телами отвратительно надругались.

Это были обычные проделки башибузуков — вспомогательной турецкой конницы, которая набиралась из полудиких горских племен; шайки башибузуков были полный нуль в военном отношении, всегда избегали открытого боя с нашей кавалерией или казаками, но охотно занимались разбоем на дорогах и творили страшные зверства[3]. Они-то и резали мирное население славянских или армянских селений. То был первый случай, когда молодой Брусилов столкнулся с бессмысленными зверствами войны. Он был поражен, ибо одно дело читать или слышать рассказы о зверствах и совсем иное — столкнуться с ними воочию.

Традиции армии, в которой служил Брусилов, были совсем иными. Никогда, даже в дни страшного ожесточения против

врага, как, например, в Отечественную войну двенадцатого года, никогда не пятнала себя русская армия расстрелом пленных, зверствами и мародерством. Кровь можно проливать лишь в бою, а в иное время — грех, если то не кровь изменническая, — таков был неписаный, но свято соблюдавшийся закон. Даже к своим казакам, которые вообще-то не прочь были «слямзить» кое-что у противника, в армии относились предосудительно, хоть и хвалили казачью лихость и отвагу в бою. Брусилов всю жизнь оставался верен этим лучшим обычаям нашей армии. Ни молодым поручиком, командиром кавалерийского разъезда, ни генералом равно не совершал он жестокостей к побежденным и насилий над мирным населением.

После окружения Карса часть сил русской армии была брошена на север против крепости Ардаган. От терских драгун был выделен дивизион (то есть два эскадрона), вместе с ними пошел и полковой адъютант Брусилов. Русские войска очень быстро взяли крепость, вся операция заняла не более недели. В послужном списке офицера Брусилова вскоре появилась запись: «За отличие, проявленное в боях с турками 4 и 5 мая 1877 г. при взятии штурмом крепости Ардаган, награжден орденом Станислава 3-й степени с мечами и бантом».

То была первая боевая награда будущего генерала Брусилова. Первая, но не последняя. И поскольку герой этой книги получил за свою долгую военную службу почти полный набор существовавших тогда в России орденов, то здесь самое время сказать хотя бы несколько слов о всей русской орденской системе того времени. Это тем более полезно для читателя, что в русской классической литературе от Пушкина до Чехова постоянно поминаются те или иные награды героев, причем порой эти обстоятельства имеют немаловажное сюжетное значение (вспомним хотя бы хрестоматийно известную «Анну на шее»).

Первый русский орден был введен при Петре Первом в 1698 году — орден Андрея Первозванного. Он стал высшей наградой на протяжении более чем двух столетий, однако получали ее преимущественно особы царствующих династий или крупнейшие сановники. Высшим боевым отличием был орден святого Георгия Победоносца, введенный в 1769 году, подразделялся на четыре степени — им награждались исключительно офицеры и только за непосредственное участие в бою и личную храбрость. Естественно, что заслужить их можно было лишь во время боевых действий. Получить «Георгия» считалось огромной честью для всякого офицера.

Низшей из офицерских наград считался орден святого Станислава, причем за участие в боевых действиях награжденный

получал этот знак со скрещенными мечами. Выше «Станислава» шел орден святой Анны, а еще выше — святого Владимира — опять же за боевые заслуги они полагались с мечами. «Станислав» и «Анна» имели три степени, «Владимир» — четыре. Низшая третья степень (для «Владимира» и «Георгия» — третья и четвертая) носились на ленточке на груди, вторая — на ленте вокруг шеи (отсюда известная чеховская «Анна на шее»), а первая — на широкой перевязи у бедра, на груди же при высшей степени полагалось носить звезду — серебряную с эмалью и позолотой или шитую золотой и серебряной нитью.

Итак, будущий полководец получил пока самую невысокую степень самого невысокого ордена. Невысокого, да, но — и это «но» следует очень подчеркнуть! — «с мечами», то есть за боевые действия. А это уже существенно! Ведь большинство «Станиславов», «Анн» и «Владимиров» давалось-то без мечей, за выслугу лет и прочее. Поручику было чем гордиться, возвращаясь вместе с дивизионом к своему полку.

Перед стенами Карса Брусилову пришлось задержаться долго. Крепость осаждалась недостаточно решительно, да и недостаточно умело. Турки упорно сопротивлялись, часто делали вылазки. Тогда вызывали на поле боя кавалерию, чаще всего драгун. Эскадроны шли в разомкнутом строю (местность была неровная), шли на рысях, а не в галоп (по той же причине). Турки отступали, а по русской коннице открывали огонь из крепостных орудий. Такие операции повторялись чуть ли не каждый день. Драгуны несли потери (не очень значительные, впрочем), но так ни разу и не столкнулись с противником.

Брусилов вспоминал об этом с неудовольствием: «Мы называли эти вызовы кавалерии к Карсу «выходами на бульвар», и этот «бульвар», признаться, нам порядочно надоел». Гораздо увлекательнее, конечно, гнаться за турецким главнокомандующим по горным дорогам. Однако поручик Брусилов именно тут приобрел тот важнейший навык военного человека, без которого ни ему и никому другому до и после него не стать бы выдающимся полководцем: умение стоять под огнем. Это издали очень просто: стоять, когда в тебя стреляют, и не ложиться, идти вперед, под огонь, хотя непослушное тело само, кажется, готово поворотиться вспять, идти медленно, когда ноги как будто несут тебя быстрее и быстрее, слушать в грохоте боя команду и исполнять ее не мешкая (или отдавать нужную команду и показывать пример исполнения ее).

Этому нельзя выучиться в самых лучших военных училищах, не освоить на самых суровых маневрах. Это можно постичь, только находясь самому под огнем. Но только человек, сам не раз

бывавший под огнем, только он поймет, что можно, а чего нельзя ожидать от другого человека, других людей, посылая их в огонь. Только он знает пределы возможного и невозможного здесь. И сможет точнее и лучше рассчитать все как командир. Раз за разом ходить и водить людей в атаку нерезвой рысью под огонь, под грохот разрывов и стоны раненых товарищей — это боевой опыт, который не имеет цены для будущего военачальника. Под Карсом Брусилов такой опыт приобрел.

Пока войска, осаждавшие Карс, вели изнуряющие, но нерешительные бои, главные силы русской Кавказской армии вели поначалу успешное наступление. Южнее Карса русский так называемый Эриванский отряд взял с ходу сильную турецкую крепость Баязет. Тем временем к северу от Карса на Черноморском побережье были успешно отражены турецкие десанты.

Турки, опасаясь полного разгрома на азиатском участке фронта, вынуждены были перебросить резервы в свою Анатолийскую армию, хотя эти резервы так нужны были в то время под Шипкой и Плевной! Итак, стратегическая задача, поставленная в начале войны перед Кавказской армией, выполнялась: силы противника оттягивались от главного театра военных действий. Но ведь можно и перевыполнить намеченные задачи, и такая возможность русскому командованию предоставлялась судьбой. Сложились благоприятные условия для решающего сражения с главными силами турок, отступившими в районе Сарыкамыш — Зивин, примерно посередине основной стратегической линии военных действий (Карс — Эрзерум). Стал вопрос перед командованием Кавказской армии — атаковать ли турецкие позиции, что называется, «на плечах отступающего противника», или дождаться падения Карса и тогда уже обрушиться всеми силами. Решение было принято опрометчивое — идти вперед, силы турок явно недооценивались, началось легкомысленное, плохо подготовленное наступление на Зивин.

Войска повел генерал Гейман. То был колоритный и экстравагантный человек, кантонист, довольно ловкий интриган и острослов, но безусловный авантюрист. Стремясь во что бы то ни стало связать свое имя с решающим, как он полагал, успехом в войне, Гейман направил свои войска прямо на лобовой штурм. Лорис-Меликов, находившийся при его отряде, тоже куда как не выдающийся стратег и тоже авантюрист, этот план утвердил. Перед атакой Гейман самоуверенно произнес слова, которые обыкновенно говорятся «для истории»:

— Я не веду сегодня колонн. Здесь и без того довольно генералов, нужно же им дать случай отличиться.

Отличились… Опытный Мухтар-паша собрал превосходящие силы, русская атака была отбита, турки сами перешли в наступление. Самоуверенность Геймана и Лорис-Меликова сменилась растерянностью, и русские войска покатились назад. Покатились далеко, даже осаду Карса пришлось снимать.

Брусилов подробностей этих еще не знал, просто однажды вечером по полку приказано было срочно собраться и отходить. Отошли они быстро, неожиданно для противника и без потерь, но настроение у всех было неважное. Тем более что все понимали: проиграли сражение не рядовые, а генералы. Так и было. Брусилову не раз предстояло еще убедиться в слабости высшего военного и политического руководства тогдашней России. Дряхлеющий правящий класс уже не мог дать из своей среды Петра Великого, Суворова или Кутузова. Под Карсом лишь в малой пропорции произошло то, чему Брусилов стал свидетелем в масштабах неизмеримо более огромных и последствиях более трагических. Только невероятная стойкость, лишь неописуемое мужество русских воинов позволяли армии восполнять неграмотное командование и плохое руководство.

В конце июня Брусилов и его товарищи оказались уже на территории России под местечком Игдырь (немного юго-западнее Еревана, в настоящее время на турецкой территории). Здесь простояли в бездействии месяца полтора. Было скучно, ибо серьезных боевых столкновений не происходило, но изнуряли страшная жара и очень плохое снабжение. Питались чем бог пошлет, причем солдаты и офицеры в эскадронах были тут в совершенно равном положении. Негде было даже нагреть воду, чтобы помыться как следует, не говоря уже о банях. Пропитанные потом рубахи приходилось кипятить в котлах, даже сменной пары не имелось, и вот Брусилову и его товарищам приходилось сидеть под буркой, пока единственная эта рубаха высохнет. Перевязочных материалов и лекарств не имелось вовсе.

Снабжение русской армии в описываемую войну было из рук вон плохое.

Война за освобождение балканских народов стоила русской армии больших жертв, ибо турки сопротивлялись мужественно и упорно. Но едва ли не меньшие потери наши солдаты понесли… от собственных же интендантов. В упомянутом уже сборнике «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» со ссылками на соответствующие документы пишется об этом: «Интендантство действующей армии России заключило специальный договор на поставку необходимых продуктов для войск с крупными торговцами Грегором, Горвицем и Коганом. Все они были

иностранного происхождения и безразлично относились к целям войны. Договор рассматривался ими как хорошая коммерческая сделка. Компании Грегор — Горвиц — Коган считали, что война создала возможности для получения громадных прибылей. Снабжение армии проводилось скупо, солдаты нередко голодали и т. д. Множество русских солдат замерзли на балканских и кавказских перевалах от голода и холода по вине интендантов-гешефтмахеров: не нашлось одеял, теплой одежды, обуви и т. п.».

К началу сентября тверские драгуны вновь были переброшены в состав главных сил. Брусилов, как и все его сотоварищи, с радостью покидали голые, выжженные солнцем скалы вокруг Игдыря. Теперь-то, надеялись они, предстоят настоящие бои с противником — настоящие в их представлении, то есть лихие конные атаки, обходы противника, прорывы в тыл. Но и здесь русская армия вела пока пассивную позиционную войну. Зато подходили резервы. Рядом с брусиловскими драгунами стала только что прибывшая из Москвы 1-я гренадерская дивизия. По всему чувствовалось — вот-вот начнется…

И верно, готовилось новое наступление. Командование осталось прежним, те же Лорис-Меликов, Гейман и прочие, но сил у них теперь стало больше, причем особенно прибавилось артиллерии — для осад крепостей, которыми так изобиловала кампания в Закавказье, это было очень важно. С наступлением следовало спешить, ибо турецкое командование, переоценивая тактический успех Мухтар-паши, намеревалось даже перебросить часть сил Анатолийской армии на Балканский театр боевых действий. Это было бы недопустимо, ибо как раз в конце августа начали разворачиваться решающие сражения под Плевной — твердыней Османской империи в Болгарии.

Большим преимуществом русской армии в ее войне с турецкой феодальной военщиной была, как уже говорилось, поддержка местного населения. Летом из грузин и армян, проживавших тогда на территориях, принадлежавших турецкому султану, были сформированы вспомогательные и даже боевые отряды. Многие армяне, жители так называемой турецкой Армении, служили в нашей армий переводчиками, проводниками, разведчиками. (Сорок лет спустя турецкая озверелая военщина устроит во время первой мировой войны страшную резню мирного армянского населения, будет уничтожено около двух миллионов человек — мужчин, женщин, стариков, детей, навсегда обезлюдеют цветущие города и села, так безжалостно отомстили османские феодалы армянскому народу за дружеские чувства к России.)

…Ночь на 20 сентября огласилась артиллерийским громом. В ночной тишине и темноте, усиленная горным эхом, канонада звучала особенно впечатляюще. Тверской драгунский полк, построенный по тревоге, замер в ожидании приказа о наступлении. Лошади нервничали, переступали ногами, трясли головами, испуганно похрапывали. Справа и слева уходили вперед пехотные колонны, молча, без криков и песен, тяжко ступая по каменистым дорогам, а драгуны все стояли. Наконец, когда вершины гор уже осветились ранними лучами, Брусилов услышал раскатистое:

— По-о-олк! Поэс-кадронно, ша-а-агом, ма-арш, ма-арш!

Первые дни турки отступали, не давая решительного сражения. Наконец к вечеру 2 сентября Тверской полк вышел к высокой горе Авлиар. Здесь-то и произошло знаменитое сражение, решившее исход военной кампании в Закавказье, впоследствии оно получило название Авлиар-Аладжинского.

С рассветом 3 сентября русские войска несколькими колоннами двинулись на штурм турецких позиций. Тверской полк шел в авангарде, получив задание прикрыть берег оврага, обеспечивая тем самым фланг атакующей пехоты. Брусилов по приказу командира полка первым должен был выйти на позицию, чтобы лучше выбрать место. Шли на рысях открытой местностью, под огнем. Внезапно лошадь Брусилова сделала отчаянный скачок и рухнула, сраженная насмерть. К счастью, сам поручик даже не ушибся. Он пересел на лошадь полкового трубача и вовремя прискакал на место. Полк вышел к оврагу, и был отдан приказ, который так не любят все кавалеристы: спешиться и залечь в цепь. Турки тем временем вышли на другую сторону оврага, завязалась перестрелка. Брусилову везло в тот день: пули то и дело ударяли по камням вокруг него, но он не получил даже царапины.

Драгуны надежно прикрыли фланг нашей атакующей пехоты. В середине дня гора Авлиар, ключ турецких позиций, была взята. Началось беспорядочное бегство противника. Армия Мухтар-паши потерпела полное поражение, сам он с малой толикой своих войск бежал вновь к Зивину. Но теперь у Анатолийской армии не было ни сил, ни резервов, чтобы сражаться в открытом поле. У турок оставалась одна надежда — крепости.

Важнейшей из них по стратегическому положению и сильнейшей в военном отношении была крепость Карс. Протяженность линий укреплений составляла 20 километров. На фортах стояло 300 орудий, гарнизон насчитывал 25 тысяч человек. Запасов продовольствия и боеприпасов, подготовленных заблаговременно, хватило бы на несколько месяцев боев. Стоял

уже октябрь, приближалась зима — очень суровая и снежная в этих горных местах. А ведь осаждающим негде укрыться — кругом голые скалы, обдуваемые ветрами, да редкие сожженные селения.

Французский генерал де Курси, находившийся в ту пору при штабе Кавказской армии, осмотрев Карс, пророчествовал русским генералам:

— Я видел карские форты, и одно, что я могу посоветовать, — это не штурмовать их: на это нет никаких человеческих сил! Ваши войска так хороши, что они пойдут на эти неприступные скалы, но вы положите их всех до единого и не возьмете ни одного форта!

Есть и еще одно свидетельство, которое для нас куда как важнее. В 1829 году, посетив крепость, только что взятую русскими войсками, один путешественник кратко заметил: «Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом». Это был Пушкин. И вот полвека спустя неприступную крепость надлежало взять снова.

Уже к 10 октября, преследуя деморализованного поражением противника, русские войска обложили Карс. Тверские драгуны заняли позицию с западной стороны крепости. Брусилов, как и другие офицеры полка, получил небольшую брошюру: то был напечатанный типографским способом план карских укреплении. Русская военная разведка заблаговременно и на этот раз удачно позаботилась о войсках: все форты и батареи сильнейшей оттоманской крепости были аккуратно изображены каждый на отдельной страничке. Для Брусилова обстоятельная эта разведывательная карта свидетельствовала прежде всего о том, что их полк поставлен против самого опасного участка… Так оно и было: путь к крепости преграждала небольшая, но очень бурная река, а за ней возвышались горы; горы же венчались окопами и батареями. Утром Брусилов сопровождал командира полка на рекогносцировку — впечатление от турецких укреплений осталось внушительным.

Началась муравьиная работа пехоты: копание траншей и укрытий, медленное продвижение вперед к стенам крепости, еще на сто шагов, на двести, на тысячу… Турки тоже не дремали и пытались внезапными вылазками помешать осаждающим. Тогда пехотинцы вызывали на помощь кавалерию. На западной стороне в таких случаях поднимался Тверской драгунский полк. На рысях драгуны двигались через мелководную реку навстречу туркам, но те всякий раз уклонялись от боя. Брусилов, непременный участник всех этих контратак, почувствовал, что противник

теперь не так упорен, как год назад. «Турки — уже не те вояки, что прежде», — заметил он, сравнивая весеннюю осаду Карса с нынешней.

Штурм крепости готовился обстоятельно и целенаправленно. К счастью для дела, фактическим руководителем наступления стал генерал Лазарев — способный и решительный военачальник, полная противоположность Лорис-Меликову, номинальному командующему. Штурм решено было проводить ночью, учитывая, что турецкие войска хуже переносят нервную сумятицу ночного боя, поддаются панике, их командиры легко теряют управление.

В вечерних сумерках 5 ноября полки были построены перед атакой. Было холодно, в низинах уже белел снег, с гор дул ледяной ветер. Брусилов, кутаясь в бурку, закрывая лицо башлыком, выслушал приказ: полк должен не допустить прорыва противника из крепости по Эрзерумской дороге. Хрипловатым, простуженным голосом командир полка закончил:

— …Помните, что наша борьба с турками за избавление болгар-христиан от турецкого насилия — дело святое, а поэтому забудьте все мирское и направьте все ваши помыслы и усилия только к уничтожению врага.

В русской армии было давнее обыкновение, как надлежит всякому воину готовиться к предстоящей кровавой сече. Надевали чистую рубаху, исповедовались и причащались у полкового священника, оставляли письма родным, давали наказ товарищам, кому что отдать после смерти: тому-то кинжал в серебряной оправе, тому — образок святого Георгия — покровителя православных воинов — на серебряной цепке, а тому вот — новые, ненадеванные сапоги. К возможной кончине тут готовились деловито и спокойно.

Алексей Брусилов тоже проделал этот подобающий воину обряд, но скорее как дань обычаю, нежели по сильному внутреннему чувству: в двадцать четыре года в собственную смерть не очень-то верят. Как и у многих иных молодых офицеров того времени, у него не имелось глубокой религиозной убежденности, христианское учение он знал плоховато, а над мировоззренческими вопросами, подобно большинству людей его круга, не задумывался пока. А к завещаниям, как и все молодые люди, испытывал пренебрежение. С неподдельным душевным волнением он исполнил одно: написал приемному отцу, благодаря его за все и, как водится в таких случаях, попросив прощения.

Как только ночная мгла плотно легла над Карсом и окрестными горами, русские пехотные колонны в полной тишине и кромешной тьме начали выдвигаться к турецким фортам. Огонь

открывали только с очень близкого расстояния или уже будучи обнаруженными противником. Повсеместно происходили штыковые атаки, переходившие в рукопашные схватки. В темноте Брусилов и другие драгуны не видели, разумеется, поля боя, но своеобычную музыку его они слышали прекрасно, а понимать подобные мелодии они уже научились очень хорошо. Сомнений не оставалось: наша брала! При первых же солнечных лучах стало очевидно: почти все турецкие форты пали, участь сражения была решена.

Решена, но не кончена. Вот теперь-то и вводилась в бой кавалерия. Колонны турок вышли из ворот и двинулись на запад, то есть к Эрзеруму, надеясь пробиться к своим. Двинулись, как казалось Брусилову, прямо на тверских драгун.

Разумеется, ни Брусилов, ни командир его полка не знали, что турецкий главнокомандующий в Карсе Гуссейн-паша уже бежал с небольшой свитой, бросив свою армию на произвол судьбы. В покинутых ими войсках нашлись, однако, офицеры, которые сумели собрать бегущих в панике солдат, построить их в ряды и повести по Эрзерумской дороге. Полк драгун быстрым маршем двинулся наперерез. Эскадроны четко, как на параде, вышли на дорогу и развернулись фронтом перед отступающими турками. Кое-как построенная пестрая их колонна приближалась. Брусилов уже хорошо различал короткие синие куртки турок, перепоясанные ремнями, фески с пышными кисточками. Он сжимал эфес шашки, вот-вот ожидая привычной команды идти в атаку. Вдруг турецкая колонна стала. Вперед вышло несколько человек, оживленно жестикулировавших в сторону русских. «Сдаются, сдаются!» — пронеслось по рядам драгун.

Так оно и было. Увидев, что они окружены, и не надеясь пробиться сквозь заслон русской кавалерии, турки сдались. Впоследствии Брусилов рассказывал об этом с обычным благожелательством русского человека к чужому несчастью, даже если это несчастье бывшего неприятеля: «Действительно, рассматривая положение турок, нужно сознаться, что у них другого выхода не было: до Эрзерума было не менее трех-четырех переходов, вышли они в одних своих куртках, без всякого обоза, и в таком состоянии, без пищи, по колено в снегу пройти им до Эрзерума было бы невозможно».

Что ж, и в самом деле невозможно, должно быть, и Брусилов вполне тут сочувствует, сочувствует искренне: замерзнут в куртках-то… Но сам Брусилов принадлежал к той армии, которая приучена была делать именно невозможное. Суворовские полки, окруженные в снежных горах, пробились через превосходящего противника чуть ли не босиком, хотя «по правилам» им

полагалось бы сдаться. И так было и до и после великого Суворова. По соседству с брусиловской дивизией турками был окружен небольшой русский гарнизон в замке крепости Баязет. Ни хлеба, ни боеприпасов, а осаждающих ровно в десять раз больше (это потом точно высчитали военные историки). И что же? На предложение сдаться, что было бы вполне «по правилам», капитан, командовавший гарнизоном, сказал, что русские не сдают крепостей, а сами берут их…

Двадцать три дня держался гарнизон, приготовились уже было взорвать замок, да подоспела помощь. Именно в таких традициях воспитывался поручик Брусилов: брать крепости, но не сдавать их. Вот почему он мог посочувствовать противнику, попавшему в беду и сдавшемуся. Но своим, которые сдавались, он не сочувствовал.

Для младшего офицера, как и для солдата, собственная военная судьба непредсказуема. Где он будет завтра, что произойдет, с кем встретится и расстанется — знать ему не дано, решает это высшее командование. Так и Брусилов не знал вечером 6 ноября 1877 года, когда вместе с драгунами сопровождал обратно в Карс колонну пленных турок, не знал, что для него и для всех его однополчан война уже закончилась. Основные силы русской Кавказской армии двинулись, преследуя отступающих турок, к Эрзеруму, а дивизия, в которой служил Брусилов, была отведена в глубокий тыл и стала на зимние квартиры.

Можно без преувеличения сказать, что Брусилову повезло. Второй за эту войну поход русских войск под Эрзерум вновь оказался неудачен. Тот же генерал Гейман действовал вяло и нерешительно, осада крепости затянулась. Началась зима, очень суровая в тех местах. Турки отсиживались в хорошо оборудованной крепости, а русские замерзали в наспех вырытых землянках. Военные действия не велись, но наша армия понесла большие потери, которые на военном языке носят осторожное название «небоевые». Проще говоря, по вине Геймана и гешефтмахеров-интендантов солдаты гибли от холода и плохого снабжения. В довершение несчастий русскую армию поразила эпидемия тифа. Множество людей погибло. Судьба не пощадила и генерала Геймана, он тоже заболел и вскоре же умер. «Бог покарал», — крестясь, говорили измученные солдаты.

Несмотря на все невзгоды, русская армия тем не менее твердо стояла под стенами Эрзерума. Турки уже истощили все силы, когда 19(31) января 1878 года было подписано перемирие. Оттоманская империя потерпела полный военный разгром, русские войска стояли под стенами Константинополя.

Итак, военный успех был полный, однако политическое руководство России не сумело воспользоваться плодами этих побед, оплаченных кровью наших солдат и офицеров. Условия мира оказались куда менее выгодными для России, чем они могли бы быть. Впрочем, это уже особая история. Однако народы Румынии и Болгарии получили долгожданную свободу, была присоединена к России и так называемая турецкая Армения с Карсом и Ардаганом. Правильнее сказать — часть турецкой Армении, ибо значительное число армян остались оторванными от своей родины. Престарелый, плохо уже соображавший канцлер Горчаков, которого давно пора было убрать в отставку с поста руководителя русской внешней политики, бездарно, с анекдотическими ошибками провел переговоры по этому вопросу. Нерешительный Александр II оплошность своего канцлера утвердил. Так остались за пределами исторической родины миллионы армян, которые позже, в 1915 году, подверглись страшному истреблению со стороны так называемых младотурок. Слабые результаты войны сильно разочаровали всех ее участников.

Брусилов тем временем отдыхал от военных тягот в зеленых долинах Грузии. Впрочем, слово «отдыхал» надо понимать несколько формально, ибо никакой усталости новоиспеченный штабс-капитан не чувствовал. Напротив, он был преисполнен бодрости и уверенности в своих силах. Он ушел в поход всего лишь год тому назад, ушел молодым, необстрелянным юношей, теперь он стал ветераном, закаленным солдатом, опытным офицером. Он побывал под огнем, он ходил в атаку с шашкой наголо, он глядел смерти в лицо. Теперь он стал настоящим боевым командиром.

«ЛОШАДИНАЯ АКАДЕМИЯ»

Новый, 1879 год в 15-м драгунском Тверском полку встречали с великими торжествами. Декорации были яркие и экзотические, как в опере «Демон»: кругом заснеженные пики гор, крутые пропасти, не замерзающие даже в это время года, водопады, петли пустынных каменистых дорог. Война давно закончилась, но полк еще стоял на вновь присоединенных к России пределах бывшей турецкой Армении.

Громадная палатка, где собрались господа офицеры, была ярко освещена керосиновыми фонарями. Самодельные столы не блистали посудой, зато яства изобиловали в несметном количестве, на громадных блюдах мясо — всех сортов и всех способов приготовления, с перцем, чесноком и жареным луком, любимейшая пища здоровых мужчин. Само собой, в напитках тоже не было недостатка, как и в разнообразии оных.

Во главе стола возвышался, блистая эполетами и орденами, полковник Неврозов, находившийся в самом лучшем расположении духа, рядом выделялись светлыми пятнами два женских абриса — жена и старшая дочь командира полка. Других дам не было, ибо прочие женатые офицеры жили в походных условиях по-холостяцки, иных же дам вводить в подобные собрания не полагалось. Вдоль всего стола толпились офицеры в парадных мундирах, при холодном оружии и в орденах.

Говаривали, что для военных форма имеет такое же значение, как наряды для женщин. Во всяком случае, молодые офицеры обыкновенно очень ревниво следят за мундиром и всем прочим подобным. В тот предновогодний вечер двадцатипятилетний Алексей Брусилов выглядел отменно. На его сухой, ладной, легкой, истинно кавалерийской фигуре красовался новенький, недурно сшитый мундир — изделие, как ни странно, местного портного. Многие товарищи Брусилова выглядели не хуже. Рукодельные и ловкие армянские портные где-то раздобыли нужное сукно и весь приклад и неплохо обшили господ офицеров, благо те ни торговаться, ни тем более скупиться не умели.

На узких плечах Брусилова отливал золотой ниткой твердый без кистей эполет с четырьмя небольшими белыми звездочками: штабс-капитан, значит. На темно-зеленом сукне мундира алели два примечательных украшения: в петлице небольшая «Анна» с мечами, а в прорези воротника крупный, с детскую ладонь, «Станислав», тоже с мечами. Да, так: уже три боевые награды имел Брусилов, но по тогдашним правилам надевалась только высшая степень каждого ордена, предполагалось, что прочие

кавалер получил, ибо награды давались в строгой последовательности от низшей к высшей, как не давалось и двух одинаковых наград; вот почему известному уже нам «Станиславу» третьей степени суждено было, как тому положено, лежать отныне в футляре (предполагалось, что все степени будут всенародно вынесены лишь при проводах героя в последний путь).

Полковник поднял руку, в огромном кулачище почти целиком утонул кавказский посеребренный рог. Говор затих. Неврозов, как и все природные строевики, был ораторствовать не горазд, хоть голос имел зычный. Этим-то зычным голосом он произнес несколько не очень складных фраз про отечество и государя императора и с облегчением гаркнул «ура!». Его дружно поддержали. Затем последовали тосты за командира полка, за мадам полковницу, за их очаровательную дочь (нескладная и костистая, она была совсем не очаровательна, но какая разница?!), за здоровье старших офицеров, за боевое товарищество. Брусилов, как обычно, пил и ел умеренно, речей не произносил, и не только потому, что младшему офицеру вылезать в начале празднества не полагалось, — с юных лет не любил он всякого суесловия, тем паче застольного. Он искренне веселился вместе со всеми и также вместе со всеми ждал того, чем этот новогодний праздник их полка должен был отличиться от многих прочих, бывших и будущих. И вот…

Неврозов, уже покрасневший так, что цвет лица его сливался с красной эмалью Анненского креста, висевшего под кадыком, скомандовал:

— Трубачам войти! Сигнал!

И тотчас в палатку вошли семнадцать полковых трубачей в полной драгунской форме. Выстроившись в шеренгу, они замерли, а затем дружно поднесли к губам семнадцать серебряных труб. Офицеры застыли, все смолкло, и под сводами палатки прозвучало «Слушайте все!». Гром аплодисментов и криков «ура!» раздался в ответ, ибо привычный этот сигнал впервые в истории полка исполнялся не на простых трубах, а на особых, наградных: серебряных, перевитых черно-золотой георгиевской лентой, с вычеканенной надписью на каждой: «За отличие в турецкую войну 1877 и 1878 гг.». Так награждались за боевые заслуги особо отличившиеся кавалерийские части. Брусилов становился теперь не просто и не только штабс-капитаном, но ветераном особо отличившегося полка. А это очень ценилось в армии.

…Но, вообще-то говоря, минувший, 1878 год прошел для него довольно тускло. Весной и летом в бездействии стояли у

Эрзерума на демаркационной линии, то есть там, где в начале года прекратились военные действия. Ожидали, пока окончательно будет подписан мир. Нормальных учений не проводилось, занятия с личным составом велись кое-как, бытовые условия и снабжение оставались неважными — все тяготились происходящим. Наконец, в июле Брусилов и его товарищи узнали о решениях Берлинского конгресса, установившего окончательный итог войны. Русская дипломатия под соединенным давлением западных держав отступала, границы освобожденной Болгарии были урезаны, а в Закавказье туркам возвращался ряд занятых нами территорий, в том числе Эрзерум и Баязет. Брусилов, как и другие, был недоволен, бранил по обыкновению англичан, которые, мол, всегда вредят России; но офицеры поопытнее его говорили шепотком, что вина тут лежит и на престарелом канцлере Горчакове, и вообще на царедворцах, и даже… Но офицерам углубляться в обсуждение подобных тем не полагалось.

7 сентября драгуны снялись с лагерей и двинулись домой по давно знакомой уже дороге. Все радовались несказанно, предвидя наконец встречу с родиной и заслуженный отдых. Новый год встретили в армянском местечке Джавал-оглы, недавно еще принадлежавшем Турции. Но здесь задержались еще на весну и лето. Было скучно, отпусков не полагалось, Брусилов очень хотел бы оставить опостылевшие ему пустынные горы, но… Служба шла своим чередом, размеренная и неинтересная. Только к сентябрю пришел радостный для всех приказ: сниматься и идти на старую базу полка. Брусилов прибыл в родное ему местечко ровно через три года с того дня, как оттуда ушел на войну.

Итак, вновь он очутился в прежних казармах в поселке, носившем примечательное название Царские колодцы. Да, ничего здесь не изменилось: те же приземистые кирпичные строения типично «казарменной» архитектуры, широкий плац, окруженный забором, пыль и жаркое солнце.

Такая же предстояла и служба — провинциальная гарнизонная повседневность. Впрочем, Брусилов получил отпуск и отбыл на кавказские Минеральные Воды — отдохнуть да и подлечиться после изнурительной трехлетней походной страды. Видно, Брусилов уже неплохо зарекомендовал себя в армии, ибо ему предложили участвовать в предстоящем походе в Среднюю Азию — так называемой Ахал-Текинской экспедиции под командованием генерала М. Д. Скобелева. Но Брусилову тут не повезло. Он, видимо, и в самом деле крепко расстроил здоровье в Закавказье, ему не разрешили идти в поход. Пришлось долго лечиться в Кисловодске и Ессентуках, а потом опять явиться в

полк.

Сам Брусилов впоследствии оценивал этот период вполне определенно: «До 1881 года я продолжал тянуть лямку в полку, жизнь которого в мирное время с ее повседневными сплетнями и дрязгами, конечно, была мало интересна. Разве только охота на зверя и птицу — великолепная, обильная, в чудесной горной местности — несколько развлекала». Приговор, как видим, нелицеприятный. Ну что ж, рутинная служба в глухом провинциальном гарнизоне не сладость, ясное дело. Очень трудно сделать подобную жизнь содержательной, хотя и такое не редкость: скажем, заняться серьезным самообразованием или какими-нибудь учеными изысканиями, или практическими опытами.

Брусилов таких занятий в ту пору себе не нашел. Охотником он был, правда, страстным, но понимал, что — хоть это и говорится по иному поводу — одной охотой не проживешь… Надо было искать какую-то перемену, какой-то поворот судьбы. В таких случаях настойчивые люди просят, ищут ходатаев и покровителей. Брусилов настойчивостью подобного рода не обладал, он был, напротив, стеснителен и застенчив, предпочитая не спрашивать, а ждать, когда его попросят.

И его попросили. В русской армии всегда имелось множество отличных кавалеристов, но Брусилов был не просто отличным — он был выдающимся наездником. Такие ценились, о них в армии шла широкая молва. И вот неожиданно ему предложили поступить в только что открывшуюся в Петербурге офицерскую кавалерийскую школу.

Это было, как мы бы сейчас выразились, нечто вроде курсов по усовершенствованию. Целью школы планировалось повышение боевой и теоретической подготовки офицеров армейской кавалерии и казаков. Здесь же готовили инструкторов по выездке кавалерийских лошадей из унтер-офицеров, а также кузнецов высшей, так сказать, квалификации — немаловажная профессия в конных частях во все времена.

7 октября 1881 года на перроне тифлисского железнодорожного вокзала около вагона первого класса, что стоял в середине небольшого пассажирского состава, шумела группа офицеров. Лица их были веселы, возбуждены, а в цветовой гамме явно преобладал розовый — без труда можно было догадаться, что господа офицеры только что прибыли к поезду после обильного дружеского обеда и возлияния.

Бледностью лица и сдержанностью поведения отличался только стройный, молодцеватый штабс-капитан — очевидный герой торжеств. Видно было, что он взволнован, растроган, даже

несколько опечален. Его целовали, обнимали, гремели лихие пожелания — словом, завершалась обычная церемония проводов офицера из полка. Давно уже прозвенели положенные три удара станционного колокола, давно уже обер-кондуктор настойчиво упрашивал господ офицеров отойти от вагона, а господину штабс-капитану сесть в вагон, его не слушали, опять следовали объятия и поцелуи.

Наконец поезд тронулся. Брусилов, высунувшись чуть ли не на половину корпуса из окна, изогнувшись, словно на джигитовке, все махал и махал оставшимся товарищам. Слезы, навернувшиеся на его глаза, были искренни. Он любил свой Тверской полк, своих соратников, город своего детства — Тифлис. Он грустил, ибо особенно остро почувствовал сегодня, в шумных товарищеских проводах, что он одинок, что у него нет ни родителей, ни собственной семьи, а ему уже двадцать восемь, и он уезжает за тридевять земель на совершенно новое место службы. Как-то все будет…

Путь от Тифлиса до Петербурга неблизок. И сегодня, в век скоростей, поезд проходит это расстояние без малого за трое суток. А сто лет назад хрупкие маломощные паровозы прошли ту же дорогу ровно за десять дней: ехали медленно да и подолгу стояли на каждой станции — меняя паровозы, проверяли смазку вагонных осей и т. п. Порядком утомленный Брусилов прибыл в Петербург утром 17 октября.

Он не был в столице уже девять лет. Проезжая по Невскому, а потом через Неву на Васильевский, в гостиницу, он видел знакомые с юности великие памятники великого города, пышные и стройные здания, оживленные толпы разнообразно одетых прохожих. Ничего не изменилось здесь. Только поразила его неожиданная пустынность на Дворцовой площади и вокруг Зимнего дворца. После 1 марта 1881 года новый царь Александр III почти постоянно жил в Гатчине, а дворец находился под усиленной охраной. Власти опасались новых покушений и заговоров.

Брусилов, разумеется, слышал и о неоднократных покушениях террористов на прежнего царя и на некоторых сановников. Читал он и о недавней казни пятерых цареубийц. Для него все это было непонятно и неприемлемо. Как, поднять руку на государя, помазанника божия?! Что же тогда произойдет с Россией, кто будет править, как устроится мирская жизнь — на эти и другие вопросы Брусилов ответа не находил. Так же не понимали происходящего, так же терялись тут и его товарищи-офицеры. Разумеется, они видели многие нестроения и нарушения в военном деле России — том деле, коему служили

верой и правдой. Они не могли не замечать, что нестроения эти с годами не уменьшаются, а даже вроде бы и возрастают. Почему?.. Виноваты ли в этом социалисты, бросающие бомбы, или кто-то другой? Что-то другое?..

Брусилов не знал, и по русской черте отмахиваться порой от чего-то непонятного, неприятного, сложного, беспокоящего он тоже отодвигал неясные эти для себя темы куда-то в глубину сознания, «на потом». А потом повседневность жизни словно бы и переносила все это на второй план, сомнения и поиски ответа становились вроде бы не главным, умствованием, что ли. А военному человеку полагалось служить, командовать, да не умствовать.

Брусилов и его товарищи не знали и не ведали, разумеется, что эти «старшие» по возрасту и званию давно уже не решали, не решают, а главное — не могут и не умеют решить, даже если б и захотели. Но обнаружилось все этого много-много спустя…

К занятиям в Офицерской кавалерийской школе Брусилов приступил сразу же. Только что созданная школа была еще очень небольшой — всего 36 учащихся офицеров, из них 23 армейца и 13 казаков. Программа была рассчитана на два года, но сама-то программа еще только-только складывалась. Первоначально предполагалось, что слушатели будут получать не одну лишь теоретическую подготовку, но и наиболее совершенную практику конноспортивной выездки.

Увы, последнее сразу же пошло неважно. Брусилов оказался самым молодым по возрасту среди своих новых товарищей, многие ротмистры и подполковники были сорокалетние или уже разменяли давно пятый десяток. Более того: многие, как это, к сожалению, водилось среди русского обер-офицерства, несколько погрузнели, потяжелели, скачки, да еще с препятствиями, оказались бы для них не очень… И программа с ходу была изменена в сторону преимущественно теоретическую.

Для будущего генерала Брусилова в этом обнаружился полезный предметный урок. Человек подтянутый, до самой глубокой старости сохранивший подобающую военному стройную фигуру, он терпеть не мог всякой расхлябанности и излишеств. Армия требует крепкого и закаленного здоровья — это закон, а кто по разным причинам ослабел или обрюзг, должен менять род занятий — это правило было для Брусилова непреложным всю жизнь. С отвращением смотрел он, как иные его товарищи по школе с трудом перекидывали тяжелые, едва гнущиеся бедра через круп лошади, как трясли отвисшими щеками в легкой рыси, не смея перейти в галоп. И это кавалерийские командиры!

Брусилов занимался со страстью. То был уже не леноватый

баловень Пажеского корпуса, нет. Боевой офицер, получивший уже немалый жизненный опыт и в тяготах войны, и в черновой повседневности гарнизонного служаки, он на собственном опыте знал, как не хватает в русской армии серьезной учебной подготовки, как драгоценен полезный учебный навык в армейской жизни.

И он учился с истинным увлечением.

Условия для приобретения опыта были недурны. Школа размещалась на тогдашней окраине столицы, в конце Шпалерной улицы, около Смольного монастыря. Казармы, построенные еще мрачно знаменитым Аракчеевым, были просторны и удобны, конюшни — превосходны, а лошади — просто великолепны для всякого понимающего конника! Теоретическая наука преподавалась тут не бог весть как, зато практика, от которой так охотно отлынивали многие из его новых коллег, эта практика оказалась превосходной.

Брусилов побывал в лучших кавалерийских частях русской армии, познакомился со множеством замечательных конников, опытнейших боевых офицеров. Что из того, что формальная программа его школы давала много места для ничегонеделания или даже откровенного отлынивания от занятий, он с удовольствием и страстью человека, преданного любимому делу, упорно штудировал древнейшую из наступательных наук — кавалерийскую науку. И пусть роль кавалерии вот-вот, через какое-то самое короткое время, начнет уже увядать — Брусилов не знал и не предчувствовал этого, — но страсть к атаке, жажда стремительного наступления, прорыва — это необходимейшее чутье военачальника он в полной мере обрел здесь.

Два неполных года пребывания в школе прошли быстро и легко — так всегда бывает, когда человек занимается любимым делом, и занимается им в охотку. Брусилов взял все необходимое из предоставленных ему возможностей. Он занимался прилежно, на что обратил внимание высшего командования русскими кавалерийскими войсками. А ведь вновь созданная школа подчинялась ни много ни мало главному инспектору всей кавалерия, это не шутка! Опять же Брусилов не участвовал в кутежах, не бретерствовал, не проигрывался в карты «на мелок» (то есть в долг, на запись), а все это было, увы, общепринятым и совсем даже не осуждаемым бытом столичного офицерского сословия. Он не угодничал, не прислуживался перед начальством, что в равной мере не ценят ни товарищи по службе, ни само начальство. Не барствовал, не мордовал «низших чинов». В итоге он научился многому и был отмечен уважением товарищей и положительной оценкой командования. 12 августа 1883 года

Брусилов, как сказано в его послужном списке, «окончил курс наук отдела эскадронных и сотенных командиров по разряду «отличных».

Ранее Брусилов предполагал, что по окончании школы он вернется опять в свой родной Тверской полк. Однако судьба распорядилась иначе. Командование русской кавалерией положительно оценило первый опыт работы школы, решено было расширить ее деятельность. А для этого требовались преподаватели. Выбор пал на Брусилова. Он подходил по всем статьям: имеет боевой опыт и боевые награды, прекрасный кавалерист, любит свое дело, а кроме того, — что очень важно для всякого преподавателя — аккуратен до педантизма (помогло тут воспитание в немецкой семье!), дисциплинирован, требователен и ровен в обращении с людьми.

По окончании трехмесячного отпуска Брусилов в чине ротмистра (майора по-современному) был зачислен адъютантом школы. И еще отметим: незадолго до назначения тридцатилетний ротмистр был награжден орденом Анны 2-й степени, причем, как было помечено в приказе, награжден «вне правил», то есть не за выслугу лет, а за заслуги. Заслугами этими были сочтены отличные успехи его в учебе. (Тут следует пояснить для современного читателя, что в описываемое время обязанность хорошо учиться в высшем учебном заведении отнюдь не почиталась добродетелью, студенты иногда по десять лет тянули университетский курс, и ничего; в военной среде было несколько иначе, но прилежание в науках в общем и здесь наблюдалось прохладное; неудивительно, что упорный, трудолюбивый и способный Брусилов обратил на себя такое внимание преподавателей и командования, то была его личная заслуга, а не следствие общей обстановки и общих требований.)

Итак, в тридцать лет он достиг прекрасного служебного положения, ближайшее будущее также представлялось прочным и определенным. И словно в довершение устойчивости и солидности своего укоренения в жизни тридцатилетний ротмистр сделал предложение руки и сердца племяннице своего воспитателя Карла Максимовича, молоденькой девушке Анне Николаевне фон Гагенмейстер.

Брусилов в личном обхождении всю жизнь оставался очень скромен и даже застенчив. Его товарищи по Пажескому корпусу, по полку, по кавалерийской школе любили шумные попойки, дуэлянтство, ухаживание за девушками и дамами, кое-кто не брезговал посещать и разного рода сомнительные заведения. С юности Алексей отвергал все это, хотя, разумеется, во всяких общественных сходках участвовал наравне со своими

товарищами, тут уж кавалерийская, гусарская традиция, тени Лермонтова и Дениса Давыдова (которые оба, кстати, в реальной, не легендарной своей жизни, пили очень умеренно, распутством же не отличались вовсе)… Сиротское детство сильно повлияло на душевное настроение Брусилова. Он любил семейный уют, скромные, замкнутые домашние радости, тихие вечера с близкими за большим столом. Он мечтал о семье (и впоследствии семьянином оказался очень хорошим).

О его романтических историях в молодости неизвестно ровным счетом ничего. Скорее всего их и не было. То есть была одна, известная вскользь, но о ней как раз уместно рассказать. В бытность свою в Тифлисе молодой Брусилов посещал известный среди местного общества дом Фадеевых. Глава семьи Андрей Михайлович был крупной фигурой среди местной администрации, в ту пору он уже скончался, сын его Ростислав Андреевич — видный военный теоретик и автор многих книг — унаследовал дом отца и его широкое гостеприимство. Здесь собиралось обширное и образованное общество, в том числе много молодых офицеров. Центром гостеприимного дома были две интересные дамы, внучки старого Фадеева и племянницы Ростислава Андреевича — Вера Петровна Желиховская и Елена Петровна Блаватская.

О них тоже стоит сказать два слова, немаловажное отношение к судьбе Алексея Брусилова это имеет. Вера Желиховская была тогда начинающей детской писательницей, позже стала довольно даже популярной. Она приходилась двоюродной сестрой известнейшему деятелю предреволюционной России Сергею Юльевичу Витте, который в семидесятых годах на Кавказе лишь начинал свою головокружительную в будущем карьеру. Елена Блаватская, женщина своеобразная и своенравная, хорошо образованная, но со склонностью к разного рода странностям, стала позже известной в России теософкой, автором ряда известных сочинений на эти темы. В ту пору обе дамы были в самом светском возрасте, в тридцать и за тридцать, отличались непринужденной обходительностью, хорошим воспитанием, весельем и остроумием. Вместе с солидным и хлебосольным хозяином они и составляли широкогостеприимный дом, куда валом валила вся, как бы сейчас сказали, интеллигенция Тифлиса, в особенности молодежь.

Легко себе представить, сколь приятно было поручику, а потом штабс-капитану Тверского полка бывать в этом доме. Лишенный семейного уюта, он с радостью согревался у очага этого большого, ухоженного и уютного дома, не разумея по молодости лет, что огонь этот был в существенной степени

декоративным. Но легко судить потом, а тогда? Тогда молодой выпускник Пажеского корпуса, долгие месяцы служивший в затерянных гарнизонах Закавказья, разве мог он не очароваться милой, уютной обстановкой, не плениться умными и серьезными разговорами, литературными и иными спорами? Последние он с уважением и интересом слушал, но участия не принимал; то не его дело, а военный человек должен быть сдержан в суждениях.

Блестящие хозяйки дома не могли, естественно, не произвести на него впечатления, однако он был целомудрен и строго воспитан, чтобы позволить себе какую-либо хоть малейшую вольность или фривольность. К тому же Вера Петровна и Елена Петровна были давно замужем, следовательно…

Правда, в доме очаровательно щебетала милая девочка-подросток Наденька, дочь Веры Петровны. Молодой Алексей Брусилов церемонно, с нарочитой серьезностью ухаживал за ней, танцевал (а танцор он был отменный), разговаривал по-французски, деликатно поправляя девичьи ошибки в языке (сам-то он говорил как истый парижанин). Было ли что-нибудь серьезное в этом детском, несерьезном ухаживании? Вряд ли. Лишь впоследствии Брусилову неожиданно пришлось вернуться «на круги своя», а потом это возвращение сыграло в его жизни и памяти о нем весьма существенную роль. Но о том позже.

В 1884 году ротмистр Брусилов вступил в законный брак. По тогдашним правилам всякий офицер должен был испросить разрешение на женитьбу у командира своего полка. То был обычай, законом не предусмотренный, но строго соблюдаемый. Роль такого рода в судьбе жениха призван был сыграть тогдашний начальник Офицерской кавалерийской школы генерал Тутомлин (он стал первым ее начальником и возглавлял до 1886 года). Согласие было, разумеется, дано, и охотно: ведь Брусилов не имел главного препятствия к вступлению в брак для офицера, препятствия, весьма нередкого в ту пору: отсутствие карточных и иных долгов.

Кто же была избранницей его сердца? И сердца ли?.. Здесь у нас есть краткое, но вполне определенное свидетельство самого героя, свидетельство, сделанное им много-много лет спустя, поэтому тем более достоверное. В воспоминаниях, написанных, когда «года минули, страсти улеглись», сказано: «Этот брак был устроен согласно желанию моего дяди, ввиду общих семейных интересов». И далее, сразу же после точки: «Но, несмотря на это, я был очень счастлив, любил свою жену горячо, и единственным минусом моей семейной жизни были постоянные болезни и недомогания моей бедной, слабой здоровьем жены».

Стало быть, «неравный брак», иллюстрация к картине

Пукирева с обратным сюжетом? Нет! Совсем нет. Да, Брусилов женился вроде бы «по расчету» (то есть «согласно желанию дяди»), но то был «расчет» не материальный, не имущественный или карьерный, а вступление в брак по искреннему и глубокому чувству долга. Семью, полагал он, как было принято в его среде, следовало создавать не по страсти, не по прихоти, а из соображений нравственного правопорядка. Так говорит ему и воспитатель, заменивший отца: невеста — девушка его круга и безупречной репутации. Будущая семья есть продолжение рода, сочетание обязанностей и взаимной ответственности. А любовь для всех положительных мужчин и женщин, считалось, приходит уже в супружестве. Так жили до нас, так будем жить и мы. И много позже Брусилов имел полное моральное право заключать с исчерпывающей краткостью: «В общем, могу сказать, что первый мой брак был безусловно счастлив».

Да, счастлив, ибо юная, хрупкая, болезненная и не очень внешне красивая жена его горячо и преданно любила своего мужа, жила его жизнью, его интересами, страстно желала детей, была скромна, благонравна и заботлива. И он отвечал ей совершенно тем же. Воспитанная в семье прибалтийских немцев, Анна Николаевна была лютеранкой, но ради мужа перешла в православие, причем вопреки настроениям семьи, что для кроткой и послушной дочери означало шаг серьезный и существенный. Жили молодые супруги дружно, но… Хрупкая и болезненная жена Брусилова вскоре родила мертвого ребенка. Затем второго. Наконец, в 1887 году у них благополучно родился сын, названный по отцу Алексеем.

Брусилов начал службу в школе в уже знакомой ему должности адъютанта. В тех условиях это было, говоря современными понятиями, нечто вроде заведования учебной частью — заботы весьма обременительные, как нынче, так и тогда. Тем более что школа, по существу, только складывалась, много предстояло усовершенствовать и расширить. Он принялся за дело основательно, вдумчиво и настойчиво. Деловитость Брусилова была именно такой. Ведь деловитость тоже бывает разной. У одних она взрывная, бурная, как водопад. А есть спокойная, неброская внешне, но чрезвычайно направленная и поэтому очень результативная. Не сразу, не рывком, но неуклонно и постепенно адъютант школы навел четкий порядок в порученной его надзору организации учебных занятий.

В школе перед Брусиловым возникли совершенно новые, неведомые ему ранее, служебные и человеческие сложности. Одно дело — командовать подразделением в воинской части. Там все просто: вот солдаты, вот офицеры — старшие или младшие.

Иное дело здесь, в Офицерской (офицерской!) школе. «Учащиеся» тут тоже офицеры, причем уже не мальчики, а тридцати- или сорокалетние люди, опытные и бывалые служаки, к тому же по чинам и званиям нередко не уступавшие Брусилову, а кое-кто был и повыше. Руководить таким составом сложно, поэтому нередко между иными преподавателями и учащимися возникали ссоры на почве взаимно уязвленных самолюбий.

И тут проявилась (а позже укрепилась) очень важная черта личности Брусилова, черта, без которой ему впоследствии было бы трудно, прямо-таки невозможно руководить большими массами людей: это необычайная человеческая осторожность и деликатность в отношения с подчиненными. Подобное никак не есть умаление требовательности и даже строгости, как размашисто полагают иные строевики-горлодеры. Напротив, строгий приказ, отданный с уважением к характеру и настроению исполнителя, оказывается подчас наиболее полезным для дела. И в Офицерской школе, и позже, и до конца своей долгой-долгой военной службы — никогда Брусилов не раздражался, не капризничал, не обижал людей «просто так», под настроение, под горячую, несдержанную руку.

Немаловажная это черта для всякого руководителя, а для военного, да еще в условиях боевых действий — в особенности: ведь люди вокруг тоже раздражены, распалены, нервны. Пример спокойно-сдержанного, но твердого руководства тут особенно впечатляет. Если говорить о позднейших наших военачальниках, то Брусилова уместно сравнить с маршалом Рокоссовским (речь идет лишь о личном характере, действовали-то они в совершенно разных условиях). Маршал тоже всегда был сдержан, хладнокровен и тактичен. Но требователен. И не повышал голоса даже в ноябре сорок первого года, прижатый немцами к Москве, казалось, в безнадежном положении…

Солдаты и офицеры очень любят таких командующих.

Брусилов был прежде всего прирожденным кавалеристом и страстным наездником. Древнее искусство верховой езды он любил с юности и к тридцати годам овладел им недурно. Но здесь, в школе, он продолжал это совершенствование, тем паче все условия тому благоприятствовали. Уже сразу по поступлении на службу в школу он приглашен был давать уроки верховой езды воспитанникам его родного Пажеского корпуса. Занятия проходили в манеже, Брусилов и его юные ученики отрабатывали технику выездки. Он оказался хорошим воспитателем и тренером, сразу полюбил эту работу. Занятия доставляли ему больше удовольствия, чем исполнение адъютантской должности, да и пользы он приносил здесь поболее. И вскоре Брусилов

назначается старшим учителем верховой езды и выездки лошадей Офицерской кавалерийской школы.

То оказалась, несомненно, его стихия! Он должен был превратить своих учеников (опытных уже кавалеристов) в совершенных наездников и одновременно, в свою очередь, подготовить из них воспитателей конного мастерства в войсках. Сам Брусилов вел как лекционные занятия по теории езды и выездки лошадей, так и практические. Последнее состояло из упражнений в манеже, скачек по гладкой местности и с препятствиями, разного рода скаковых конкурсов. Такого рода состязания нередко проводились в ту пору публично, вызывая огромный интерес, и не только у военных. Вспомним, например, знаменитую сцену из «Анны Карениной», участие в скачках офицера-кавалериста Вронского (действие происходит в Петербурге в семидесятых годах прошлого века).

Брусилов полагал (и неуклонно проводил свои убеждения в жизнь, начиная с себя самого), что кавалерийский начальник должен быть не только опытным и образованным офицером, подготовленным теоретически, но и умелым полевым ездоком, способным лично повести за собой войска. Такова уж стихия кавалерийской войны. Кавалерия создана прежде всего для атаки, а в атаке командир нередко должен быть впереди войск. Как же он может это сделать, если сам слабо держится в седле?

Так Брусилов начал внедрять в школе (а потом и в войсках) практику кавалерийского упражнения, известного под названием парфорсная охота. Когда-то охота эта была самой что ни есть настоящей: группа всадников (с собаками или без них) преследовала какого-нибудь крупного зверя — оленя, волка и пр. Естественно, что преследуемое животное меняло направление бегства, стремилось скрыться в пересеченной местности и т. п. Вот почему к такой охоте способны были только очень опытные и выносливые наездники. В дальнейшем парфорсные охоты утратили свой первоначальный смысл, сделавшись лишь кавалерийским упражнением.

Упражнение было отменное! Брусилов страстно любил такие охоты и тщательно разработал предписание по ним. Были они двух видов. На местности — как правило, пересеченной — наносился след пахучей жидкостью, подобной запаху какого-либо зверя. По этому якобы следу выпускалась небольшая свора собак, очень выносливых и резвых. Собаки с громким лаем уносились «по следу», а за ними должны были следовать кавалеристы, причем не кое-как, а в строго определенном порядке. Ясно, что от участников такого рода гонки требовалось недюжинное умение владеть лошадью.

Второй вид охоты был куда как сложнее. В особых питомниках выращивались дикие олени, их отлавливали и привозили на местность, определенную загодя. Затем выпускалась свора собак, за нею всадники. Собаки брали след, теперь уже настоящий, и гонка начиналась. Ясно, что в первом случае предполагаемый для всадников путь как-то выбирался, можно было, скажем, исключить особо сложные или опасные участки. Иное дело — гонка за оленем, он-то ведь неизвестно куда побежит! И вот отряд отборных наездников, соблюдая строй, несется, преодолевая кручи и спуски, овраги и ручьи, перелески и кустарники, перескакивая через завалы и ямы. Молодецкое это упражнение было доступно лишь искусным наездникам. Зато кавалерист, прошедший такую школу, уже не сробеет в самой сложной боевой обстановке, покажет пример в атаке.

Брусилов обожал парфорсные охоты и добился повсеместного введения их в русской кавалерии. Его же воспитанники в полках и руководили этим делом. И он позже имел полное право с удовлетворением подвести итог: «Считаю, что это дело было поставлено мною хорошо, на широкую ногу и принесло значительную пользу русской кавалерии». И это правильно.

В школе Брусилов пользовался общим уважением как педагог и отменный кавалерист. Служба его шла хорошо. В 1890 году он производится в подполковники, а в 1891-м повышается в должности, сделавшись начальником отдела эскадронных и сотенных командиров, то есть основного отдела (факультета) Офицерской кавалерийской школы.

Семейная жизнь его протекала благополучно, каждую осень, когда офицеры возвращались из летних лагерей, они с Анной Николаевной и сыном уезжали в имение родственников жены, неподалеку от Ревеля (Таллина). Порой их посещали братья Брусилова. Средний, Борис Алексеевич, к тому времени уже вышел в отставку и жил частной жизнью. Младший, Лев Алексеевич, служил в чине лейтенанта на Черном море, служба его шла хорошо. Иногда Алексей Алексеевич с супругой ненадолго ездили отдохнуть за границу, во Францию или в Германию. Брусилов водил Анну Николаевну к европейским медицинским светилам, лечил ее на разных водах. Помогало это мало…

Меж тем деятельность Офицерской кавалерийской школы расширялась. Усилиями Брусилова парфорсные охоты стали обязательными для высшего командного состава русской кавалерии. Был создан даже постоянный лагерь для таких охот, сперва в Новгородской губернии, а позже в Виленской. Дело ставилось на широкую ногу. Не только состав школы принимал

участие в охотах, но и приглашались из частей обер-офицеры (от капитана до полковника). Более того: все кандидаты на должность командиров кавалерийских полков должны были участвовать в охотах и проходить тут нечто вроде испытания. Календарный срок охот также точно определялся приказам по армии: с 1 августа по 1 сентября.

Начальником школы был в ту пору Владимир Александрович Сухомлинов — странная и зловещая фигура в русской армии предреволюционной поры. Красивый, подтянутый мужчина, лет немного за сорок, кавалерист по профессии, командир полка во время русско-турецкой войны, он был прежде всего честолюбцем, более того — карьеристом до мозга костей. Жаждал более всего чинов и наград, денег, а каковы будут чины, чьи окажутся награды, чем пахнуть будут деньги — ему казалось настолько безразлично, что он удивился бы, задай ему кто такой вопрос. Естественно, что Сухомлинов был безоговорочно космополитичен: кому служить, зачем — какая разница? Со временем на этом его ловко подловят, и случится позорный крах, казалось бы, такой завидной карьеры. Но то произошло много позже.

Впрочем, занятый карьеристскими интригами, Сухомлинов не мешал Брусилову совершенствовать подготовку кавалерийских офицеров. Более того, начальник даже покровительствовал своему способному и исполнительному подчиненному, ведь приятно же получать добрые отзывы о руководимом тобой учреждении! Ради собственной выгоды Сухомлинову плевать было на всю русскую кавалерию, на всю Россию, но пока их интересы с Брусиловым не пересекались, пусть он и старается…

Более того, Сухомлинов даже представил его ко внеочередному производству в полковники: это случилось в 1892 году. Одновременно тем же приказом Брусилов причислялся к штату лейб-гвардии, а это значило уже очень много. В последнем сыграл роль великий князь Николай Николаевич, в ту пору главный инспектор кавалерии. Он был неплохим военным, знал и любил хороших кавалеристов. Брусилова он увидел в деле, как организатора парфорсных охот, и оценил его. Новоиспеченному гвардии полковнику не миновало еще сорока.

Разумеется, стать к сорока годам полковником, хоть и полковником гвардии, не такая уж головокружительная, блестящая карьера. Немало однокашников Брусилова по Пажескому корпусу добились подобного же, хоть и не обладали ни его способностями, ни упорством; кому подвезло, кто приобрел высокого покровителя, а в особенности легко шло продвижение у тех, кто родовитее, у кого лучше родственные и

иные связи. Правящий класс России конца XIX — начала XX века закостенел, обрюзг, увял. Но, как всякое увядающее и окостенелое, он все более замыкался в себе, ограждаясь от любого нового, растущего, смелого. Прошли давно времена Петра Великого, когда рядовые солдаты дослуживались порой до генеральских звезд, миновали и времена Суворова, когда все же нет-нет да круто взлетал ввысь какой-нибудь дворянин из захудалого рода. Высший офицерский корпус стал военным сословием, замкнутой кастой. И хотя Брусилов был военным в четвертом поколении, все равно «родовитости» ему не хватало. Значит….

Однако есть полковник и полковник (как инженер и инженер, врач и врач и т. д.). В общем-то люди не слепы и всегда видят и чувствуют подлинную ценность человека и работника и понимают скрытые вроде бы (а на самом деле всегда вполне очевидные) причины успеха и неуспеха.

Так вот. Полковник Брусилов среди нескольких сот состоявших на действительной военной службе полковников (а были еще отставные, гражданские, жандармские и всякие иные) был очень известен и весьма авторитетен. За многие годы преподавания в Офицерской кавалерийской школе перед ним прошел чуть ли не весь обер-офицерский состав российской кавалерии. Он знал всех, сильные и слабые стороны каждого, а все знали его. Знали и ценили. Ценили командирские и кавалерийские способности, достойную офицера сдержанную строгость, неутомимое трудолюбие и преданность делу. Хорошо знали Брусилова и старшие начальники вооруженных сил России, часто посещавшие школу. Тогдашний военный министр П. С. Ванновский, начальник Главного (по теперешнему — генерального) штаба Н. Н. Обручев — люди, кстати сказать, очень понимающие и опытные — тоже, со своей стороны, примечали и отмечали воспитателя кавалерийской смены русской армии.

Итак, занятия в школе шли своим чередом, Брусилов читал лекции, совершенствовал конную практику. Размеренная жизнь менялась мало. В конце лета — кульминация учебного года, парфорсные охоты, затем отпуск, частые и безуспешные попытки вылечить больную жену. Брусилов не тяготился постоянством своего положения. Нельзя сказать, что он не был честолюбивым, нет, совсем нет, но суетиться, проявлять искательность, интриговать он не мог по самой сути своей душевной природы. Другие торопятся, толкаясь, наверх? Пусть.

В 1897 году у него появляется солидная статья в самом солидном по тем временам специальном издании — «Военном сборнике». Статья называлась «Об одиночной подготовке

всадника и коня в кавалерии». В следующем году вместе с одним из своих коллег он два месяца провел в заграничной командировке, посетив Францию, Австро-Венгрию и Германию. Осмотрели лучшие школы верховой езды и конные заводы, побывали в кавалерийских частях. Чужой опыт всегда полезен, если смотреть без подобострастия, но и не отмахиваясь. Это чем-то сродни тому, как наблюдать себя со стороны нелицеприятнейшим взглядом: лучше замечаешь собственные особенности и отличия, сравнивая себя с кем-то иным. Так и Брусилов отметил, что уровень верховой езды у нас не хуже, а может быть, и лучше, а вот лошади поплоше европейских.

Здесь надо сделать одно отступление. В обыденном представлении сегодняшнего человека самые резвые лошади — это дикие мустанги или какие-нибудь полудикие монгольские степняки. Увы, это совсем не так. Лошадиная резвость зависит от породы, а порода вырабатывается десятилетиями, веками порой. И как ни обидно, но современная породистая лошадь запросто обойдет не только какого-нибудь мустанга, а любого скакуна из конницы парфянских царей или воинов Чингисхана. Как ни обидно за прошлое, но это так.

Первыми начали выращивать породистых лошадей в Англии, и долгое время лучшие образцы коней были там. В России конные заводы возникли сравнительно поздно, в конце XVIII века, но еще и в XIX веке кровных, то есть породистых, лошадей для русской кавалерии не хватало. Этим надо было заниматься, и упорно, ведь на крестьянском Саврасушке в бой не пойдешь, точнее — уйдешь недалеко. Но занимались мало, как мало занимались и многим иным, связанным с укреплением обороноспособности России. Брусилов и его коллега полковник В. А. Химец опубликовали впоследствии свои впечатления о поездке, обобщив полетный заграничный опыт.

Меж тем пронырливый Сухомлинов добился назначения в Киевский военный округ и оставил школу. Начальником ее в 1897 году стал генерал Агаси-Бек-Авшаров. То был представитель родовитой азербайджанской знати; после вхождения Азербайджана в состав России его предки, как и вся местная аристократия, получили полные права с русским дворянством, причем все они сохраняли магометанское вероисповедание; многие из них служили офицерами в армии, в особенности в кавалерии. Авшаров был типичный паркетный генерал, интриган и льстец, ленивый работник и никудышный администратор. Как и все люди подобного, склада, основные свои усилия он направлял на угождение начальству, в чем умел преуспевать. Впрочем, лесть лестью, кто же, увы, не любит комплиментов, но школу-то вести,

надо, а хозяйство сложное. Но вот вести-то это самое хозяйство Авшаров не хотел, да и не сумел, бы, если б вдруг и захотел.

Естественно, что основные заботы пали на плечи Брусилова. В то время репутация его была безупречной и очень весомой как среди широких кругов кавалерийского офицерства, так и у командования. Закономерным следствием всего этого стало назначение Брусилова в 1898 году помощником начальника школы. Это очень укрепило его положение, ибо он не только фактически, но и по должности стал вторым лицом в части. По существу же, все дела теперь вел он. 6 мая 1900 года высочайшим приказом его производят в генерал-майоры. Молодым генералом Брусилова, конечно, назвать было уже нельзя, что ж делать, сорок шесть лет миновало), но он был по-прежнему юношески сух, строен, крепок и ловок, в полной мере сохранял спокойную и напористую молодую энергию, был крайне воздержан в личных свойствах и привычках.

И вот тут-то впервые за некраткую уже служебную жизнь, у генерала Брусилова начались неприятности по службе. Авшаров был ленив и неумен, но, как все хитрецы и пройдохи, отличался ловкостью и неразборчивостью в интригах. Он понимал, разумеется, что прогнать толкового и трудолюбивого Брусилова у него нет возможности, но как-то замазать его репутацию можно было попытаться. Авшаров не торопился, он знал, что спешка в таких подкопах ни к чему, он понял, что главный инспектор кавалерии Николай Николаевич определенно благоволит Брусилову, но заметил также, что начальник штаба главного инспектора генерал Палицын, напротив, Брусилова недолюбливает.

К тому имелись свои причины. Палицын был чванливый, мелочный человек, а сделав головокружительную карьеру, вообразил себя существом значительным и крупным. Более всего любил лесть и угодничество. Брусилов же эти чувства старого генерала никак не удовлетворял, наоборот, он постоянно вынуждал его заниматься делами Офицерской школы, ставил перед ним различные вопросы и т. д., делал это, как всегда, почтительно и корректно, но без угодничества, а это праздный и капризный старец принимал за дерзость.

Авшаров не без успеха интриговал перед Палицыным против Брусилова, притом внешне сохраняя с последним приятные, почти дружеские отношения. Он не понимал, как и многие ему подобные люди, что все эти хитросплетения лежат на поверхности, ибо хитрость вообще есть проявление ограниченности ума. Неизвестно, чем бы все кончилось, но великий князь Николай Николаевич не внял брюзжанию своего

начальника штаба, более того — негодность Авшарова становилась слишком уж заметной.

И вот, как часто бывает, произошло обратное тому, на что рассчитывал интриган: 3 февраля 1902 года была учреждена еще одна должность генерала для поручений при главном инспекторе кавалерии, а назначили на эту должность… Агаси-Бек-Авшарова. Его, так сказать, «повысили», а по существу, удалили от дел, предоставив пожизненную синекуру. Ни у кого не было сомнений, кто именно примет Офицерскую кавалерийскую школу. И действительно, ровно через неделю был подписан приказ о назначении начальником ее причисленного к гвардии генерал-майора Алексея Алексеевича Брусилова.

Итак, он встал во главе не очень большого численно, но очень важного по сути армейского подразделения. Изменилось ли что-нибудь в его действиях, в его поведении? Нет. По-прежнему он так же спокойно, твердо и целенаправленно руководил школой, совершенствуя преподавание в ней и повышая требовательность к обучающимся. Многие люди в обыденности предаются маниловским мечтаниям: вот если бы-де я стал… (директором, царем, фельдмаршалом и т. д.), уж я бы… Мысль ложная исходно, ибо если инженер-технолог плох на своем месте, то он станет еще худшим директором, если командир роты не справляется или кое-как справляется с положенной ему задачей, то и фельдмаршалом он сделается никудышным. Только из хорошего технолога делается дельный директор, как из толкового капитана — отменный генерал, а не наоборот.

Брусилов был хорошим поручиком в полку, хорошим курсовым офицером в кавалерийской школе, хорошим заместителем плохого начальника — он естественно и органично стал хорошим генералом на генеральском посту. Только так и бывает в жизни, и никак иначе.

Став во главе школы и опираясь на поддержку самого генерал-инспектора всей русской кавалерии, Брусилов не замедлил улучшить вверенное ему дело. И тут следует кое-что прояснить. Уже в конце прошлого века, а в особенности в начале нынешнего в ряде стран сложилась внутри дворянско-военного сословия внутренняя, так сказать, каста: совокупность выпускников Академии Генерального штаба. В сильнейшей степени это было характерно для армий Германии и Австро-Венгрии, но не миновало и императорскую Россию. Выпускники Петербургской академии тоже представляли собой — то есть почитали себя так — сливки офицерского корпуса. То были в подавляющем большинстве своем выходцы из аристократических военных фамилий и свое быстрое продвижение по службе

полагали признаком особых своих способностей. Так возникала замкнутая, самоуверенная каста, противостоящая основному по численности корпусу армейских офицеров.

Брусилов Академии Генштаба не кончал, с этой самозваной «элитой» и не был связан, и самоуверенности ее питомцев не ценил. Он добился того, что офицеры-генштабисты, служившие в кавалерийских частях, тоже должны были пройти практическую переподготовку в возглавляемой им школе. Ими это встречалось, мягко говоря, прохладно. Как так, они все знают, все превзошли и вдруг — какая-то, как они выражались, «лошадиная академия»?..

Но Брусилов был непреклонен, и немало презрительных аристократов, занимавших крупные посты в кавалерии, но не умевших, однако, держаться в седле, крепко попортили свою карьеру. Брусилову пришлось пережить немало неприятностей, но он был непреклонен, ибо знал, что прав. А ядовитая шутка насчет «лошадиной академии» его ничуть не пугала. Какая же, в самом деле, может быть кавалерия, если кавалерист не сидит в седле?..

Впрочем, тут надо добавить справедливости ради, что вовсе не все генштабисты презирали усилия Брусилова по внедрению в армию истинно кавалерийского духа. Впоследствии известный писатель, а тогда, в начале века, питомец академии генерал А. А. Игнатьев свидетельствовал: «Суровые требования кавалерийской школы сыграли полезную роль. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих кавалеристов и все меньше людей, склонных к покою и ожирению». Последнее особенно в точку: растолстевший кавалерист так же нелеп, как ныне летчик-истребитель с брюшком. Но бывало… Впрочем, Брусилов добивался не стройности фигур, а умения вести в бой войска. И многие поддерживали эти его несомненно полезные для армии усилия.

К сожалению, Брусилов жил и действовал в ту пору, когда время для любых полезных начинаний было самое неблагоприятное. Пожалуй, никогда за всю тысячелетнюю историю России не было такого слабого, такого непопулярного в народе государственного руководства, как в начале XX столетия. Огромная и богатейшая страна раздиралась острейшими противоречиями. Большинство народа — ее труженики и защитники, крестьяне и рабочие — находилось в унижении, бесправном положении. Они остро чувствовали свое бесправие и остро ненавидели бар и господ, обрекающих их на унижение в своей собственной стране. Ведь не анекдоты досужих мемуаристов, а самый очевидный, к сожалению, исторический факт, что на воротах некоторых парков вешалась табличка:

«Собакам и низшим чинам вход воспрещен». Кстати, Брусилов в воспоминаниях сам описал подобный случай и описал с возмущением. Но другие-то генералы и офицеры этим не возмущались, а иные почитали за должное. К несчастью для тогдашней русской армии, для всей России, таких бар-офицеров было большинство.

В России в начале века все шло к революционному взрыву. Брусилов этого, конечно, не предчувствовал и не понимал, но растущее неблагополучие во вверенном ему деле замечал отчетливо.

Лучшим доказательством этому может послужить небольшой отрывок из воспоминаний Брусилова:

«Александр III, человек твердый и прямой, не имел склонности к военному делу, не любил парадов и военной мишуры, но понимал, что для сохранения мира в особенности необходимо быть сильным, и поэтому требовал наивозможно большего усиления военной мощи России. Военный министр Ванновский при помощи даровитого своего помощника начальника Главного штаба Обручева за время этого тринадцатилетнего царствования сделал очень многое и значительно упорядочил и развил наши военные силы, а кроме того, главное внимание обратил на обороноспособность нашего Западного фронта против Германии и Австро-Венгрии; этот театр военных действий ими усиленно подготовлялся. Новая дислокация войск, постройка крепостей, новое устройство крепостных и резервных войск немедленно поставили Россию в завидное положение государства, серьезно готовящегося к успешной защите своих западных границ».

Написано это позже, когда многое стало ему ясно и понятно, но написано предельно объективно, со стремлением осмыслить события всесторонне и в то же время субъективно: он высказывает собственную точку зрения, а не присоединяется к какой-либо расхожей.

Надо признать, что в этих оценках Брусилова есть некоторое преувеличение. Действительно, Ванновский и Обручев были способными стратегами, действительно, при них правильно был определен главный театр военных действий будущего и сделано много для его укрепления, но сделано далеко не все, более того — только начато, русская армия и флот все же оснащены были слабее, чем войска Германии и Австро-Венгрии. Однако понять Брусилова нетрудно, ибо потом всякая последовательность и цельность в военной политике России были нарушены полностью. И то, что Брусилов высказал далее, в том он прав вне всяких сомнений:

«К сожалению, с воцарением Николая II и в особенности с удалением Ванновского и Обручева картина резко переменилась.

Явились, по свойству характера молодого царя, колебания то в ту, то в другую сторону, а новый военный министр Куропаткин не был достаточно настойчив в своих требованиях, не получал достаточных кредитов и старался лишь угодить великим мира сего, хотя бы и в ущерб делу.

Несбыточные и непродуманные миролюбивые тенденция привели к фатальной для нас Гаагской мирной конференции, которая лишь связала наши руки и затормозила наше военное развитие, тогда как Германия продолжала энергично усиливаться. А затем мы затеяли порт-артурскую чепуху, приведшую к печальной памяти японской войне».

Да, неудачная эта война до основания потрясла одряхлевшую монархию. Пагубное направление петербургской политики было очевидно еще задолго до нападения японцев на Порт-Артур, и не один Брусилов видел это. Шайка темных, хотя и весьма высокопоставленных личностей в своих узкокорыстных интересах начала бессмысленную авантюру в Маньчжурии и в Корее, провоцируя войну с японскими самураями. А когда эта война была Японией развязана, царская Россия оказалась в полной дипломатической изоляции, в то время как японцы получали помощь от Англии, Америки и других империалистических держав. Не место здесь подробно говорить о ходе несчастной и неудачной этой войны, приводим лишь итоговое суждение В. И. Ленина, его суровую, но справедливую оценку тогдашней российской армии: «Генералы и полководцы оказались бездарностями… Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием»[4].

О начавшейся в девятьсот пятом году первой русской революции Брусилов в своих воспоминаниях почти ничего не сказал, ничего нет об этом и в дошедших до нас его статьях и письмах. Можно сделать лишь более или менее вероятные предположения. Вне сомнений, что события 9 января не могли не потрясти его (он был тогда в Петербурге, это известно точно). Боже, войска стреляют в толпы безоружного народа, и какие войска — русская гвардия, полки, основанные еще Петром Великим! Какое дьявольское наваждение поразило правителей России?!

Потом начались восстания на флоте, в войсках. Это тоже казалось немыслимым, невероятным. Ясно, что потомственный и кадровый военный Брусилов этим восстаниям никак не сочувствовал, скорее напротив, но почему они происходят — вот

вопрос, который мучил все патриотическое офицерство.

Ответа Брусилов тогда не находил, свой долг служебный он видел в том, чтобы наилучшим образом вести дела во вверенной ему части. И дела там действительно шли неплохо. «Лошадиная академия» сделалась признанным центром подготовки командного состава русской кавалерии. И не только практическим, но со временем и теоретическим: Брусилов добился издания «Вестника русской кавалерии» — солидного периодического сборника, где, кстати, нередко выступал со статьями и он сам.

В апреле 1906 года генерал Брусилов покинул Офицерскую кавалерийскую школу, где он прослужил почти четверть века, начав простым слушателем, а закончив начальником ее. Школа стала поистине его детищем. Она сыграла заметную роль в подготовке кадров для русской кавалерии. И не только для армии старой, но и для будущей, новой Красной Армии, в которой поседевшему кавалеристу тоже пришлось немало послужить. В полках легендарного Буденного, в лихих конниках гражданской и Отечественной войн жила, сохранялась и приумножалась добрая слава брусиловской школы.

«Лошадиная академия» — дразнились злоязыкие сплетники. Да, именно академия и именно лошадиная. Пока существовала боевая конница, без таких вот академий не обойтись. Не обойтись без тяжелой, упорной и целенаправленной работы, а кому неугодно — что ж, тому следует оставить боевое седло. И как раз в год, когда генерал Брусилов закончил в офицерской школе свою службу, в печати появилось его сочинение, где были с исчерпывающей ясностью выражены мысли автора на этот счет: «Кавалерист не борейтор, не узкий манежный специалист, а конный воин, составляющий единое целое с лошадью… Конный воин должен учиться работать при всяких условиях, то есть по всякому грунту, в гололедицу, в глубоком снегу, в мороз, в оттепель, днем, ночью и т. д.».

Таковы были непреклонные требования брусиловской «лошадиной академии».

ТРУДЫ В СУМЕРКАХ

19 апреля 1906 года генерал-майор Брусилов стал начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Стать офицером гвардии, а тем более начальником гвардейской дивизии издавна считалось в России большой честью. И считалось заслуженно.

Русская гвардия была создана Петром Великим еще в 1687 году. Боевое крещение получила в походах под Азов и в тяжком испытании под Нарвой. С тех пор в течение двух столетий гвардия участвовала во всех без исключения войнах, которые вела Россия. Под Полтавой и у стен Измаила, на Бородинском поле и на бастионах Севастополя гвардейские знамена развевались в первых шеренгах наших войск. Их видели в Берлине и Париже, на горных кручах Италии и Болгарии, под стенами Стокгольма и Константинополя. И никогда не становились знамена русской гвардии добычей врага, даже тогда, когда наша армия терпела неудачи, — слово «сдаюсь» не значилось в гвардейском лексиконе. Великая честь служить в таком войске.

Во 2-ю гвардейскую дивизию, поступившую под командование Брусилова, входили старейшие и прославленные в боях кавалерийские полки — те полки, которые навечно связаны с нашей воинской историей. Лейб-гвардии Гусарский основан в 1796 году, Конно-гренадерский и Уланский ее величества полки — в 1809-м, все три храбро сражались в Отечественную войну двенадцатого года. Четвертым в состав дивизии входил Драгунский полк, причисленный к гвардии «только» в 1814 году, но довольно уже заслуживший воинской славы, в частности, в последней русско-турецкой войне. Это был действительно цвет вооруженных сил страны — полки, бывшие ровесниками побед Суворова и Кутузова.

Но… После такого блестящего послужного списка это самое скептическое «но» кажется очень неуместным, да из песни слова не выкинешь. Увы, с началом массового рабочего движения царизм опозорил славу русской гвардии, выставляя ее против народа. 1905 год. Гвардейские части стреляли в толпы безоружных людей в Петербурге 9 января в Кровавое воскресенье. В декабре гвардейцы подавляют рабочее восстание на Красной Пресне. Прогнивший царизм, судорожно пытаясь продлить свое обреченное существование, готов был вовлечь в пучину все ценное и положительное, что накопила Россия за тысячу лет своего существования. Даже боевую славу русской гвардии.

Разумеется, далеко не все офицеры гвардии оставались

равнодушны к тому, что старейшим и заслуженным полкам поручаются палаческие обязанности. Брусилов был в их числе. Он не шумел и не витийствовал, не в его это было характере, да и не положено так вести себя военному человеку. Но он твердо и неуклонно отстаивал свою линию: армия должна сражаться против врагов государства, но не воевать против русских рабочих и крестьян. Скажем сразу, что среди обер-офицеров и генералитета императорской гвардии насчитывалось очень много яростных, закоснелых реакционеров, помещиков-крепостников, почитавших собственный народ не лучше скотов и готовых на все, только бы сохранить навеки свои дворянские преимущества и привилегии. Ничего общего с ними Брусилов не имел. И не потому, что не унаследовал он поместья, не приобрел их да и не стремился приобрести, а потому прежде всего, что солдата, то есть народ российский, — в соответствии с суворовскими традициями — никак не почитал ниже себя.

Время, когда Брусилов вступил в командование дивизией, было смутное и неустойчивое. Натиск революционного народа в 1905-м царизм отбил, пик революции прошел, но буря еще далеко не улеглась: по стране грохотали рабочие стачки, то и дело взрывались солдатские и матросские бунты, то здесь, то там метался «красный петух» над помещичьими имениями.

Царская власть не могла овладеть положением, только судорожно отбивалась от своего же народа. Одряхлевший правящий класс России не находил выхода из тупика. Цепляясь за власть, за свои узкосословные корыстные интересы, дворянско-помещичья бюрократия оптом и в розницу запродавала Россию международной плутократии. На подавление революции петербургские правители вымаливали займы от французских и английских Ротшильдов. Те давали, но под зверские проценты и — хуже того! — с условием предоставить новые и новые привилегии своей агентуре в России, космополитической финансовой олигархии в лице банкиров Поляковых, Гинзбургов, Альтшуллеров и иных. Царская администрация объективно вела народы России в зловещую кабалу, превращая богатейшую страну в колонию денежных мешков Парижа, Лондона, Брюсселя и Нью-Йорка.

Известно, что паразиты особенно охотно нападают на больных, слабых и одряхлевших. Природная эта черта в чем-то справедлива и для социальной жизни. И вот Брусилов и другие искренние патриоты Отечества в то смутное время с ужасом и болью наблюдали скопления разнообразных паразитов по всему телу России. Петербург, этот российский Вавилон того времени, переполняли биржевые маклеры и темные финансовые воротилы,

международные дельцы и дорогостоящие кокотки из Вены или Парижа, основатели уродливых религиозных сект из чужих краев и «свои», отечественные проходимцы и кликуши. Чего стоил один Гришка Распутин, эта грязная кукла, которую дергали за прочные, невидимые ниточки Арон Симанович «со товарищи», ближайшие «секретари» похабного сибирского мужлана. Высокопоставленные чиновники охотно играли роли «революционеров», террористы-заговорщики вроде Евно Азефа выполняли обязанности агентов охранки. И все вместе совокупными усилиями высасывали кровь пораженной недугом страны.

Для спасения России требовались крутые меры. Пораженная склерозом, слабоумная голова самодержавия неумолимо должна была пасть, а тело страны очищено от паразитов. Ленин и большевистская партия знали путь к спасению трудового народа, они уверенно вели этот народ по пути справедливой борьбы. Но ленинцев, но большевиков было тогда мало, очень мало. А что было делать многим и многим иным честным гражданам России вроде Брусилова и ему подобных, которые не увидели, не поняли еще правду грядущей народной революции? Им приходилось нелегко в обстановке разложения и очевидного распада. Отмахнуться от всего, уйти в свою скорлупу? Или уж догулять оставшееся, а там — после нас хоть потоп?..

Нет. Для Брусилова такой путь был немыслим по самой его душевной природе. Он будет выполнять свой долг, несмотря ни на что. Распутин и его присные распродают Россию своим и заграничным плутократам? Помешать им Брусилов не в состоянии, но он не разрешит темным дельцам крутиться вокруг вверенных ему полков, он не позволит мордовать солдат офицерам-крепостникам, он будет стремиться создать боеспособные, хорошо обученные войска, которые смогут отразить нападение внешнего врага.

Меж тем вооруженные силы России находились в неважном состоянии. Только что закончилась неудачная русско-японская война. В либеральных кругах сделалось модой поносить русскую армию и флот. Слов тут не жалели, оплевывая наряду с настоящим и славное прошлое. Крикливая эта брань не могла, конечно, не оскорбить потомственного военного Брусилова, но он и не думал отвечать, да и вообще относиться ко всему подобному всерьез. Но он, как и другие мыслящие русские офицеры, мучительно размышлял над причинами дальневосточных неудач. За ходом войны Брусилов следил очень пристально. Тут имелась и сугубо личная причина: его младший брат Лев служил офицером на крейсере «Громобой», принимал непосредственное участие в сражениях с японским флотом (в известном бою в

Корейском проливе корабль был сильно поврежден, но Лев Алексеевич, к счастью, остался невредим). И вот — поражение на суше и на море. Что же произошло? Как это могло случиться?

Ответ не был прост. Русская армия ни в чем не уступала противнику: ни в подготовке личного состава, ни в вооружении, ни в численности. Все бранили командование, и в общем-то поделом. Но Брусилов хорошо знал генерала Алексея Николаевича Куропаткина, неудачного главнокомандующего на Дальнем Востоке; это был способный, образованный и храбрый военачальник с большим опытом боевой и штабной службы. Почему он так неуверенно руководил войсками под Ляояном и Мукденом, так нерешительно шел вперед, так боялся противника? Так же вяло, с оглядкой действовал и сменивший Куропаткина Линевич — тоже вроде бы боевой генерал в прошлом. А на море? Адмиралы Витгефт и Рожественский тоже боялись решительных действий, чурались смелой атаки, что всегда отличало русский флот.

Почему же, пытался осмыслить Брусилов, почему лично храбрые и опытные военачальники начинали вдруг путаться, проявлять нерешительность и вялость? Не потому ли, что нет твердой направляющей руки сверху, что нет ясных целей и указаний, что стоящие у власти сами не знают, чего хотят, а потому и не в силах ничего определенного потребовать?..

От этих мыслей легче не становилось. Ясно было одно: чтобы Мукден и Цусима более не повторились, следует коренным образом преобразовать в лучшую сторону все военное устройство России. Именно этому, по мнению Брусилова, ему и следовало посвятить себя.

Минувшая неудачная война отчетливо показала слабость подготовки русских офицеров, особенно высшего звена. Брусилову было ясно, что эту подготовку надо решительно и всесторонне улучшать. Но как? У кого учиться? Легко идти вслед за кем-то очень крупным и значительным, за деятелем, всеми уважаемым и признанным. Тогда в его силе соратник черпает собственную силу и решимость, которых может недоставать. Но в предреволюционной России деятелей такого рода не находилось…

Военным министром был тогда Александр Федорович Редигер — образованный и опытный генерал, много лет прослуживший в министерстве, профессор Академии Генерального штаба. Он видел вопиющие недостатки в тогдашней русской армии, даже имел смелость почтительно докладывать о том государю. Но путей для коренных преобразований он не знал, решительностью не обладал, оставался по-стариковски осторожен

(хотя и совсем не стар, с Брусиловым они были ровесниками). Неудивительно, что Редигер так ничего крупного и не совершил, а за то, что докладывал о неприятном, был довольно бесцеремонно уволен в отставку. Его сменил уже известный Сухомлинов, деляга и проходимец чистой воды. Чему же мог научиться Брусилов у таких деятелей?..

И приходилось действовать, опираясь лишь на собственный опыт, осторожно прокладывая шаги вперед. На ощупь. В кромешной темноте.

В начале XX столетия в военном деле происходила революция, порожденная революцией в промышленности. Коротко говоря, в начале нашего века появилось оружие массового поражения: скорострельные пушки и пулеметы. Веками, тысячелетиями даже, основой основ сухопутного боя был сомкнутый строй бойцов. Уже плохонькие пулеметы русско-японской войны заставили строй рассыпаться в цепи и группы, идти в атаку не маршем под барабан или флейту, как это происходило испокон веков, а перебежками, нарочито вразнобой, дабы не быть начисто скошенными огнем противника.

Или еще. Ранее солдат или полководец всегда мог видеть противника (если тот, конечно, не прятался в засаде), теперь же дальнобойная артиллерия молотила боевые порядки на таком расстоянии, что в бинокль не увидать. А тут еще радио, коренным образом изменившее организацию связи и управления войск. А тут и самолеты, необычайно расширившие возможности разведки (это уже тогда, при жизни Брусилова, а чем стала авиация потом, знает ныне каждый).

Далеко не все люди могут познать новое явление из чужого опыта, тем паче из теории. Да, пулеметы и скорострельные пушки давно уже испытывались на полигонах и даже на маневрах, однако многие, очень многие офицеры и генералы продолжали мыслить и действовать по старинке. И не только в русской армии, это надо подчеркнуть тут. Военная система французов, немцев и англичан к началу первой мировой войны тоже явно отставала от технических возможностей тех боевых средств, которые уже имелись в армейских штатных расписаниях. Для многих, слишком многих понимание нового пришло после кровавого опыта первых дней всемирной войны.

Брусилов был всего лишь командиром дивизии, его влияние на общее положение дел в русской армии, естественно, невелико. Но здесь надо отметить, что он в общем и целом правильно рассмотрел направление воспитательной работы в офицерском корпусе в этих новых условиях. Он, как обыкновенно, неспешно и осторожно обдумывал вопросы.

Он подготовил для своих офицеров нечто вроде записки, где изложил некоторые свои принципы. Прежде всего широко поставил вопрос о коренной перестройке самого понимания хода военных действий в современных условиях. Отталкиваясь от недавнего печального опыта на сопках Маньчжурии, он писал: «Нынешняя война воочию показала нам, что мы, как и всегда, умеем доблестно умирать, но, к сожалению, не всегда принося своей смертью ощутимую пользу делу, так как сплошь и рядом не хватало знаний и умения применить на практике и те знания, которые были».

Верно, хоть и сказано осторожно, по-товарищески, не оскорбляя памяти павших и самолюбия живых. Военное дело требует серьезного и разностороннего образования. Таким был, например, великий генералиссимус Суворов, проштудировавший множество книг на русском и иностранном языках, неустанно совершенствовавший практические познания в самых разных областях. Таковы были все великие полководцы начиная с Александра Македонского и Юлия Цезаря. Всем известно, что плод познания горек, поэтому от него не прочь отмахнуться, но в переломное время начала XX века напомнить о необходимости всестороннего переучивания военных специалистов было насущно необходимо.

Далее Брусилов столь же определенно, деликатно и спокойно формулирует свои пожелания о воспитательной работе подчиненных ему офицеров: «Современный бой требует от каждого офицера широкого кругозора и способности самостоятельно, без подсказки, принимать собственное решение; отсюда прямой вывод, что для поднятая военного образования и развития разумной инициативы и решительности в мирное время среди офицеров надо обратить исключительное внимание». Сказано тяжеловато, да ведь военные документы стихами не пишутся. Однако основная мысль точна: современный бой требует широкого кругозора.

Брусилов не мог не задумываться о роли кавалерии в будущем бою. Казалось бы, появление скорострельного оружия упраздняло конницу, ибо всадник на лошади — слишком легкая цель для пулемета, ведь тут не спрячешься за кустом, не укроешься за кочкой. Что же делать? И сразу же нашлись теоретики, полагавшие упразднить кавалерию. Брусилов рассуждал иначе: при усилении огня возрастает роль маневра, значение скорости наступления. Значит, кавалерийские прорывы в глубь боевых порядков противника станут еще более насущными. Наконец, в условиях применения массовых армий эти кавалерийские части прорыва должны быть крупными, чтобы

решать задачи самостоятельно. И Брусилов выдвигает смелую идею создания кавалерийского корпуса или даже армии. Об этом он написал специальную статью в 1906 году в «Вестнике русской конницы».

Бывшие когда-то новыми и неожиданными для современников идеи, позже вошедшие в жизнь, в быт, кажутся потомкам обыденностью. В уставах современных армий давно уже аксиомой значится правило: если подразделение попало под огонь, оно обязано выходить из-под огня броском. Броском к противнику. Залечь под огнем, укрыться — желание вроде бы естественное, но это конец, смерть. Раньше или позже, но кусочек металла найдет малодушного. И чем сильнее огонь, тем справедливее это правило.

Русский генерал в свое время верно догадался об этом. Верно и назвал единственно имевшееся тогда средство скоростного маневра — крупное кавалерийское соединение. В годы мировой войны самому Брусилову не позволили ничего подобного создать. Но в войну гражданскую его последователи и младшие современники, красные командиры, создадут знаменитую Первую Конную, слава которой поразит мир.

Разумеется, высказать идею не значит осуществить ее. Во всяком случае, в гвардейской кавалерийской дивизии у Брусилова осуществилось немногое, хоть он с обычной настойчивостью и методичностью добивался намеченной цели. Последовал ряд приказов разного характера, организовывались занятия с офицерами по карте и на ящиках с песком, изображавших местность, приглашались с лекциями виднейшие военные специалисты. Дивизия была кавалерийская, поэтому особое внимание уделялось наступательному бою, маневру. Летом проводились соответствующие учения.

Вот лишь краткие выдержки из нескольких приказов, которые ясно говорят о глубокой разнице между стремлениями Брусилова и тем, что происходило на деле: «Обращаюсь к гг. офицерам с настойчивой просьбой сбросить с себя неуважительное отношение к стрелковому делу…» Или: «Гимнастика… проводится только для проформы и в настоящем своем виде решительно никакой пользы приносить не может». Или еще (речь идет о лыжах): «Очень желательно, чтобы из гг. офицеров также нашлось несколько охотников этого прекрасного зимнего спорта». Пояснять тут ничего не нужно, все ясно. И придется признать: за двухлетнее пребывание Брусилова в роли командира гвардейской дивизии результаты его настойчивой деятельности были относительно невелики.

К тому имелись свои причины, и прежде всего подбор

офицерских кадров в тогдашней гвардии. В привилегированных гвардейских частях в преобладающем большинстве служили отпрыски самых родовитых дворянских фамилий России. Среди командиров полков вверенной Брусилову дивизии значились герцог Мекленбургский, граф Келлер, А. А. Орлов (из семьи тех самых знаменитых Орловых). Да и среди прочих, более скромных чинами офицеров тоже набиралось множество титулованных особ. Они имели нередко громадные связи при дворе и позволяли себе такие «вольности дворянства», какие при иных условиях кончились бы даже не гауптвахтой, а разжалованием или тюрьмой.

Известный писатель Леонид Соболев в романе «Капитальный ремонт» красочно изобразил позолоченный лик императорской гвардии периода ее упадка, в самый канун первой мировой войны. Свидетельство основательное, ибо в юности сам Соболев воспитывался в сверхпривилегированном Морском корпусе и хорошо знал столичную офицерскую среду: «Латы, каски, ментики, кивера, доломаны, суперверсты, нагрудники, колеты, лампасы, серебряные савельевские шпоры, сторублевые тимофеевские сапоги.

Князья, бароны, графы, герцоги, светлейшие князья, принцы, беститульные дворянские фамилии, частоколом своих двойных, тройных, четверных прозвищ оберегающие древность рода; безусые корнеты, перед которыми заискивают командиры полков; штаб-ротмистры, целящиеся в женихи княжнам императорской крови.

Поместья, майораты, вотчины, усадьбы, заповедники. Тонконогие кони собственных заводов и саженные солдаты собственных уездов, те и другие — в цвет, в масть, в рост».

Да, так оно и было: перед иным корнетом (по-современному лейтенантом) заискивали порой не только командиры полков, но и сами генералы. Будешь тут и в самом деле остерегаться, если отец этого самого корнета является товарищем (заместителем то есть) военного министра, а дядя по матери служит камергером императорского двора… Вряд ли в частях с таким офицерским составом могла бы быть идеально налажена служебная дисциплина или тем более воспитательная работа офицеров.

В воспоминаниях Брусилова нет ни одной жалобы на тяготы службы, но нет сомнений, что в период недолгого командования гвардейской дивизией приходилось ему нелегко. Меж капризными и самомнительными гвардейцами постоянно возникали споры, принимавшие порой скандальный характер. В эти склоки, естественно, оказывались втянутыми высокородные и высокопоставленные родственники и покровители спорщиков.

Начальнику дивизии волей-неволей приходилось вникать в эти склоки и как-то разрешать их с возможно меньшим ущербом для службы. О некоторых подобных скандалах Брусилов рассказал позже, о гораздо большем числе умолчал. Все это утомляло, раздражало, а главное — отвлекало от работы с войсками.

В те же годы резко ухудшились дела в брусиловской семье. Анна Николаевна медленно угасала, уже ничто не могло ее спасти. Последние годы она не поднималась с постели. Заботливый муж ничем уже не мог отвратить неизбежного, стремясь только по возможности облегчить страдания несчастной женщины. В 1908 году она скончалась. В возрасте пятидесяти пяти лет Брусилов остался один. Верный, преданный беспредельно, хоть и слабый телесно друг его ушел навсегда. «Мой брак был безусловно счастлив» — эти по-мужски скупые, по-солдатски определенные слова Брусилова остались для нас единственным и лучшим памятником его верной и такой несчастной супруге.

В том же году Алексей Алексеевич Брусилов-младший окончил Пажеский корпус. Высокое положение отца предопределило судьбу сына: он был зачислен корнетом в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк — один из тех полков, которыми командовал генерал Брусилов. В ту пору подобные случаи были нередки и предосудительными не считались. Между отцом и единственным сыном не сложилось душевной близости («Считаю, что это большой грех на моей душе», — с беспощадной суровостью писал впоследствии старший Брусилов). О судьбе младшего будет рассказано позже, а здесь отметим лишь нечто весьма важное для судьбы генерала: одиночество его оказалось тяжелым, ибо и с братьями своими он тоже виделся довольно редко.

Надо полагать, что это душевное состояние Брусилова ускорило его решение покинуть Петербург и гвардию и вновь вернуться в войска. Там, в боевых порядках родных ему русских солдат, среди офицеров самого простого происхождения, занятый насущными хлопотами армейской повседневности, он сможет потратить силы не на умиротворение титулованных скандалистов, а послужить главному — делу усиления обороноспособности родины. И подальше от гнилого Петербурга, от Распутина и его «друзей», от придворных интриг, в которые постоянно втягивали Брусилова разные случайные обстоятельства.

Подальше, подальше от столицы, где сгустились свинцовые предгрозовые сумерки. В зыбкой тьме удобнее разбойничать, развратничать, плести заговоры, совершать убийства из-за угла,

трудиться же лучше днем. Брусилов трудился всю жизнь, цель его трудов была бескорыстна и нравственно полезна. Что ж поделаешь, если всю жизнь довелось ему трудиться в сумерках. Видимо, он сделал меньше, чем мог бы в других условиях, при решении других задач, при другом руководстве. Даже наверняка так. Но он выполнял свой долг в тех неблагоприятных условиях с наивысшими результатами, а ведь можно было спустить рукава и махнуть рукой (что и делали многие).

Трудно трудиться в сумерках. Значит, туда, где больше света, больше дела, где редеют сумерки. Туда, к войскам.

Уйти из гвардии в обычную, так сказать, армию было куда проще, чем наоборот. Уже на исходе столь несчастливого для Брусилова 1908 года ему было объявлено о предстоящем назначении на должность командира 14-го армейского корпуса, что находился на западной границе, в Царстве Польском, под городом Люблином. А 6 декабря, в день святого Николая-зимнего, последовал высочайший приказ о производстве Брусилова в генерал-лейтенанты.

Перед рождеством он уже распростился с полками, которыми командовал более двух лет. Да, полки имели славную историю, но настоящее их было плачевно, а будущее сомнительно. Отдал прощальный визит великому князю Николаю Николаевичу.

В полном одиночестве проводил печальный 1908 год и невесело встретил 1909-й. А уже через несколько дней отбыл поездом в Варшаву, где находился штаб его нового округа.

Часть Польши, входившая в то время в состав Российской империи и составлявшая так называемое Царство Польское, представляла собой тугой узел острейших социальных и национальных противоречий. Здесь был многочисленный и боевой рабочий класс, имевший отличные революционные традиции. Начиная с 1905 года и вплоть до начала первой мировой войны стачки и волнения не прекращались, то затухая, то вспыхивая с новой силой. Царская администрация проводила грубую национальную политику, оскорблявшую патриотические чувства братского польского народа. Верхушка этой администрации состояла преимущественно из так называемых «русских немцев», то есть весьма многочисленной в ту пору касты бюрократов, которая в западных губерниях царской России составляла что-то вроде правящего сословия. Прямолинейные и грубые реакционеры, они доводили политику царизма, реакционную саму по себе, до крайне диких пределов. На этой почве пышным цветом произрастал польский буржуазный национализм. В итоге правящие классы обоих народов разжигали чувство вражды между русскими и поляками.

Кроме того, округ был приграничным, причем тогда граница эта считалась стратегически наиглавнейшей. К моменту назначения туда Брусилова ни для кого уже не было тайной, что в Берлине и Вене давно уже задумывают повторение пресловутого «Drang nach Osten» — натиска на Восток. Войну уже ждали как нечто неизбежное, понимали, что начаться она может в любое время. Вот почему в штабе округа и в частях преобладало настроение довольно тревожное.

Генерал-губернатором Варшавского округа был Скалон — ему принадлежала не только военная, но и гражданская власть в Царстве Польском. Типичный «русский немец», он не скрывал своего презрения к полякам (а втайне и к русским тоже) и открыто придерживался прогерманских симпатий. Властью этот недалекий и ограниченный человек обладал громадной, и ясно, к каким пагубным последствиям это приводило. Впрочем, на сей раз Брусилов лишь представился провинциальному царьку, а затем отбыл в Люблин — к своему корпусу.

Всего в России в ту пору насчитывалось лишь 12 военных округов — небольшое число для огромной страны, где даже в мирное время кадровая армия насчитывала 1360 тысяч человек. Варшавский округ был одним из самых крупных (по числу войск), причем состоял из хорошо вооруженных и укомплектованных частей. Причина понятна: авангардное положение территории округа по отношению к обоим «вероятным противникам» — Германии и Австро-Венгрии. По тогдашнему штатному расписанию пехотный корпус состоял из двух пехотных дивизий, корпусной артиллерии (полк или дивизион), кавалерийского полка и инженерных подразделений; перед самой мировой войной в корпусах стали создаваться авиаотряды — очень малочисленные, правда, всего из нескольких самолетов. Таким образом, генерал-лейтенант Брусилов получил под начало крупное соединение численностью свыше 40 тысяч солдат и офицеров. Несколько корпусов (обычно три-шесть) составляли армию.

Итак, под опекой Брусилова оказалось огромное и сложное хозяйство. Главное, что его беспокоило, — это боеспособность вверенных ему войск. Ее никак нельзя было признать удовлетворительной, особенно учитывая пограничную дислокацию корпуса. Здесь, как и в гвардейской дивизии, Брусилов сразу же обратил внимание на низкую подготовку офицерского состава. Первые впечатления на этот счет он получил, наблюдая тактические занятия частей корпуса в зимние месяцы 1909 года. Свои соображения он обобщил в следующих неутешительных словах: «…Я с грустью убедился, что многие

господа штаб- и обер-офицеры в техническом отношении крайне недостаточно подготовлены. Очевидно, на эту важнейшую отрасль военного дела не было обращено должного внимания, а также, как я в этом сам удостоверился, в пехотных частях тактические занятия велись сжато, а отчасти неумело».

Приговор, как выражаются, суров, но справедлив. Русские офицеры в своем большинстве получали явно недостаточную теоретическую подготовку, а в повседневной армейской жизни тем паче не воспитывался интерес к занятиям тактикой и теоретическими вопросами. Явление это было тем более досадным и непростительным, что русская военно-теоретическая мысль в ту пору развивалась очень бурно и интересно, не только не отставая, но во многом и опережая признанные зарубежные достижения в этой области. Как раз в тот год, когда Брусилов приступил к командованию корпусом, вышли в свет фундаментальные книги военных ученых А. Г. Елчанинова и В. А. Черемисова.

Теперь, оглядываясь назад, легче сравнивать. И современные наши историки единодушно полагают, что идеи названных, да и некоторых иных авторов были передовыми и практически полезными для своего времени, представляли собой шаг вперед в развитии военной науки в России и во всем мире. Оба теоретика справедливо черпали познания прежде всего из отечественного опыта (не отвергая, разумеется, того ценного, что можно почерпнуть в опыте других стран и народов, даже бывших противников). Не случайно названные авторы так часто обращались к наследию великого Суворова. Правильно полагал, например, Елчанинов, что суворовская «Наука побеждать», рассмотренная в целом, «вечно будет новой и свежей, ибо в ней глубоко и умело схвачена самая суть лучших основ военного дела, и приложение «Науки побеждать» к нынешним огню и технике явится, по моему глубокому убеждению, во-1-х, вполне исполнимым, а во-2-х, гораздо более ценным, чем старание побольше и поменее понятно списать готовое у иностранцев».

Суворовское наследие поистине бессмертно, ибо его положения применимы к любому техническому уровню. Наступательный порыв, смелость, решительность, ставка на человеческую стойкость и отвагу, доверие к практическому опыту в противовес мертвой букве — вот главное в идеях великого полководца и военного мыслителя. Сама суть суворовского наследия не терпит педантичного доктринерства.

Примеры такого чрезмерно буквалистского отношения к Суворову во времена Брусилова тоже были не редкость. Известный русский военный теоретик Драгомиров, человек

талантливый, но увлекавшийся и консервативный, считал, что суворовское лихое правило «Пуля — дура, штык — молодец» годно в незыблемом виде во времена пулеметов… И вплоть до русско-японской войны, да и позже, в войсках следовали указаниям: «стреляй редко, да метко», «береги пулю» и т. п. Черемисов ядовито замечал по этому поводу, что если беречь пули, то лучше вовсе не воевать, а сразу уступить противнику, победы все равно не будет… Нельзя понимать буквалистски этот суворовский завет, он означает иное: вперед! всегда вперед, в атаку, ближе к противнику, и горе ему!

Итак, Брусилову было на что опереться для воспитания у личного состава современных боевых понятий, и он начал действовать сразу. Прежде всего следовало должным образом наладить военно-научную подготовку офицерского состава. То было нелегкой задачей, ибо средний армейский офицер той поры необходимых навыков в этом деле не имел. Последовал приказ командира 14-го корпуса о тактических занятиях для офицерского состава во всех частях. Предусматривалось, что занятия эти должны вестись в зимнее время, когда войска стоят в казармах, а не в полевых лагерях. Брусилов требовал от командиров частей раз в месяц лично докладывать ему о ходе занятий. Так как теоретически образованных офицеров было в корпусе немного, на сборы приглашались офицеры из Генерального штаба.

В первую зиму занятия шли кое-как, а господа офицеры занимались не очень уж ревностно, но потом дело пошло лучше, у людей появился вкус к теоретической учебе. Летом же в обычную рутину лагерных сборов с непременной и излишней шагистикой да кое-как организованными стрельбами Брусилов добавил немало нового. Скажем, обучение ночному бою (в русско-японскую войну этот относительно новый для XIX века тактический прием получил успешное применение у обеих сторон).

Или, например, занятия с рядовым составом. Сейчас это показалось бы странным, но в тогдашней русской (и не только, впрочем, русской) армии от солдата требовалось только выполнять команды, и все. Брусилов попытался хоть как-то ввести обучение солдат основам тактики современного боя. Судя по тому, что известно, успехов больших он тут не достиг, но направление усилий заслуживает быть отмеченным. Во всяком случае, он стремился лично присутствовать не только на полковых учениях, что было уже редкостью для иных командиров корпусов, но появлялся порой даже на занятиях в ротах. Неудивительно, что не только он знал свои войска, но и в войсках

его хорошо знали. И уважали.

И еще. Корпус располагался непосредственно у границы с Австро-Венгрией. Брусилов приложил много усилий к тому, чтобы наладить изучение этого «вероятного противника». Сделать это было не очень трудно, так как русская военная разведка, опираясь на помощь чешских, словацких и иных патриотов славянского происхождения, обладала прекрасными сведениями об армии венского монарха. Брусилов занимался этим делом, наверно, прилежнее всех своих подчиненных. Вскоре эти познания ему очень и очень пригодились.

Будучи по природе человеком крайне сдержанным и скромным, чуждый развлекательной суеты, Брусилов весь первый год своего пребывания в Люблине прожил довольно замкнуто. Одиночество тяготило его. Он был прирожденным семьянином, но вот оказался совершенным бобылем. Младший брат его Лев в 1909 году скончался — ему было всего лишь пятьдесят два года, скончался после тяжкой, неизлечимой болезни. То был очень способный человек, он стал организатором первого в истории России морского Генерального штаба и первым его начальником; ушел в отставку в чине вице-адмирала, но отдыхать ему пришлось недолго… Сын служил в Петербурге, средний брат проживал в Москве; виделись все они очень редко.

Как и многие профессиональные служаки, занятые серьезным, истинно мужским делом, не избалованные амурными похождениями, как все такие люди, Брусилов был несколько сентиментален и романтичен. Да, одиночество тяготило его. Да, он хотел иметь семью, домашний очаг, мечтал об этом. Суровый, закаленный воин, привыкший командовать множеством таких же закаленных и крепких мужчин, как и он сам, Брусилов был застенчив и даже робок с женщинами.

Вдовый генерал-лейтенант, подтянутый и моложавый, был, естественно, завидным женихом. В Люблине среди блестящего русско-польского дворянства, составлявшего местный свет, не имелось недостатка в привлекательных невестах, готовых составить счастье для бравого седоусого воина. Немедленно нашлись бы и достойные свахи и шаферы, позаботились бы о приличном приданом, о знатном родстве, но… Брусилов был и в самом деле романтик. Его вторая любовь могла быть только сентиментальна, а брак романтичен. Так и произошло.

«Я жил в Люблине, — рассказывал позже наш герой, — возился со своей службой, объезжал весь корпус, который был размещен по разным городам и местечкам Царства Польского. Довольно часто бывал в Варшаве и, несмотря на любимое дело и милое общество, томился своим одиночеством. У меня была

прекрасная квартира в девять или десять комнат, балкон выходил в великолепный городской сад, и вообще все было ладно, кроме одного — отсутствовала хозяйка».

Это была, так сказать, увертюра к действию, выдержанная, естественно, в духе сентиментально-романтическом. А вот и завязка действия (в том же самом духе, как увидим). Брусилов, как всякий образованный и любознательный военный, пристально следил за литературой на военные темы. С 1907 года в Москве начал издаваться ежемесячник «Братская помощь» («Военно-общественный иллюстрированный журнал», как он официально именовался). И вот в первом же номере журнала, оказавшемся в руках Алексея Алексеевича, он с изумлением и неожиданным волнением обнаружил статьи Надежды Владимировны Желиховской — той самой Наденьки Желиховской, за которой, тогда еще пятнадцатилетней девочкой, невинно ухаживал в Тифлисе молодой штабс-капитан Алексей Брусилов. Было это четверть века назад, но не зря, видимо, говорят, что старая любовь не ржавеет. Юная живая девушка, почти девочка, стройная и изящная, она вдруг вновь всколыхнула чувства пожилого генерала. Как это порой случается, он вновь влюбился в эту незнакомую ему писательницу — Надежду Владимировну Желиховскую, как бы перенеся на нее свои чувства к юной Наденьке.

Далее Брусилов стал внимательно следить за журналом, а за статьями Желиховской особенно. Нет нужды сомневаться, что статьи эти ему очень понравились, и даже позже, много лет спустя, он твердо говорил о серьезности и значительности их содержания. Тут следует пояснить: да, статьи Н. Желиховской действительно очень живы по исполнению, посвящены преимущественно медицинскому делу в армии; глубины в них немного, никаких серьезных мыслей не имеется, зато довольно всякой сентиментальности и даже сладости. Но романтически настроенному генералу это и должно было понравиться — особенно в его тогдашнем состоянии, а позже он лишь повторил то, что крепко осталось в его сердце. Трогало его, профессионального военного, и увлечение далекой романтической возлюбленной делами армейскими.

Летом 1910 года Брусилов по обыкновению поехал путешествовать (против обыкновения — в одиночестве). Из Италии возвращался морем через Одессу. И, как нарочно, он узнал, что Желиховские поселились здесь. О его душевном состоянии в ту пору превосходно рассказал он сам (добавим от себя лишь несколько замечавши в скобках):

«Я помнил, что там живут сестры Желиховские (то есть

старшие — мать и тетка Надежды), но решил проехать мимо, не заезжая к ним, тем более что я запоздал в своем отпуске. (Цельная натура, ничего не скажешь: чувства чувствами, но служба прежде всего! Даже когда влюблен.) Странная борьба происходила в это время в моей душе. Мысль моя постоянно возвращалась к Надежде Владимировне… С другой стороны, я себя сдерживал и сам себя убеждал, что я с ней не виделся около двадцати лет и не знаю, что с ней, как она жила все эти годы, захочет ли выйти за меня замуж. Эти переживания были очень тяжелые. С одной стороны, я считал, что моя жизнь кончена, что я должен жить только для сына, и полагал, что если мне нужна женщина, то я мог бы ее найти и без женитьбы; с другой стороны, неотступно стояла мысль, что я непременно должен жениться на Надежде Владимировне».

Редкая, похвальная для мемуариста откровенность и простота. Да, житейские сомнения обуревают немолодого генерала, но помыслы его чисты, он не приемлет серьезных отношений с женщиной иначе как в браке (тут уместно напомнить острые, броские суворовские слова: «ничего, кроме брачного, не приемлю!»). Да, как видно, Брусилов женился на своей избраннице, так сказать, заочно, не видя ее двадцать пять лет.

Сентиментально? Да. Трогательно? Безусловно. А ведь подобная наивная чистота проявлялась в пору, когда среди образованных классов России царило глубочайшее нравственное разложение, когда публично оплевывалось и освистывалось все цельное и чистое, все устойчивое и традиционное. Проказа декадентства, занесенная с буржуазного Запада в салоны столичной богемы, проникала оттуда в широкие относительно общественные круги, угрожая заразить гнусным тем недугом весь наш народ. Открыто восхвалялись всевозможные извращения, пороки, оправдывались любые людские слабости. Культура и нравственность верхних слоев тогдашнего российского общества находились в состоянии глубочайшего упадка и распада. На этом фоне сентиментальная чистота Брусилова служит маленьким, но несомненным подтверждением того, что, несмотря на оглушительный гвалт хулителей и сатанистов, сохранились во всех слоях общества здоровые, не поддающиеся разложению клеточки. Именно они потом, в новой, народной Советской России, дали плодоносящие ростки.

Поколебавшись, Брусилов принял решение, и не надо пояснять, каково оно было. А приняв решение, действовал напористо и скоро. На исходе 1910 года он отправился в Одессу, а оттуда, по его собственным метким словам, «вернулся в Люблин

уже женатым человеком». Раз-два, готово — истинно по-суворовски, хоть речь шла о самом-самом что ни есть мирном деле.

Супруга оказалась дельной и общительной. Она быстро очаровала весь Люблин, наладила добротный и приветливый для гостей дом, стала, что называется, душой общества. Оказалось, что увлечение ее делом армейской медицины отнюдь не шуточное. Она и тут, в Варшавском округе, занялась этим делом целеустремленно и настойчиво. Все это не могло не радовать мужа, но… Слишком уж долго Надежда Владимировна жила самостоятельно а привыкла, да и любила, заниматься своими собственными делами. Это ему не нравилось, он даже побрюзжал в воспоминаниях на сей счет. Видимо, преувеличил, но все же семейственных качеств у новой жены Брусилова явно недоставало.

Было у Надежды Владимировны еще одно пристрастие, значение которого простодушный супруг не понимал. В семействе Желиховских усиленно увлекались оккультными занятиями, теософией. То было одним из распространенных в ту пору в России темных суеверий — суеверий тем более опасных и вредных, что ими увлекались не простые бабки, а образовавшие, интеллигентные люди. Мистика, такого рода служила стародавним и испытанным средством разложения всякого образованного сословия. Самые бездуховные занятия объявлялись высочайшей духовностью, глубочайшая, сатанинская безрелигиозность — высшей, самой утонченной религией, полный антидемократизм — лицемерными словесами о «благе народа», а главное — готовились кадры в масонские ложи, эти орудия самых темных сил капиталистического мира.

Оккультные «науки», усиленно распространявшиеся в русском предреволюционном обществе, были одновременно и фактом разложения, и его очевидным признаком. Вскоре наша великая народная революция начисто вымела всю эту тайную и полутайную бесовщину. Как говорится, поделом вору мука. Жаль лишь, что многие достойные лучшего люди жестокой ценой заплатили за свое прикосновение к липким тайнам масонствующего подполья. К несчастью, в их числе оказалась и Надежда Владимировна. Об этом позже.

15 мая 1912 году Брусилов был назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа. То было повышение, и немалое, однако он принял новое назначение крайне неохотно. Приказ для военных людей — дело святое, но даже такой дисциплинированный человек, как Брусилов, затянул переезд в Варшаву елико возможно, лишь 18 июня супруги

перебрались в столицу Царства Польского.

Это не было капризом. Важна ведь не только должность (пусть даже весьма высокая), но и такой вопрос: под чьим началом служить? Или: в каком окружении работать? Дело не шуточное, ибо личность и свойства начальника, руководителя так или иначе дают какой-то отсвет на всех его сотрудников; немаловажно и то, что служебное окружение может быть приятным или неприятным. В случае с Брусиловым все тут обстояло неважно. Об этом хорошо написал он сам:

«Не могу не отметить странного впечатления, которое производила на меня тогда вся варшавская высшая администрация. Везде стояли во главе немцы: генерал-губернатор Скалон, женатый на баронессе Корф, губернатор — ее родственник барон Корф, помощник генерал-губернатора Эссен, начальник жандармов Утгоф, управляющий конторой государственного банка барон Тизенгаузен, начальник дворцового управления генерал Тиздель, обер-полицмейстер Мейер, президент города (Варшавы) Миллер, прокурор палаты Гессе, управляющий контрольной палатой фон Минцлов, вице-губернатор Грессер, прокурор суда Лейвин, штаб-офицеры при губернаторе Эгельстром и Фехтнер, начальник Привислинской железной дороги Гескет и т. д. Букет на подбор! Я был назначен по уходе Гершельмана и был каким-то резким диссонансом: «Брусилов».

Тут надо оговориться. Действительно, несоразмерный процент «русских немцев» в административной верхушке Царства Польского был очевиден, и раздражение Брусилова тут понятно. Но было бы ошибочно сделать поспешный вывод о пресловутом «немецком засилье», насчет чего очень шумели в четырнадцатом году иные подозрительно пахнущие «патриоты». Очерняя всех русских подданных немецкого происхождения, эти шустрые «патриоты» порой являлись самыми настоящими провокаторами, готовившими исподволь развал России, — действительные, а не мнимые агенты международного капитала, сионизма, распутинского окружения и прочая и прочая. Брусилов, разумеется, ничего общего не имел с этими личностями (точнее — личинами), однако его некоторые суждения на тему «русских немцев» нельзя понимать обобщенно: множество российских граждан немецкого происхождения давно и прочно связали свою судьбу с новой родиной и верно служили ей; примеров тому множество — как в старой, так и новой России.

Гораздо хуже было то, что Скалон и командование округа в целом придерживалось германской ориентации (как и вообще существенная часть российской буржуазии и бюрократии). Ведь

тут как-никак речь шла о сильнейшем пограничном округе, и на какой границе! А германский консул в Варшаве находился в самых дружественных отношениях со Скалоном, говорили, что тайн у «друзей» не было, свободно обсуждалось буквально все. Подобное являлось делом недопустимым, даже, строго говоря, преступным, но… В пораженной разложением царской России начала века происходили дела и похлестче! Кроме того, Скалон плохо руководил вверенным ему округом, дела там обстояли неважно.

Ясно, что Брусилову тошно приходилось служить в таких условиях. Человек сдержанный и деликатный, он ни с кем не ссорился, тем паче не скандалил, но своего отрицательного отношения к Скалону и его окружению скрывать не пожелал. В то время военным министром стал Сухомлинов, за последние пятнадцать лет этот бывший начальник Брусилова сделал головокружительную карьеру; нечистоплотный и беззастенчивый делец, запятнанный многими скандалами, он никак не улучшил положения дел в русской армии, связался с темными личностями, погряз в стяжательстве и мошенничествах. Но министр есть министр, начальников не выбирают. И Брусилов написал ему частное письмо о неблагополучном положении дел в округе. Сухомлинов был достаточно смышлен, чтобы понять правильность брусиловских предостережений, однако принимать какие-либо решения тоже не собирался — его все это беспокоило очень мало. Но и обижать известного в армии генерала хитрый карьерист не хотел: он пообещал перевести его в другой округ.

Письмо Брусилова было просмотрено варшавской жандармерией, и о содержании его доложили Скалону. Тот не стал объясняться со своим помощником, но отношения их, разумеется, не улучшились. Правда, в декабре 1912 года Брусилов был произведен в полные генералы, то есть получил высший военный чин в России того времени. Несколько раз в течение 1912 и 1913 годов он замещал Скалона на посту командующего округом. Но все равно желание оставить Варшаву и германофильствующий «двор» Скалона не покидало Брусилова. Вскоре из военного министерства последовал приказ: с 15 августа 1913 года он назначался командиром 12-го армейскою корпуса в соседнем Киевском округе. То никак не было повышением по службе, но он отнесся к перемещению с огромной радостью.

В те дни он писал жене: «Не сомневаюсь, что в войсках Варшавского округа мой уход произведет сенсацию и многие будут меня жалеть, действительно считая меня хорошим генералом, но найдутся и такие, которые будут довольны, находя меня слишком требовательным. Ну! Что сделано много, то

сделано, и я рад, что вырвался из этой клоаки скалоновской придворной атмосферы». Здесь надо заметить, что Надежда Владимировна в этом случае полностью разделяла чувства и намерения своего супруга.

В Винницу, где располагался штаб корпуса, Брусилов перебрался сразу, не мешкая. Он вновь делался строевым командиром, военачальником, а не провинциальным придворным в чуждом ему по духу дворе. Сразу же объехал части, познакомился со своими новыми помощниками, с войсками. Первое впечатление оказалось благоприятным, хоть и небезупречным: предшественник его долго болел, поэтому некоторые вопросы управления своевременно не решались. Корпус оказался очень сильным — больше даже, чем полагалось по штатному расписанию: две пехотные дивизии, одна бригада, две кавалерийские дивизии, артиллерия, саперные части, причем все это громадное многолюдное (более 50 тысяч человек) хозяйство было разбросано по всей тогдашней Подольской губернии (нынешняя Винницкая и часть Житомирской областей).

Хлопот хватало, но хлопоты эти Брусилов любил и с радостью им отдавался. Как обычно, он предъявил повышенные требования к подчиненным. Это не всем и не всегда нравится, слов нет, поэтому некоторые руководители готовы потакать послаблениям, надеясь приобрести популярность столь простым способом. Не приобретают, ибо в начальнике, руководителе люди ценят прежде всего целенаправленную требовательность и строгую справедливость. Тем более в армии. Только твердые и разумно строгие командиры приобретают настоящую, а не мнимую популярность. Брусилов заставил командный состав корпуса усиленно посвятить себя штабным и теоретическим занятиям, как он делал это раньше, приучая соратников мыслить категориями современной им войны.

Назначение Брусилова произошло менее чем за год до начала мировой войны. О том, что грядущая страшная война не за горами, совсем нетрудно было догадаться, все крупнейшие империалистические державы открыто к ней готовились, а кайзеровская Германия в особенности. Казалось бы, войска, стоящие на границе с «вероятным противником», должны бы… ну ясно, что им полагалось бы делать! Но вот свидетельство самого вновь назначенного командира корпуса: «В этом крае никто не помышлял о возможности близкой войны и никто не думал о ней, кроме меня». Есть тут, быть может, и некоторое преувеличение, но суть вывода бесспорна: накануне войны в приграничных соединениях царили благодушие и беспечность.

Шло это сверху. Командование российских вооруженных сил

недооценивало будущих противников. Брусилову довелось наблюдать это воочию весной 1914 года, за три месяца до начала войны.

В апреле 1914 года в Киеве была проведена крупнейшая перед войной штабная военная игра. Руководил ею сам военный министр Сухомлинов. В присутствии узкого круга высших военных разыгрывалась на карте будущая война с Германией и Австро-Венгрией. Тут Брусилову разом удалось увидеть всех главных действующих лиц будущей грандиозной драмы: участниками игры были начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич, генерал-квартирмейстер (то есть начальник оперативного управления Генштаба) Ю. Н. Данилов, командующий Киевским военным округом Н. И. Иванов — будущий главком Юго-Западного фронта, нацеленного именно против Австро-Венгрии, где и предполагалось сражаться соединению Брусилова, будущий главком Северо-Западного фронта (против Германии) Я. Г. Жилинский, а также ряд других генералов.

Оптимизм участников штабной игры был безграничен, Брусилов удивлялся, но о причинах его знать не мог. А дело заключалось в том, что русская военная разведка сумела заполучить ни много ни мало стратегический план развертывания австрийских вооруженных сил против России[5]. Так что русские главнокомандующие имели известные основания полагать, будто планы противника им знакомы и они могут наносить удары в наиболее выгодных для себя условиях. Подчеркнем: известные основания, но не более, ведь противник тоже не дремлет; надо, значит, предполагать возможные изменения и неожиданности, готовиться к ним.

Не предполагали и не готовились. А напрасно. У австро-германцев имелось достаточно «друзей» в Петербурге (и в Варшаве, и в Киеве), они вскоре получили сведения о том, какими именно секретами располагают русские, и срочно изменили свои планы. В то самое время изменили, когда царские генералы разыгрывали скорую победу по устаревшим данным…

Штабная игра и в самом деле оказалась игрой, только не в условном, а в самом что ни есть подлинном смысле слова. Обнаружившиеся несуразности в планах не подвергались критическому разбору и пересмотру, а просто-напросто снимались как якобы несущественные. Переоценивалась собственная боеготовность, в частности, вопросы снабжения (впоследствии именно это стало тяжкой гирей на ногах русской армии). Недооценивался противник. А ведь все происходило буквально накануне войны, и вскоре эти же самые генералы

повели свои армии на «игру», уже настоящую, которая называется серьезнейшим словом — война.

Здесь не место сколько-нибудь подробно касаться предыстории первой мировой войны. Нашим читателям хорошо известны причины этой войны и подспудные силы, ее породившие. Но для изучения биографии генерала Алексея Алексеевича Брусилова важно знать, что он сам думал по этому поводу. Он сводил причины событий прежде всего к воинственным намерениям германской военщины. Отчасти это правда, но лишь отчасти, ибо истинным виновником войны был международный капитал, правивший тогдашним миром. Мировая плутократия стремилась уничтожить или ослабить все здоровые народные силы европейских стран, окончательно подчинить трудящиеся слои населения, утвердить свое вечное господство. Германская военщина играла тут лишь подстрекательскую роль. «Русские» банкиры и капиталисты, они же приказчики Ротшильдов, варбургов, кунов, лебов и прочих со всеми их компаниями, были ничуть не симпатичнее. И так же презирали «свой» народ, российский, и так же зарились на чужое.

В своих воспоминаниях Брусилов побранил «немцев» (не разделяя их на классы), а свою страну представил жертвой нападения Гогенцоллернов. Ошибочность его суждений сегодня, безусловно, ясна, но нужна также существенная оговорка. Старый военачальник писал свою книгу в начале двадцатых годов, когда идеологи троцкистского толка всячески поносили историю России, старую и новую. А было их немало, и вопили они громко и нагло. Например, в тогдашних учебниках прямо писалось, что эта «проклятая Россия» вызвала мировой пожар. Брусилов не мог им ответить прямо, но хотел хоть как-то отделиться от хулителей родной страны. Старый и больной, он и тут хотел защитить Родину, делая это в меру своего разумения.

Летом 1914 года чета Брусиловых отдыхала и лечилась на минеральных водах модного тогда курорта Киссинген в Южной Германии. Остро чувствовалось даже по настроению немецкой курортной публики, что прусской военщине удалось отравить шовинистическим угаром существенную часть своего народа. Брусилов повсюду замечал открытые проявления антирусской пропаганды, порой весьма вызывающей и оскорбительной. Далекий от политики в ту пору, Брусилов не знал, что этой военщине почти не имелось противоборствующих сил в Германии, что славная когда-то немецкая социал-демократия, детище Маркса и Энгельса, уже доверила руководящие посты соглашателям, предателям рабочего дела. Путь к войне для прусских генералов был открыт.

Не понимая всех подспудных причин надвигающейся грозы, Брусилов тем не менее ясно видел ее внешние признаки… Далекие, казалось бы, раскаты грома свидетельствовали, что гроза эта вот-вот разразится: в Сараеве был убит сербским националистом наследник австро-венгерского престола, Вена предъявила ультиматум Сербии. А корпус Брусилова стоял на самой-самой русско-австрийской границе. Колебаний не было: скорее туда, в Россию, к своим полкам.

Проехав пол-Германии, прибыв в Варшаву, а потом в Винницу, Брусилов всюду наблюдал обычную спокойную жизнь. Огромное большинство людей во всей Европе не подозревало даже, что темные силы мира уже подготовили страшную бойню, чтобы ради торжества международной плутократии эта бойня разразилась буквально с часу на час. Но повсюду еще царила эта обманчивая тишина, призрачный, зыбкий покой.

Лишь немногие понимали тогда цели того тайного и страшного замысла. Как раз по ту сторону тогдашней русской границы, против тех мест, где стоял брусиловский корпус, в польском местечке Поронино, окруженный верными соратниками, развернул свою кипучую деятельность молодой еще, полный сил Ленин. Он вскрыл причины подготовки империалистического заговора («передел мира»), указал на истинного виновника — международный промышленный и банковский капитал, мировые сверхмонополии, их пособников — «желтых» вождей рабочего движения, социал-предателей, как их тогда называли.

Ленин указал те силы, которые единственно смогут уничтожить самую причину разбойничьих войн, — рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством, союз серпа и молота тружеников всех стран.

Ленин прозорливо восстал против бессильного (а подспудно — предательского) пацифизма, ибо неверно, что всякая война плоха, — были, и не раз, войны справедливые, народные, а вскоре предстоит самая справедливейшая из них — наша славная гражданская, где Ленин станет во главе армий трудового народа.

Тогда Брусилов еще не знал Ленина. Не слыхал он и о ленинском учении, о его соратниках. Знакомство произошло позже, в совершенно иных условиях. Но тогда этого Брусилов не предвидел и предвидеть не мог.

Итак, мировая плутократия все подготовила для грядущей войны. В середине июля по старому стилю (в конце его по новому) враждующие стороны изготовились к взаимному истреблению. Семь германских армий нацеливались на Францию и Бельгию, намереваясь разгромить их в кратчайший срок — до

начала русского наступления на востоке и до подхода английских войск через Ла-Манш. Им противостояли пять армий французских, бельгийская, а также английский экспедиционный корпус. Силы сторон были примерно равны — по полтора миллиона вооруженных бойцов с каждой.

Немцы оставили на Востоке лишь одну армию в Восточной Пруссии и корпус в Силезии. То была очевидная авантюра, порожденная недооценкой русской армии, России в целом. За этот просчет германский милитаризм заплатил в первой мировой безмерную для себя цену — поражением в итоге войны. Но это выяснилось позже. Зато почти вся армия Австро-Венгрии стала у русской границы… Это уравняло силы противников. Немцы планировали на своем Восточном фронте активную оборону с последующим перебросом войск из разгромленной, как они надеялись, Франции и нанесением по России решающего удара. Австрийцы, напротив, намеревались наступать сразу: опираясь на свои мощные крепости в Галиции, они планировали удар на север, в направлении Варшавы, с целью окружения большой группы русских войск.

Российский Генеральный штаб тоже намечал немедленное наступление. Северо-Западный фронт состоял из двух армий и нацеливался на Восточную Пруссию. Юго-Западный, сильнейший, насчитывал четыре армии, одной из них, 8-й по номеру, должен был командовать генерал Брусилов. Предполагалось согласованное наступление всех четырех армий в Галиции и разгром австрийских войск.

«Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить», — язвительно высмеял молодой артиллерийский поручик Лев Толстой бумажно-карандашную генеральскую самоуверенность. Гладко было у всех главноначальствующих в июле 14-го. Все готовились наступать и вскорости разгромить врага. На деле все получилось совсем иначе.

Утром 18 июля Брусилов прибыл в Винницу. Он поспел вовремя: в этот самый день в России была объявлена общая мобилизация. Согласно заранее разработанному плану брусиловский корпус разворачивался в армию, а он становился ее командующим. Кое-кто и тогда еще надеялся на мирный исход событий. Но нет, трагедия народов была крепко продумана закулисными режиссерами. 19 июля (1 августа) кайзеровская Германия объявила войну России. Через два дня началось нападение немцев на Бельгию и Францию, а еще через день в войну вступила Англия. Первая мировая война, до основания потрясшая весь старый мир, началась.

…Тихая прежде Винница оглушалась шумом и суетней.

Топали солдатские сапоги, гремели армейские повозки о булыжные мостовые, ржали кони, разносились строевые песни, звучали слова команд. Войска срочным маршем выступали на запад. Туда, к австрийской границе, куда уже выехал на автомобиле в сопровождении конного конвоя командующий восьмой армией.

Впоследствии Брусилов с искренним и грустным чувством написал: «Винница — это последний этап нашего мирного, тихого бытия в прошлом… Наш скромный уютный домик с садом, любимые книги и журналы, милые люди, нас окружавшие, масса зелени, цветов, прогулки по полям и лесам, мир душевный… А затем — точка… Налетел ураган войны и революции, и личной жизни больше нет. Конец прошлому в малом и великом».

Да, прошлое кончалось, и совсем не только для одного Алексея Алексеевича Брусилова. А начинающееся там, за горизонтом, светлое будущее было закрыто пологом кровавого тумана.

КОМАНДУЮЩИЙ АРМИЕЙ

По своему характеру война «была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.»[6]. Но инициатива развязывания войны принадлежала германскому империализму: опередив своих противников в подготовке к войне, он стремился использовать это преимущество. Немецкая буржуазия, писал В. И. Ленин, «распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»[7].

Истинные цели войны правительства воюющих стран старательно маскировали, всячески прокламируя, что война идет во имя «обороны отечества». На этот счет В. И. Ленин писал: «Правительство и буржуазия каждой воюющей страны выкидывает миллионы рублей на книги и газеты, сваливая вину на противника, возбуждая в народе бешеную ненависть к неприятелю, не останавливаясь ни перед какой ложью, чтобы представить себя в виде «обороняющейся» стороны, которая подверглась несправедливому нападению»[8].

Но классовый, марксистский анализ происхождения и характера войны не стал еще в тот момент достоянием широких народных масс. Социал-демократические партий II Интернационала, пользовавшиеся значительным влиянием в таких странах, как Германия, Австро-Венгрия, Франция, Бельгия, и располагавшие немалым числом мест в парламентах, постыдно предали интересы рабочего класса, активно выступили в поддержку войны, помогая империалистам гнать рабочих и крестьян на братоубийственную бойню. Волна шовинизма охватила мир, и лишь одна политическая партия — партия большевиков-ленинцев — с самого начала открыто заявила: война, развязанная правительствами в Европе, — это империалистическая война, захватническая, они, большевики, против такой войны и постараются сделать все, чтобы превратить ее в войну гражданскую, направленную против эксплуататорских классов.

Повторяем, позиция большевиков не была, к сожалению, широко известна и понятна тогда широким массам трудящихся России, и прошло немало времени, было пролито немало крови,

прежде чем большевистские идеи стали проникать в сердца и умы рабочих и крестьян. В первый же период войны подавляющее большинство солдат шли на войну с убеждением, что, как ни тяжела и опасна война, все же сражаться надо — правота на стороне России.

После войны, оказавшись на чужбине, в эмиграции, генерал-лейтенант Н. Н. Головин, крупный исследователь. истории первой мировой войны, попытался охарактеризовать атмосферу и настроения, свойственные в ту пору широким слоям русского населения. «Эта борьба, — писал он, — началась из необходимости защищать право на существование единокровного и единоверного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоминать кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длительный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих фактов была совершенно ясна здравому смыслу нашего народа».

Несомненно, подобный настрой души имел распространение среди простых людей России, надевших серые шинели в августе 1914 года. В то же время позволительно сомневаться в глубокой осознанности и устойчивости таких настроений, их достаточности для ведения продолжительной войны. Наиболее проницательные современники, знавшие хорошо и близко народ России и ее армию, не могли не обеспокоиться по этому поводу. Сознавал это и Брусилов. «Даже после объявления войны, — писал он, — прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотят обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать —

было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя».

К этому можно лишь добавить, что ни те, кто шел на войну с уверенностью в правоте защищаемого дела (таких было немало, и среди них — герой этой книги), ни те, кто без раздумий руководствовался лозунгом «За веру, царя и отечество» (таких было большинство), но даже и те, кто осознавал гибельность происходящего, — никто не мог представить, началом каких испытаний и бедствий для России станет этот день: 1 августа 1914 года.

В процитированных только что местах из воспоминаний Головина и Брусилова сквозит горечь испытанных поражений, и это надо учитывать. Разумеется, неглубокое, поверхностное (не говоря уж об истинности) понимание солдатами причин и целей войны, да еще основанное на чувствах, не подкрепленное убеждениями, не могло служить опорой для сохранения морального духа армии в длительной войне. И все же русская армия вступила в войну при достаточно высоком — традиционном для нее — боевом духе солдат и офицеров. Это противник почувствовал в первые недели сражений.

Война началась для стран Антанты неудачно. Германские армии вторглись в Бельгию, захватили ее, одержали победу над союзниками в приграничном сражении и двинулись к Парижу. Чуть ли не ежедневно французские и английские представители в Петрограде просили, умоляли Николая II, верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича — дядю царя, министров и высших генералов России немедленно, не откладывая, начать наступление на Восточном фронте. Мобилизация и концентрация русской армии на западных границах затруднялись слабым развитием железных дорог. И все же правительство России, спасая своего союзника, еще до полного сосредоточения своих армий, начало наступательные действия и, отметим это особо, сразу же перенесло их на территорию противника.

Впоследствии это решение неоднократно подвергалось критическим нападкам, но современные советские историки определенно склоняются к мысли, что такой образ действий русского верховного главнокомандования был вынужденным и единственно правильным в сложившейся обстановке. Не могла же Россия допустить, чтобы повторился разгром Франции 1870 года, а именно к этому и стремилось германское военное руководство: разбив быстро армию Франции, оно намеревалось затем обрушиться на Россию всеми освободившимися силами и покончить поодиночке в краткий срок со своими противниками.

Поводом для критики действий русского верховного главнокомандования служила неудача русских войск в Восточно-Прусской операции. Но вот как оценивается эта операция в новейшей книге советского историка: «Действия русских войск… имели важное стратегическое значение. Вторжение русских войск в Восточную Пруссию вынудило германское командование перебросить из Франции на русский фронт два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Это серьезно ослабило их ударную группировку в решающий момент и явилось одной из причин поражения в битве на Марне… План германского командования, рассчитанный на быстрый разгром Франции, потерпел неудачу»[9].

Жертвы (они, кстати, были не столь уж и велики), понесенные 1-й и 2-й русскими армиями в болотных дефиле Восточной Пруссии, не пропали даром и потому, что германские войска были скованы и не могли вовремя прийти на помощь австро-венгерской армии: одновременно с действиями в Восточной Пруссии развернулось грандиозное сражение на Юго-Западном фронте, в Галиции.

Здесь, на громадном фронте в 450 верст, от Ивангорода до Каменец-Подольска, разгорелось ожесточенное сражение, в котором участвовало до 1,5 миллиона бойцов — значительно больше, чем в происходившей одновременно знаменитой Марнской битве. Но сражение на Марне, как одно из величайших сражений в современной истории, исследовано, изучено, расписано в сотнях книг на немецком, французском, английском языках, а Галицийское сражение, более крупное по размаху и не менее значительное по последствиям, не получило достаточно широкого отображения в нашей стране, не говоря уж о Западе.

Русский Юго-Западный фронт (главнокомандующий Н. И. Иванов, начальник штаба М. В. Алексеев) состоял из четырех армий (с севера на юг): 4-й А. Е. Эверта, 5-й П. А. Плеве, 3-й Н. В. Рузского. На крайнем левом фланге находилась 8-я армия. Ее возглавил Брусилов.

Назначение на этот пост оказалось для него несколько неожиданным: по мирному расписанию он должен был командовать на Северо-Западном фронте 2-й армией, той самой армией, которая в августовские дни 1914 года под командованием А. В. Самсонова потерпела поражение в Восточной Пруссии. После перехода Брусилова в Киевский военный округ трудно было рассчитывать на получение под свое начало этого крупного оперативного объединения. И вдруг такое назначение! Оно, несомненно, было почетным, и Брусилов писал: «Я не честолюбив, ничего лично для себя не домогался, но,

посвятив всю свою жизнь военному делу и изучая это сложное дело беспрерывно в течение всей жизни, вкладывая всю свою душу в подготовку войск к войне, я хотел проверить себя, свои знания, свои мечты и упования в более широком масштабе». Желание совершенно естественное, и ближайшие недели показали, что генерал от кавалерии Брусилов полностью соответствовал назначению.

Русская полевая армия была мощным для того времени объединением. К началу первой мировой войны она, как правило, состояла из 4–5 армейских корпусов, 3–4 отдельных пехотных дивизий (в армии могло быть 11–13 пехотных дивизий) и 4–5 кавалерийских дивизий. Численность армии достигала 220–250 тысяч человек.

В состав 8-й армии вошли: 12-й корпус Киевского округа (этим корпусом Брусилов командовал до войны), 7-й и 8-й корпуса Одесского военного округа и 24-й корпус Казанского округа. Правда, последний корпус к началу боевых действий еще только прибывал своими головными эшелонами к границе. В армии имелась достаточно многочисленная кавалерия: одна кавалерийская и четыре казачьи дивизии.

Ближайшим сотрудником Брусилова, начальником штаба 8-й армии, стал генерал Петр Николаевич Ломновский. Вот как характеризовал его Брусилов: «Это был человек умный, знающий, энергичный и в высшей степени трудолюбивый. Не знаю, почему он составил себе репутацию панического генерала. Подобная характеристика совершенно неверна. Он быстро соображал, точно выполнял мои приказания и своевременно их передавал в войска, был дисциплинирован и никогда не выказывал трусости и нерешительности. Жили мы со ним в дружбе и согласии. Правда, он не всегда одобрял мои планы, считая их иногда рискованными, и по долгу службы докладывал свои сомнения, но раз какое-либо дело было решено, он вкладывал всю свою душу в наилучшее выполнение той или иной предпринимавшейся операции. Его недостаток был в том, что он не очень доверял своим штабным сотрудникам и лично старался входить во все мелочи, в особенности по генерал-квартирмейстерской части. Этим он обезличивал своих помощников и переобременял себя работой, доводившей его до переутомления. Во всяком случае, это был отличный начальник штаба».

Корпусами командовали соответственно: 7-м — Э. В. Экк, 8-м — Л. В. Леш, 12-м — Радко Дмитриев, 24-м — А. А. Цуриков. Среди них наиболее колоритна фигура Радко Дмитриева: болгарин, участник Балканской войны 1913 года, он с началом первой мировой войны, когда Болгария оказалась во враждебном

России лагере, поступил на русскую службу и поначалу сделался очень популярен.

2(15) августа 1914 года Брусилов получил приказ начинать наступление. Русское командование намеревалось провести грандиозный охватывающий маневр, имевший целью окружение главных сил австро-венгерской армии. План сам по себе был очень заманчивым, но осуществление его натолкнулось на препятствие особого рода. Русское командование исходило из устаревших сведений о рубеже развертывания сил противника. Сведения эти были доставлены русской разведке австрийским полковником А. Ведлем. Чтобы поймать разведчика, австро-венгерской разведке пришлось прибегнуть к крайним средствам, вплоть до использования высших масонских кругов Германии и России. В мае 1913 года Редля разоблачили и принудили к самоубийству. План развертывания после этого изменили, рубеж его отодвинули верст на сто к западу и юго-западу, но это обстоятельство не было известно русскому командованию, и уже в ходе наступления пришлось вносить существенные поправки в план наступления.

Австро-венгерское командование также ставило перед своими войсками решительные цели и имело к тому основание: численное превосходство оказалось на стороне австрийцев, в особенности против правого фланга русского фронта. Поскольку обе стороны настойчиво стремились достичь осуществления своих планов, и развернулось Галицийское сражение — важнейшая операция первого года войны. 8-й армии и ее командующему предстояло сыграть в этой операции видную роль.

Ввечеру 4(17) августа 8-я армия в основном сосредоточилась у границы: она насчитывала в своих рядах 136 батальонов, 56 эскадронов и сотен, 472 орудия, то есть 80 процентов пехоты и артиллерии и 35 процентов конницы, в сравнении с боевым расписанием армии. Можно было наступать, и 5(18) августа от Проскурова войска армии Брусилова начали продвижение к государственной границе на реке Збручь. По пыльным дорогам маршировали пехотинцы, громыхала артиллерия, тянулись обозы, обгоняя их, спешили кавалеристы. Стояла жара, солдаты изнемогали под тяжестью «полной выкладки», но двигались быстро. Всех волновала предстоящая встреча с противником.

Сведений об австро-венгерских войсках было мало. Знали только, что граница прикрыта пехотными заставами. Но в первый же день продвижения к границе австрийская кавалерийская дивизия на левом фланге армии у Городка (Подольского) атаковала 2-ю сводную казачью дивизию.

Вот описание этого боя, данное его участником: «В начале

четвертого часа, когда артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь противника достиг наивысшего напряжения, со стороны леса показались разомкнутые австрийские конные части, идущие в атаку на м. Городок… В полном порядке, отчетливо вырисовываясь на фоне желтого поля синими мундирами и красными чакчирами, стройными разомкнутыми линиями, одна за другой приближались венгерские гусары к нашим пехотным позициям… Приблизительно на глаз можно было определить, что шла в атаку конная часть, силою около бригады. Наша пехота молчала… Расстояние становилось все меньше и меньше, австрийцы приближались, сохраняя полный порядок. Артиллерия противника и его спешенные части поддерживали атаку, обстреливая интенсивным огнем наши пехотные позиции. Подпустив гусар примерно на 700–800 шагов, стрелки и замосцы[10] по всему фронту открыли пачечный и пулеметный огонь. Стали падать всадники и лошади, стройность и порядок сразу нарушились. Неся большие потери, первые линии не выдерживают нашего огня; в беспорядке группами сворачивают вправо, подставляя себя фланговому огню нашей конно-пулеметной команды, и, наконец, остатки ее поворачивают обратно. Несколько лошадей без всадников доскакивают до самых окопов пехоты. Следующие линии, попав под огонь, теряют порядок, несут потери и также поворачивают назад. Все поле покрывается скачущими всадниками, спешащими выйти из сферы огня. Наша пехота и артиллерия преследуют их метким огнем. Еще несколько мгновений, и остатки венгерской конницы скрываются из виду за складками местности, и только разбросанные по полю, в одиночку и группами, многочисленные тела убитых и раненых гусар и лошадей свидетельствуют о разыгравшемся здесь только что жестоком бое…»

Кавказские казаки под начальством генерал-майора Павлова ударили по бегущим во фланг. Лишь остатки австрийской дивизии смогли уйти за Збручь.

Отметим одно обстоятельство: упомянутый генерал Павлов в годы гражданской войны стал одним из командующих белогвардейской конницей. Кроме него, в армии Брусилова начинали войну и другие вожди будущей контрреволюции. Генерал-квартирмейстером штаба 8-й армии (по-нынешнему начальником оперативного отдела) в начале войны был не кто иной, как А. И. Деникин. 12-й кавалерийской дивизией командовал А. М. Каледин, а 48-й пехотной дивизией — Л. Г. Корнилов. Всех этих генералов — впоследствии столпов «белого движения» — Брусилов хорошо знал до войны и имел возможность изучить их качества в боевой обстановке. Так, к

примеру, Деникина он аттестовал как выказавшего «отличные дарования боевого генерала». Тем более разителен решительный разрыв Брусилова с этими людьми в годы гражданской войны. Но об этом в свое время.

В три дня войска 8-й армии достигли государственной границы и 7(20) августа пересекли ее. По этому памятному поводу командарм издал приказ, в котором говорилось: вступив в Галицию, русская армия начала освобождение территории, испокон веков, со времен Киевской Руси, населенной русскими людьми, попавшими под власть иноземных захватчиков. Генерал утверждал, что ради этого освобождения русское правительство и начало войну. Он, конечно, искренне верил в справедливость своих слов, но нам, знающим ныне истинные цели войны, гораздо более важен призыв Брусилова к солдатам, выдержанный в лучших традициях русской армии, армии Суворова и Кутузова. Обращаясь к подчиненным, Брусилов требовал от них высоко держать честь русского солдата, относиться дружественно к местному населению. Русский солдат, подчеркивал Брусилов, для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, тем более для родного по крови галичанина, не враг — защитник. «Я выражаю полную уверенность, — говорилось в приказе, — что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России».

Поначалу противник не оказывал войскам 8-й армии серьезного сопротивления, и они быстро продвигались в глубь Галиции. За корпусами последовал и штаб армии. Ехали на автомобилях. Сначала мало что вокруг говорило о войне, но у границы картина стала меняться: попадались опрокинутые телеграфные столбы, разрушенные постройки.

Пересекли границу; куда ни кинь взгляд, желтели неубранные поля — война помешала жатве. Теперь встречались и пожарища; дотла, к примеру, сгорел Гусятин, и командарм не мог добиться, кто и по какой причине сжег его. Галицийские крестьяне, по внешнему виду мало отличавшиеся от хорошо знакомых Брусилову «малороссиян», встречали русские войска приветливо.

Боевые действия носили характер быстротечных столкновений. 10(23) августа при движения от реки: Серет к реке Стрыпе вновь отличалась 2-я сводная казачья дивизия. Вот описание очевидца: «На широком аллюре, подымая густые облака пыли, развертывается Донская бригада и идет в атаку. Стук копыт и бряцание оружия заглушают звуки стрельбы. Нервы

приподняты. Впереди на фоне леса, подымаясь на гребень складки местности и снова скрываясь, появляются неприятельские эскадроны… Направо все мое внимание приковывает атака кубанцев. Особенно хорошо видна 2-я сотня подъесаула Тихоцкого, атакующая батарею, другие укрыты складками местности. Сотня идет разомкнутыми взводами, один за другим на небольших дистанциях… и под косым лучом зрения кажется вытянутым клином. Впереди и кругом рвется шрапнель. Казаки уж близко. Кажется, вот-вот они не выдержат огня и повернут обратно или артиллеристы бросят оружие. Но батарея не умолкает; беглым огнем посылает она снаряд за снарядом навстречу кубанцам. Расстояние все уменьшается. Уже батарея не видна, закрыта от взоров атакующими. Последние выстрелы в упор, и кубанцы на батарее…»

Противник не стал обороняться ни на реке Серет, ни на реке Стрыпе: австро-венгерское командование не ожидало, что русские смогут так быстро сосредоточить крупную группировку войск на левом крыле Юго-Западного фронта, и не имело здесь достаточных для упорного сопротивления сил. Поэтому 3-я армия Рузского и 8-я армия Брусилова стремительно двигались на Львов и Галич. На реке Коропец 12(25) августа австрийцы попытались задержать войска Брусилова, но были разбиты и отброшены. По этому поводу в оперативной сводке штаба 8-й армии от 14(27) августа говорилось: «Наши войска дрались отлично, расстроенный противник в беспорядке отступил в направлении Галича; местность западнее реки Коропец покрыта трупами, зарядными ящиками, вьюками, оружием, брошены 4 австрийских орудия». Командарм вполне имел право заявить, что вверенные ему войска в этом первом сражении «проявили присущие русскому воину храбрость и самоотверженность».

За 8 дней беспрерывного марша 8-я армия продвинулась на 130–150 километров и развернулась, теперь уже в полном составе, на фронте в 45 километров. Впереди у нее виднелась заманчивая цель — Галич.

Тем временем австрийское командование страшно встревожилось развитием событий в Галиции, и тревога эта возрастала по мере продвижения 3-й и 8-й армий. Помимо крупных потерь в людях и материалах, помимо утраты значительной территории, наступление этих русских армий могло иметь серьезные стратегические последствия для всего фронта. Австрийские войска начали сопротивляться упорнее. Но соотношение сил все еще оставалось не в пользу противника; 13–15 (26–28) августа на реке Золотая Липа 3-я армия нанесла поражение австрийцам; но положение Рузского стало сложным, и

8-я армия (139 тысяч бойцов при 472 орудиях) по приказу командования поспешила на помощь соседу.

С рассветом 15(28) августа, оставив 24-й корпус заслоном у Галича, Брусилов повел остальные корпуса ко Львову. Девятнадцать часов длился марш, и было пройдено более 50 верст. С утра 16(29) августа движение продолжалось, и около полудня при подходе к Рогатину на реке Гнилая Липа войска Брусилова вступили в бой.

Этот фланговый марш казался Ломновскому и другим офицерам штаба весьма рискованным, но командарм провел его безукоризненно. Высшей похвалы заслужили войска: марш был исключительно тяжелым.

Три дня — 16–18 (29–31) августа — на реке Гнилая Липа шло ожесточенное сражение. План Брусилова состоял в том, чтобы атаковать противника двумя корпусами (12-м и 8-м) и связать его с фронта, в то время как 7-й корпус, перейдя реку, должен был отбрасывать левый фланг австрийцев к югу, отрезая его от Львова.

О форсировании реки войсками 7-го корпуса мы имеем яркое свидетельство полковника Черныша. Вот оно: «Через широкую, болотистую долину от Янчина дорога и переправа шли лишь по длинной гати, которая жестоко обстреливалась. Тогда начальник 34-й дивизии ген.-лейт. Батышев, командир бригады, ген.-майор Котюжинский, командиры батальонов 135-го Керчь-Еникальского полка, полковники Файдыш и Рагозин, командир батальона 133-го Симферопольского полка, подполковник Овечин вышли вперед цепей и скомандовали: «В атаку! Вперед!» Видя свое начальство впереди, как один поднялись и неудержимо двинулись вперед цепи симферопольцев и керченикальцев. Шли так около версты по болоту и вброд через Гнилую Липу… дошли до позиции противника и ворвались в нее. Австрийцы на захваченном участке были большей частью взяты в плен, более 1000 человек, со знаменем 50-го австрийского полка и много пулеметов».

Из офицеров, участников этой необычной «ударной группы», был убит полковник Рагозин; генерал Батышев и полковник Овечин, будучи ранены, из цепи не ушли. Потери солдат были невелики.

Командарм-8 сумел претворить свои планы в действительность с необходимой решительностью и настойчивостью. Противник сопротивлялся упорно, но 18(31) августа в полном расстройстве, бросая оружие и обозы, побежал. В этот день Брусилов доносил в штаб Юго-Западного фронта: «Трехдневное сражение отличалось крайним упорством, позиция австрийцев, чрезвычайно сильная по природе, заблаговременно

укрепленная двумя ярусами (окопов), считавшаяся, по показаниям пленных офицеров, неприступною, взята доблестью войск…» Войска взяли много пленных, среди них одного генерала, три знамени и более 70 орудий. Только у Галича на поле боя осталось около 5 тысяч убитых австрийских солдат и офицеров.

Немалыми были потери и русских войск. Спустя несколько дней Брусилов писал жене: «Все поле сражения длиною около ста верст завалено было трупами, раненых с трудом подбирали, рук не хватало для уборки, не хватало также перевязочного материала. Например, в госпиталь, который я посетил, вместо 210 раненых, которых он должен принять, было привезено три с лишним тысячи больных. Что четыре доктора могли сделать? Они работали день и ночь, еле на ногах стояли, но всех перевязать не могли. Даже напоить и накормить всех страдальцев было невозможно. Это тяжелая изнанка войны».

Да, это была тяжелая изнанка всякой войны, но Брусилова возмущало, что лица, ответственные в армии за состояние санитарного дела, обманули его: до сражения, когда командарм поинтересовался подготовкой санитарной части, его заверили: все будет в порядке. Теперь пришлось немедленно снять безответственных чинов и заменить опытными медиками. В последующем подобное положение не возникало, а командарм ревниво следил за состоянием лазаретов: забота о раненых была для Брусилова одним из основных служебных принципов и проистекала из лучших традиций русской армии.

Недостатки обнаружились не только в санитарной части — было этих недостатков очень уж много, и далеко не все мог устранить командующий армией даже при желании: происхождение их коренилось в общем состоянии русской армии. Первое сражение натолкнуло Брусилова и на важные выводы. «Я убедился, во-первых, — писал он, — в том, что командующему армией необходим не малый, а сильный общий резерв, без которого сражение всегда будет висеть на волоске, и что небольшая часть, находящаяся в распоряжении командующего армией для парирования случайностей, как полагали немцы, да и мы с ними, до начала этой кампании, совершенно недостаточна. Во-вторых, убедился я также, что необходимо иметь сильный артиллерийский резерв для того, чтобы концентрировать артиллерийские массы на решающих пунктах, а отнюдь не иметь артиллерию равномерно разбросанной по всему фронту, разбитой поровну между дивизиями…»

Сражение на Гнилой Липе было хорошей школой для войск: как и всегда, успех в первом бою поднял дух необстрелянных

солдат, показал им, что они превосходят австрийцев, прибавил веры в командиров, что немаловажно всегда на войне, а в этой несчастной, нежеланной для России войне было важно в десятикратной степени. Солдаты и офицеры верили в Брусилова — это мы увидим в дальнейшем.

Для командарма-8 эти несколько дней, в которые уложилось первое выигранное им сражение, были серьезным экзаменом. «Тяжелые дни пережил я, — писал он жене, — если бы не был уже седым, то, думаю, поседел бы от забот и внутреннее волнения, которое должен был тщательно скрывать». Тревог и волнений генералу Брусилову предстояло пережить еще немало — как в ближайшие дни, так и тем более в последующие годы.

События на фронте перед 3-й и 8-й армиями разворачивались очень благоприятно. Австрийцы отступали, бросая орудия, зарядные ящики, даже стрелковое оружие. Так, весь путь 13-й дивизии при движении к Бобрке 19 августа (1 сентября) был усеян повозками, опрокинутыми зарядными ящиками, лазаретными линейками, брошенным оружием, а по вступлении в Бобрку был найден огромный обоз с продовольствием, фуражом и снарядами. Брусилов имел полное основание доносить по начальству: «Вся картина отступления противника, большая потеря орудий, масса брошенных парков, громадные потери убитыми, ранеными и пленными ярко свидетельствуют о полном его расстройстве».

Преследуя противника, войска 8-й армии двигались к югу от Львова, обходя его и тем самым угрожая тылу 3-й австро-венгерской армии. 20 августа (2 сентября) авиаразведка донесла, что из Львова на запад бесконечным потоком следовали поезда, а пешие колонны противника, обходя город, двигались в том же направлении. Это могло означать только одно: противник намерен оставить Львов. Так как ранее предполагалось, что город сильно укреплен и противник, несомненно, будет его защищать, Брусилов в этот день на автомобиле поехал к генералу Рузскому, чтобы договориться о совместных действиях но взятию Львова. Как младший по званию, Брусилов должен был подчиняться командующему 3-й армией. Рузский же был весьма не прост. Вот как характеризовал его Брусилов: «Человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались».

Сложность переговоров с Рузским заключалась в том, что командующий 3-й армией, несомненно, стремился к единоличному овладению Львовом: взятие этого города, одного

из крупнейших и древнейших в Восточной Европе, произвело бы огромное впечатление. Главнокомандующий фронта генерал Иванов требовал от Рузского, в свою очередь, направления большей части его войск на север от Львова, чтобы помочь оказавшейся на севере в сложном положении 5-й армии.

Как выяснилось в разговоре, генерал Рузский ожидал у Львова серьезного сопротивления противника, но австро-венгерское командование поняло, что удержать Львов невозможно. На следующий день Брусилов доносил в штаб фронта: «Сегодня, 21 августа, в 11 часов утра разъезды 12-й кавалерийской дивизии вошли в оставленный неприятелем город Львов; встречены жителями очень приветливо». В тот же день в город вошли главные силы 3-й армии.

Можно представить удивление и досаду Брусилова, когда в официальном сообщении он прочел, что Львов взят «доблестными войсками генерала Рузского», да еще после многодневных боев, а об участии 8-й армии в достижении этого успеха ничего не говорилось. Везде и всегда, во все времена, военачальники ревниво следят за соблюдением справедливости в подобных случаях, но Брусилов не стал протестовать. «Я молчал, — вспоминал он, — считая это мелочью и думая только о конечном результате для России. Да я и не мог, по условиям дисциплины, ставить таких точек над i. Но в моих войсках разговоров и недовольства было много…»

Это был первый случай откровенно неприязненного отношения к успехам Брусилова со стороны лиц власть имущих. В дальнейшем ему пришлось столкнуться с подобным неоднократно, и Брусилов занял единственно возможную и достойную позицию: стараться быть выше происходящего. «Ты намекаешь в своих письмах про разные интриги против меня, которые порождаются завистью, — писал Брусилов жене несколько дней спустя, 6 сентября 1914 года. — Я стараюсь всеми силами души их не замечать, ибо интриги и зависть — очень низменные вещи, унижающие человека, я просто борюсь и отгоняю от себя, с божиею помощью, эту пакость… История разберет вскоре после войны, как действительно было дело, а теперь главное — победить. Охотно уступаю лавры Рузскому, но обидно за войска армии». История действительно разобралась, и в военно-исторических исследованиях по первой мировой войне воздается должное как Рузскому, так и Брусилову[11].

К тому же на следующий день после взятия Львова войска 8-й армии достигли немалого и уже несомненно принадлежащего им успеха: 22 августа (4 сентября) войска 24-го корпуса овладели Галичем. Командир корпуса А. А. Цуриков доносил, что

противник бежит, что взято до 40 орудий, что сильные форты оставлены без выстрела… В ночь с 23 на 24 августа почти без потерь был взят Миколаев. Так блестяще завершилась Галич-Львовская операция русских войск, ставшая значительным этапом в Галицийской битве. Получил награду и Брусилов — 23 августа его наградили орденом святого Георгия 4-й степени[12].

Заслуги Брусилова в первом же сражении очевидны, но для объективности отметим: впоследствии при разборе действий 8-й армии высказывались и критические суждения. Так, А. Коленковский, дав весьма резкую характеристику действиям генерала Рузского, писал о Брусилове, что он «был слишком чувствителен к мнимой опасности, которая якобы могла угрожать его левому флангу из-за Днестра. Имея многочисленную конницу и будучи сам по роду службы кавалеристом, Брусилов не сумел организовать должную разведку для обеспечения своего левого фланга». Не ставя под сомнение справедливость этого упрека, все же напомним, что вообще использование кавалерии в первый, маневренный период войны, когда еще не было сплошного фронта, оставляло желать лучшего, и не только в русской армии. Многочисленная и хорошо обученная русская кавалерия не сыграла видной роли в сражениях 1914 года, и в основном потому, что не оказалось умелых и решительных кавалерийских генералов. Только спустя несколько лет, уже в гражданской войне, казачий вахмистр Семен Буденный преподаст русским генералам наглядные и сокрушительные уроки того, как надо использовать кавалерийские массы…

По взятии Львова командование фронта предписало 3-й армии, усиленной 12-м корпусом из армии Брусилова, двигаться на Раву-Русскую, а остальным корпусам 8-й армии, оставшись возле Львова, маневрировать по обстановке. Брусилов не согласился с таким решением, резонно предполагая, что имеются лишь две возможности: либо австрийцы не станут наступать на участке его армии, и тогда она простоит без дела, либо они, собрав силы, атакуют 8-ю армию и попробуют отбить Львов. 24 августа (6 сентября) Брусилов сообщал в штаб фронта: «С овладением Галичем и Миколаевом правобережная полоса перешла в наши руки, что дало возможность выдвинуть разведку к горным проходам и тем обезопасить наш тыл со стороны Днестра. Последующей задачей для армии мне представляется овладение Гродекской позицией, что необходимо и для более надежного обеспечения фланга 3-й армии».

Соображения Брусилова, как показали последующие события, были правильными. Австро-венгерское командование замыслило грандиозное сражение западнее Львова, чтобы разгромить 3-ю и

8-ю армии и возвратить Восточную Галицию. Заранее надо сказать, что намерения противника были несбыточными. Командование Юго-Западного фронта согласилось с предложением Брусилова и приказало 8-й армии взять Городокскую (Гродекскую) позицию австрийцев.

Данные авиаразведки[13] свидетельствовали, что противник занял Гродекскую позицию и лихорадочно укрепляет ее. Следовало спешить.

Тем временем на Брусилова, штаб которого находился теперь во Львове, кроме обычных и весьма разнообразных обязанностей, свалились и политические — по управлению освобожденными территориями и сохранению порядка.

К командующему армией пришла делегация горожан Львова. Брусилов держал краткую речь:

— Для меня в данное время все национальности, религии и политические убеждения каждого обывателя безразличны; это все дела, касающиеся мирного обихода жизни. Теперь война, и я требую от всех жителей одного условия: сидеть спокойно на месте, выполнять все требования военного начальства и жить возможно более мирно и спокойно. Наши войска мирных жителей трогать не будут; за все, что будет браться от жителей в случае необходимости, будет немедленно уплачиваться русскими деньгами по курсу, определенному верховным главнокомандующим. Предваряю, однако, что те, которые будут уличены в сношениях с австрийцами или будут высказывать враждебность к нашим войскам, будут немедленно предаваться военно-полевому суду. Никакой контрибуции на город накладывать не буду, если его жители будут спокойны и послушны…

Депутаты покинули штаб армии удовлетворенными, благодаря генерала за откровенные и доброжелательные высказывания. Положение во Львове и Восточной Галиции в целом оставалось спокойным, хотя уже и тогда имелись причины и зачатки будущих несогласий и раздоров. Основное население края[14] — украинцы (галичане) — встречало русские войска восторженно: они несли им освобождение от многовекового национального угнетения. Поляки относились к русским настороженно. Многозначительные обещания, высказанные в обращении к полякам верховного главнокомандующего Николая Николаевича в начале августа 1914 года, не были соответствующим образом подкреплены словом самого царя, и это вызвало у польского населения обоснованное недоверие. Словом, хлопот у военной администрации хватало, и Брусилов был рад, когда смог передать эти дела вновь организованной

гражданской администрации.

Уже в первые дни пребывания во Львове Брусилову пришлось столкнуться с главой униатско-католической церкви А. Шептицким. Поляк по происхождению, иезуит по воспитанию, митрополит был известен как ярый враг России и всего русского. Контрразведка России хорошо знала о давних и теплых связях святого отца с австро-венгерской и германской разведками (позднее Шептицкий поддерживал такие же отношения и с гитлеровскими разведчиками). По вступлении русских войск в Восточную Галицию Шептицкий и не думал скрывать свои намерения: с церковной кафедры он громогласно проклял тех из своих прихожан, кто приветствовал вступление русских войск, и напомнил верующим об их «обязанностях» перед австро-венгерским императором и римским папой.

Русские власти не могли пройти мимо подобных действий. Шептицкий был посажен под домашний арест; затем Брусилов вызвал его к себе и потребовал от митрополита дать честное слово, что он не будет предпринимать против русских властей ни открытых, ни тайных враждебных действий. В этом случае Шептицкий мог остаться во Львове. Митрополит-иезуит с внешней охотой дал такое слово, но держать его и не думал. Через неделю Брусилову пришлось отправить митрополита в Киев. Затем Шептицкого вывезли в глубь России, где он пробыл до 1917 года, когда Временное правительство с почестями отпустило заклятого врага всего русского из его почетного «плена» как «пострадавшего» от царизма.

Сведения разведки, поступавшие в штаб 8-й армии, говорили об одном: противник, укрепившись на правом берегу реки Верещицы и получив сильные резервы, готовился к переходу в наступление. Силы врага оставались неизвестными, но резонно было предположить, что они возросли, иначе и не могло быть речи о наступлении. Готовиться к обороне или перейти в наступление? Брусилов решил, что встречный бой будет для него выгоднее. «Такой образ действий, — писал он, — как в этом случае, так и в дальнейшем ходе кампании мне значительно помогал, ибо при встречном бое против сильнейшего противника я смешивал его карты, спутывал его план действий и вносил значительную путаницу в его предположения. Это давало также возможность точно выяснить группировку его сил, а следовательно, и его намерения».

Попытка сбить врага с Гродекских позиций фронтальным ударом успеха не сулила, но могла привести к тяжелым и ненужным потерям. Поэтому Брусилов решил обойти левый фланг противника войсками корпуса Радко Дмитриева.

С утра 26 августа (8 сентября) войска армии Брусилова начали наступление. Как и предполагал командарм, противник был готов к контратакам. Завязалось упорное сражение, продолжавшееся четыре дня.

Силы противника существенно превосходили войска 8-й армии. К тому же здесь впервые проявилось превосходство врага в тяжелой артиллерии, столь пагубное для русских войск на протяжении всей войны. Противник давил по всему фронту армии, и к вечеру выяснилось, что существенно продвинуться нигде не удалось, а потери велики. Пришлось окапываться. Командиры корпусов сообщали Брусилову, что сомневаются в возможности устоять на занятых позициях. В резерве у Брусилова имелась всего одна бригада пехоты, и он стал уже подумывать о приказе отойти, чтобы занять центром форты Львова, а левым флангом укрепиться в фортах Миколаева. Но по зрелом размышлении он все же приказал войскам правого фланга и центра действовать активно, левому же флангу — упорно обороняться. Для этого Брусилов озаботился мобилизовать все наличные резервы, запросив их и от командующего фронтом. Правда, от начальства он резервов не получил; очень огорчила командарма-8 телеграмма главнокомандующего фронта, в которой впервые появилось требование экономить боевые припасы, особенно снаряды. Брусилов считал, что в сложившейся обстановке делать этого он не может, и 29 августа (11 сентября) телеграфировал Н. И. Иванову: «В настоящей обстановке я не счел себя вправе дать войскам указания беречь патроны (снаряды. — *С. С.*), так как таковое неминуемо пагубно отразилось бы на духе войск. Противник атакует подавляющими силами, и недостаток войск у нас необходимо возмещать силою огня. Только [в] более спокойное время почту долгом передать войскам эти указания».

Русская артиллерия в эти первые недели войны наносила огромные потери австро-германским войскам, и об экономии снарядов не приходилось думать. Согласно действовавшим уставам австрийцы наступали густыми цепями с интервалами между пехотинцами в метр. Цепи шли в 100–200 метрах друг за другом. При таком построении на поле битвы возникала следующая картина: «Шрапнель 76-мм пушек русской артиллерии находила себе обильную жатву в скоплении 3000–4000 человек открыто наступавшего неприятельского полка на площади до 2 км по фронту и не более 1000 шагов в глубину. Не исключением бывало, что наступавшая таким образом австро-германская пехота, попадая под убийственный огонь шрапнели 76-мм полевых пушек, уничтожалась почти до последнего человека».

На полях Галиции и австро-венгерская артиллерия была

наказана за плохую довоенную подготовку: она вела стрельбу с открытых или полузакрытых позиций. Зачастую русские артиллеристы первыми же снарядами накрывали вражеские батареи и уничтожали их. Наиболее убийственный пример — действие русской гаубичной батареи мортирного дивизиона в бою под Тарнавкой 26 августа. Выпустив всего 200 гранат, она подавила огонь 6 немецких батарей; на захваченной вражеской позиции осталось 34 орудия, вокруг которых лежали убитые люди и лошади.

Естественно, что Брусилов не мог велеть своим артиллеристам в такой момент вести экономную стрельбу.

На следующий день правый фланг армии Брусилова стоял крепко на месте, в центре 7-й и 8-й корпуса, правда с большими потерями, удерживали свои позиции. Левый же фланг оказался в тяжелом положении, и немалую вину в том имел начальник 48-й пехотной дивизии Корнилов. Ему своевременно был передан приказ Брусилова отойти на высоты севернее Миколаева. Корнилов этого приказа не выполнил, его дивизия была окружена, отброшена за реку Щержец и потеряла 26 орудий. Неприятель на этом участке продолжал продвижение. Ситуацию изменила 12-я кавалерийская дивизия Каледина, поддержанная 2-й сводной казачьей дивизией. В критический момент Каледин бросил в самоотверженную атаку 7 оставшихся у него в резерве эскадронов, опрокинул австрийцев и остановил их наступление. Впрочем, и действия Каледина вызвали неудовольствие командарма: остальные 17 эскадронов дивизии Каледина, сражавшиеся в тот момент в пешем строю, в атаке не участвовали, и потому она не приобрела необходимой мощи.

В полдень этого дня Брусилов получил сведения (опять авиаразведка!), что к центру позиций его армии противник собирает многочисленные колонны. Видимо, австрийцы намеревались пройти ко Львову по кратчайшему направлению. Командарм немедленно принялся собирать на участках 7-го и 8-го корпусов все свои резервы. К рассвету 30 августа в центре боевого порядка армии сосредоточилось 85 батальонов пехоты из 152 батальонов, имевшихся у Брусилова на тот момент. Сюда же сконцентрировали артиллерию, в том числе дивизион тяжелой артиллерии.

Враг располагал преимуществом в силах: против неполных 4 корпусов Брусилова в Городокском сражении действовало 7 австрийских корпусов, 21 пехотная дивизия! Общее представление о соотношении сил Брусилов имел уже во время сражения, тем не менее и не думал ограничиваться оборонительными действиями. Командирам 7-го и 8-го корпусов

велено было наступать. Расчет состоял в том, чтобы сбить наступательный прорыв противника, спутать его планы. Этот расчет оправдался: 7-й и 8-й корпуса, правда, продвинулись недалеко, но противник, израсходовав резервы, не смог нанести мощного удара.

К этому времени резко ухудшилось положение австро-венгерских войск, сражавшихся к северу от 8-й армии, против 4-й и 3-й русских армий. Разбитые, они начали отступать. Выдержав удар противника на Львов, армия Брусилова сделала свое дело. 30 августа (12 сентября) австрийцы попытались снова наступать против войск 8-й армии, но, будучи отбиты, начали отходить. Сражение под Городком окончилось победой русских. 30 августа Брусилов телеграфировал в штаб Юго-Западного фронта: «Долгом службы и совести считаю свидетельствовать, что войсками было проявлено высшее напряжение, о стойкость и доблесть их противник разбился. Твердое и невозмутимо спокойное руководство командирами корпусов в критические минуты, которые бывали не раз, вырывало победу»[15].

Противник понес в сражении огромные потери — до 50 процентов состава, и даже более. Управление австро-венгерскими войсками нарушилось, случалось, что по нескольку дней солдаты не получали продовольствия. В плен сдавались тысячи вражеских солдат — группами и в одиночку. Особенно охотно сдавались русским солдатам из порабощенных Габсбургской монархией славянских стран — чехи, сербы, словаки: те из читателей, кто знаком с «Похождениями бравого солдата Швейка», имеют прекрасное представление об этом.

Быстрое и энергичное преследование разбитого противника обещало многое. Поэтому Брусилов приказал восстанавливать немедля переправы через реку Верещицу и преследовать врага кавалерией. Действуя так, удалось захватить немалые трофеи.

Командование Юго-Западного фронта решило продолжать наступление и форсировать реку Сан. 8-й армии было приказано двигаться южнее линии Львов — Городок — Перемышль. Последний город — мощная крепость была обойдена русскими войсками. Взятие ее было возложено на 3-ю армию, а войска Брусилова обеспечивали по-прежнему левый фланг всего русского фронта и блокаду Перемышля.

Преследовали противника русские армии недостаточно энергично — в этом согласны все исследователи. Причиной в основном была чрезмерная осторожность русского командования, вызванная, очевидно, впечатлением от неудачного исхода сражения в Восточной Пруссии.

Кроме того, быстрое преследование затруднялось и

объективными обстоятельствами. В донесении главнокомандующему фронта Брусилов писал, что на территории, по которой двигалась армия, каждому корпусу можно было предоставить только одну дорогу, и на ней образовалась вереница войск, обозов и тыловых учреждений в 60 верст.

По каждой такой дороге прошли две армии — австрийская и наша, протащили сотни орудий и зарядных ящиков, проползли десятки тысяч телег. Шоссе, и в мирное время не отличавшееся благоустройством, теперь стало горой грязи, камней; местами путь затрудняли воронки от попаданий тяжелых снарядов. На всем протяжении шоссе было усеяно поломанными телегами, застрявшими в глине грузовиками. Справа и слева, в кюветах — трупы околевших лошадей, около забуксовавших автомобилей — растерянные водители. В поле еще можно было исхитриться объехать особо развороченные участки шоссе обочиной, а то и прямо по полю, но в лесу оставалось одно средство: становиться в хвост и двигаться шагом.

Навстречу же в двуколках и арбах везут раненых…

Австро-венгерские железные дороги могли использоваться лишь в незначительной степени, поскольку почти отсутствовали подвижной состав и паровозы, пригодные для более узкой западноевропейской колеи. Поэтому вся тяжесть ложилась на конный транспорт, а он не мог снабдить своевременно войска продовольствием и боеприпасами. В специальном приказе Брусилов требовал от командиров корпусов «взглянуть, что делается на их корпусных путях, и выяснить причину этого хаоса. Руководство маршами обозов совершенно отсутствует, никаких расчетов не делается, вообще обозы двигаются никем не управляемые. Между тем марш обозов требует еще большего управления, еще более внимательного расчета, чем марш войсковых колонн».

В результате недостаточно энергичного преследования австро-венгерская армия, над которой явственно нависла не только угроза разгрома, но и уничтожения, была просто вытеснена из Галиции. Так закончилась Галицийская битва — одна из крупнейших стратегических операций первой мировой войны, закончилась крупным успехом русских войск. Помимо весьма значительной территории, австро-венгерская армия потеряла до 400 тысяч человек, из них около 100 тысяч пленными. Таким образом, начало войны для России не было таким уж угрожающим, как это иногда изображается. Более того, Австро-Венгрия оказалась на грани катастрофы.

Потери русских войск, однако, были также велики: они

составили 230 тысяч человек, в среднем по 4,5 тысячи на дивизию. Это обстоятельство, вместе с трудностями регулярного снабжения действующей армии, заставило русское командование прервать Галицийскую операцию, чтобы устроить тылы и накопить запасы снабжения.

Поражение Австро-Венгрии в Галицийской битве имело огромные политические последствия для общего хода мировой войны. Теперь, после поражения в Галиции и на Марне, исполнение плана германского командования — быстрого поочередного разгрома противников — становилось проблематичным, если не невозможным вообще. Не следует забывать о заметной роли, выпавшей 8-й армии в ходе Галицийской битвы. Действия командарма-8 были высоко оценены командованием: 18 сентября (1 октября) он получает вторую за месяц боевую награду — орден святого Георгия 3-й степени.

Русское командование не отказалось от продвижения на запад. По плану Ставки три армии — 9, 4 и 5-я — должны были наступать на Краков, 3-я армия — блокировать Перемышль, а 8-я прикрывать блокаду крепости. Поначалу события и развивались согласно этому плану. Русские армии продвигались в краковском направлении, угрожая вторжением в Верхнюю Силезию; в то же время войска Брусилова начали действия в Западной Галиции. Теперь они сражались в горах, и командарм издал соответствующий приказ: «В предстоящем наступлении мы подходим к предгорьям Карпат. Местность будет более гористой, более закрытой лесами, но зато и дающей больше хороших укрытых подступов при наступлении. Нового в этом ничего нет, необходимо обратить только больше внимания на искусство маневрирования, на поддержание самой тесной связи между отдельными участками и на полное взаимодействие огня одних с наступлением других.

Брусилов предполагал, что, оставив позади Перемышль, его войска будут двигаться по пятам за противником, не давая ему возможности передохнуть и привести себя в порядок. Перемышль следовало немедленно штурмовать, и в том состоянии паники, в котором находились тогда австрийские войска, штурм имел большие шансы на успех. Но так как осаду поручили 3-й армии под командованием Радко Дмитриева, то Брусилов не имел возможности вмешаться в действия соседа. Командарм-3 не предпринял немедленного штурма. Вскоре обстановка изменилась.

Германское командование, ввиду катастрофического положения своего союзника — Австро-Венгрии, срочно

перебросило в Польшу 9-ю армию Гинденбурга, намереваясь наступать на Средней Висле. В ответ русское командование перегруппировало сюда с реки Сан 9, 4 и 5-ю армии. Брусилову было приказано с утра 15(28) сентября вывести основные силы армии из боя и, сосредоточив их между Львовом и Перемышлем, создать маневренную группу, для действий в зависимости от обстановки. Несколькими днями позднее на левом фланге Юго-Западного фронта была организована под командованием Брусилова Галицийская группа (3-я, 8-я и Блокадная, позднее — 11-я армия). В задачу группы входило противодействие правому флангу австро-венгерских войск, прикрытие Львова и блокада Перемышля.

Теперь, когда действия против Перемышля входили в его прямые обязанности, Брусилов взялся за подготовку штурма крепости. Перемышль был крепким орешком: могучие бетонные брустверы, вращающиеся броневые башни, вместительные казематы, форты, один сильнее другого, глубокие рвы с прикрытием для стрелков, большое число артиллерии разного калибра, вплоть до сверхтяжелых, ряды колючей проволоки и в довершение — доминирующее положение Перемышля по отношению к окружающей местности. Гарнизон крепости немногим уступал в численности русским войскам, его обложившим. Все это делало овладение крепостью нелегким предприятием.

Все же Брусилов считал взятие крепости возможным при условии немедленного и решительного штурма. 19 сентября (2 октября) в 10 часов 55 минут он телеграфировал главнокомандующему: «Совокупность всех сведений о Перемышле привела меня к заключению, что штурм крепости имеет много шансов на успех. Генерал Щербачев, непосредственно ведавший блокадой крепости на правом берегу Сана, ознакомленный с обороноспособностью крепости, совершенно того же мнения. Так как овладение Перемышлем будет иметь громадное моральное и военное значение, освободит скованные крепостью пять дивизий, передаст в наши руки важный узел дорог, что даст возможность 3-й и 8-й армиям действовать в тесной связи, уверенность обеспечения тыла, мне представляется соответственным теперь же попытаться овладеть Перемышлем, и в этом направлении мною даны указания генералу Щербачеву начать подготовку, на которую предполагаю употребить 4–5 дней. Направляю на поддержку тяжелый дивизион, саперный батальон, 19-ю пехотную дивизию, стрелковую бригаду».

21 сентября Брусилов отдал приказ о подготовке штурма, в ночь на 24 сентября штурм начался. Русские солдаты, в

особенности 73-й Крымский и 76-й Кубанский пехотные полки 19-й пехотной дивизии, обнаружили чудеса героизма, ворвались на вражеские укрепления, но взять их не могли: отсутствие тяжелой осадной артиллерии не позволило разрушить эти укрепления и подавить вражескую артиллерию. Брусилов намеревался повторить штурм, но обстоятельства воспрепятствовали этому.

Еще 22 сентября (5 октября) австро-венгерские войска перешли в наступление, стремясь спасти осажденную крепость. Передовые части русских, находящиеся на реке Дунаец, стали отходить. Думать о продолжении штурма Перемышля не приходилось, и Брусилов отдал приказ о прекращении блокады.

Сложность положения Брусилова состояла и в том, что северный фланг 8-й армии не был достаточно обеспечен: 3-я армия с разрешения командования фронта и вопреки мнению Брусилова была отведена на правый берег Сана. Брусилову приходилось надеяться только на свои силы, так как его многочисленные обращения к начальству о выделении подкреплений оставались без внимания. Более того, генерал Иванов распорядился начать эвакуацию Львова, дав тем самым понять, что не надеется на стойкость 11-й и 8-й армий.

О своих ощущениях в тот период Брусилов писал: «Должен признать, что я до настоящего времени не могу никак понять такое странное, ничем не объяснимое отношение к моей армии, которое могло иметь крайне тяжелые и печальные последствия не только для нее, но и для всего Юго-Западного фронта. Мне и до сего дня не удалось узнать, какие соображения в данном случае руководили генералом Ивановым и бывшим тогда его начальником штаба генералом Алексеевым. В войсках моих ходили чрезвычайно тяжелые пересуды. Мне передавали, что в штабе Юзфронта было обычно выражение: «Брусилов выкрутится», или: «Пусть выкручивается». Это, конечно, сплетня, но характерная сплетня, и не следовало шутить с народным негодованием, давая повод к таким сплетням. Ведь масса солдатская прислушивалась к этим разговорам и добавляла от себя: «Конечно, генерал выкрутится, да только нашей кровью и костями…»

Да, русским солдатам приходилось платить дорогую цену за бездарность и неподготовленность высшего командования армии, среди которого такие генералы, как Брусилов, составляли единичные исключения, да к тому же третировались как «выскочки».

Противник атаковал войска Брусилова превосходящими силами с фронта, одновременно обходя его левый фланг. Одна из второочередных дивизий, недостаточно обученная и имевшая

некомплект офицеров, покинула свои позиции, и командарму пришлось изыскивать способы восстановления фронта. Прорыв удалось ликвидировать.

Тяжело приходилось левофланговому 24-му корпусу генерала Цурикова, но, действуя решительно и главным образом наступательно, удалось избегнуть охвата левого фланга армии. Использовав все ресурсы, быстро перебросив их, Брусилову удалось также парировать удар противника на Львов через Миколаев.

В октябрьских боях, как и, увы, всегда впредь, на положении русских войск тяжело сказывалось превосходство противника в тяжелой артиллерии. 17 октября Брусилов доносил по начальству: «Наличного числа тяжелых орудий, имеющихся в распоряжении армии, недостаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с многочисленной крепостной артиллерией, вооруженной современными орудиями более крупного калибра. В настоящее время боевые действия на фронте армии приняли позиционный характер; противник настолько усилил свои укрепления и окопы, что успешная работа против них не под силу нашим легким полевым орудиям и гаубицам; кроме того, на всем фронте расположения австрийцев имеется значительное число тяжелых полевых орудий, а в последние дни появились орудия 8-дюймового калибра, безнаказанно расстреливающие наши войска и укрепления». Но командование фронта ничем не могло помочь, тяжелой артиллерии не было. И здесь русские солдаты должны были расплачиваться за непредусмотрительность военного руководства империи. Ответ Иванова на цитированный только что рапорт Брусилова звучит издевательством: при отражения противника генерал советовал подчиненному «развивать хорошо управляемый усиленный ружейный огонь»!

8-я армия все же устояла южнее Перемышля. 3-я армия вновь, хотя и с трудом, перешла на левый берег Сана, и это немедленно облегчило положение войск Брусилова. В конце октября летчики стали наблюдать во вражеском тылу огромные обозы, тянувшиеся на запад, прочь от фронта. Тогда Брусилов приказал немедленно атаковать врага, чтобы не дать ему спокойно отойти. 23 октября преследование началось и шло очень успешно. Вновь солдаты Брусилова захватили пленных и трофеи, австро-венгерские войска вновь были отброшены за реку Сан.

Но сражение нелегко далось и русским солдатам. Брусилов не мог не видеть, что состав армии, как рядовой, так и офицерский, резко изменился. «Это сражение под Перемышлем, — писал он, — беспрерывно длившееся в течение месяца, было последнее, о котором я мог сказать, что в нем

участвовала регулярная обученная армия, подготовленная в мирное время. За три с лишним месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыло из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов. Офицерский же состав приходилось пополнять вновь произведенными прапорщиками, тоже недостаточно обученными. С этого времени регулярный характер войск был утрачен и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милиционное войско. Унтер-офицерский вопрос стал чрезвычайно острым, и пришлось восстановить учебные команды, дабы спешным порядком хоть как-нибудь подготовлять унтер-офицеров, которые, конечно, не могли заменить старых, хорошо обученных».

С подобной проблемой сталкивались в большей или меньшей степени все воевавшие армии. Впоследствии отмечалось, что Германии удалось сохранять и возобновлять унтер-офицерский состав с бóльшим эффектом. Однако и в России, несмотря на спешку и организационные неполадки, унтер-офицеров готовили не так уж плохо. Каждому известны такие советские полководцы, как Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, а они получили начальное военное образование именно в учебных командах в годы первой мировой войны и сохранили об этих командах воспоминания как об очень серьезных школах. Другое дело, что существовавшая в русской армии пропасть между офицерами и нижними чинами делала почти невозможным для талантливых людей из народа продвижение по служебной лестнице.

Не так уж плохо обучали и офицеров, вспомним хотя бы А. М. Василевского и Л. А. Говорова, окончивших училище в те же годы. Но, конечно, вполне можно согласиться с горькими словами Брусилова: «Многие из этих скороспелых офицеров, унтер-офицеров и рядовых впоследствии сделались опытными воинами, и каждый в своем кругу действий отлично выполнял свои обязанности, но сколько излишних потерь, неудач и беспорядка произошло вследствие того, что пополнения приходили к нам в безобразно плохом виде!»

Русская армия наступала. В Варшавско-Ивангородской операции сентября — ноября 1914 года австро-германские войска вновь потерпели неудачу. Стойкая оборона и умелые действия Галицийской группы под командованием Брусилова немало способствовали успеху русских войск в Польше. Теперь русское командование замыслило не более и не менее, как вторжение в Германию — в Силезию. Войскам Юго-Западного фронта следовало придерживаться наступательных действий, чтобы

обеспечить основную операцию с юга.

Через Сан армия Брусилова перешла сравнительно легко. Австро-венгерские войска, не сопротивляясь упорно, отходили на запад, стремясь прикрыть карпатские перевалы и воспрепятствовать проникновению русских на Венгерскую равнину. К 7 ноября левофланговый 24-й корпус все же сумел сбить врага с главного хребта. Заманчивая перспектива открывалась перед 8-й армией.

Но 8 ноября Брусилов получил директиву главкоюза главнокомандующего Юго-Западного фронта), в которой 8-й армии предлагалось, оставив в Карпатах заслоны, главные силы как можно быстрее перебросить к Кракову, чтобы прикрывать левый фланг действовавшей там 3-й армии. Эта директива вызвала резонные возражения командарма-8: он предполагал, что, как только его войска повернут к Кракову, противник спустится с Карпат, собьет заслоны и выйдет в тыл армии. Но дисциплина прежде всего, и 9 ноября Брусилов отдал предварительный приказ в развитие директивы главнокомандующего фронта. Одновременно он направил Н. И. Иванову просьбу разрешить ему довести до конца операцию в Карпатах. «Немедленное выполнение указанной директивы с выводом частей из боя, не закончив начатой успешной атаки, — аргументировал Брусилов, — считаю опасным для нас, так как противник, оправившись и перейдя в наступление, может еще больше задержать предстоящий марш».

Последовал оживленный и не лишенный резкости обмен телеграммами, но все же 11 ноября Иванов согласился с доводами Брусилова. Операция 8-й армии в Карпатах продолжалась.

Помимо нехватки боеприпасов и продовольствия, армия теперь страдала и от холода: в горах выпало много снега, ударили морозы. Войска оставались в летней форме, и интендантство фронта не проявляло необходимой распорядительности. Хуже всего было с сапогами. Между тем Брусилов запрашивал о зимнем обмундировании соответствующие инстанции еще в сентябре, но получил ответ, что теплые вещи направляются в первую очередь войскам Северо-Западного фронта, там зима, мол, суровее и наступает раньше. Но в горах, как известно, зима приходит рано и бывает лютой. Не ожидая, когда интендантство озаботится, Брусилов распорядился по собственному усмотрению закупать в тылу теплые вещи и немедленно доставлять их в армию.

Невзирая на тяжелое положение, 8-я армия продолжала наступать. Австрийцы укрепляли каждую вершину, выбивать их

приходилось шаг за шагом, экономя в то же время патроны и снаряды. Враг, в особенности венгерские части, сопротивлялся упорно, и русские войска несли значительные потери. И все же за десять дней 8-я армия оттеснила противника за перевалы. Австро-венгерские войска только пленными оставили до 20 тысяч человек, а также много орудий, пулеметов. Брусилов отдал специальный приказ по войскам: «Ежедневным упорным и настойчивым движением вперед, ежедневной боевой работой, по лесистым кручам Карпат, без полушубков, в изодранных по камням сапогах, вы, русские чудо-богатыри, не знающие устали, последовательно сбивали противника… Я счастлив, что на мою долю выпала честь и счастье стоять во главе вас, несравненные молодцы».

Здесь, за Дуклой, где горы начинали мельчать, а на столбах и лавках появились такие названия на венгерском языке, что не только перевести, но и выговорить солдаты не в силах были, русские войска встречали хорошо. Русины (так называли в то время закарпатских украинцев), отделенные от России высокой горной стеной, трогательно сохраняли столетия и славянский язык, и веру, и любовь К русским, говорили о них «наши пришли». Зная благорасположение русин к русским, отступающие венгерские войска сжигали дотла селения, силой угоняли жителей и скот.

Спускаться на Венгерскую равнину в тот момент не было смысла, и Брусилов не намеревался делать этого. Тем более возмутило его непослушание, проявленное вновь генералом Корниловым. Вопреки приказанию командира 24-го корпуса Цурикова, Корнилов с дивизией «скатился» с гор, но был отрезан венгерской гонведской дивизией. Пришлось бросить батарею горных орудий, зарядные ящики, часть обоза и, что хуже всего, несколько сот пленных. С трудом, по горным тропинкам, остатки дивизии прорвались к своим. Брусилов намеревался отдать Корнилова под суд за неисполнение приказов корпусного командира, но Цуриков умолил командарма не делать этого, не наказывать генерала за храбрость, хотя бы и бессмысленную. Брусилов объявил в приказе по армии выговор как Цурикову, так и Корнилову. «Странное дело, — вспоминал он, — генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел: во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову»[16].

После того как 8-я армия отбросила противника за Карпаты, Брусилов приступает к исполнению директивы главкоюза от 8

ноября. К этому времени положение 3-й армии стало сложным, и помощь 8-й армии пришлась кстати. Угроза прорыва австро-венгерских войск со стороны Кракова была ликвидирована.

Но, как и предполагал Брусилов, противник незамедлительно воспользовался перемещением основных сил 8-й армии и с юга, с Карпатских гор, атаковал 12-й корпус, отбросил его и вышел на армейские тыловые коммуникации. Генералу со штабом пришлось пережить несколько очень тревожных дней.

Особенно памятной была ночь во время переезда из Кросно в Ржешув. Двигаться на автомобилях по шоссе в темноте было просто невозможно, ночевали в Доморадве. Здесь имелась телеграфная связь, и Брусилов, не желая терять управление армией, пошел на риск ночевки в непосредственной близости от противника. В оборону послали конвойную сотню и охранную роту штаба. Но враг и не предполагал о близости беззащитного штаба армии, все обошлось благополучно.

К середине декабря 1914 года на Юго-Западном фронте наступило затишье. Кампания 1914 года кончалась, и не в пользу австро-германцев. На западе разгром Франции не состоялся. На восточноевропейском театре кампания, безусловно, была выиграна русской армией. Хотя врагу удалось захватить часть Польши, русские войска все же стояли в пределах Восточной Пруссии, а на юге они заняли Галицию. С каждым месяцем русский фронт занимал все более важное место в войне: к моменту установления позиционной войны здесь находилось 85 австро-германских дивизий, то есть столько же, сколько и на Западном фронте. Эти дивизии отнюдь не отдыхали, а истекали кровью: по данным германского генштаба, на Восточном фронте общие потери австро-германских войск составили почти 950 тысяч убитыми, ранеными и пленными (723 тысячи австрийцев и 223 тысячи немцев); на Западном фронте германская армия потеряла 757 тысяч человек.

Словом, к концу 1914 года положение русской армии, если исходить из позиций, ею занимаемых, не казалось трагическим. На самом же деле оно было таковым.

Прежде всего — нехватка боеприпасов и оружия. С этим недостатком столкнулись все воюющие страны: во Франции мобилизационных запасов снарядов к 75-мм орудиям хватило только до сентября, а запаса винтовок — до ноября 1914 года; в английской армии на одно орудие в начале 1915 года приходилось в день всего от 4 до 10 снарядов; австро-германские войска испытывали острую недостачу винтовок, нередко пополнения посылались на фронт безоружными. Но наиболее острым кризис боевого снаряжения был в России. К началу 1915

года армии требовалось в месяц 200 тысяч винтовок, 2 тысячи пулеметов, 400 орудий, 200 миллионов патронов и 1,5 миллиона снарядов. Получала же армия ежемесячно 30–32 тысячи винтовок, 216 пулеметов, 115–120 орудий, 50 миллионов патронов и 403 тысячи снарядов. Таким образом, потребности армии удовлетворялись в среднем на 15–30 процентов.

Устранить кризис боевого снабжения можно было, лишь срочно перестроив хозяйство на военный лад. К такой мобилизации промышленности первой приступила Германия (август 1914 года), затем Франция (сентябрь 1914 года) и Англия (октябрь 1914 года). Россия смогла осуществить эту задачу лишь в течение 1915 года.

Это поставило армию России в невыгодное, невозможное, невыносимое положение. Армия Германии с зимы 1914/15 года практически не испытывала недостатка в вооружении, ее артиллерия не имела нужды экономить снаряды и не жалела их.

Некоторые надежды руководители русской армии возлагали на союзников: может, они от щедрот своих помогут русской армии. Но особого рвения правительства Франции и Великобритании не проявили и отнюдь не стремились ускорить реализацию заказов, размещенных русским правительством в срочном порядке и за наличные деньги — огромные суммы золотом. На первый план союзники ставили свои интересы, под различными предлогами они отклоняли просьбы русского правительства об ускорении поставок, предпочитали накапливать оружие и боеприпасы впрок. Пусть русские воюют, как могут, у царя много подданных, солдат хватит — поневоле такая мысль возникала у современников. Ныне мы знаем, что руководители союзных правительств, их дипломаты не только думали так, но даже и говорили русским министрам. 1 апреля 1916 года, к примеру, французский посол в Петрограде М. Палеолог был у председателя Совета министров России Б. В. Штюрмера и занес в дневник, что не смог добиться у царского министра понимания по следующему вопросу: «Мне хотелось бы ему объяснить, что при подсчете потерь обоих союзников центр тяжести не в числе, а совсем в другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия одна из самых отсталых стран в свете: из 180 миллионов жителей 150 миллионов неграмотных[17]. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные; это сливки и цвет человечества. С этой точки зрения наши потери чувствительнее русских потерь…» Вот так, жизнь «злополучных

мужиков» мало что означала для французских империалистов, в России, по их мнению, не могло быть и не было «сливок и цвета человечества…».

Не помогло и обращение в Америку. За годы войны Россия влила в американский рынок 1 миллиард 800 миллионов золотых рублей, и «без достаточно положительных для себя результатов», по оценке Е. З. Барсукова. Казалось, что хваленая американская техника без всякого труда справится с делом и заполнит бреши в вооружении русской армии. Ан нет! Фирме «Винчестер» было заказано 300 тысяч винтовок, «Ремингтон» взялась (за золото!) поставить 1,5 миллиона и «Вестингауз» — 1,8 миллиона винтовок. Только первая выполнила заказ к установленному сроку, но от продолжения поставок отказалась. Две другие фирмы к сроку сделали только 10 процентов заказа, а там пришел 1917 год, революция… Но крупные авансы золотом, русским золотом, эти фирмы успели получить!

Представляется, что в такой обстановке от высших военных руководителей России требовалась сугубая осторожность при планировании предстоящей кампании. Само благоразумие, по очевидности, предписывало придерживаться оборонительного способа действий — тут не до жиру, быть бы живу. Показательно, что союзники России решили выждать. В ближайшем будущем они видели главную свою задачу в наращивании военно-экономического потенциала, в достижении абсолютного превосходства над Германией, а потому их общий план сводился к стратегической обороне. От России же союзники из своекорыстных побуждений требовали наступательных действий, что должно было, по их мнению, связать силы Германии, воспрепятствовать ей нанести мощный удар на западе. И русское правительство, русское военное руководство, столь сильно и роковым образом зависимые от своих союзников, пошли у них на поводу, стали готовиться к наступательным операциям.

Поначалу предполагалось наступать только на Северо-Западном фронте и разгромить восточнопрусскую группировку врага. Командование Юго-Западного фронта — генералы Я. И. Иванов и М. А. Алексеев — доказывало, что успеха прежде всего можно добиться на их фронте и вывести Австро-Венгрию из войны. Ставка — прежде всего верховный главнокомандующий — не проявила необходимой твердости и решила наступать на обоих фронтах, что ныне представляется крупной ошибкой. Широко задуманные операции по расходящимся направлениям не обеспечивались необходимыми силами и материально-техническими средствами, и можно было предвидеть их неизбежную неудачу. Трудно представить, чтобы высшему

военному руководству России это не приходило на ум…

Брусилов, конечно, не знал в подробностях состояния ресурсов страны и армии. Поэтому и он в пределах своей компетенции командующего армией, исходя из обстановки и оценки противника, ему противостоящего, считал необходимым действовать наступательно. «Я в то время не верил, — писал он, — не мог допустить мысли, что наши огнестрельные припасы действительно на исходе и что военное ведомство из ужасного положения, вынуждавшего воевать голыми руками, не выйдет благополучно».

Сразу же после отражения наступления австро-венгерских войск, в начале декабря 1914 года, Брусилов дважды обращался к фронтовому командованию, доказывая необходимость перенесения центра тяжести кампании в Карпаты. Сообщая, что только за последние дни австрийцы лишь пленными потеряли более 10 тысяч человек и что общие их потери несомненно достигли половины состава, Брусилов предлагал добить противника, не дать ему возможности получить подкрепления и оправиться. «Считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, — писал Брусилов в штаб фронта, — что, по моему убеждению, для нанесения противнику наиболее полного поражения необходимо теснить, не останавливаясь по северную сторону Карпат, овладеть выходами в Венгерскую равнину, на которой может быть продуктивно использована наша многочисленная конница, и продолжать наступление по Венгерской равнине».

Брусилов полагал, что конечной задачей в этом случае может быть овладение Будапештом. Разумеется, он не рассчитывал с одной армией завоевать всю Венгрию, но только такой способ действий, по его мнению, давал возможность избавиться от угрозы нового наступления австро-венгров с целью деблокады Перемышля (крепость вновь была осаждена русскими). Брусилов подчеркивал, что операция потребует тщательной подготовки, просил усилить его армию еще одним пехотным корпусом и кавалерией, укомплектовать другие дивизии армии, предоставить ей все виды довольствия, «чтобы начать операцию в составе, возможно близком к штатному». Всего к операции Брусилов предполагал привлечь 12 пехотных и 5–6 кавалерийских дивизий.

За четыре с лишним месяца беспрерывных сражений с сильным противником дивизии 8-й армии были обескровлены, а пополнения получали незначительные. К этому времени, писал Брусилов, «армия уже растаяла и дивизии представляли собой не 15-тысячные массы, а их жидкие остатки; были некоторые дивизии в составе трех тысяч бойцов, и не было дивизии, в рядах которой можно было бы насчитать свыше пяти-шести тысяч солдат под ружьем. Бóльшая часть кадровых офицеров выбыла из строя убитыми или ранеными, а некоторые слабодушные после ранений упорно держались в тылу или по болезни, или получив тыловые места в России. В сущности, прежней армии уже не было. Вот с этими-то остатками и приходилось теперь воевать, бесконечно растягиваясь и разбрасываясь. Больно мне было и досадно…».

Первое представление Брусилова командованию о наступлении от 4 декабря 1914 года не получило одобрения. «Наступление на Будапешт при современном состоянии средств не обещает многого, — сделал помету на докладе главкоюз, — а отвлечет много сил, ибо, кроме двенадцати пехотных и пяти-шести конных дивизий, назначенных для вторжения, потребует еще немало для обеспечения флангов и сообщений». Не дал результатов и второй доклад от 13 декабря.

К началу 1915 года армии левого крыла Юго-Западного фронта растянулись вдоль Карпатского хребта. Зима в Западной Галиции мягкая, не то что в центральной России. С утра туман, к полудню небо проясняется, дует теплый ветер, и выпавший за ночь снег начинает таять. Если к вечеру ветер меняется, то из набежавших темных туч валит мокрый снег, и вскоре толстый слой его укрывает землю.

Иногда один, два дня снег держится на полях, но все равно тает, ручьи покрывают склоны холмов. Тогда проселочные дороги становятся непроезжими, шоссе покрыто толстым слоем грязи. Но

так бывает в долинах…

В горах и снегу больше, и держится он долго, но воевать от этого не легче…

Противник явно готовился к переходу в наступление. Понимая это, Брусилов обращался к командованию фронта 1 января 1915 года: «Последние дни противник проявляет больше активности, особенно против моего левого фланга, продвигая вперед свои передовые части, усиливая их, закрепляя более прочно занятое пространство, оживляется его деятельность и на правом берегу Сана. Все это может служить признаками готовящегося с его стороны наступления».

Даже в этом безусловно трудном положении Брусилов видел выход в наступлении — таков уж был характер этого военачальника, наследовавшего лучшие боевые традиции русской армии. «По местным условиям, — писал он, — по соотношению сил армии к длине занимаемого ею фронта, оборона не дает каких-либо преимуществ, и я полагаю, что в настоящем положении все выгоды будут на стороне атакующего. Ввиду этого я хотел бы попробовать, если обстановка не изменится, около 10 января перейти в частное наступление, нанося главный удар своим левым флангом, с целью нанести противнику частное поражение, отбросить его за хребет. Десятые числа января намечаю потому, что к этому времени армия, укомплектовавшись почти до полных штатов, рассчитываю, будет равносильна по числу штыков противнику, пополнится лошадьми и различными видами снабжения».

7(20) января 1915 года генерал Иванов отдал директиву, предусматривающую переход в наступление 3, 8 и части 11-й армии, с тем чтобы обезопасить войска, осаждавшие Перемышль, и дать возможность русской кавалерии вторгнуться на Венгерскую равнину. Но пока русское командование собиралось и готовилось, враг упредил его! 9(22) — 11(24) января 1915 года он начал наступление на широком фронте от Буковины до Мезолаборча, стремясь провести два удара — от Ужгорода на Самбор, от Мункача на Стрый.

Наступление это было частью общего плана австро-германцев на 1915 год. Война на два фронта была им явно не по плечу. Отказавшись от активных действий на Западе, австро-германское руководство решило сосредоточить свои усилия в 1915 году против России, с тем чтобы нанести ей сокрушительный удар, разгромить и заставить выйти из войны, а уж затем освободившимися силами обрушиться на Францию. Поскольку ее союзники в 1915 году наступать не собирались, русская армия оказалась практически наедине с армиями Германии и Австро-

Венгрии.

Наступление австро-венгерских войск против южного крыла Юго-Западного фронта имело своей непосредственной целью оказание помощи осажденному Перемышлю. Австрийцы были настроены решительно, и 8-й армии пришлось туго. Не располагая достаточным количеством войск, Брусилов принял решение защищать только основные направления. Он докладывал по начальству: «При том широком фронте, который занимает армия, в особенности в районах к востоку от рек Сана и Ветлина, нет возможности занять сколько-нибудь прочно весь фронт, как бы он сильно укреплен ни был, приходится, ограничившись занятием важнейших направлений, частичными переходами в наступление резервов противодействовать маневрированию противника, который стремится весь успех своих действий основать исключительно на обходе».

Брусилов не думал только обороняться. Он оставался верным принципу: лучший способ обороны — нападение. Невзирая на то, что уже в первые дни австрийского наступления в обороне 3-й армии, особенно на левом фланге, образовались очень напряженные пункты, 12–13 (25–26) января 8-я армия начала встречное наступление. Разгорелись упорные и ожесточенные бои, исход которых некоторое время трудно было предсказать. Вскоре выяснилось, что корпуса 8-й армии хоть и медленно, но продвигаются вперед. Брусилов намеревался действовать особенно активно на участке от Дуклинского перевала до Балигрода включительно, обеспечив одновременно и свои фланги. «Таким образом, — вспоминал он, — по всей части Карпатских гор, нами занятой, неприятель видел бы наши стремления перенести театр военных действий к югу, в Венгерскую равнину, и ему трудно было бы определить, где нами предполагается наносить главный удар, а следовательно, ему было бы затруднительно знать, куда направлялись наши резервы; при таких условиях ему было бы почти невозможно парировать наносимые нами удары, и помыслов о выручке Перемышля у него не могло бы быть…» В действиях 8-й армии зимой 1914/15 года вызревают принципы наступления, столь плодотворно примененные генералом Брусиловым летом 1916 года.

Сражения зимой, на горных перевалах, в лютые морозы и часто по горло в снегу надолго запомнились тем, кто их пережил. Русские солдаты в Карпатах сражались героически, и недаром пресса того времени сравнивала их с прадедами — чудо-богатырями Суворова. Обе стороны несли большие потери.

В двадцатых числах января 1915 года войскам правого фланга 8-й армии удалось овладеть участком Карпат на линии

Конечна — Свидник — Мезолаборч — Балигрод. Но южнее противник настойчиво стремился охватить левый фланг 8-й армии и добиться деблокады Перемышля. После тяжелейших боев австрийцы потеснили левофланговые войска 8-й армии. Русские были вынуждены здесь очистить предгорья Карпат и отойти к рекам Прут и Днестр. Стремясь восстановить положение, русское командование к концу февраля развернуло на южном фланге 9-ю армию. Продвижение противника остановилось.

Определенные успехи противника в боях против Юго-Западного фронта до некоторой степени объяснялись и тем, что теперь здесь сражалось немало германских дивизий. Упорство сражения объясняется именно этим, так как австро-венгерские войска значительно уступали в боеспособности не только германским, но и русским войскам. Боевые качества немецких солдат, напротив, оценивались тогда очень высоко. Брусилов, при всей его ненависти к германскому милитаризму, также высоко ставил боевые качества немецких солдат и писал в воспоминаниях: «Я всегда говорил и заявляю это печатно: немецкий народ и его армия показали такой пример поразительной энергии, стойкости, силы патриотизма, храбрости, выдержки, дисциплины и умения умереть за свое отечество, что не преклониться перед ним я, как воин, не могу. Они дрались, как львы, против всего мира, и сила духа их поразительна. Немецкий солдат, следовательно — народ, достоин всеобщего уважения». Вряд ли можно согласиться с генералом Брусиловым, когда он пишет о «силе патриотизма» немецких солдат, не о патриотизме здесь должна идти речь, но в остальном он прав: германская армия была, несомненно, самой сильной армией из всех участвовавших в войне, а немецкий солдат обнаружил устойчивость боевого духа, дисциплину и умение сражаться. Тем более честь и хвала русским солдатам, сражавшимся с немцами на равных, несмотря на то, что русская армия, была хуже вооружена, плохо снабжена. Вина за это падает, конечно, на царское правительство.

Весь февраль и начало марта 8-я армия сражалась ожесточенно и не позволила врагу прорваться к Перемышлю. День за днем, без всяких смен и перерывов, дрались русские солдаты с наседавшим противником. Особенно тяжко было оттого, что и стрелять вволю, без оглядки нельзя было: приходилось беречь патроны и снаряды (последние особенно). Враг не жалел ни того, ни другого. Это обстоятельство не могло не сказаться на боевом духе солдат и офицеров. И все же они не отступали: отбивались от врага штыковыми атаками, контратаковали только по ночам, без артиллерийской подготовки

и с минимальной затратой патронов. Но какие при этом бывали потери!..

Стойкость и жертвы 8-й армии были не напрасны: 9(22) марта, после почти шестимесячной осады, Перемышль сдался. Есть все основания утверждать, что крепость еще могла бы сопротивляться — боеприпасов хватало, и продовольствие вышло еще не все. Но, как только обнаружились признаки острой недостачи продовольствия, комендант крепости решил сдаваться. Все дело заключалось в моральном духе осажденных, они (мы утверждаем это с полной уверенностью) не вынесли бы и нескольких дней, подобных тем, что пришлось пережить защитникам Ленинграда зимой 1941/42 года.

Победа оказалась немалой: сдалось 9 генералов, 2500 офицеров и 120 тысяч солдат, было взято свыше 900 орудий. Правда, форты и боеприпасы австрийцы взорвали. Австро-венгерской армии нанесли еще один, очень серьезный удар. Ликование охватило армию и страну. С поздравлениями спешили союзники России: армии Антанты еще не знали таких удач. Но то был последний крупный успех русской армии в 1915 году.

После взятия Перемышля 8-й армии стало чуть легче: у противника уже не было стимула рваться к осажденной крепости. Кроме того, освободившиеся от осады войска пошли теперь на фронт: 8-я армия получила 28-й корпус, а 3-я — 29-й корпус.

Видимо, русское правительство переоценило успех: оно настаивало на продолжении наступления в Карпатах, что в условиях кризиса боеприпасов вряд ли могло обещать успех. Но было очевидно, что противник тоже устал и понес немалые потери. Наступление решено было продолжить.

18(31) марта Брусилов отдал приказ по войскам, в котором требовал безостановочного продвижения на запад, чтобы не позволить спокойно отходить врагу. «Массовая сдача в плен противника указывает, — писал он, — что дух его подорван и необходимо напрячь все силы, чтобы добить врага. Я отлично понимаю, что в настоящее время года, при полнейшей распутице, при бездорожье движение представляет громадные трудности и требует сверхчеловеческих усилий. Но противнику еще более тяжело, почему и надо напрячь все силы, чтобы безостановочно теснить противника и окончательно его разгромить».

Противник разгадал намерение русских наступать, и против войск Брусилова вскоре появились германские дивизии корпуса генерала Марвица. Продвигаться солдатам 8-й армии стало еще труднее. 27 марта (9 апреля) Брусилов доносил в Холм главнокомандующему, что противник, видимо усиленный подкреплениями, упорно сопротивляется и местами сам не без

успеха контратакует. «Нашим войскам приходится вести бои при незначительном содействии артиллерии, так как бездорожный хребет в тылу затрудняет продвижение артиллерии, в то время как противник, имея в тылу пути, сильно опирается на свою артиллерию. Части понесли значительные потери и сильно утомлены непрерывными 20-дневными боями и движением при исключительно трудных условиях. На просьбы командиров 8-го и 17-го корпусов поддержать их, чтобы подтянуть утомленные части, я ответил, что поддержки не будет и надо пробиваться во что бы то ни стало своими силами. Но лично не могу не сознавать, что без таковой поддержки наступление может приостановиться…»

После длительных боев на главном Бескидском хребте к концу марта 8-й армии все же удалось овладеть гребнем Бескид, но до поставленной командованием фронта цели — выхода на Венгерскую равнину — было далеко. Русские войска имели громадные потери, предельно устали: сражаться приходилось в непривычных условиях горной войны, когда на вершинах гор лютовали морозы и метели, а в долинах царила распутица. Но все невзгоды отступали перед недостатком артиллерийских снарядов: на орудие их оставалось не более 200. Брусилов настойчиво обращался по инстанциям с просьбой сообщить, когда же армия сможет рассчитывать на более или менее сносное снабжение боеприпасами. Ответ из штаба фронта привел его в отчаяние: улучшения можно ожидать лишь на ранее осени 1915 года. В это обещание, кроме того, можно было и не поверить.

В таких условиях пытаться вести активные действия для выхода на Венгерскую равнину было бы безумием: израсходовав остатки боеприпасов, армия Брусилова под нажимом противника была бы вынуждена отступать через те же Карпатские горы, располагая только холодным оружием. «Поэтому, — вспоминал Брусилов, — я не стал добиваться дальнейших успехов на моем фронте, наблюдая лишь за тем, чтобы держаться на своих местах, с возможно меньшими потерями. Я об этом своем решении не доносил и войскам не объявлял, но выполнял этот план действий как наиболее целесообразный при данной обстановке». Положение командующего 8-й армией, как видим, было весьма своеобразным. Впрочем, командование фронта вскоре — 28 марта (10 апреля) — отдало директиву войскам 3-й и 8-й армий перейти к обороне. Планировалось позднее наступление возобновить, но этому намерению не суждено было свершиться.

Так закончилась Карпатская операция русских войск зимой 1914/15 года. Рассматривая ее в целом, военные историки отмечают, что обе стороны не достигли поставленных целей. Все

же русским войскам удалось удержаться в Карпатах, сохранить за собой Галицию. Оценивая роль 8-й армии в этом трудном сражении, следует подчеркнуть, что именно ее войска противостояли натиску противника, рвавшегося к Перемышлю, и тем предопределили падение крепости. Далее, войска 8-й армии хоть и медленно, но наступали в горах. Командующий армией, несомненно, обнаружил и в эти месяцы, как и во время Галицийской битвы, черты крупного полководческого таланта. Теперь его фамилия часто появляется в газетах и журналах, он очень популярен у русской общественности. Командарм-8 часто появляется в передовых частях, наблюдая за действиями своих подчиненных и руководя ими. Неоднократно Брусилов попадает в самые опасные обстоятельства, оказывается под огнем.

Генерала любят и уважают солдаты, что, пожалуй, самое важное; он трогательно и искренне заботится о подчиненных. Вот приказ командарма-8 от 6 декабря 1914 года: «3 декабря в 14-й роте прапорщика Захарова 45-го Сибирского полка до вечера люди не имели горячей пищи, якобы на том основании, что ко времени большого привала пища не была готова. При опросе моем нижних чинов выяснилось, что рота эта и накануне не имела горячей пищи, равно не имела ни хлеба, ни сухарей в то время, как соседние роты пищу получили. Мы требуем от солдата громадного напряжения, и солдат это дает, но необходимо, чтобы он был сыт. Ставлю заботу, чтобы солдат имел ежедневно горячую пищу, первейшею обязанностью всех начальствующих лиц, несмотря ни на какие препятствия. Те начальники, у которых солдат голоден, должны немедленно быть отрешаемы от занимаемых ими должностей».

Брусилов гордился своими войсками и болезненно переживал, когда офицеров и солдат 8-й армии не награждали по его представлениям: «Я лично никогда ни за какими наградами не гнался и считал их для себя излишними. Я всегда исповедовал убеждение, что народная война — дело священное, которое военачальник должен вести, как бы священнодействуя, с чистыми руками и чистою душой, так как тут проливается человеческая кровь во имя нашей матери-родины. Но считал я также, что за геройское самоотвержение войск и мне подчиненных начальствующих лиц они должны получать должное воздаяние, дабы наша мать-родина знала, что ее сыны сделали на пользу, славу и честь России. А между тем эта титаническая борьба в горах и заслуга спасения осады Перемышля, результатом которой была сдача противником этой крепости, была не только поощрена, но прямо скрыта от России». Впоследствии Брусилов получил неоспоримые свидетельства того, что существовало

негласное распоряжение замалчивать в прессе его заслуги, «чтобы популярность имени Брусилова не возрастала».

С конца марта в Карпатах шли бои местного значения. В Галицию тем временем пожаловали высочайшие гости: Николай II захотел ознакомиться с вновь приобретенными территориями. Брусилов считал, что момент для поездки выбран неудачно — мало того, что положение на фронте оставалось неопределенным и опытные военачальники со дня на день ждали врага, но и политическая обстановка в Галиции была весьма напряженной. Как уже упоминалось, некоторая часть населения настороженно, а нередко и враждебно следила за попытками царской администрация укрепиться в Галиции. Далеко не всегда, заметим мельком, попытки эти были удачными, а предпринимаемые меры и распоряжения — обдуманными и своевременными. За время пребывания в Галиции царская администрация совершила немало действий, оттолкнувших от России и русских даже, и многих галицийских украинцев, искренне приветствовавших приход русских войск прошлой осенью.

Однако ошибки и оплошности царских чиновников (к чему Брусилов, подчеркнем тут, никакого отношения не имел) не могли заслонить главное: братское единство трудящегося населения Галиции — ее русских и украинских рабочих и крестьян — с трудовым народом России, одетым в солдатские шинели.

10(23) апреля Николай II выехал в Перемышль. Брусилова поставили в известность, что император посетит и штаб 8-й армии. Размещался тогда штаб в городе Самбор на Днестре, у подножия Карпат. Как и положено, на железнодорожной станции выстроился почетный караул из 1-й роты 16-го стрелкового полка, шефом которого был царь. В полдень прибыл поезд. Отрапортовав о состоянии 8-й армии, Брусилов далее доложил, что 16-й стрелковый полк, так же как и вся стрелковая дивизия, именовавшаяся «железной» (командовал ею А. И. Деникин), на протяжении всей кампании выказала особенную доблесть. 1-я рота лишь на днях в бою крепко отличилась. К удивлению, Брусилов заметил: царь явно не знает, что ему в этом случае делать. Подсказал верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич: он посоветовал выдать всей роте Георгиевские кресты, что царь и сделал.

После этого поехали в штаб армии и обедали там. За столом Николай сказал Брусилову, что в память о посещении 8-й армии он жалует ее командующего в генерал-адъютанты[18]. Брусилов не мог жаловаться на недостаток наград (только 10 января 1915 года его наградили орденом Белого орла с мечами), но последняя

оказанная ему честь несколько настораживала: выходило, что командарма-8 жалуют высоким званием не за успехи в руководстве армией, овладевшей Карпатскими хребтами, не за боевые заслуги, а за обед в штабе! «Я никогда не понимал, — писал впоследствии Брусилов, — почему, жалуя за боевые отличия, царь никогда не высказывал мне, по крайней мере, своей благодарности; он как будто бы боялся переперчить и выдвинуть того, кто заслужил своей работой то или иное отличие».

После обеда поехали в Хырув, где состоялся смотр 3-му кавказскому армейскому корпусу. Дивизии корпуса, только что пополненные и хорошо обученные, производили благоприятное впечатление. Сначала Николай II стал обходить строй пешком, и, кроме первых рядов, его никто не мог видеть. Вновь вмешался Николай Николаевич и настоял, чтобы царь объехал войска в автомобиле. С огорчением отметил Брусилов, что монарх не умел обращаться с войсками, говорить с ними. Казалось, что он пребывает в нерешительности — что сказать, что сделать. Император не находил слов, которые были бы к месту и могли отозваться в душах офицеров и солдат, воодушевить их. «Он был снисходителен, — вспоминал Брусилов, — старался выполнить свои обязанности верховного вождя армии, но должен признать, что это удавалось ему плохо, несмотря на то, что в то время слово «царь» имело еще магическое влияние на солдат».

Сосед Брусилова справа — командующий 3-й армией Радко Дмитриев — уже некоторое время замечал подозрительную активность в тылу противника, в особенности против своего 10-го корпуса, ослабленного и чрезвычайно растянутого по фронту. Именно здесь германское командование решило прийти на помощь своему австрийскому союзнику. Весной 1915 года, по свидетельству Э. Фалькенгайна — начальника германского верховного командования, русские войска угрожали австрийскому фронту «в такой степени, которая в дальнейшем становилась невыносимой… Пришел момент, когда дальше нельзя было уже откладывать решительного наступления на Востоке».

Наступление готовилось тщательно и секретно. С французского фронта, где германское командование совершенно не ожидало в 1915 году неприятностей для себя, в Карпаты были переброшены четыре отборных корпуса. Вместе с австрийским корпусом они образовали 11-ю армию генерала Макензена.

Германо-австрийскому командованию не удалось в полной мере достигнуть внезапности. Генерал Радко Дмитриев тревожно доносил главнокомандующему фронта о сосредоточении вражеских сил, просил подкреплений, но генерал Иванов их не

предоставил. Брусилов вину за происшедшее возлагал всецело на Иванова; Радко Дмитриев обращался с письмом и к командарму-8, прося оказать воздействие на главнокомандующего фронта. Брусилов отвечал, что при сложившихся у него с Ивановым напряженных отношениях такое вмешательство лишь более ухудшило бы дело, и советовал обратиться в Ставку, Осталось неизвестным, последовал ли Радко Дмитриев совету.

Катастрофа разразилась спустя неделю после отъезда царя с фронта. В 10 часов утра 19 апреля (2 мая) 1915 года после мощной артиллерийской подготовки, продолжавшейся сутки, германо-австрийские войска в районе Горлице перешли в наступление. Удар был исключительно мощным: на участке прорыва в 35 километров противник обеспечил себе двойное превосходство в живой силе; в пулеметах он превосходил русские войска в 2,5 раза, в легкой артиллерии в 3 раза и, что особенно важно, в тяжелой артиллерии в 40 раз! Ни в какое сравнение не шла обеспеченность боеприпасами: русские артиллеристы имели всего по 30–40 выстрелов на орудие, а противник по 1200 снарядов на легкое и 600 снарядов на тяжелое орудие.

Под градом вражеских тяжелых снарядов (их русские солдаты именовали «чемоданами») войска 3-й армии начали откатываться на восток. К 24 апреля (7 мая) они отошли уже на 40 километров. Русское командование бросало навстречу наступающему противнику резервы по частям, как говорили тогда — «пакетами», но они не могли остановить врага и гибли. Вскоре отход 3-й армии поставил под угрозу правый фланг и тыл армии Брусилова; он получил приказ покинуть занимаемые в Карпатских горах позиции. Горько было оставлять завоеванные русскими солдатами с таким трудом и жертвами позиции, но оставаться на месте не представлялось никакой возможности, промедление же грозило катастрофой. Брусилов постарался принять меры, чтобы противник не сразу распознал вынужденный отход русских с Карпат. В окопах были оставлены разведывательные команды с пулеметами; они до рассвета поддерживали обычную перестрелку. Отход войск проходил в полном порядке.

Причудливой военной судьбе угодно было, чтобы Перемышль, во взятии которого войска 8-й армии сыграли столь видную роль, теперь оказывался в расположении армии Брусилова, и он должен был организовать защиту крепости. Между тем крепости как таковой не существовало: форты были взорваны еще австрийцами, артиллерия и снаряды вывезены, гарнизона не было. Оборона представлялась затруднительной, а начальство на ней настаивало. 4(17) мая Брусилов получил

телеграмму верховного главнокомандующего: «Привыкший и уверенный всегда в ваших энергичных действиях, я убежден, что вы, в соответствии с директивой генерал-адъютанта Иванова, не только удержите Перемышль, владение которым считаю более чем важным, но что упорной обороной на фронте ваших правофланговых корпусов и активными действиями на всем остальном вашем фронте упрочите общее положение дела».

В тот же день Брусилов отвечал, что он и войска 8-й армии приложат все силы, физические и духовные, чтобы выполнить приказ. В то же время командарм-8 считал необходимым охарактеризовать обстановку. В его 12-м и 21-м корпусах насчитывалось штыков не более одной дивизии в каждом, а против них развертывались превосходящие силы врага, полностью обеспеченного боеприпасами. Поскольку фронт армии был крайне растянут, неудача в любой его точке сразу же и тяжело должна была отразиться на общем положении. Не имея резервов, все же Брусилов считал наиболее целесообразным попробовать действовать активно, но для этого просил усилить его армию двумя корпусами. В заключение телеграммы Брусилов сообщал: «Все, что в человеческих силах, будет сделано мною и моими помощниками».

8-й армии пришлось вести отчаянную борьбу за Перемышль в крайне тяжелых условиях. До тех пор боевой дух в армии Брусилова, постоянно наступавшей и имевшей немалый успех, был достаточно высок. Но отступление с Карпат и тяжелое поражение соседа — 3-й армии, — сведения о котором стоустая молва быстро донесла до солдат, не могли не сказаться и на боевом духе солдат Брусилова. 11(24) мая Брусилов доносил главнокомандующему фронта, что в его войсках на винтовку имелось всего 170 патронов, а на орудие — 175 снарядов и с каждым днем запасы сокращаются. В полках огромный некомплект, от 50 до 75 процентов и даже более, пополнения приходят невооруженными, а винтовок нет. «Все это в связи с наступившим общим патронным и винтовочным кризисом создает обстановку невозможности упорно отстаивать каждую пядь земли, так как бой, особенно оборонительный, основан прежде всего на развитии сильного огня. В настоящих условиях 1–2 дня боя, и не особо напряженного, приведет к тому, что армия останется без патронов».

Немудрено, что солдаты в окопах утверждали: генералы, оставив войска без патронов, артиллерию без снарядов, обрекают солдат на бессмысленную смерть, ведь не будешь сражаться голыми руками с вооруженным до зубов противником!

Командарм-8 понимал, что удержать Перемышль не удастся,

но такая потеря, без сопротивления, означала бы сильный удар по боевому духу армии и оставила бы тяжелое впечатление во всей России. Поэтому две недели войска 8-й армии отстаивали Перемышль. Наконец в ночь на 21 мая (3 июня) Брусилов отдал приказ эвакуировать крепость. В штаб фронта он доносил, что потери гарнизона от артиллерийского огня противника тяжелые, вследствие чего удержаться в крепости дольше не было возможности. Артиллерию вывезли, имевшиеся скудные запасы — тоже, кроме хлеба, его пришлось сжечь.

Так вышло, что Перемышль, многократно и многогласно поминаемый в первый год войны, был сдан войсками Брусилова. Спустя десятилетие Брусилов писал: «Повторяю, я славы не искал, но, проливая тогда солдатскую кровь во имя родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих самоотверженных героев — солдат и офицеров. В память погибших героев я пишу эти строки, а не для прославления своего имени. Мир праху дорогих усопших боевых товарищей!» История достойно оценила как героические дела солдат Брусилова в Карпатах, так и их оборону Перемышля в невероятно тяжелые для армии и России месяцы весны и лета 1915 года.

По отступлении от Перемышля войска 8-й армии укрепились на линии Медыка — Седлисск. Тут неожиданно для Брусилова последовало распоряжение командования фронта о передаче четырех корпусов соседям: 3-й и 9-й армии. Брусилов пытался протестовать, доказывая, что такое ослабление армии приведет к невозможности для нее защищать Львов, но его протесты не были приняты во внимание. Для выяснения планов командования Брусилов послал на автомобиле П. Н. Ломновского. Начальник штаба армии возвратился удрученный: в штабе фронта царил пессимизм, там кампанию считали уже проигранной. Винтовок и боеприпасов не было и не ожидалось. Пуще того — командование не имело четкого плана действий и только требовало от войск упорного сопротивления.

Между тем, как и предполагал Брусилов, противник начал атаковать русские войска на стыке 3-й и 8-й армий. Исходя из условий, Брусилов предлагал фронтовому командованию весьма определенный план действий: «…последовательно уходить на тыловые позиции, заставляя противника разворачиваться, то есть терять время и, не доводя до генерального боя, снова уходить, таким образом мы сохраним армию. Принять этот план самостоятельно не могу, так как с отходом моей армии неминуемо связан отход соседних армий и прежде всего 3-й. Первоначально можно бы как рубеж отхода наметить Гродекскую позицию. Если противник будет наступать быстро и принимать

бой на Гродекской позиции по условиям снабжения окажется невыгодным, то отходить далее, замедляя наступление противника, например, на линию Гнилой Липы, где, быть может, представится возможность вступить в генеральное сражение в более выгодной обстановке».

Как видим, в этих предложениях Брусилова замелькали названия местностей, уже знакомые нам по началу войны. Что поделать, русским войскам приходилось отступать, хотя командование фронта требовало оборонять каждую пядь земли и не считаться с потерями.

Такой метод действий не мог удовлетворить Брусилова, и он раз за разом предлагает начальству не ограничиваться отступлением. Идея все та же: лучший вид обороны — нападение. 3 июня, после оставления Перемышля, Брусилов предлагает командованию фронта организовать контрудар 8, 12 и 28-м корпусами своей армии при помощи 21-го корпуса, состоявшего в резерве фронта. Обосновывая свое предложение, Брусилов писал, что в сложившихся условиях «оборонительные бои даже на заблаговременно укрепленных позициях не дают нам преимуществ, почему полагаю, чтобы остановить дальнейшее развитие успеха противника, нам необходимо сильно атаковать группу его…». Но этот план Брусилова был отвергнут командованием фронта. 9 июня он внес новое предложение, теперь уже отстаивая необходимость отказаться от линейного построения обороны. Брусилов вполне справедливо указывал, что такое построение лишает русские войска возможности маневрировать и оказывать помощь соседям, а противнику дает возможность поочередно громить русские корпуса.

Через несколько дней Брусилов, уже в приказе по армии, писал: «Приказываю отказаться от равномерного развертывания локоть к локтю на одном сплошном армейском фронте и перейти к ведению операций группами, успешное развитие которых будет зависеть от умения маневрировать. Только своевременным ударом соседних групп во фланг и тыл можно остановить натиск противника, ибо опыт последних боев показал, что противник рвет на определенных участках, а на остальном фронте прикрывается слабой завесой».

Медленно, нанося, когда это только было возможно, короткие удары, от рубежа к рубежу отходила вместе с соседями 8-я армия. Остановить врага не удавалось. 9(22) июня 1915 года был оставлен Львов. После девятимесячного пребывания русская армия покидала Галицию.

Горько было уходить русским солдатам, горько было и Брусилову. Бесчисленные могилы товарищей оставляли они за

собой. Где только не приходилось прощаться с соратниками! Зимой, на огромных лесистых вершинах Карпат, когда деревья трещали от мороза, в яркие весенние дни в живописных долинах над говорливыми речками… Если была возможность — хоронили павших в церковных оградах или просто около униатских церквей и католических костелов. Чуть задержатся войска — и вырастали целые кладбища. А еще больше безымянных могил — прямо у окопов, бесчисленных окопов, изрывших всю Галицию. Тут же, на месте, где настиг беднягу вражеский снаряд, рыли неглубокую могилу. Немало их, скромных крестов, и просто при дороге, на извечном перекрестке…

На Западном Буге 8-я армия задержалась: на правом берегу реки имелись заранее подготовленные позиции. Штаб расположился в Бродах. Думалось, что здесь удастся остановить врага, не пустить его на территорию России. В таком духе и был составлен очередной приказ Брусилова к войскам от 17 июня 1915 года: «После девятимесячной упорной борьбы в Галиции, после блестящих наших побед на Гнилой Липе, Верещице, под Перемышлем и тяжелой борьбы в суровое время в Карпатах доблестная 8-я армия в первый день св. Пасхи перешагнула Карпатский хребет. Наши победы заставили противника напрячь все свои силы, чтобы сдержать наши победоносные удары. Врагу это удалось; он собрал большие силы, и временно мы должны отходить. Теперь мы стоим на рубеже дорогой нам Родины. Я к вам обращаюсь, потомки тех чудо-богатырей, которые сделали славным имя русского солдата. Государь и вся Россия, ваши отцы, матери, жены и дети ждут от вас, что вы честно исполните свое святое дело, на которое вас послали царь и отечество, ждут, что вы спасете их от ужаса вторжения жестокого врага, ждут, что вы защитите святые храмы от осквернения, защитите ваше добро, имущество, честь ваших жен, матерей и сестер и свято исполните свой долг так, как то обещали, целуя крест и св. евангелие. Твердо верю в доблестные войска 8-й армии, твердо верю в русского солдата. С нами бог!» Хотелось надеяться Брусилову, что здесь-то, на границе Русского государства, враг будет остановлен, а уж потом видно будет.

В этот период у Брусилова произошло крупное столкновение с начальством. И ранее, на протяжении всех месяцев войны, он не раз имел возможность испытать неприязненное отношение главкоюза — Николая Иудовича Иванова: злые языки поговаривали, что Иванов видит в Брусилове возможного преемника на посту. Руководствуясь интересами дела, Брусилов не придавал значения трениям и расхождениям во мнениях. Но после отхода из Галиции дело осложнилось. Оценивая действия

русского командования от начала германского наступления и до потери Львова, известный военный историк того времени А. М. Зайончковский заметил, что главной причиной весеннего галицийского разгрома надо признать «полное отсутствие искусства». Но наказанным за крайне неудачные действия в мае — июне 1915 года оказался только начальник штаба фронта В. М. Драгомиров, тогда как Иванова, несомненно, также следовало заменить.

С приходом нового начальника штаба фронта С. С. Саввича отношения с командованием у Брусилова еще более усложнились. В 8-ю армию одна за другой стали поступать телеграммы с указаниями и приказаниями, одно другого несправедливее и раздражительнее. Наконец Брусилов получил телеграмму, в которой перечислялись ошибки, якобы только что совершенные командованием 8-й армии. Вина за них возлагалась на Ломновского, а Брусилов, как следовало из телеграммы, выглядел не более как пешкой в руках своего штаба или же не соответствовал своей должности. Но командарм-8 только что получил телеграмму от верховного главнокомандующего с благодарностью за организацию трудного отхода армии и пожеланием не терять присутствия духа. Столь диаметральные оценки его деятельности побудили Брусилова тут же послать телеграмму главковерху — великому князю Николаю Николаевичу — с просьбой отчислить его от командования армией. В качестве причины Брусилов называл полученную от генерала Иванова телеграмму, незаслуженную и недопустимую по тону.

Брусилов уже готовился к отъезду, когда пришла телеграмма от главковерха с категорическим отказом в смене, благодарностью за службу и приказанием повиноваться главнокомандующему фронта. Так как Брусилов неизменно выполнял приказания главкоюза, он понял, что непосредственное начальство пожаловалось на него, оправдываясь на запрос великого князя. Испросив предварительного разрешения, Брусилов выехал в штаб фронта, находившийся в Ровно.

Генерал Иванов принял его любезно, Брусилову показалось, что главкоюз даже смущен. Сразу же перешли к сути дела.

— Я не понимаю, Алексей Алексеевич, — начал Иванов, — на что вы обижаетесь, ведь критика относилась не к вам лично, критиковались действия вашего штаба.

— Николай Иудович, — отвечал Брусилов, — мой штаб находится под моим непосредственным начальством, без меня не делает ничего и делать не может. Если же штаб плохо исполняет мои приказания, то и в этом случае отвечаю только я, так как

обязан наблюдать за распоряжениями и действиями штаба. Считаю, что генерал Ломновский и весь штаб работают хорошо, если же вы, как главнокомандующий, им недовольны, то единственный ответчик за все — только я, а не начальник штаба.

Тут же Брусилов показал телеграмму главковерха и заявил:

— Невзирая на эту телеграмму, я могу остаться на посту командующего армией только в том случае, если пользуюсь полным вашим доверием, а потому прошу вас сказать мне прямо: во-первых, пользуюсь ли я этим доверием, и, во-вторых, что вы имеете лично против меня?

Такая откровенность еще более смутила Иванова, он стал уходить от прямого ответа, почему-то рассказывал эпизоды из японской кампании… Поскольку Брусилов не хотел оставлять свой пост в момент, столь трудный для России, он не стал обострять ситуацию, решив, что необходимую острастку он начальству уже дал. Отобедав у Иванова вместе с генералом Саввичем, Брусилов возвратился в свою армию.

Вытеснив русские войска из Галиции, германское командование замыслило окружение группировки русских войск в Польше и с середины июня приступило к соответствующим действиям. Намерение противника было своевременно разгадано русским командованием. На совещании в Седлеце 22 июня (5 июля) было решено, что главное для того момента — сберечь живую силу, а потому главнокомандующему Северо-Западного фронта М. А. Алексееву предоставлялось право отводить войска на восток. Безусловно, для тех условий решение это было единственно правильным. Русские войска под давлением противника уходили из Польши; 23 июля (5 августа) 1915 года они оставили Варшаву…

Многое пережила Россия за тысячелетнюю историю, но летом 1915 года она стала свидетелем картины, дотоле еще незнакомой: вслед за уходящими русскими войсками, вместе с ними двинулись на восток сотни тысяч, миллионы мирных жителей. Слово «беженцы» с тех пор и надолго стало одним из наиболее употребляемых в России.

По всем шоссейным и проселочным дорогам прямо по неубранным хлебам, без разбора, покатилась огромная живая река, гремящая копытами, дребезжащая колесами, ругающаяся, кричащая и молящаяся. Рядом с отступающей пехотой, артиллерией, обозами, опережая, смешавшись с ними, тянулась бесконечно длинная лента телег, крытых парусиной фургонов, набитых немудрящим мужицким скарбом — мешками, сундуками, вперемежку с детьми, поросятами и телятами. Еле плелись то по размытым дождем, то по пыльным разбитым

дорогам тощие крестьянские лошаденки, а за ними, хватаясь за колеса, подталкивая и помогая, брели выбивающиеся из сил подростки и бабы, старики и старухи. «Великим Отступлением» назвали этот исход современники…

На Буге 8-й армии надолго задержаться не привелось, и прежде всего потому, что соседи справа, отступая в глубь России, двигались в северо-западном направлении, в результате чего возник промежуток верст в 70 между правым флангом армии Брусилова и его северным соседом. За это время дивизии 8-й армии несколько пополнились, состав их удалось довести до 5–7 тысяч человек. Людей, впрочем, хватало, но недоставало винтовок, и поставить всех в строй не было возможности. Эти невооруженные солдаты находились в тылу частей и обучались. Необходимо отметить, что, испытывая катастрофический недостаток в вооружении и боеприпасах, русская армия в 1915 году не страдала еще от недостатка продовольствия: щи были по-прежнему с мясом, каша жирной.

Небольшой перерыв в боях Брусилов стремился использовать для приведения войск в порядок и обучения прибывающих пополнений. Будучи одним из наиболее верных последователей суворовских традиций в русской армии, Брусилов считал, что человек на войне имеет первенствующее значение и потому моральная подготовка — войск, их воспитание должны быть на высоте. Как и другие крупнейшие русские полководцы, Брусилов высоко ценил боевые качества русских солдат и офицеров. Он понимал, что такие качества порождаются прежде всего любовью русских людей к своей родине. Укреплению, развитию этих благородных качеств и должна была служить та воспитательная работа, которую вел сам Брусилов и его офицеры.

Требования, предъявляемые Брусиловым, были достаточно жесткими. Это видно, к примеру, из его приказа по армии от 23 июля 1915 года. Поскольку прошедшие бои дали неоднократные свидетельства недостаточной подготовки войск, выразившейся в сдаче в плен целых рот, Брусилов указывал: «1. Замечается, что прибывающие укомплектования в большинстве случаев не имеют той подготовки, которая требуется от солдата. Предписываю, по возможности, не вливать в ряды частей таких укомплектований до тех пор, пока нижние чины не приобретут хотя бы самых элементарных сведений из солдатской науки и не привыкнут к новой для них обстановке. Нужно помнить, что постановка в строй совершенно неподготовленных людей есть самообман, так как доведенные до известного состава роты существуют иногда лишь несколько часов, а затем люди пропадают без вести, не принося никакой пользы, а, наоборот, большой вред, так как

вместе с ними пропадают и винтовки…»

Офицеры обязаны постоянно и серьезно работать с пополнением, используя для этого каждый свободный час, причем работа эта не должна быть формальной, каждое слово, обращенное к солдату, должно исходить от сердца. Только тогда оно дойдет до солдата, и он будет готов пойти за офицером в огонь и воду. В то же время Брусилов обращал внимание командиров частей на необходимость столь же серьезного отношения к молодым, необстрелянным офицерам: и они нуждаются в привычке к боевой обстановке.

В этом же приказе командарм-8 требовал от подчиненных офицеров соблюдения справедливости и своевременности награждения отличившихся солдат. Несмотря на тяжесть боевой обстановки, генерал приказывал: «7. Обратить внимание на внешний вид частей. Требую, чтобы солдат походил на солдата; командирам частей проявить в этом направлении большую заботливость; в некоторых полках, например, до половины июля попадались нижние чины, еще одетые в папахи, невзирая на то, что фуражки есть в избытке и что об изъятии папах было многократно приказано. А что будут зимой носить?..»

Брусилову приходилось бороться со свойственным русской армии той поры, да и не только русской армии, неумением командиров управлять войсками. Потеря управления часто происходила ввиду неудачного выбора места командиров в бою. В начале июня 1915 года, когда на участке 12-го корпуса русские части принуждены были отходить, штабы некоторых дивизий разместились в том же пункте, что и штаб корпуса. «Не знаю, где в это время были командиры полков, — писал Брусилов об этом в приказе, — но допускаю, что, глядя на начальников дивизий, и командиры полков в это время собрались где-нибудь по два, по три. Генералы и командиры частей не только могут, но и должны быть сзади, чтобы управлять, но до поры до времени — раз какие-либо части дрогнули, вперед не идут, а некоторые уже и поворачивают — место начальника впереди, а не на центральной телефонной станции, где можно оставить и адъютанта. Никаких оправданий в малом числе штыков и быть не может: чем их меньше, тем легче перейти от управления к командованию, а это зачастую только и дает успех». Брусилов считал, что командирам, как правило, не следует разлучаться со своим штабом и его начальником, в особенности давать начальнику штаба поручения, отрывающие его от прямых обязанностей.

В апреле 1915 года при посещении передовых позиций (он делал это постоянно) Брусилов обнаружил, что два батальона одного полка, усиленные двумя батальонами другого и частями

общего резерва, вели атаку. Возглавлял ее командир одного из батальонов. На вопрос Брусилова, что же делает командир полка, последовал ответ: «наблюдает за действиями». Такое явление Брусилов назвал «совершенно неожиданным, непонятным и крайне печальным».

В другой раз дивизия вела бой на фронте в 4 версты, а начальник ее находился в 8 верстах от места боя. Участок атаки трех полков этой дивизии (две версты по фронту) был поручен командиру бригады, и он тоже поместился рядом с начальником дивизии. Такой вопиющий беспорядок вызвал резкие замечания Брусилова. «Характер такого управления, — писал он, — заранее предрекает результаты атаки. Если при настоящих больших фронтах, на которых развертываются корпуса, командир корпуса не имеет возможности видеть хотя бы большую часть своего фронта, а потому вынужден управлять, пользуясь только сетью телефонов, находясь подчас в значительном удалении от боевых частей, то это не снимает и с командира корпуса обязанности при длительном расположении сторон в тесном соприкосновении проехать иногда к боевым частям, познакомиться на месте, хотя бы в общих чертах, с теми условиями, в которых находятся вверенные ему части, и кое-что проверить. Смею заверить, что из таких поездок и для командира корпуса, и для подчиненных будет польза. Дивизия в большинстве случаев занимает такой фронт, что для начальника дивизии представляется возможным выбрать такой наблюдательный пункт, откуда он может следить за ходом боя, хотя бы на важнейшем участке дивизии. Личная же рекогносцировка начальника дивизии обязательна, а когда дивизия длительно стоит перед позициями противника, то обязательно на месте изучать расположение противника. Про командира бригады, а тем более командира полка, говорить не приходится: они ведут в бой вверенные им части, которые должны быть у них на глазах. Предлагаю старшим начальствующим лицам взвешивать и очень обдуманно избирать место своего нахождения во время боя…»

Известно, что при отступлении (а в 1915 году русским войскам приходилось большей частью отступать) у войск возникает боязнь охватов, окружения. Наблюдая это явление, Брусилов писал в приказе в июне 1915 года: «Не пугаться прорывов и обходов, прорывающихся брать в плен, а обходящих обходить в свою очередь, для чего иметь резервы и живо, всеми силами помогать соседям». Содействие соседу, взаимная выручка — боевой долг офицера. Сознание этого приучает офицера смотреть на поставленную ему задачу с точки зрения общих интересов и целей. Брусилов учил подчиненных, когда это

позволяла обстановка и задача, двигаться на выстрелы и уже одной угрозой глубокого обхода, даже если и нельзя ввязываться в бой, заставлять отступать противника. В сентябре 1915 года он отдал особый приказ по этому поводу. «Что мне совершенно непонятно, — значилось в приказе, — так это то, что соседи атакуемого участка как бы рады, что их не трогают, и остаются пассивными зрителями, в особенности если это части другой дивизии, а тем более другого корпуса; выходит не выручка товарища в бою, а применение пословицы: моя хата с краю…».

Русская армия отступала: враг уже вторгся на территорию Белоруссии и Литвы. А как же союзники?

Еще в августе — сентябре 1914 года русское командование пришло на помощь армии Франции. Резонно было бы ожидать, что в предельно тяжелые для русской армии весну и лето 1915 года союзники не останутся в долгу. Увы!

Неоднократно в мае — июне командование просило союзников что-то предпринять, чтобы отвлечь хотя бы часть германских войск с русского фронта, но тщетно. 7 июля в Шантильи собралась первая межсоюзническая конференция, на которой обсуждалась проблема координации военных операций. Русский военный атташе во Франции А. А. Игнатьев просил нанести решительный удар на западе, ведь войска Германии скованы в России. Но определенных обещаний не поступило: на западе будут предприняты «локализованные действия», а большое наступление начнется лишь по накоплении запасов снарядов и увеличении артиллерии. Недаром многие с горечью повторяли тогда фразу: «Союзники будут вести войну до последней капли крови… русского солдата».

Но если уж союзники так ценят свою живую силу, рассуждали в России, так, может, они окажут помощь боеприпасами, ведь промышленность Франции и Англии работает во всю мощь. Но и здесь эгоистические обыкновения западных буржуа, пресловутых Шейлоков, восторжествовали над справедливостью и благоразумием, в конечном счете — над интересами общего дела. Россия не получала практически ничего, кроме слов одобрения. Пройдет время, и западные политики (оказавшись задним умом крепки) станут сожалеть о том, что не оказали помощь русской армии. Один из этих политиков, Дэвид Ллойд Джордж, написал в воспоминаниях: «На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914–1915 и в 1916 годах, что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет собственных насущных нужд… Мы предоставили Россию ее собственной судьбе».

И Россия шла навстречу своей судьбе. Но никто не мог

сказать, каким длинным и тернистым окажется этот путь и какое ослепительное будущее ждет Россию!..

После того как правый фланг 8-й армии был оголен, противник попытался охватить его. И Брусилову и командованию фронта стало очевидным, что удержаться на Буге не удастся и придется отступать, теперь уже в пределы собственно российской территории. Но разрешение на отход было получено поздно, и отступала 8-я армия под постоянной угрозой быть отрезанной. Поскольку положение складывалось угрожающее, 8-я армия получила подкрепления: сначала 39-й корпус генерала Стельницкого, а затем и 30-й корпус генерала А. М. Зайончковского.

Как только подкрепления пришли в армию, Брусилов решил использовать их активно. В телеграмме Иванову от 20 августа (2 сентября) он сообщал: «Считаю главной целью крепко удерживаться на ныне занимаемых позициях по Горыне и Струбелго. Для сего считаю безусловно необходимым отбросить левый фланг противника к югу, а в дальнейшем держаться активной обороны, производя атаки накоротке при каждом удобном случае, дабы держать постоянно противника в тревоге, иначе он вскоре опять перейдет в наступление…» Тут же Брусилов разъяснял, как он понимает свою задачу: «Буду… всемерно стараться держать войска в наступательном настроении и не давать возникнуть духу уныния, чему помогут частные наступления накоротке».

Вскоре Брусилов организовал такое наступление против 4-й австрийской армии. 30-й армейский корпус, поддержанный 7-й кавалерийской дивизией, начал обход левого фланга австрийцев, в то время как 39-й корпус вел бой с фронта. Остальные корпуса сковывали противостоящие им части противника. И вот в момент, когда остальная русская армия отступала, здесь, под Луцком, противник под ударом солдат Брусилова начал отходить! После упорного и кровопролитного ночного боя Луцк был взят; только 30-й корпус захватил в плен 80 офицеров и 4 тысячи рядовых.

Со взятием Луцка связана любопытная история. Командир 39-го корпуса донес Брусилову, что начальник известной уже нам 4-й стрелковой дивизии Деникин затрудняется штурмовать Луцк, укрепленный и защищаемый крупными австрийскими силами. Тогда Брусилов приказал Зайончковскому атаковать Луцк с севера и помочь Деникину. Командир 30-го корпуса приступил к делу; в приказе он упомянул, что 4-я стрелковая дивизия взять Луцк не может. Это показалось обидным Деникину, он атаковал Луцк, взял его и еще во время боя въехал на автомобиле в город. Зайончковский, однако, продолжал утверждать, что без его войск

Деникину Луцк не удалось бы взять, и это навсегда поссорило генералов.

Приводя в своих воспоминаниях этот эпизод, Брусилов подчеркивает, насколько чутки бывают в военное время военачальники к боевым отличиям. Тут же он характеризует Деникина: он «всегда старался заставить своих соседей порядочно поработать в свою пользу, дабы облегчить данную им для своей дивизии задачу; соседи же его часто жаловались, что он хочет приписывать их боевые отличия себе» — любопытное свидетельство об одном из будущих вождей русской контрреволюции.

Обращает внимание характеристика Брусиловым и другого генерала — в скором будущем главы донской контрреволюции Каледина: «Он был человеком… чрезвычайно молчаливым и даже угрюмым, характера твердого и несколько упрямого, самостоятельного, но ума не обширного, скорее узкого, что называется, ходил в шорах. Военное дело знал хорошо и любил его…» Далее Брусилов сообщает, что по его представлению Каледина назначили командиром 12-го корпуса, и «оказалось, что командиром корпуса он уже был второстепенным, недостаточно решительным…». По мнению Брусилова, с командованием корпуса Каледин хорошо справиться не мог.

Удержать Луцк не удалось. Когда обнаружилось, что враг собирается взять реванш и сосредоточивает силы против правого фланга 8-й армии, командование фронта потребовало отвести войска от Луцка на реку Струбель и устроить там засаду силами 30-го корпуса. Брусилов пытался доказать надуманность и неисполнимость этого маневра, но его возражения не были приняты во внимание. Подчинившись, Брусилов отвел войска. Из засады, конечно, ничего не вышло.

Это был один из образцов неумелого руководства военными действиями, обнаруженных русским командованием в 1915 году. Подобных примеров было много, и неудачи русских войск в том году, несомненно, имели одной из причин и неудовлетворительность руководства операциями.

Не помогли и перемены в высшем командовании. Великий князь Николай Николаевич был смещен и назначен наместником на Кавказ. Должность верховного главнокомандующего царь решил исполнять сам. По общему единодушному мнению, это было крупной его ошибкой. Если великий князь как верховный главнокомандующий оставлял желать лучшего, то Николай II, по мнению Брусилова, «в военном деле решительно ничего не понимал», и взятое им на себя звание можно было считать «только номинальным, за него все должен будет решать его

начальник штаба».

Начальником штаба верховного главнокомандующего стал М. А. Алексеев. Брусилов был высокого мнения об этом генерале и считал, что «в качестве начальника штаба у настоящего главнокомандующего он был бы безупречен, но у такого верховного вождя, за которого нужно было решать, направлять его действия, поддерживать его постоянно колеблющуюся волю, он был совершенно непригоден, ибо сам был воли недостаточно крепкой и решительной». Кроме того, Алексеев не был придворным человеком, ему эта среда не нравилась, а приходилось противостоять самым разнообразным влияниям и интригам, наполнявшим придворную жизнь.

В целом, считал Брусилов, «принятие на себя должности верховного главнокомандующего было последним ударом, который нанес себе Николай и который повлек за собой печальный конец его монархии». Можно не согласиться с категоричностью этой оценки, но несомненно, что персона Николая II, его влияние на массы, и прежде всего солдатские и крестьянские, сильно упало, когда с его именем как верховного главнокомандующего стали связывать не только все неурядицы в тылу, но и поражения на фронте.

Были реорганизованы и фронты, их теперь стало три: Северный, Западный и Юго-Западный; командовали ими соответственно Н. В. Рузский, А. Е. Эверт и Н. И. Иванов. О последнем из них уже говорилось, Эверт был фигурою такого же ранга, и лишь Рузский в целом соответствовал назначению. Каково же было удивление и негодование буквально всей России, когда вскоре Рузского на посту главнокомандующего Северного фронта сменил А. Н. Куропаткин, которого все, и вполне обоснованно, считали одним из главных виновников позорного поражения в русско-японской войне. Но Куропаткин был ловким придворным и, главное, имел поддержку императрицы, а ее мнение для Николая II значило гораздо больше, чем мнение опытных, умелых и умных (если таковые попадались) администраторов и военачальников.

Вскоре после вторичного оставления Луцка 8-й армией царь пожаловал на Юго-Западный фронт. В Ровно, где располагался тогда штаб 8-й армии, он приехал с Ивановым. Свитские чины очень боялись появления вражеских аэропланов, которые действительно довольно аккуратно бомбили станцию. Но в этот день небо было покрыто низкими тучами, и визита «таубе» не приходилось ждать. Кроме того, Брусилов приготовил 8 самолетов, и они не допустили бы германских авиаторов к станции, на которую прибыл августейший гость.

На этот раз царь приехал с наследником — цесаревичем Алексеем, мальчиком-подростком очень болезненного вида, одетым также в военную форму. Выслушав рапорт, Николай спросил:

— Далеко ли до противника?

— Фронт находится верстах в 25, государь. Только что сформированная 100-я дивизия, которую вашему величеству угодно осмотреть, сосредоточена в 18 верстах отсюда…

Немного помедлив, Брусилов добавил:

— Считаю своим долгом предупредить ваше величество, что место сосредоточения дивизии в обычное время подвергается воздействию вражеской тяжелой артиллерии. Поездка все же представляется мне ныне безопасной, поскольку в тумане неприятель стрелять не станет: без корректирования стрельбы немцы зря снарядов не тратят.

На автомобилях поехали к месту смотра. Царь вместе с наследником обошел войска, пропустил их мимо себя церемониальным маршем. Затем он поехал еще ближе к фронту и осмотрел перевязочный пункт для тяжелораненых. И вновь Брусилову до боли бросилось в глаза, что царь, теперь верховный главнокомандующий, не умеет говорить с солдатами, а потому они не испытывают того подъема духа, ради которого и проводятся подобные смотры.

Но еще большее неудобство и даже возмущение испытывал Брусилов от поведения главнокомандующего фронта: несколько раз за этот день генерал Иванов предлагал командующему 8-й армией от имени армии обратиться к царю с просьбой принять орден святого Георгия 4-й степени в знак того, что он побывал в зоне артиллерийского обстрела. Брусилов категорически отклонил это предложение, считая для себя неудобным обращаться с такой просьбой, и советовал сделать это самому Иванову, поскольку он старший по званию. Главкоюз попытался возложить это поручение на командующего 39-м корпусом, но генерал Стельницкий, видимо тоже не склонный к подхалимству, счел за благо куда-то скрыться, и найти его не смогли.

Орден царю тогда не вручили, но вскоре Иванов собрал при штабе фронта георгиевскую думу под председательством Каледина, и дума решила преподнести Николаю II боевой орден. Известно, что против этого возражали другие главнокомандующие, а также Николай Николаевич, поскольку «отличия» Николая II не подходили под статус ордена. Царь орден принял и с удовольствием носил его. Так генералу Иванову удалось угодить императору. Поговаривали, что делал он это неспроста: генерала не слишком-то ценили в Ставке…

Осенью 1915 года на русском фронте наступило затишье, кампания заканчивалась. Она принесла России тяжелые поражения и утраты: русские войска вынуждены были оставить Галицию, Польшу и Литву. Велики были и людские потери армии: с начала войны они составили 3400 тысяч человек, из них 312600 убитыми и 1548 тысяч пленными и без вести пропавшими. Это были самые тяжелые потери среди армий всех воюющих держав.

И все же австро-германское командование не добилось цели, поставленной в начале кампании: русская армия не была разгромлена, и Россия не была выведена из войны. Более того, теперь русский фронт отвлекал гораздо больше сил противника, чем в 1914 году. В сентябре 1915 года против России действовало 116 пехотных и 24 кавалерийские дивизии, тогда как против Франции и Англии — 90 дивизий. На Восточном фронте число германских дивизий возросло против 1914 года в 4 раза (с 17 до 65 пехотных дивизий). А. М. Зайончковский совершенно справедливо утверждал: «В 1915 году русский театр был главным театром мировой войны и обеспечил Франции и Англии передышку, которая была широко ими использована для достижения конечной победы над Германией».

Каким бы существенным ни оказался вклад России в достижение конечной победы Антанты, внутреннее положение страны к концу 1915 года стало крайне тревожным. Причины поражений русской армии коренились в промышленной и военно-технической отсталости страны, в неспособности организовать снабжение армии, в некомпетентности военного руководства, в эгоистической позиции союзников, предпочитавших накапливать силы и жертвовать русскими солдатами.

Ясно, однако, что основное крылось, разумеется, в причинах не технических, а социальных. Захватническая, грабительская война была глубоко чужда трудовому народу России, ее рабочим и крестьянам. Они шли под огонь обманом или из-под палки, но постепенно все более и более ясно начали понимать суть происходящего: их кровью и страданиями, миллионными жертвами оплачивается торжество международной, космополитической буржуазии, как «русской», так и зарубежной. Прозрение это происходило медленно, но неизменно. И это мнение народное в конце концов и определило судьбу России.

Но в ту пору всем бросалась в глаза прежде всего нехватка вооружения и боеприпасов, прежде всего боеприпасов, прежде всего снарядов! Армия стонала и молила: «Снарядов, снарядов, снарядов!.. Немцы засыпают нас, а мы не отвечаем!..» Так и вошло в историю лето 1915 года как период полной беспомощности военного и политического руководства России в деле снабжения

армии. Но все это далеко не так просто.

Ведь снаряды-то были!

Уже вскоре после войны генерал А. А. Маниковский, ведавший боевым снабжением русской армии в годы войны, издал капитальный двухтомный труд на эту тему. Так вот, из приведенных в книге Маниковского весьма достоверных данных следует, что за пять месяцев 1914 года русские трехдюймовые пушки израсходовали 2,3 миллиона снарядов, а довоенный их запас составлял 6433 тысячи, да изготовлено снарядов в августе — декабре 1914 года было 616 тысяч. Итого, в 1915 году русская армия вступала с запасами более чем в 4,5 миллиона 76-мм выстрелов. В 1915 году таких снарядов в России произвели 10 миллионов, да еще 1,2 миллиона привезли из-за рубежа. Итого круглым счетом до 16 миллионов 76-мм снарядов. За пять месяцев отступления 1915 года (май — сентябрь) русская артиллерия расстреляла немногим более 4 миллионов 76-мм снарядов. Так где же остальные?

Можно и нужно говорить о неорганизованности, безалаберности и бесхозяйственности, царившей в тылу армии, неспособности царских чиновников справиться о труднейшими хозяйственными проблемами. Можно и нужно говорить о падении дисциплины в армии, когда солдаты, которым были чужды интересы войны, не берегли винтовок и патронов, бросая их как попало и где попало, или продавали свое обмундирование и сапоги.

Кстати, о сапогах. Как много и красочно было написано и тогда и позднее о «босоногом воине»! Но факты говорят: в годы войны среди прочего обмундирования на фронт было отправлено 86,1 миллиона пар сапог и ботинок. Поскольку в армию за тот же период было призвано чуть более 15 миллионов человек, становится ясным: такую прорву обуви они износить не могли. Куда же обувь исчезала? В мемуарах Брусилова читаем: происходило это не потому, что сапог было мало, «а вследствие непорядков в тылу: чуть ли не все население России ходило в солдатских сапогах, и бóльшая часть прибывших на фронт людей продавала свои сапоги по дороге обывателям, часто за бесценок, и на фронте получала новые. Такую денежную операцию некоторые искусники умудрялись делать два-три раза. То же самое происходило и с одеждой, которую не стесняясь продавали, и зачастую солдаты, отправленные из тыла вполне снаряженными и отлично одетыми, обутыми, на фронт приходили голыми. Против таких безобразий никаких мер не принималось, или же были меры недостаточные и не дававшие никаких благих результатов».

В этом месте воспоминаний Брусилов кривит душой и не сообщает, какие же все-таки меры принимались хотя бы им самим. Из документов, однако, известно, что меры эти были достаточно строги и несколько своеобразны. Так, в приказе по 8-й армии от 14 февраля 1916 года по этому поводу говорилось: «Нижних чинов, промотавших вещи в пути, а также прибывших на этап в рваных сапогах — арестовать и предавать суду, подвергнув предварительно наказанию розгами». Проштрафившиеся солдаты получали обычно 50 розог. Применяли подобные меры и другие генералы, но розги, конечно, не могли решительно приостановить разложение армии и падение дисциплины в ней.

Вернемся, однако, к снарядам. Современные исследователи отмечают и еще одну причину неудач русской армии. Наиболее четко очерчена она в книге Н. Н. Яковлева «1 августа 1914 года». Автор пишет, что при последовательном, систематическом и, главное, беспристрастном рассмотрении причин нехватки боеприпасов неизбежно приходишь к выводу: «Кто-то был заинтересован в том, чтобы императорская армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела». После обстоятельного анализа он приходит к выводу, что это «было дело рук противников самодержавия в самой верхушке русской буржуазии, домогавшейся полной и безраздельной власти».

Победа в войне могла укрепить романовскую династию. Кричавшим на всех углах о своем патриотизме представителям верхушки буржуазии не было никакого дела до гибели солдат, они придерживались девиза: «чем хуже, тем лучше» — тем лучше для узкоклассовых интересов буржуазии. Именно с лета 1915 года буржуазные дельцы в Думе и вне ее открыли новый тур соперничества за власть с царизмом. Вот этим-то в значительной мере и объясняются нехватки в русской армии. «Они случились, — пишет Н. Н. Яковлев, — не потому, что страна исчерпала ресурсы, а явились следствием нараставшего хаоса, создаваемого в определенной степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах. Эта тактика совпала с усиливающимся отвращением к войне самых широких народных масс. Недостаток и перебои в боевом снабжении, раздутые буржуазной печатью, служили оружием для компрометации существовавшего строя. То, что в результате всего этого армия несла неоправданные потери, не волновало толстосумов. Сотни тысяч жизней русских людей приносились в жертву корыстным интересам буржуазии. Это была национальная измена, выдача страны врагу…»

Характеризуя состояние России на рубеже 1915–1916 годов,

В. И. Ленин писал: «Поражение армий царской монархии, рост стачечного и революционного движения в пролетариате, брожение в широких массах, либерально-октябристский блок для соглашения с царем… Все видят, что революционный кризис налицо»[19]. Наступающий 1916 год должен был приблизить Россию к неизбежной революции…

Как и весь фронт, 8-я армия провела зиму 1915/16 года в относительном спокойствии, если позиционную войну можно считать спокойствием. Впрочем, в декабре 1915 года 8-я армия делала попытки наступать. После побед на русском фронте австро-германцы обрушились на Сербию. Чтобы помочь сербской армии, изнемогавшей в неравном бою, русская Ставка по просьбе союзников решила отвлечь внимание противников от сербов и нанести удар на Юго-Западном фронте. Главная роль отводилась вновь сформированной 7-й армии, действовавшей на крайнем левом фланге. 8-й армии приказано было, удерживая занимаемые позиции, сковать неприятельские силы поисками разведчиков. Лишь после наметившегося успеха 7-й армии и Брусилову предстояло перейти в наступление. Брусилов категорически настаивал на том, чтобы и его армии предоставили с самого начала право действовать активно, но командование фронта не согласилось. Декабрьское наступление Юго-Западного фронта, плохо подготовленное и еще хуже руководимое, не принесло успеха. После этого на фронте окончательно наступило затишье.

Это не значит, конечно, что командующий армией отдыхал. К примеру, немало пришлось повозиться ему в эту зиму с партизанскими отрядами. Иванов в подражание войне 1812 года распорядился при всех кавалерийских дивизиях сформировать по партизанскому отряду. Они были направлены в расположение 8-й армии, чтобы оттуда двинуться в Полесье. Но ожидаемого успеха действия партизан-кавалеристов не принесли, несмотря на затраченные время и средства. Тому, кто знаком с боевыми действиями партизан в этой же местности в войну 1812 года или тем более с героической борьбой белорусских партизан в 1941–1944 годах, на первый взгляд такой итог усилий русских генералов может показаться странным. Брусилов считал, что партизанские отряды следовало формировать из пехоты, а не из кавалеристов, которым трудно было действовать в лесах и болотах Полесья. Но причина неуспеха, конечно, состояла в ином: первая мировая война по своему характеру коренным образом отличалась как от Отечественной войны 1812 года, так и тем более от Великой Отечественной войны. Партизанские действия могут быть и бывают успешными, если партизан активно поддерживает само население, народ…

Поскольку на фронте, если не считать ежедневной артиллерийской перестрелки, было тихо, в штаб армии зачастили гости. «Как кинематографическая лента, — писал Брусилов, — ежедневно менялись у меня перед глазами впечатления: то члены Государственной думы, хотевшие со мной побеседовать, то представители различных городов и организаций с подарками на фронт, то артисты, желавшие веселить и развлекать наших воинов, то дамы со всевозможными делами, толковыми и бестолковыми…»

Семнадцать месяцев, с начала войны, Брусилов не видел семьи и крайне негодовал, когда узнавал, как много дам приезжало во Львов, пока войска воевали в Галиции. В Ровно зимой 1915/16 года к Брусилову приехала Надежда Владимировна. Сын Алексей тоже воевал на фронте, и Брусилов имел от его начальства самые благоприятные отзывы. Алексей заслужил немало боевых наград, был повышен в чине.

Длительное пребывание на одних позициях позволяло войскам укреплять их, и оборона постепенно приобретала необходимые качества: отрывались многочисленные линии окопов и ходы сообщений, строились пулеметные гнезда и убежища, углубленные в землю, с несколькими перекрытиями, защищавшими от попадания 6-дюймового снаряда.

Людские ресурсы России далеко не были исчерпаны, и в армию поступали пополнения. К ранней весне в каждой пехотной дивизии насчитывалось по 18–20 тысяч человек, достаточно обученных, располагавших 15–18 тысячами винтовок с изобилием патронов. Износившиеся орудия были заменены, 76-мм снаряды поступали теперь в большом количестве. Правда, тяжелой артиллерии все еще не хватало. Солдаты, имевшие возможность передохнуть и подучиться, повеселели. Командующий армией был полон оптимизма, но, как мы теперь знаем, оптимизм этот был недостаточно оправданным. Впрочем, Брусилов, видимо, тоже сознавал, что оставляло желать лучшего главное измерение качества войск — их боевой дух. К примеру, 12 января 1916 года во всех ротах, эскадронах, сотнях, командах и штабах армии был зачитан приказ Брусилова, изданный в связи с распространившимися среди солдат слухами о скором мире. «Нам нужно теперь думать не о мире, — убеждал солдат Брусилов, — которого в настоящее время ни один честный русский и верный своему государю и родине воин не может желать, а стремится всеми силами души побить бесчестного врага, напавшего на нас, и изгнать его вон с позором из пределов нашей матушки-России…» Но тут желания Брусилова, генерала царской армии, начинали расходиться с чаяниями русских крестьян и рабочих,

одетых в серые солдатские шинели: они все больше мечтали о мире, об окончании ненужной и непонятной им войны…

Затишье на фронте окончилось для генерала Брусилова неожиданно: 17(30) марта 1916 года он был назначен главнокомандующим Юго-Западного фронта.

Длительное пребывание на посту командующего армией много дало генералу Брусилову. Сражения 1914–1915 годов предоставили ему возможность испытать свои силы как военачальника в самых разнообразных ситуациях — и в победоносном наступлении, и в дни вынужденного отхода. Уже и в этот период для командующего 8-й армией в отличие от большинства его коллег-генералов характерно стремление к широкому маневру, обходу фланга противника, настойчивому движению вперед. Но одного стремления, конечно, было бы мало. Генерал Брусилов в эти месяцы обнаружил выдающееся умение руководить войсками, и это опять-таки выделяло его среди других военачальников русской армии. 8-я армия под его руководством проявила способность и к стремительному наступлению, и к упорной обороне, она сыграла видную роль в сражениях 1914–1915 годов. Авторитет Брусилова стоял уже и тогда очень высоко как в армии, так и в стране. Видимо, это и побудило Ставку подготовить приказ о его новом назначении.

Известие о новой своей должности Брусилов воспринял, не будем скрывать, с радостным волнением. Какой же потомственный военный, какой же природный, с юных лет, офицер не мечтает о том, чтобы сделаться наконец крупным военачальником, проявить себя как полководец?! Ведь теперь под его командованием миллион вооруженных людей и сотни генералов. Сможет ли он повести их за собой? И главное — привести их к долгожданному военному успеху?..

С этими чувствами он готовился проститься со своими старыми боевыми товарищами.

В последнем приказе по 8-й армии от 24 марта (6 апреля), сообщая о своем отъезде, Брусилов писал: «Дорогие боевые товарищи: генералы, офицеры и нижние чины доблестной Восьмой армии! 20 месяцев Великой войны я был во главе вас, с вами вступил в Австро-Венгрию, с вами доходил и до Венгерской равнины… Я сроднился с вами, особенно с 8-м армейским корпусом и дивизией железных стрелков, неизменно все 20 месяцев бывшими под моим командованием…»

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТА

Начальник штаба главковерха в телеграмме требовал, чтобы Брусилов немедленно выехал в Бердичев для принятия новой должности, так как вскоре ожидалось прибытие царя в Каменец-Подольск. Николай II намеревался смотреть 9-ю армию, составлявшую крайний левый фланг. Брусилов немедленно запросил Иванова, когда тому будет угодно сдать дела. Бывший главнокомандующий как будто не возражал сделать это поскорее, и Брусилов уже собрался выезжать, как вдруг узнал от своего начальника штаба генерала Сухомлина, что в штабе фронта было получено распоряжение Иванову от министра двора графа В. Б. Фредерикса не покидать покуда Бердичева и не торопиться со сдачей дел. Предполагая, и резонно, наличие какой-либо дворцовой интриги, о которых он был достаточно наслышан, Брусилов немедленно информировал о положении Алексеева. Совесть Брусилова была чиста, так как он «решительно ничего не домогался, никаких повышений не искал, ни разу из своей армии никуда не выезжал, в Ставке ни разу не был и ни с какими особыми лицами о себе не говорил».

Алексеев отвечал, что советует вызвать к себе начальника штаба фронта В. Н. Клембовского или генерал-квартирмейстера М. К. Дитерихса, чтобы ознакомиться с положением дел еще до прибытия царя. Генерал-квартирмейстер приехал в Ровно и сделал подробный доклад, совершенно удовлетворивший нового главнокомандующего. Действуя все так же прямо, Брусилов через Дитерихса передал Иванову, что не считает возможным покинуть армию без указания своего прямого начальства, то есть Иванова, и в Бердичев не поедет, но в Каменец-Подольск встречать царя, не приняв дел, также не собирается. Эта прямота, очевидно, испугала Иванова, так как тут же была получена телеграмма с приглашением немедленно прибыть в Бердичев.

Встреча с Ивановым поразила Брусилова совершенно: убеленный сединами генерал плакал навзрыд, так как не мог понять, за что же он смещен с поста. Брусилов этого также не знал, мог только предполагать, что за неудачные действия фронта, и ничем не мог утешить бывшего своего начальника. О делах фронта речь почти и не шла, Иванов лишь высказался, что войска совершенно не способны наступать. Брусилов был на этот счет иного мнения.

Не менее тягостной была и встреча с чинами штаба, представленными новому главкоюзу в вагон-салоне Иванова: среди штабных уже пошли разговоры о том, что Брусилов

немедленно всех разгонит. Пришлось ему уверить офицеров штаба, что все остаются на своих местах. Ужин все же был печальным…

Познакомившись с состоянием дел фронта, Брусилов выехал в Каменец-Подольск, чтобы на месте и до приезда царя узнать положение войск 9-й армии. Ее командующий генерал Лечицкий болел воспалением легких, и Брусилов назначил временным заместителем Лечицкого генерала А. И. Крымова — эта фамилия также должна быть знакома многим читателям: в августе 1917 года во время корниловского мятежа именно он поведет казачьи войска на Петроград…

На следующий день Брусилов осматривал части 74-й пехотной дивизии. Ему было известно, что осенью 1914 года эта дивизия, сформированная в Петрограде в основном из швейцаров и дворников, действуя в составе 3-й армии Радко Дмитриева, обнаружила весьма плохие боевые качества, и командарм даже был вынужден снять начальника дивизии. Но в этот раз Брусилов, побывав в окопах и осмотрев находившиеся в резерве части, остался доволен состоянием дивизии.

Вечером следующего дня, 28 марта (10 апреля), в Каменец-Подольск прибыл царь. Обойдя почетный караул, Николай II пригласил Брусилова в свой вагон и сразу же повел разговор, показывавший, что он был в курсе интриги:

— До меня дошло, что у вас вышло столкновение с генералом Ивановым? — полувопросительно промолвил он.

— Осмелюсь доложить, ваше величество, что у меня лично никаких столкновений с генералом Ивановым не было, — сказал Брусилов.

— Но мне передавали, что вы недовольны разногласием, возникшим в результате распоряжений генерала Алексеева и графа Фредерикса?

— Мне неизвестно, государь, в чем заключаются эти разногласия, — ответствовал Брусилов, — так как я получил распоряжение только от генерала Алексеева, а от графа Фредерикса никаких сообщений не имею.

Тут Брусилов решил поставить точки над «и»:

— Мне кажется, что военные дела, особенно фронтовые и во время боевых действий, не должны касаться графа Фредерикса.

Царь ничего на это не ответил и прибегнул к характерному для него приему — переменил тему разговора:

— Имеете ли вы что-нибудь доложить мне?

— Государь, я имею доклад, и весьма серьезный. — Брусилов намеревался идти до конца и высказаться напрямую. — Мне известно, что предшественник мой на посту главнокомандующего

Юго-Западного фронта придерживался категорического мнения о невозможности для войск фронта перейти в наступление. Я ранее сомневался в справедливости подобного мнения, а ныне, ознакомившись с состоянием войск фронта, столь же категорически свидетельствую: войска фронта после нескольких месяцев передышки и подготовки находятся во всех отношениях в отличном состоянии и могут к 1 мая быть готовы к наступлению.

Выражение удивления промелькнуло на лице царя, по только на мгновение: он никогда не позволял себе явно демонстрировать такое чувство, как удивление, при посторонних.

— Посему, государь, — продолжал Брусилов, — настоятельно прошу предоставить мне инициативу действий, конечно, в строгом согласовании с остальными фронтами. В случае же, если возобладает мнение о невозможности для Юго-Западного фронта наступать и мое мнение не будет принято в расчет, я буду вынужден считать мое пребывание на посту главнокомандующего не только бесполезным, но и вредным. Прошу меня в таком случае сменить.

Николай II не любил решительных, бесповоротных поступков, так же как и людей, склонных и способных к такого рода действиям. Поэтому заявление Брусилова ему явно пришлось не по вкусу. И все же он не выразил неудовольствия, а лишь велел Брусилову высказаться на этот счет на военном совете, который должен состояться в ближайшее время, договориться с Алексеевым и другими главнокомандующими. От себя царь прибавил, что он ничего не имеет ни за, ни против намерений Брусилова. Таков был верховный главнокомандующий русской армии в той тяжелейшей войне!

Едва Брусилов покинул вагон царя, как камер-лакей поспешил к нему с приглашением от министра двора. Граф Фредерикс, почтенный старец, уже два десятилетия исполнявший должность, которая требовала тонкого умения угадывать желания повелителей России и в то же время ловко лавировать среди придворных, принял Брусилова как родного, обнял и поцеловал. Это показалось генералу несколько странным, так как никогда дотоле он не был близок с графом. Фредерикс поздравлял генерала с назначением, уверял, что очень рад выбору нового главнокомандующего, ничего против него не имеет и интриги против него никакой не знает, обещал помощь и поддержку… Брусилов благодарил за поздравления, но дал понять министру двора, что и впредь будет руководствоваться велением долга, как он его понимает, и не станет заискивать у придворных. С тем и расстались; Брусилов никогда точно не узнал сути интриги, предпринятой против него сразу же по назначении

главнокомандующим. Решительность и прямота поведения, однако, сослужили ему немалую службу и в дальнейших отношениях с царским двором за этот последний, роковой для императорской России год.

Назавтра утром, 29 марта (11 апреля), царь отправился смотреть недавно сформированную 3-ю Заамурскую пехотную дивизию. Брусилов вновь (в который раз!) видел, что верховный вождь армии не производит на солдат необходимого впечатления, хотя, разумеется, «ура!» гремело достаточно дружно.

После завтрака в Хотине у предводителя дворянства царь посетил госпиталь, раздавал кресты. 30 марта состоялся смотр 11-го армейского корпуса. Во время смотра над войсками вдруг появились два вражеских самолета. Это вызвало суматоху в свите, но зенитные батареи сразу же отогнали «таубе». Вечером царь уехал. Спустя два часа в Могилев отправился на военный совет и Брусилов. Для понимания последующего необходимо некоторое разъяснение.

Несмотря на достигнутые за 1915 год успехи, обстановка все же складывалась не в пользу стран германского блока. Борьба на два фронта истощала их ресурсы, и будущее сулило им мало хорошего, так как Великобритания и Франция из месяца в месяц наращивали свою мощь, да и Россию вывести из войны не удалось. Но, поскольку русская армия, как считали австро-германские стратеги, не будет в состоянии наступать в ближайшее время, в Берлине и Вене решили перенести усилия на Западный фронт, перемолоть и истощить резервы французской армии. Австро-венгерское командование намеревалось разгромить итальянскую армию.

Страны Антанты, учтя печальный опыт прошлых кампаний, стремились выработать единый согласованный план на 1916 год, достигнуть координации военных действий. Межсоюзническая конференция в Шантильи в декабре 1915 года признала необходимым начать подготовку к согласованному наступлению союзных армий на главных театрах войны. Но сразу же выяснилось, что союзники России постараются оттянуть срок начала наступления своих армий. Русское командование обоснованно предполагало, что германские армии не станут выжидать и тем сорвут общий план. 9(22) февраля 1916 года Алексеев телеграфировал генералу Я. Г. Жилинскому — главе русской делегации во Франции: «Противник не будет справляться у Жоффра, окончил он подготовку или нет, атакует сам, как только климатические условия и состояние дорог позволят сделать это».

Так и случилось: утром 8(21) февраля 9-часовой

артиллерийской подготовкой началась Верденская операция. За несколько первых дней немцам удалось вклиниться в оборону французов на 6–8 километров, и положение продолжало осложняться. Так как одновременно австро-венгерские войска атаковали итальянцев в Трентино, союзники, как и прежде, запросили помощи у России, предлагая по возможности быстрее открыть кампанию на русском фронте. И снова русское командование пошло союзникам навстречу. На 3-й межсоюзнической конференции в Шантильи 28 февраля (12 марта) русские представители сообщили о подготавливаемом частном наступлении в марте. На конференции договорились об общем наступлении союзных войск в мае, причем начать его должны были русские.

Нарочская операция, начатая 5(18) марта, не дала успеха русской армии. Причины были все же те: плохое управление войсками, недостаток тяжелой артиллерии, распутица. Но наступление вынудило германское командование перебросить сюда 4 дивизии, атаки на Верден временно прекратились…

Тем временем русская Ставка разрабатывала оперативный план. Основные его мысли были сформулированы М. В. Алексеевым в докладе царю от 22 марта (4 апреля). По подсчетам штаба верховного главнокомандования, соотношение сил на фронте складывалось в пользу русских. Северный, Западный и Юго-Западный фронты насчитывали 1732 тысячи штыков и сабель: Западный фронт — 754 тысячи, Северный — 466 тысяч и Юго-Западный — 512 тысяч. Силы противника исчислялись в 1061 тысячу человек. Северный и Западный фронты имели 1200 тысяч человек против 620 тысяч немецких. Юго-Западному фронту противостояла 441 тысяча австро-германских войск. Наибольшим (двойным) перевес был на участке фронта севернее Полесья, наименьшим — южнее Полесья. Исходя из этого подсчета, Алексеев делал вывод о возможности решительного наступления только севернее Полесья. Юго-Западному фронту, подчеркнем это особо, ставилась вспомогательная задача, и он должен был перейти в наступление только после успеха Западного и Северного фронтов. Уже это решение в свете последующих событий показывает, насколько искаженно русское командование оценивало обстановку.

Через два дня Алексеев представил царю новый доклад, в котором обосновывалось решение захватить стратегическую инициативу. Поскольку силы русских, говорилось в докладе, растянуты на фронте в 1200 верст и одинаково уязвимы всюду, оборона не предвещала успеха: немцы, сконцентрировав силы на любом показавшемся им подходящим участке, с легкостью

прорвали бы его. Единственное решение, считал Алексеев, состояло в том, чтобы готовить наступление к началу мая, упредить противника, нанести ему удар и заставить сообразоваться с действиями русских войск, а не оказаться в полном подчинении его планам, пожиная невыгодные последствия пассивной обороны.

Предложение Алексеева казалось целесообразным; его доклад Николаю от 22 марта был разослан в штабы фронтов. Решено было обсудить оперативный план на военном совещании в Ставке. На это совещание и выехал Брусилов 30 марта 1916 года.

Как поминалось уже, Ставка пребывала в Могилеве. На высоком берегу Днепра, в доме губернского управления, помещалось управление генерал-квартирмейстера. Через двор, в доме генерал-губернатора, жил император и наследник, когда его привозили в Ставку; здесь же — свита: граф Фредерикс, дворцовый комендант генерал Воейков, начальник конвоя граф Граббе, флаг-капитан адмирал Нилов и другие.

Совещание началось в 10 утра 1(14) апреля 1916 года. Присутствовали: царь, главнокомандующий Северного фронта А. Н. Куропаткин и его начальник штаба Ф. В. Сиверс, главнокомандующий Западного фронта А. Е. Эверт и его начальник штаба М. Ф. Квецинский, главнокомандующий Юго-Западного фронта А. А. Брусилов и его начальник штаба В. Н. Клембовский, бывший главнокомандующий Юго-Западного фронта Н. И. Иванов, военный министр Д. С. Шуваев, полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, начальник морского штаба верховного главнокомандующего адмирал А. И. Русин, генерал-квартирмейстер М. С. Пустовойтенко. Запись вели дежурные офицеры управления генерал-квартирмейстеры Н. Е. Щепетов и Д. Н. Тихобразов.

Расположились в не слишком большом зале со светлыми обоями, обставленном просто; сели за длинным столом. Справа от царя — Куропаткин, слева — Брусилов (было известно, что слева от себя Николай II распоряжается сажать того, с кем он желает поговорить). Алексеев сидел напротив царя, Иванов — в конце стола, на углу. Иванов молчал, только поглаживал бороду — тяжело переживал смещение.

Председательствовал на совещании Николай II — верховный главнокомандующий, но прениями не руководил, все время молчал и не высказывал никаких мнений. Он лишь утверждал своим авторитетом то, что решалось на Военном совете. Выводы делал Алексеев.

Он же и начал совещание. Поскольку доклад был хорошо известен присутствующим, Алексеев лишь вкратце охарактеризовал предлагаемый план действий и сообщил, что решено передать всю тяжелую артиллерию, имеющуюся в резерве, и весь общий резерв верховного главнокомандующего в распоряжение Западного фронта, который и будет наносить главный удар в направлении на Вильно. Часть тяжелой артиллерии и войск общего резерва предусматривалось передать Северо-Западному фронту, которому предстояло также наступать на Вильно, но с северо-запада.

С особым вниманием и беспокойством выслушал Брусилов ту часть доклада Алексеева, в которой речь шла о задачах Юго-Западного фронта: поскольку к наступательным действиям этот фронт не способен, говорил Алексеев, то следует здесь придерживаться сугубо оборонительных действий и проявлять активность только после того, как твердо обозначится успех северных соседей.

Но еще большее удивление вызвали у Брусилова речи его коллег — главнокомандующих фронтов. Генерал Куропаткин начал с того, что заявил: на успех Северо-Западного фронта рассчитывать очень трудно, даже невероятно. При этом Куропаткин ссылался на неудачу предыдущих попыток прорвать германский фронт, на силу укреплений, созданных немцами. Вывод Куропаткина был крайне пессимистичен: он предсказывал огромные и безрезультатные потери. С таким настроением главнокомандующего не стоило и начинать наступления — оно, как показали последующие события, обрекалось на неудачу.

Алексеев не согласился с высказываниями Куропаткина, но признал, что тяжелой артиллерии, необходимой для прорыва германской обороны, действительно не хватает. Призванные к совету генерал Шуваев и великий князь Сергей Михайлович подтвердили, что тяжелых снарядов отечественная промышленность в мало-мальски достаточном количестве дать не сможет, из-за границы получить их тоже не удастся. Когда улучшится снабжение тяжелыми снарядами — сказать нельзя, во всяком случае, не летом 1916 года. Отрадным было хотя бы то, что снаряды для 76-мм орудий военный министр обещал в громадном количестве.

Командующий Западным фронтом поспешил присоединиться к мнению Куропаткина. В успех наступления верить не приходится, говорил генерал Эверт, и лучше бы продолжать оборону, причем до тех пор, пока войска не будут снабжены тяжелой артиллерией и снарядами к ней в изобилии.

В резком противоречии с остальными речами на этом,

признаться, странном военном совете прозвучало выступление Брусилова. Конечно, говорил он, нам очень недостает тяжелой артиллерии и снарядов к ней; неплохо было бы добавить и аэропланов.

— Но и при настоящем положении дел в нашей армии, — продолжал главкоюз, — я твердо убежден: мы можем наступать. Не берусь говорить о других фронтах, ибо их не знаю, но Юго-Западный фронт, по моему убеждению, не только может, но и должен наступать, и полагаю, что у нас есть все шансы для успеха, в котором я лично убежден. На этом основании я не вижу причин стоять мне на месте и смотреть, как мои товарищи будут драться…

Уже начало выступления вызвало недоверие большинства военачальников, собравшихся за длинным столом, и недоверие это не замедлило перейти в недовольство, когда Брусилов стал излагать свои принципы, целиком расходившиеся с установившейся практикой:

— Считаю, что недостаток, которым мы страдали до сих пор, заключается в том, что мы не наваливаемся на врага сразу всеми фронтами, дабы лишить противника возможности пользоваться выгодами действий по внутренним операционным линиям, и потому, будучи значительно слабее нас количеством войск, он, пользуясь своей развитой сетью железных дорог, перебрасывает свои войска в то или иное место по желанию. В результате всегда оказывается, что на участке, который атакуется, он в назначенное время всегда сильнее нас и в техническом и в количественном отношениях. Поэтому я настоятельно прошу разрешения действовать наступательно и моим фронтом, одновременно с моими соседями…

Чувствуя, что не убедил присутствующих, Брусилов сказал в заключение:

— Даже если бы, паче чаяния, я и не имел никакого успеха, то по меньшей мере не только задержал бы войска противника, но привлек бы часть его резервов на себя и этим существенным образом облегчил бы задачу Западного и Северо-Западного фронтов.

Видимо, у кое-кого из генералов на совещании промелькнула и утвердилась мысль: вот, вновь назначенный главнокомандующий стремится выслужиться, отличиться. Что ж, пусть попробует, авось лоб расшибет!

Генерал Алексеев отвечал, что в принципе он не возражает, если и Юго-Западный фронт попробует организовать наступление, но тут же предупредил: в дополнение к уже имеющемуся в армии Брусилов ничего не получит: ни

артиллерии, ни большего количества снарядов. Такая позиция Ставки, как выяснилось впоследствии, также была ошибочной.

Брусилов отвечал, что ничего и не просит дополнительно, и побед никаких не обещает, а будет довольствоваться тем, что есть:

— Войска Юго-Западного фронта вместе со мной будут знать, что мы сражаемся ради общей пользы и облегчаем работу наших боевых товарищей, давая им возможность сломить врага.

Такая уверенность и настойчивость, видимо, вызвала у двух других главнокомандующих чувство некоего неудобства: и Куропаткин и Эверт сочли необходимым вновь высказаться и заявили, что они наступать могут, но с оговоркой — ручаться за успех нельзя. Эти заявления, изумительные для столь крупных по званию военачальников, заставили Брусилова подумать: «Такого ручательства ни один военачальник никогда и нигде дать не мог, хотя бы он был тысячу раз Наполеон!»

На совещании рассматривался также вопрос о сроке наступления. Союзники, как стало известно, не могли подготовиться ранее начала июня (по новому стилю). Русская Ставка решила отложить наступление до конца мая.

Так как совещание продолжалось долго, дважды делали перерыв: в 12.45 ходили завтракать к царю, в 6 часов вечера отправились обедать.

В столовой, на втором этаже, накрыты два стола: большой, сервированный для обеда, и у окна — маленький, с закусками. Посуда на столе — тарелки, рюмки, кувшины с вином — серебряные, ни стекла, ни хрусталя, ни фарфора: считалось, что Ставка в походе, потому бьющиеся предметы из сервировки исключались.

Царь первый подошел к закускам, налил в серебряную чарочку водки, быстро и со вкусом выпил. За ним — остальные. Гофмаршал указал, кому где сесть, приступили к обеду.

После сладкого Николай II вынул портсигар:

— Кому угодно закурить?

Когда царь докурил папиросу, подали кофе… По свидетельству очевидцев, в этот день царь был доволен, а потому и в хорошем настроении…

Из разговоров Брусилову запомнился только один: к нему подошел Куропаткин:

— Алексей Алексеевич, вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадет счастье в наступление не переходить, а следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергаться крупным неприятностям, может быть,

смене с должности и потере того военного ореола, который вам удалось заслужить до настоящего времени? Я бы на вашем месте всеми силами открещивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении дела могут вам лишь сломать шею…

Несомненно, что в этом совете сквозило не участие, а опасение старого царедворца и бездарного военачальника за свою собственную судьбу: как бы царю не приглянулась решительность и уверенность Брусилова, на фоне которых он, Куропаткин, выглядел не слишком-то привлекательно. Брусилов отвечал:

— Ваше высокопревосходительство, я о личной пользе не мечтаю и для себя решительно ничего не ищу. Поэтому нисколько не обижусь, если меня отчислят за негодность. Действовать же на пользу России я считаю долгом совести и чести.

Куропаткин пожал плечами и отошел…

Только много месяцев спустя Брусилов узнал, что после его отъезда из Ставки Иванов испросил аудиенции у царя и доложил: будучи хорошо знаком с состоянием войск Юго-Западного фронта, по долгу службы он считает себя обязанным опровергнуть утверждения Брусилова о возможности наступления на этом участке фронта. Иванов считал, что попытка наступать приведет лишь к разгрому и захвату врагом Правобережной Украины и Киева. Выслушав, царь вполне обоснованно поинтересовался, почему же Иванов не высказал своего мнения на совете. Бывший главкоюз сослался на то, что его никто не спрашивал, а сам он не считал возможным навязываться с советами.

— Тем более я единолично не нахожу возможным менять решение военного совета и ничего тут поделать не могу, — сказал царь. — Переговорите с Алексеевым…

Сразу же после обеда у царя Брусилов уехал в Бердичев.

Круг обязанностей, возложенных на его плечи с назначением на пост главнокомандующего фронта, так же как и степень ответственности, возросли многократно. Фронт — это высшее оперативное объединение вооруженных сил на континентальном театре военных действий. Фронтовые объединения на основе опыта русско-японской войны были созданы впервые в русской армии и предназначались для решения главным образом стратегических задач.

Боевой состав фронта разнится в зависимости от поставленной задачи, обстановки, важности направления, на котором он действует. В Юго-Западный фронт тогда входили (с севера на юг): 8-я армия — командующий А. М. Каледин, 11-я армия под командованием В. В. Сахарова, 7-я армия, которую

возглавлял Д. Г. Щербачев, и 9-я армия — командующий П. А. Лечицкий; его по болезни замещал А. И. Крымов.

Юго-Западный фронт располагал значительным количеством войск: 3(16) апреля 1916 года в нем насчитывалось 608 батальонов и 400 эскадронов и сотен. Войска имели 2176 пулеметов и 1815 орудий (из них 145 тяжелых).

Кроме этой махины людей, лошадей, орудий, Брусилову теперь подчинялись непосредственно и во всех отношениях два военных округа (Киевский и Одесский), всего же двенадцать губерний России, в том числе и по гражданской части.

Но, конечно, самой главной проблемой была подготовка наступления. 11(24) апреля Ставка отдала директиву о подготовке операций. В ней подтверждалось, что главный удар будут наносить армии Западного фронта. «Армии Северного и Юго-Западного фронтов, — говорилось в директиве, — оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника».

Таким образом, первоначальные намерения штаба верховного главнокомандующего были несколько изменены и, видимо, главным образом в результате поведения Брусилова на совете. Теперь и Юго-Западный фронт получал особую задачу: он, «тревожа противника на всем протяжении своего расположения, главную атаку производит войсками 8-й армии в общем направлении на Луцк».

План Ставки предполагал нанесение одновременных ударов силами всех фронтов. Эта была смелая, многообещающая идея для того времени. Беда, однако, заключалась в том, что ее проведение в жизнь натолкнулось на нерешительность, боязнь наступления у таких ответственных военачальников, как Куропаткин и Эверт, а также на безволие Алексеева, не сумевшего настоять на принятом решении и допустившего, как мы увидим, настоящий торг о сроке наступления. В результате план одновременных ударов оказался разрушенным.

Брусилов вряд ли мог предполагать такой поворот событий и со всей энергией обратился к подготовке операции. Через несколько дней по возвращении на фронт, 5(18) апреля, он созвал в Волочиске командующих армиями и их начальников штабов, чтобы довести до них план предстоящей операции. В принципе Брусилов был врагом всяких военных советов и собрал подчиненных отнюдь не для того, чтобы спросить их мнение о возможности наступления или плане военных действий. Предполагалось, что он, изложив решение, разъяснит те или иные

пункты, которые покажутся неясными или понимаются различно.

Но с самого начала совещания выяснилось, что ближайшие подчиненные Брусилова настроены далеко не так оптимистично, как он сам. Командующие армиями обнаружили серьезные опасения. Каледин сразу же заявил, что не надеется на успех и даже просто уверен, что успеха не последует.

— Я убежден, — говорил он, — что нанесение удара Юго-Западным фронтом грозит нам же большими опасностями.

Командующий 7-й армией Щербачев тоже не был сторонником наступления.

— Вы меня давно знаете, Алексей Алексеевич, и, наверное, не сомневаетесь в моем стремлении неизменно действовать активно. Я очень охотно наступаю и не люблю стоять на месте, но в настоящее время считаю наступательные действия рискованными и потому нежелательными.

Крымов от имени Лечицкого выразил согласие на переход в наступление. Командующий 11-й армией Сахаров ни на чем не настаивал, а соглашался с предложениями Брусилова.

Положение последнего оказалось сложным: из четырех командармов двое не просто сомневались в успехе, но прямо не желали наступать. Пришлось ему нарушить свое обыкновение и убеждать Каледина и Щербачева: немыслима совместная работа, если командующие армиями не верят в успех дела, которое организовывал Брусилов. Щербачев в конце концов согласился с доводами главнокомандующего фронта, но Каледин продолжал упорствовать.

— Боюсь браться за дело, — повторял он. — Успеха все равно не будет.

Редко случалось, что Брусилов не мог сдержаться, но в этот раз пришлось быть резким:

— В таком случае я буду поставлен перед необходимостью либо сменить вас, либо передать главный удар в другую армию!

Нерешительный генерал вынужден был отступить. Впоследствии Брусилов объяснял, что в отношениях с Калединым он был стеснен привходящими обстоятельствами. Личной неприязни у него к Каледину не было, и тому есть доказательства: по представлениям Брусилова Каледин получил две георгиевские награды и чин генерал-лейтенанта. Но как командующий корпусом (об этом уже упоминалось) Каледин оставлял желать лучшего, а когда возник вопрос о преемнике Брусилова в должности командующего 8-й армией, то Брусилов высказался яа назначение генерала Клембовского. Однако Алексеев шифрованной телеграммой тут же сообщил, что царь желает видеть командующим 8-й армией Каледина…

Достигнув единства волей или неволей (в армии дисциплина, безусловное подчинение младшего старшему — один из краеугольных камней ее существования), Брусилов еще раз напомнил, что собрал подчиненных не для обсуждения приказа о наступлении, который следует считать отданным и тем самым обсуждению не подлежащим.

— Необходимо, следовательно, сейчас обсудить, какая роль выпадет каждой армии при наступлении, и строго согласовать их действия.

И главкоюз вновь повторил:

— Никаких колебаний и отговорок ни от кого ни в каких случаях принимать не буду.

Затем главнокомандующий перешел к изложению сути дела. Но прежде нам следует сделать небольшое отступление.

До начала первой мировой войны считалось, что наилучшей формой достижения победы может быть обходной маневр. Предполагалось, что, сковав войска противника огнем по фронту и сосредоточив резервы на одном или обоих флангах, можно в подходящий момент обойти противника, принудив к отступлению, а то и окружить его. Отсюда и преувеличенная, часто паническая боязнь большинства русских генералов (а также и австрийских, французских, английских, в меньшей мере — германских), боязнь «потерять фланг», что затрудняло им решительные действия и парализовало, как показал опыт, их активность.

Другой довоенной аксиомой считалась невозможность якобы атаковать противника фронтально, так как благодаря возросшей силе огня обороняющейся стороны фронтальный удар, несомненно, сопрягался с большими потерями и часто делался совсем невозможным. Так предписывала теория, но практика дала другие образцы.

Довольно скоро после начала войны миллионные армии сражающихся сторон, зарывшись в землю, создали сплошной фронт, что исключало возможность фланговых маршей, обходов: флангов как таковых не было. Оставалось только одно — прорывать сильно укрепленные позиции, нанося именно фронтальные удары. Для этого в избранном месте сосредоточивалось по возможности большее число артиллерийских орудий, желательно — тяжелых, вплоть до 12-дюймовых, и сильные пехотные резервы: чем больше, тем лучше. Следовала артиллерийская подготовка, длившаяся часто по нескольку дней. Артиллерия должна была по идее уничтожить проволочные заграждения и подавить огонь вражеской пехоты, если не уничтожить ее полностью в окопах. Затем начиналась

атака пехоты, поддержанная артиллерийским огнем, и если обработка вражеских окопов была достаточно сокрушительной, то, рассуждали теоретики, неизбежно последует прорыв вражеской обороны. Должен последовать, но не следовал!

Не говоря уже о попытках прорыва фронта австро-германцев русскими войсками (попытки эти всегда были плохо подготовлены и не обеспечены материально), не удавалось успешно наступать как союзникам России, так и противникам.

Шесть дней, с 9 по 15 мая (н. ст.) 1915 года, бомбардировали позиции немцев французы в Артуа, севернее Арраса, а когда их пехота пошла в атаку, то сумела углубиться… на два километра! Фронт прорвать не удалось, несмотря на немалые потери.

С 22 по 25 сентября (н. ст.) 1915 года в Шампани молотили землю французские пушки, когда же пехота попробовала атаковать, то за два дня продвинулась на 2–4 километра, овладела первой позицией германцев — и остановилась!

Десять месяцев (с февраля по декабрь 1916 года) продолжалась «мясорубка» под Верденом, были уничтожены и искалечены с обеих сторон многие сотни тысяч людей — и прорыва фронта не последовало!

Единственным успешным примером применения этой методы можно считать уже описанный нами Горлицкий прорыв, вызвавший отступление русской армии. Но этот успех германо-австрийских войск явно не типичен: уж в очень тяжелых условиях находилась тогда русская армия. В тех же случаях, когда имелось хотя бы приблизительное равенство сил и обороняющейся стороной принимались соответствующие меры, прорыва фронта достигнуть не удавалось.

Суть проблемы в том, что подготовку к «прогрызанию» фронта никак нельзя было скрыть от обороняющейся стороны: разведка, в особенности авиационная, немедленно сообщала, что в тот или иной пункт фронта движутся огромные колонны пехоты, концентрируется артиллерия, свозятся боеприпасы и т. д. Подготовительный период к наступлению длился, как правило, шесть-восемь недель. К моменту, когда противник наконец считал себя готовым, обороняющаяся сторона точно знала, в каком месте ждать нападения, и принимала соответствующие меры: стягивала к этому месту резервы и артиллерию. В результате пропадало превосходство нападающей стороны, и отразить удар тем или иным способом всегда удавалось.

Тем не менее подобный способ прорыва обороны противника в позиционной войне считался, по выражению Брусилова, «исключительно пригодным». Понимая всю недостаточность и ограниченность такого способа действий, русский военачальник

решил отойти от канона, и это, как мы увидим, принесло ему успех. Вот как он обосновывал свое решение перед командующими армиями 5 апреля: «Во избежание вышеуказанного важного неудобства я приказал не в одной, а во всех армиях вверенного мне фронта подготовить по одному ударному участку, а кроме того, в некоторых корпусах выбрать каждому свой ударный участок и на всех этих участках немедленно начать земляные работы в 20–30 местах, и даже перебежчики не будут в состоянии сообщить противнику ничего иного, как то, что на данном участке подготовляется атака. Таким образом, противник лишен возможности стягивать к одному месту все свои силы и не может знать, где будет ему наноситься главный удар. У меня было решено нанести главный удар в 8-й армии, направлением на Луцк, куда я и направлял мои главные резервы и артиллерию, но и остальные армии должны были наносить каждая хотя и второстепенные, но сильные удары, и, наконец, каждый корпус на какой-либо части своего боевого участка сосредоточивал возможно большую часть своей артиллерии и резервов, дабы сильнейшим образом притягивать на себя внимание противостоящих ему войск и прикрепить их к своему участку фронта».

Нельзя сказать, что избранный Брусиловым способ действий не имел недостатков, и главнокомандующий Юго-Западного фронта отчетливо сознавал это. Недостаток заключался в том, что Брусилов не мог сосредоточить на направлении главного удара такое количество сил и средств, которым он располагал бы, действуя по старой методе и атакуя врага лишь на одном участке. Но в том-то и состоит особенность выдающегося полководца и его отличие от рядовых военачальников, что он способен в определенных случаях руководствоваться не шаблоном, а соображениями, диктуемыми обстановкой и здравым смыслом.

Надо помнить, что на военном совете 1 апреля в Ставке Брусилову лишь условно было разрешено выбрать момент и атаковать врага; директивы Ставки от 11(24) апреля еще не имелось. Поэтому, когда главкоюз изложил

5 апреля своим командармам план действий, столь разительно отличавшийся от принятого шаблона, то они не могли не удивиться. Каледин, армии которого предстояло наносить главный удар, вновь стал сомневаться в успехе и даже сказал, что едва ли Луцкое направление выбрано правильно, так как именно здесь противник больше всего и укрепился.

Пришлось Брусилову вновь убеждать:

— Восьмую армию, Алексей Максимович, я только что вам сдал и неприятельский фронт там знаю лучше вас. Это

направление для главного удара избрано мною именно потому, что основная задача фронта — помочь наступлению Западного фронта, на который Ставка возлагает наибольшие надежды. 8-я армия примыкает к левому флангу Западного фронта и поэтому скорее всего поможет ему. Наступление в этом направлении весьма многообещающе, так как движение 4-го корпуса вдоль железной дороги Маневичи — Ковель, а ударной группы от Луцка на Ковель грозит противнику охватом, и он будет вынужден очистить без боя местность у Пинска и севернее…

Видя, однако, что Каледина не убедить, Брусилов применил еще раз крайнее средство:

— Если же вы, Алексей Максимович, не надеетесь на успех, то я готов перенести главный удар южнее, в 11-ю армию, с тем чтобы она наступала на Львовском направлении.

Устраниться от главной роли в предстоящей операции Каледин не захотел. Позднее он оправдывался перед главнокомандующим, что отказывался от главного удара из опасений за его успех и приложит все усилия для выполнения задачи. На это Брусилов отвечал:

— Не исключено, что на главном направлении мы и не достигнем успеха, но поскольку мы атакуем врага во многих местах, то успех непременно должен быть, и даже там, где мы его не ожидаем. Туда-то я и направлю резервы, там-то и буду развивать успех…

В этот же день командующие армиями Юго-Западного фронта получили письменный текст с указаниями главнокомандующего — у него все уже было продумано и выверено. На следующий день, 6(19) апреля, Брусилов распорядился принять к руководству указания по организации наступления, разительно отличавшиеся от инструкции того же назначения, изданной генералом Ивановым 26 января (8 февраля) 1916 года. 7(20) апреля была отдана директива о разработке и подготовке плана наступления. Поскольку эти документы не только определили характер подготовки операции на Юго-Западном фронте, но и ее исход, поскольку они наиболее четко обрисовывают нам систему полководческих взглядов и метод работы Брусилова, имеет смысл остановиться на них подробнее.

Документы предусматривали, что армии Юго-Западного фронта перейдут в решительное наступление для оказания помощи Западному фронту; формулировалась задача: «ближайшей целью предстоящих действий будет поставлено разбить живую силу противника и овладеть ныне занимаемыми им позициями». Как видим, далеко идущих целей командир своим войскам будто бы и не ставил. Атаку должен был

производить весь фронт, на всем его 450-километровом протяжении в междуречье Стыри и Прута. Как уже говорилось, главный удар наносился 8-й армией, в которую тут же, немедленно, распоряжением главкоюза передавались 46-й армейский корпус, 1-я кавалерийская дивизия из резерва и часть тяжелой артиллерии из 7-й армии. Три другие армии на направлениях, избранных командующими, должны были также атаковать противника, сообразуясь с собственными силами и средствами.

Всю подготовку Брусилов требовал вести по возможности скрытно: «К 28 апреля подготовка предстоящей атаки должна быть закончена, войска так сгруппированы, чтобы потребовалось не более недели поставить их окончательно на места для атаки. Заблаговременное и окончательное сосредоточение их нежелательно, дабы не обнаруживать противнику наших намерений». К 15(28) апреля Брусилов требовал от командующих армиями представить соображения по подготовке и организации наступления.

Не связывая инициативу командармов, предоставляя им возможность вырабатывать собственные, соответствующие обстановке решения, главнокомандующий в то же время очень конкретно определял способы составления планов армейских операций: «Атака должна быть проведена по строго обдуманному и рассчитанному плану, причем намеченный план разрабатывать в деталях не в кабинете по карте, а на месте показом, совместно с исполнителями атаки от пехоты и артиллерии». Требование отказаться от кабинетной разработки планов звучит ныне как курьезное, но, увы, такова была печальная действительность русской армии!

Особенно настаивал Брусилов на проведении атаки по возможности на всем фронте армии, вне зависимости от сил, которыми она располагает. Это означало, что не только в армии, но и в каждом корпусе предстояло наметить, подготовить и организовать атаку определенного участка фронта противника: «Только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы». В этой фраке и заключена основная идея наступления, организованного Брусиловым.

Главнокомандующий предлагал командармам точно указать, кто и где именно будет атаковать, какие для этого выделяются силы пехоты и артиллерии. В зависимости от этого следовало ставить задачи войскам, указать потребное количество снарядов и орудий, установить последовательность выполнения

артиллерийской подготовки, определить подчиненность артиллерийских групп и руководство огнем, тщательно организовать наблюдений и надежную связь. «Задачи как пехоте, так и артиллерии указывать точно и определенно, не допуская общих выражений, как-то: «обстрелять высоту 362», «перенести огонь на соседние участки» и т. д.». Детальность инструкции Брусилова, хорошая сама по себе, все же поразительная, если помнить, что адресована инструкция видным военачальникам русской армии (три полных генерала и генерал-лейтенант), людям, казалось бы, умудренным в ведении войны… Но Брусилов недавно имел случай убедиться в неуверенности своих командармов в успехе дела. Поэтому он и старался предусмотреть по возможности большее число случайностей, дать четкое направление атаки, ввести в нужное русло деятельность командармов.

Особый отдел инструкции уделялся артиллерийской атаке. В первую очередь Брусилов указывал на необходимость добиваться тесного взаимодействия пехоты и артиллерии. Общее управление артиллерийской атакой на конкретном участке предоставлялось начальнику, руководившему пехотной атакой в сфере непосредственного и личного наблюдения за боем. Если фронт атаки не допускал общего личного наблюдения за боем, то предписывалось создавать группы артиллерии, соответствовавшие по составу и силе задачам, поставленным пехоте этого участка. Для обеспечения постоянной и своевременной поддержки артиллерией наступающей пехоты часть легких батарей Брусилов предписывал подчинить непосредственно командирам пехотных полков, действовавших в первой линии. Располагать эти батареи следовало как можно ближе к противнику — не далее 2 верст от его позиций, причем наблюдатели от таких батарей должны были находиться при командирах передовых батальонов, чтобы обеспечить своевременную помощь артиллерии.

Брусилов четко разделял артиллерийскую атаку на два периода. В первом из них начальной задачей артиллерии было уничтожение проволочных заграждений противника: в трехполосной сети проволочных заграждений 350 фугасными гранатами легкой артиллерии (причем с дистанции не более 2 верст) можно проделать сквозной проход в 2 сажени шириной. Затем артиллерия, в том числе и тяжелая, должна разрушить неприятельские укрепления первой и второй линий; главное внимание обращалось на уничтожение пулеметных гнезд. При этом вместо практиковавшегося ранее ураганного огня тяжелой артиллерии на протяжении одного-двух часов при побатарейной

пристрелке Брусилов предписывал вести 15-20-минутный частый огонь из всех имевшихся для атаки орудий по данным пристрелки, произведенной отдельно для каждого орудия. Такой огонь давал гораздо лучшие результаты, чем при так называемом ураганном огне, да к тому же экономил тяжелые снаряды: их было все еще недостаточно.

После того как пехота двинулась на штурм, тяжелая и мортирная артиллерия должна перенести огонь на места скопления резервов противника, на укрепления его, примыкающие с флангов к атакуемому участку, на третью линию обороны противника, если она есть. Пушки, преимущественно 107-мм, должны начать обстрел артиллерии противника в случае недосягаемости ее для легкой артиллерии. Для этого и тяжелую артиллерию Брусилов предполагал размещать не далее 3–4 верст от передовых позиций врага. Легкая же артиллерия должна вести огонь по атакуемым позициям врага до предельной дистанции.

Когда пехота ворвется на вражескую позицию, часть легкой артиллерии образует для нее с фронта и флангов огневую завесу, в предвидении контратаки противника, и обеспечивает возможность закрепиться на захваченном участке, другая же часть легкой артиллерии действует против артиллерии противника. Если пехоте удастся овладеть первой и второй линиями неприятельских укреплений, часть тяжелой и мортирной артиллерии как можно быстрее следовало выдвигать вперед, с тем чтобы начать подготовку к овладению более глубокими неприятельскими линиями.

Очень важно следующее указание Брусилова: «Во второй период атаки необходимо, чтобы между первым ее актом и дальнейшим развитием прорыва неприятельской позиции не было большого промежутка, дабы противник не успел организовать новую оборону при сложившихся обстоятельствах». Именно наличие такого промежутка часто и было главной причиной того, что войскам не удавалось прорвать оборону противника.

Обращая внимание подчиненных на необходимость крепкой, непрерывной связи и взаимодействия пехоты с артиллерией, Брусилов в то же время считал возможным говорить о целесообразности артиллерийского огня: «Бесцельный артиллерийский огонь, в особенности ночной, безусловно запрещаю. Нужно помнить, что беспредельного количества огнестрельных припасов у нас нет, и, кроме того, нужно избегать чрезмерного изнашивания орудий. Дело не в ураганном огне, а в правильном и искусном управлении артиллерией и меткой ее стрельбе по точно и верно определенным задачам».

В этих указаниях Брусилова отразилось свойственное ему

стремление достичь действенности артиллерийского огня путем тщательной подготовки и целесообразного ведения огня по заданным участкам и пунктам. Несомненным теоретическим достижением в использовании артиллерии, подкрепленным практикой, было: 1) организация централизованного управления огнем артиллерии; 2) создание специальных групп, причем каждой группе ставилась конкретная задача; 3) установление тесной связи с пехотой. Артиллерия в войсках Юго-Западного фронта становилась весьма действенным средством, и заслуга главнокомандующего в том, несомненно, велика.

Не менее любопытны указания Брусилова по организации атаки пехоты. Фронт такой атаки он определял в ширину не менее 15–20 верст, чтобы средние атакующие части не страдали от флангового огня противника. Вообще же желательно фронт атаки расширять до 20–30 километров, если для этого достаточно сил. При фронте атаки в 15 верст наступать следовало одновременно двумя корпусами, усилив по возможности каждый из них бригадой. Тут же в указаниях давался и расчет: «Тогда, при этом соотношении, приняв полный штат дивизии в 15 тысяч винтовок, получаем 3½ человека на шаг, или, ведя атаку цепями и считая, для уменьшения потерь цепи, на человека два шага, мы можем располагать для атаки четырьмя последовательными волнами, и еще около половины всех сил останется в резервах дивизий и корпуса».

Атаковать пехота должна волнами цепей, идущими одна за другой, на дистанции в 150–200 шагов. Таких волн для главной атаки предписывалось образовывать не менее трех-четырех, имея, разумеется, за ними резервы для развития успеха или немедленного повторения атаки в случае ее неудачи.

Солдаты первой и второй волн снабжались гранатами и приспособлениями для разрушения проволочных заграждений. Во второй и третьей волнах тянули с собой пулеметы. Вторая волна должна пополнять потери первой, третья волна подпирает передние и служит их поддержкой, а четвертая является резервом командиров передовых полков.

Резервы начальников дивизий и командиров корпусов, не отставая, продвигаются за передними четырьмя волнами, готовые всегда продолжить атаку, поддержать передовые части, закрепить захваченные позиции или противодействовать неприятельским фланговым атакам.

Пехотная атака должна следовать непосредственно за артиллерийской подготовкой, без какого-либо перерыва между ними. Ворвавшись в первую линию, передовая пехотная волна не останавливается, а всеми способами спешит захватить вторую

линию окопов и закрепляется в ней. «Нужно иметь в виду, — писал Брусилов, — что наш противник нормально основывает всю силу своей обороны на второй линии окопов, и задержка на первой линии подвергает войска сосредоточенному огню противника. Закрепление же на первой линии и приспособление к обороне должно быть возложено на резервы».

Если же не удается взять подряд на плечах противника всю полосу укреплений, то дальнейшее преследование противника и атаку следующей, третьей линии надо возлагать на третью и четвертую волну пехоты, одновременно подводя из глубины резервы для поддержки атаки. При удаче прорыва должны создаться благоприятные условия для кавалерии. В составе Юго-Западного фронта ее было немало, и в указаниях Брусилова предусматривалось бросить ее в прорыв. Завершались указания Брусилова оптимистической нотой: «В общем атака укрепленной позиции в современной войне — операция трудная, искусная. Твердо уверен, что продолжительный боевой опыт будет нами использован полностью и что при предстоящем наступлении он будет нами применен в полной мере».

Столь подробно рассмотренные нами указания Брусилова неоспоримо свидетельствуют о глубоком понимании им характера современного боя и оригинальности разработанного решения. По оценке военных историков, намеченный Брусиловым метод прорыва обороны противника был новым шагом в военном искусстве. Теперь дело стало за тем, чтобы воплотить план в жизнь.

Требовалась тщательная подготовка. Предоставляя своим командармам возможность самостоятельной разработки плана армейской операции, Брусилов в то же время внимательнейшим образом следил за этой работой и вмешивался, когда бывал не согласен.

Оборонявшаяся на правом фланге 8-я армия состояла из 30, 39, 40, 8 и 32-го армейских корпусов, 4-го и 5-го кавалерийских корпусов. Как и было приказано, 14(27) апреля генерал-лейтенант Каледин направил в штаб фронта доклад с изложением плана. Он намеревался нанести главный удар силами 39, 40 и 8-го корпусов из района севернее Дубно в общем направлении на Луцк, имея задачу разбить живую силу противника и достичь реки Стырь.

Поскольку эта армия наносила главный удар, к плану ее операции Брусилов отнесся особо внимательно и уточнил решение командарма. 19 апреля (2 мая) Каледину было указано, что 30-й корпус, а также и 32-й обязательно должны действовать активно. Это замечание Каледин учел, так же как и другие.

14(27) апреля на утверждение командования Юго-Западного

фронта генерал от кавалерии Сахаров представил свой план. Оценивая соотношение сил на фронте не в пользу армии, командарм считал неизбежным ограничение задач армий тактическими рамками. Он намеревался нанести два встречных удара: один — 7-м, а другой — 6-м армейскими корпусами. На долю других корпусов армии — 17-го и 18-го — отводились энергичные «поиски разведывательными партиями».

Брусилов не был удовлетворен таким решением. 21 апреля (4 мая) В. Н. Клембовский, начальник штаба фронта, сообщил Сахарову главное возражение главнокомандующего: вместо одного более сильного удара намечены два слабых одинаковыми силами. Необходимо усилить 7-й корпус и наносить один удар. Возражал Брусилов и против «поисков»: «Некоторым участкам ставится задача «сковать противника смелыми поисками разведывательных партий». Такими средствами сковать нельзя».

Сахаров на следующий день ответил, что он сторонник нанесения противнику одного удара сосредоточенными силами, но считает такой способ действий в данном случае неподходящим. Подробно обосновав свое утверждение, Сахаров сообщал, что с единогласного мнения командиров корпусов и их начальников штабов «признано было отдать предпочтение ударным действиям в двух направлениях».

Видимо, аргументация Сахарова была убедительной, так как Брусилов не настаивал и прислушался к мнению подчиненного. 24 апреля Клембовский телеграфировал командарму-11: «Главкоюз высказал лишь свое мнение, не делая его обязательным и предоставляя способ выполнения вам, как лицу ответственному за результаты». Со своей стороны, Сахаров, хорошенько поразмыслив и убедившись, что недостаток артиллерии вынуждает его отказаться от нанесения двух ударов, 25 апреля (8 мая) сообщал уже о решении организовать один удар.

Через пять дней он доносил, что предполагает наступать силами 6-го корпуса в направлении на Красне — Львов. Несомненно, что удар в этом важном направлении вынудит противника держать здесь свои силы, скует их. 17, 7 и 18-й корпуса также получили задание вести наступательные действия.

Командующий 7-й армией генерал от инфантерии Щербачев, имея в своем распоряжении 22, 16, 2-й армейские корпуса, 2-й кавалерийский корпус и 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию, предполагал прорваться из района севернее Язловец в северо-западном направлении, действуя силами 2-го армейского корпуса и 3-й Туркестанской дивизии. План этот не встретил принципиальных возражений Брусилова. На рапорте Щербачева

от 13(26) апреля имеется помета главнокомандующего: «Считаю этот план вполне соответствующим по мысли и по силам, которые тут будут собраны. Прошу нач. штаба высказать свое мнение, так как мне эта местность мало знакома».

Клембовский еще раз доложил главнокомандующему свои соображения по плану 7-й армии, и Брусилов велел передать командарму, что считает необходимым обеспечить ударную группировку от фланговых атак противника. Главкоюз предостерегал от повторения памятных ошибок, допущенных в этой армии в не столь отдаленном прошлом: «Является опасение, что вся тяжесть боя ляжет исключительно на 2-й корпус и 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию, то есть повторится то, что было в декабре прошлого года. «Усиленные действия передовых частей 16-го и 22-го корпусов против передовых укреплений неприятеля на их фронте» в действительности сведутся к огневому бою, которым противника не надуешь и к месту не прикуешь. Необходимо более энергичное наступление и этих корпусов».

Видимо, Брусилов хорошо представлял слабость командарма-7, так как не ограничился письменными распоряжениями, а послал вскоре генерал-квартирмейстера фронта М. К. Дитерихса в расположение 2-го корпуса для ознакомления на месте с планом операции и ходом ее подготовки. Генерал-квартирмейстер выяснил, что и место, избранное для атаки, и подготовка к ней оставляли много неясностей и сомнений. 7(20) мая после доклада Дитерихса Брусилов сообщал Щербачеву, что, «не предполагая вмешиваться и давать указания по частностям производства операции», считает необходимым высказать некоторые свои впечатления от доклада.

Впечатления эти были не совсем приятными для генерала Щербачева; приведя свои замечания, Брусилов заканчивал: «Изложенное вынуждает меня просить ваше высокопревосходительство обратить внимание исполнителей на необходимость еще раз дополнительными разведками и изучениями свойств позиции противника проверить как указанные выше выгоды, так и свои соображения по намеченному плану атаки, дабы провести ее при возможных наивыгоднейших условиях, особенно принимая во внимание ограниченность средств, которыми мы располагаем для ее выполнения».

Поскольку успех на крайне левом фланге фронта мог иметь серьезные внешнеполитические последствия — побудить Румынию выступить на стороне Антанты[20], — Брусилов особо внимательно знакомился с планом наступления 9-й армии. 14(27)

апреля (как видим, командармы у Брусилова были пунктуальны) в штаб фронта был представлен очень подробный план действий 9-й армии, составленный после тщательной рекогносцировки местности и позиций австрийцев. Генерал от инфантерии Лечицкий считал, что главный удар целесообразнее нанести южнее реки Днестр, так как даже небольшое продвижение русских войск угрожало здесь важнейшему железнодорожному узлу — Черновцам.

Располагая 33, 41 и 11-м армейскими корпусами, сводным корпусом и 3-м конным, генерал Лечицкий довольно пессимистично смотрел на имевшиеся у него возможности к наступлению. По его подсчетам, на фронте в 100 верст русские войска имели 9 пехотных и 4 кавалерийские дивизии общей численностью в 135 тысяч штыков и 17 тысяч шашек. Силы противника исчислялись Лечицким в 8½ пехотных дивизий и 4 кавалерийские — всего 98 тысяч штыков и 8 тысяч сабель. Такое соотношение казалось командарму-9 недостаточным, и он утверждал: «Вряд ли представится возможным нанести противнику такой удар, который имел бы серьезное стратегическое значение; вернее, мы можем рассчитывать лишь на некоторый тактический успех». Утверждение это, как мы увидим далее, оказалось поверхностным.

Очевидно, Брусилов видел это, потому что рядом с приведенным расчетом из рапорта Лечицкого он сделал свой собственный: «У нас: 37000 пехоты + 9000 шашек — считаю, превосходство сил приличное. Протяжение фронта в 100 верст — более невыгодное для противника, численно более слабого и атакуемого нами». Рядом с процитированной фразой из рапорта Лечицкого имеется еще более тонкое замечание Брусилова: «Заранее предрешать, будет ли удар серьезным или нет, — нежелательно. Лишь бы удар был правильно подготовлен, правильно нанесен и успех от сердца использован кавалерией. Не всегда численное превосходство решает дело, умение и счастье — элементы серьезные».

Рапорт Лечицкого был внимательно прочитан главнокомандующим и испещрен пометами. Против того места, где командарм-9 сообщал, что для отвлечения внимания противника от места главной атаки им предписывается на остальных участках проявлять полную активность, атакуя наиболее выгодные пункты, Брусилов написал: «Прекрасно. Это безусловно необходимо». В другом пункте рапорта Лечицкого говорилось, что для противодействия возможному наступлению неприятеля вне фронта главной атаки он приказал на этих участках вести непрерывную работу по усилению укреплений.

Брусилов сделал помету: «Отлично. Жаль, что за всю зиму это еще не было сделано». С одобрением он воспринял сообщение Лечицкого о мерах по сближению с окопами противника и проведению перегруппировки войск. «Не следует терять времени», — записал Брусилов.

Не лишено интереса замечание Брусилова о расходе боеприпасов. Лечицкий подсчитал, что для проведения операции армии потребуется 78 тысяч бомб для тяжелой артиллерии и 500 тысяч снарядов для легкой. На это главнокомандующий заметил: «Расчет снарядов теоретически верный, но на практике неприменим по двум причинам: 1) такого количества снарядов у нас не будет ни для тяжелой, ни для легкой артиллерии; 2) если бы даже и было такое обилие снарядов, то их все-таки нельзя было бы выпустить, потому что орудия такого числа выстрелов выдержать не могут, они и теперь значительно изношены, заменить их можно лишь постепенно и в незначительном количестве, а ведь этим одним ударом кампания не закончится; 3) снаряды будут отпущены армии в том количестве, в каком это окажется возможным сразу, а уж армия должна рассчитать свою артиллерийскую атаку, сообразуясь с имеющимися в ее распоряжении огнестрельными припасами. Другого выхода нет».

Да, и на этот раз операция должна была проводиться при недостатке не только артиллерийских снарядов, но и ружейных патронов, хотя этот недостаток был далеко не столь катастрофичен, как год назад. И все же против пожелания Лечицкого иметь к операции 20 миллионов патронов Брусилов написал: «20 млн. патронов, безусловно, не будет, отпустится все, что возможно, но в значительно меньшем количестве, и подобного запаса образовать не будет возможности».

Естественно, что наибольшее внимание Брусилова в рапорте командарма-9 привлек выбор участка прорыва. Лечицкий предполагал подготовить к атаке два участка, чтобы затем, по обстановке, избрать наиболее подходящий. С этим главнокомандующий не согласился, и суждения его носили на этот раз категорический характер: «Согласиться не могу на выбор двух участков. Нужно решиться на один какой-либо. Указываю на участок Онут — Доброновце как наиболее выгодный. Дороги поправить во что бы то ни стало. Штабу фронта помочь. Бесповоротно подготовить удар на этом участке, невзирая на погоду. Дороги должны быть и будут поправлены. Надеюсь на энергию штаба 9-й армии».

Еще одна помета Брусилова на этом рапорте свидетельствовала, что он внимательно следил не только за выбором участка для атаки, но и за кандидатурами командиров

соединений, на которых возлагались важнейшие задачи. Лечицкий решил назначить в ударную группу 11-й корпус. Брусилов отмечает: «При всех своих достоинствах командир 11-го арм. корпуса очень горяч и бывает суетлив. Требуется ему внушить полное спокойствие и непрерывное упорство во что бы то ни стало сломить врага. Атака должна вестись грамотно, правильно, систематически и бесповоротно твердо». Значение этого замечания читатель сможет оценить, если узнает, что в данном случае речь шла об особе из императорской фамилии: 11-м корпусом командовал великий князь Михаил Александрович, родной брат царя.

Пока генералы прикидывали и примеривались, как взяться за дело, на передовой царила тишина. Войска зарылись в землю: тысячи верст окопов, ходов сообщения во всех направлениях изрыли поля и леса России. Тихо на позициях, и человек, ничего не знавший о войне и неожиданно попавший на ничейную землю, не сразу бы и понял, где он находится: даже самый зоркий взгляд не обнаружил бы нигде присутствия войск. А между тем всего на расстоянии нескольких сот шагов друг от друга, за козырьками окопов, в блиндажах и землянках шла размеренная и обыденная жизнь. В то же время тысячи глаз пристально, до боли вглядывались во вражеские позиции — не последует ли атака. И лишь где-нибудь кто-нибудь шевельнется, двинется — застрочат пулеметы, с воем полетят снаряды… Но это бывает редко, тихо на позициях. Изредка покажется аэроплан, но, когда станут рваться в небе облачка шрапнели, поторопится исчезнуть. Фронт застыл, и нет, кажется, силы, которая могла бы его сдвинуть…

Теперь, когда план, исключающий случайность, определен — его надо осуществить. И на Юго-Западном фронте началась невиданная дотоле в русской армии подготовка к наступлению. Она в целом свелась: 1) к тщательному изучению начальствующим составом местности, на которой частям предстояло наступать; 2) к инженерной подготовке участков атаки; 3) к выработке детального плана действий артиллерии, и 4) к обучению войск техническим приемам атаки.

В армиях и корпусах фронт предстоящей атаки разбили на участки. На каждый участок назначили офицеров Генерального штаба, в обязанности которых входило сводить, проверять и наносить на схемы все, что обнаружила войсковая разведка. Целыми днями сидели в передовых окопах наблюдатели, всматривались в австрийские позиции, и на картах один за другим появлялись пулеметные гнезда, блиндажи. Со знаменитых тяжелых русских самолетов «Илья Муромец» делалась аэрофотосъемка. В результате появилась возможность точно

нанести на карты атакуемый и смежные участки позиций австрийцев со всеми пулеметными гнездами. Схемы атакуемых участков в масштабе 250 сажен в дюйме получил весь командный состав, вплоть до командиров рот включительно.

Как выяснилось, оборона противника была мощной. Девять месяцев австро-венгерские войска работали над ее совершенствованием, использовав различные технические средства. Перед каждой укрепленной полосой было устроено непроходимое проволочное заграждение, состоявшее из 19–21 ряда кольев. Иногда таких заграждений было несколько, в 20–50 шагах друг от друга. Некоторые ряды были оплетены такой толстой проволокой, что ее невозможно было резать даже специальными ножницами; кое-где по проволоке шёл электрический ток высокого напряжения, во многих местах перед заграждениями австрийцы заложили самовзрывающиеся фугасы.

На всем протяжении фронта протянулись две-три укрепленных полосы, на расстоянии в 3–5 верст друг от друга. Каждая полоса глубиною до 4 верст включала в себя две-три линии окопов полного профиля, везде в изобилии были сооружены тяжелые блиндажи, убежища, лисьи норы, гнезда для пулеметов, бойницы, козырьки, прорыта система ходов сообщения для связи с тылами. В окопах много пулеметов, траншейных пушек, бомбометов и огромный запас боеприпасов.

Впоследствии, когда русская пехота взяла эти окопы, с удивлением и даже оттенком зависти (вот, мол, проклятый немец, даже и на войне устроиться сумел!) рассматривали русские офицеры и солдаты жилища врага: стены были обиты досками, вставлены застекленные рамы. Для начальствующих лиц были сделаны квартиры из трех-четырех комнат с кухней. В офицерских землянках на подоконниках стояли цветы, стены оклеены обоями, полы покрыты линолеумом. Кровати, пуховики, мягкая мебель, письменные столы, умывальники, картины, зеркала — роскошь, невиданная в русских окопах.

Надо отдать должное врагу — он хорошо подготовился и чувствовал себя за укреплениями очень спокойно. Однако напрасно: не бывает неприступных позиций, и солдаты Брусилова это доказали.

Но для этого им пришлось постараться. Тщательно выбирались и оборудовались огневые позиции и наблюдательные пункты артиллерии. Детально разрабатывались планы стрельбы. На все периоды боя каждой батарее были известны все цели, которые ей предстояло обстреливать.

По ночам в заранее намеченных местах саперы рыли укрытия, укрепляли их бревнами, мешками с песком. К рассвету все работы

прекращались, и даже снабженный «цейсом» австрийский офицер-наблюдатель не мог обнаружить замаскированные дерном и ветвями орудийные блиндажи. Орудия же оставались в тылу, в лесах; лишь в последнюю ночь перед атакой они появились на позициях, и ни агентура врага, ни полеты «таубе» и «альбатросов» не помогли австрийскому командованию выявить истинное положение дел. Русская артиллерия приготовилась проложить пехоте путь.

Пехотинцы тоже не покладали рук: по ночам, когда смолкала перестрелка, они лихорадочно рыли инженерные плацдармы, стремясь как можно ближе подобраться к окопам противника. К 15(28) мая расстояние между окопами повсюду не превышало 400 шагов, а позже кое-где удалось приблизиться к австрийцам на 150–200 шагов. Это расстояние, если потребуется, можно пробежать за минуту-полторы… Инженерным обеспечением атаки руководил генерал-лейтенант К. И. Величко; он во многом помог Брусилову советами, и главкоюз очень высоко ценил работу крупнейшего русского военного инженера.

В тылу обучались войска: были построены участки позиций, подобные австрийским, и здесь пехота и артиллерия тренировались в технике совместных действий при прорыве. Солдат обучали метанию ручных гранат, преодолению проволочных заграждений, захвату и закреплению участков позиций.

Подготовка к операции была образцовой. Как и намечал Брусилов, к 10(23) мая войска в основном ее завершили.

За день до этого срока Брусилов в Бендерах вновь встречал царя. По пути в Одессу, куда Николай II следовал всей семьей — с императрицей, наследником и четырьмя дочерьми, царь собирался осмотреть дивизию, только что сформированную из военнопленных сербов. Смотр прошел хорошо, дивизия (около 10 тысяч человек) понравилась.

Из Бендер Брусилов поехал в Одессу. Так как главкоюзу надлежало присутствовать при встрече в Одессе, а вагон его нельзя было прицепить к царскому поезду, то ехал он в одном купе с дворцовым комендантом Воейковым. И здесь, в поезде, и в последующие дни в Одессе главнокомандующему фронта думалось только об одном: как его войска готовятся к наступлению? Тем более досадно и обидно было ему, что царь, верховный главнокомандующий армии страны, которая, как мы теперь знаем, стояла на грани катастрофы, практически не занимался военными делами. Это бросилось в глаза Брусилову еще на Военном совете 1 апреля, во время же поездки в Одессу стало особенно явным. С царем не было офицеров Генерального

штаба, с которыми можно было бы посоветоваться по военным делам, и единственная связь верховного главнокомандующего с фронтом заключалась в том, что по вечерам он получал сводку сведений о происшествиях на фронте. Как узнал Брусилов, и в Ставке царь крайне мало занимался управлением войсками, главным образом оно заключалось в том, что в 11 часов утра он выслушивал доклад начальника штаба и генерал-квартирмейстера о положении на фронте.

В Ставке царю было просто скучно. Поэтому он и разъезжал по стране — то в Царское Село, то на фронты, а теперь вот вез семью в Одессу и Крым. Несколько дней Брусилов имел честь завтракать за царским столом, между двумя царевнами. Царица к столу не выходила, но на второй день, уже в Одессе, Брусилова пригласили в ее вагон.

Черты лица Александры Федоровны Романовой (в девичестве — Алисы Гессенской) были правильными, но неподвижными, неменяющимися, и потому лицо не оставляло впечатления красивого и привлекательного. Говорила царица по-русски свободно, но несколько напряженно, как говорят иностранцы. Приняла Брусилова она сдержанно, и уже один из первых вопросов заставил генерала насторожиться:

— Готовы ли ваши войска наступать? — проявила императрица неожиданный интерес к военным делам. Подготовка операции велась в строжайшей тайне, и лишь предельно ограниченный круг лиц знал о времени ее начала. Поэтому Брусилов ответил очень сдержанно:

— Еще не вполне, ваше императорское величество, но рассчитываю, что в этом году мы разобьем врага.

Но царица задала второй вопрос на ту же щекотливую тему:

— Когда вы думаете перейти в наступление?

Это еще более встревожило Брусилова, и ответ был откровенно уклончивым:

— Пока мне это неизвестно, это зависит от обстановки, которая быстро меняется, ваше величество. — И чтобы прекратить нежелательный разговор, тут же добавил: — Такие сведения настолько секретны, что я их и сам не помню…

Надо объяснить причину осторожности Брусилова. Буквально вся страна, от неграмотных крестьян до высокопросвещенных интеллигентов, шепотом, а иногда (все чаще) и вслух говорила, что царица, немка по происхождению, окружена немцами, что измена свила гнездо в самом царском дворце, что в Берлине назавтра же знают все планы русской Ставки, что идут уже тайные переговоры о сепаратном мире с Германией… Эти слухи, позорящие царскую семью, с удовольствием повторяли и

распространяли буржуазные деятели, мечтавшие о приходе к власти. Вскоре они, в лице П. Н. Милюкова, заговорили об этом и с думской трибуны…

Главнокомандующий Юго-Западного фронта, опытный и умный человек, монархист по убеждениям, не мог верить и не верил этим слухам. Ныне мы знаем, что за шесть с лишним десятилетий, прошедших с того времени, историкам (советским и зарубежным) при всем старании не удалось обнаружить никаких данных, подтверждающих хоть в малейшей степени как разговоры об измене царицы, так и слухи о намерении заключить сепаратный мир с Германией. Но доподлинно было известно уже тогда и не подлежит никакому сомнению ныне, что на царицу имел абсолютное, мистическое влияние Григорий Распутин. Царица ничего не скрывала от «старца», а вокруг него собрались самые темные и гнусные личности, от которых следовало ожидать всего, в том числе и шпионажа. Цепочка могла быть очень длинной: царица, искренне — Распутину, «старец», уже из собственных расчетов — своему секретарю Арону Симановичу, этот оборотистый молодой человек, по долгу службы — известному проходимцу и аферисту Митьке Рубинштейну, который снабжал «старца» деньгами и тем самым держал могущественного царского фаворита в узде.

А дальше — разливанное море самых подозрительных лиц, среди которых не последними были сионисты и масоны, имевшие и во время войны устойчивые связи с Германией. Вот почему Брусилов, даже и не будучи в курсе всех подробностей, ставших известными много позднее, воздержался от прямого ответа императрице. И уже сам этот факт наглядно характеризует атмосферу, господствовавшую в верхах Российской империи.

Царица изменила тему разговора, но тон его оставался напряженным. Брусилов писал позднее, что никогда «не мог понять, за что императрица меня так сильно не любила. Она ведь должна была видеть, как я неутомимо работал на пользу родине, следовательно, в то же время во славу ее мужа и ее сына. Я был слишком далек от двора, так что никакого повода к личной антипатии подать не мог».

Правда, по его приказу была арестована группа киевских сахарозаводчиков (Бабушкин, Добрый и Хепнер), которые во время войны нажили миллионы на снабжении противника русским сахаром. Все трое были приговорены военно-полевым судом к смертной казни через повешение. Сахарозаводчики, как и пресловутый банкир Д. Л. Рубинштейн, за подобные же коммерческие операции приговоренный к виселице, обратились к всесильному Распутину. Рубинштейн заплатил Распутину за свое

освобождение 100 тысяч рублей. Сахарозаводчики, видимо, не меньше, поскольку даже Распутину освободить их оказалось не так-то просто, хотя в дело вмешалась царица. И все-таки Бабушкин, Добрый и Хепнер ушли от петли. Сам Николай II повелел передать их дело из военного судопроизводства в гражданское.

В последний раз Брусилов видел императрицу. На прощание она подарила генералу образок святого Николая-чудотворца. С образком вскоре же произошла странная вещь: эмалевое изображение лика святого стерлось, и осталась одна серебряная пластинка. При склонности Брусилова к мистицизму это можно было истолковать только так: дар был сделан не от чистого сердца…

Как уже сказано, к 10 мая войска Брусилова были готовы наступать. Но этого не знал противник. Немцы сняли немало дивизий и перебросили их на Запад, где продолжалось Верденское сражение. В свою очередь, австро-венгерское командование, будучи уверено в мощи своих укреплений и небоеспособности русских войск, отправило на итальянский фронт высвободившиеся дивизии, намереваясь разгромить итальянскую армию. Это австрийцам почти удалось: когда 2(15) мая они атаковали позиции итальянских войск под Трентино, те не смогли устоять, понесли большие потери, стали отступать и вскоре побежали в панике.

Где искать помощи? Этот вопрос итальянское правительство решило просто: сначала его представители обратились в главную квартиру французской армии с просьбой… повлиять на русское командование и заставить его немедленно наступать, чтобы отвлечь австрийские войска. Затем итальянские представители стали бомбардировать русскую Ставку, категорически требуя наступления. До какой степени бесцеремонны были эти требования, можно понять из телеграммы итальянцев Алексееву от 12(25) мая: «Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает (настаивает! — *С. С.*) на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте…»

Готовы или нет русские войска, есть ли у русского командования свои соображения — союзников не интересовало, скорее, скорее наступайте, а если при этом бессмысленно, бесполезно будут гибнуть русские солдаты, пензенские, тамбовские, рязанские, сибирские мужики, — ничего страшного, ведь их так много! Наконец итальянский король обратился с личной просьбой к царю, и русское командование, хоть и без особого удовольствия, вновь (в который раз!) пошло навстречу

союзникам.

Беда, однако, заключалась в том, что Северный и Западный фронты к наступлению готовы не были и их главнокомандующие не проявили желания поторапливаться. 11(24) мая Брусилов получил телеграмму наштаверха, в которой Алексеев, сообщая о неудачах итальянцев и их требованиях, просил главнокомандующего Юго-Западного фронта «спешно уведомить, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для производства атаки австрийцев по намеченному плану, какое содействие было бы вам необходимо получить, дабы дать надлежащее развитие удару». Алексеев также просил ускорить подготовку к переходу в наступление.

В тот же день из Бердичева в Ставку был дан ответ: «Артиллерийскую атаку начну 19 мая. Признаю необходимым 126-ю дивизию перевезти в Ровно на усиление 8-й армии. Для развития удара необходим один корпус из состава других фронтов, который прошу направить в Проскуров, откуда двину его в зависимости от обстоятельств. Безусловно необходимы патроны к русским винтовкам, не считая обещанных, но еще не высланных, 20 млн., высылку коих прошу ускорить. Крайне желателен дополнительный отпуск мортирных и шестидюймовых полевых и крепостных гаубичных. Равно прошу немедленной перевозки 33-го мортирного дивизиона с Северного фронта».

На следующий день Алексеев сообщил Брусилову, что соглашается на передачу 33-го мортирного дивизиона, обещал выделить дополнительно 10 миллионов патронов, но отказывался усилить фронт армейским корпусом и отпустить дополнительно тяжелые снаряды. Требование ускорить переход в наступление, телеграфировал Алексеев, не означает изменения сути решений Военного совета 1 апреля. «Следовательно, Юго-Западный фронт будет выполнять вспомогательную атаку, план которой нужно сообразовать с наличными силами фронта». Тут же делалась попытка изменить план операции, разработанный Брусиловым: ему рекомендовалось атаковать только одной 8-й армией.

Эта телеграмма Алексеева явно противоречила предыдущей, что Брусилов и отметил в своем ответе в Ставку 13(26) мая. «О присылке одного корпуса просил, — телеграфировал Брусилов, — как ввиду установленного еще 1 апреля соотношения сил, значительно более выгодного для нас на Северном и Западном фронтах, чем на Юго-Западном, так отчасти и вследствие запроса вашего, «какое содействие было 'бы вам необходимо получить, дабы дать надлежащее развитие удару». Брусилов решительно отклонил предложение ограничиться ударом только 8-й армии.

Видимо, после более тщательного анализа обстановки Ставка

решила удовлетворить просьбу Брусилова. 18(31) мая Алексеев отдал директиву, в которой сообщалось о передаче 5-го Сибирского корпуса с Северного фронта в состав Юго-Западного фронта. Но директива явно не учитывала обстановку и сохраняла в силе решение, принятое 1 апреля, лишь несколько видоизменяя его. Главный удар по-прежнему наносили войска Западного фронта, на долю Юго-Западного выпадало нанесение «вспомогательного, но сильного удара», и, наконец, Северный фронт «привлекает к себе внимание демонстративными действиями» — Куропаткин все-таки добился своего. Юго-Западному фронту предстояло открыть кампанию 22 мая (4 июня), Западный же фронт начинал неделей позднее, и, как увидим, срок этот не был выдержан.

В Ставке, видимо, сомневались и в плане, избранном Брусиловым, и в возможности его осуществления. 19 мая (1 июня) Алексеев вновь телеграфировал Брусилову свои соображения по этому поводу и отстаивал привычный способ прорыва фронта: «Мое глубокое убеждение сводится к повелительной необходимости собрать на одном избранном участке подавляющую живую силу и наши скромные боевые средства, не разбрасывая последние по всему фронту. Демонстрации будет достаточно для удержания противника…» Алексеев подчеркивал, что настаивает только ради успеха дела.

Но именно ради успеха стоял на своем и Брусилов. В 12 часов дня 20 мая (2 июня) он отдал своим командармам приказ начать артиллерийскую атаку на рассвете 22 мая. Спустя два часа он отвечал Алексееву: «Считаю существенно необходимым нанесение частных, хотя бы слабых ударов на фронтах всех армий, не ограничиваясь поисками, не могущими сковать резервы противника: противник теряется, не будучи в состоянии определить направление главной атаки. Достигается также моральный эффект, важный при действии против австрийцев… Ходатайствую усердно не отлагать атаки, все готово, каждый потерянный день ведет к усилению противника, нервирует войска…»

Уже по этой части переписки, телеграмм и разговоров, которыми Брусилов обменивался с начальством по вопросу о плане наступления, читатель может представить, сколько усилий стоило главнокомандующему фронта, чтобы защитить свое мнение. Брусилов был уверен в успехе и в то же время не сомневался в провале наступления, начнись оно по старой методе. Можно сказать, что эти переговоры раздражали его, и он торопился начать наступление.

Но вечером 21 мая Алексеев вновь пригласил главкоюза к

прямому проводу и стал убеждать его отказаться от плана, отложить атаку на несколько дней, с тем чтобы сконцентрировать все силы на одном участке. По словам Алексеева, он делал это предложение по желанию царя. Брусилов был убежден, что царь тут ни при чем, а изменения плана добивался сам Алексеев, и резко отвечал:

«Изменить мой план не считаю возможным, и если это мне категорически приказывают, то прошу меня сменить. Откладывать день наступления также не нахожу возможным, ибо все войска заняли исходное положение для атаки, и, пока мои распоряжения об отмене дойдут да фронта, артиллерийская подготовка уже начнется. Кроме того, обращаю ваше внимание на то, что войска при частых отменах приказаний неизбежно теряют доверие к своим начальникам. А посему, — повторил он, — прошу меня сменить».

Алексеев отвечал, что царь уже лег спать, будить его неудобно и поэтому просит Брусилова подумать. Но Брусилова, как говорится, понесло, он разозлился:

«Сон верховного главнокомандующего меня не касается, речь идет о судьбах всей кампании, и думать мне нечего. Прошу дать ответ сейчас».

На телеграфной ленте побежали знаки: «Ну, бог с вами, делайте, как знаете, а я о нашем разговоре доложу государю императору завтра…»

Брусилов отстоял свой план, теперь дело было за войсками.

К началу операции соотношение сил на Юго-Западном фронте было следующим[21]:

Дивизии:
Пехота — 40,5 / 39
Кавалерия — 15 / 10
Штыки и сабли:
Штыки — 573307 / 448140
Сабли — 60036 / 27300
Орудия:
Легкие — 1770 / 1301
Тяжелые — 168 / 545

Анализ соотношения сил показывает, что войска Юго-Западного фронта имели незначительное превосходство над австро-венгерскими войсками: в пехоте — в 1,3 раза, в артиллерии — всего в 1,1 раза, в тяжелой артиллерии трехкратное преимущество оказалось на стороне противника. Правда, значительное превосходство в людях удалось создать на участках главного удара — в 2–2,5 раза, — но превосходство в артиллерии и тут не было подавляющим — всего в 1,5–1,7 раза.

Нельзя сказать, что австрийцы оставались в полном неведении о готовящемся русском наступлении. В общих чертах им была известна группировка русских, имелись сведения и о дне наступления. Но австро-венгерское командование, убежденное в полной небоеспособности русских войск после поражений 1915 года, игнорировало назревавшую угрозу. Поэтому мощное и успешное наступление русских поразило австро-германских стратегов, по словам генерала Фалькенгайна, «как гром среди ясного неба».

На рассвете теплого летнего утра 22 мая (4 июня) 1916 года на австрийские окопы обрушился град снарядов. В считанные секунды пропал покой позиционной войны; ад, кромешный ад воцарился над окопами. Ходуном ходила земля. С воем и свистом летели снаряды трехдюймовок, с глухим стоном — тяжелые.

Но то было лишь начало — пристрелка. В шесть утра артиллерия перешла на поражение. Страшный порядок установился над полем боя: каждые шесть минут каждое тяжелое орудие посылало в окопы врага «чемодан», раз в три минуты стреляли мортиры и пушки. Спустя час скорость стрельбы возросла: тяжелые орудия били теперь с промежутками в две с половиной минуты, а легкие — в две минуты. Затем интенсивность огня усилилась. Тучи пыли и дыма стояли над окопами врага, там рушились убежища и блиндажи, сметались заграждения и брустверы. При попаданиях тяжелых бомб во вражеские укрытия в воздух взлетали бревна, камни… Ошеломленные, оглушенные, отсиживались в убежищах австрийские солдаты и офицеры, а над ними с ужасающей методичностью летели русские снаряды. Две минуты — снаряд полевой пушки, две с половиной минуты — «чемодан», и каждый в заранее намеченную цель…

Внезапно — тишина; с облегчением спешили в окопы австрийцы: сейчас русские пойдут в атаку, но пулеметы у нас еще есть, и не так страшна атака, как этот огонь артиллерии! Только заняли окопы — вновь истребительный огонь русской артиллерии. Оставляя убитых, с проклятьями кинулись в убежище враги.

В 10 утра, казалось, русская артиллерия перенесла огонь вглубь. Ну, теперь-то наверняка последует атака; залегли у пулеметов австрийские пулеметчики, ждут стрелки… Но проходит четверть часа — и еще страшнее задрожала земля, еще чаще рвутся снаряды, сплошной гром разрывов над окопами. Теперь тяжелые орудия били через каждые две минуты, а легкие — каждые 60 секунд…

От 8 часов до двух суток продолжалась артиллерийская

подготовка на разных участках фронта. В ряде мест австрийская пехота не выдержала, бросила первую линию окопов, и ее захватили русские разведчики. Всюду были проделаны широкие проходы в заграждениях, разрушена вражеская система огня. Русская артиллерия, не жалевшая снарядов, добилась исключительных результатов.

Известно, как действует сокрушительный артиллерийский огонь на солдат, подвергающихся обстрелу. Известно также, что такой огонь поднимает дух атакующих. Как дети, радовались русские солдаты, глядя на работу артиллеристов. Русская пехота пошла в атаку уверенно: и потому, что, сопровождая бросок товарищей, на врага продолжали лететь снаряды, и потому, что цепи шли в атаку в стальных касках, и потому, что все солдаты были снабжены противогазами, и потому, наконец, что вот отступали мы, отступали, а теперь наступаем!

Успех не замедлил прийти в первый же день. Начнем, как и ранее, с правого фланга. Главный удар наносился здесь. Атакующие корпуса 8-й армии к исходу дня 23 мая (5 июня) прорвали первую полосу обороны противника, в течение двух последующих дней преследовали его и 25 мая (7 июня) взяли город Луцк. Правда, правый фланг армии отстал, 48-й армейский и 4-й кавалерийский корпуса не смогли выполнить свои задачи.

Атака 6-го армейского корпуса в полосе 11-й армии была встречена артиллерийской контрподготовкой, атаками австрийской пехоты и успеха не имела. Зато 17-й корпус неожиданно продвинулся в районе Сопанова. Сказывалось предвидение Брусилова о последствиях наступления по всему фронту. Вскоре и на этом участке австрийцы начали настойчиво контратаковать.

2-й корпус 7-й армии в первый же день занял две-три линии окопов врага, а 25 мая, преследуя его, ворвался в Язловец. Австрийцы, потеряв много убитых и пленных, в панике отступали за реку Стрыпу.

Очень удачным было наступление и на крайне левом фланге, в 9-й армии. Здесь также были захвачены австрийские позиции, пленные, трофеи.

В итоге за первые три дня наступления войска Брусилова достигли крупного, уже забытого на русском фронте успеха. Особенно заметным он был в полосе 8-й армии: на направлении главного удара неприятельский фронт был прорван на протяжении 70–80 верст и в глубину на 25–30 верст. О таком размахе союзники России на Западном фронте и мечтать не могли. Уже к полудню 24 мая в плен было взято 900 австрийских офицеров и более 40 тысяч солдат, 77 орудий, 134 пулемета. С

каждым днем число пленных и трофеев возрастало.

Известие об успешном наступлении, предпринятом после стольких неудач, имело огромный отклик в стране. Брусилов вспоминал, что «все это время я получал сотни поздравительных и благодарственных телеграмм от самых разнообразных кругов русских людей. Все всколыхнулось. Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащаяся молодежь — все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они — русские люди и что сердце их бьется заодно с моей дорогой, окровавленной во имя родины, но победоносной армией. И это было мне поддержкой и великим утешением. Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией…».

Брусилову шли поздравительные телеграммы: от английского посла Бьюкенена, от земств, городов, союзов, общественных организаций, съездов духовенства, железнодорожных служащих, казачьих станиц, предводителей дворянства, учащихся, рабочих различных предприятий. Главнокомандующий французской армии Жоффр телеграфировал: «Вся французская армия ликует по поводу победы доблестной русской армии…» Одной из первых поступила телеграмма с Кавказа от великого князя Николая Николаевича: «Поздравляю, целую, обнимаю, благословляю». Но только через несколько дней пришла телеграмма от царя, и была она сухой и казенной…

Первый успех был важен и потому, что он существенно отразился на боевом духе войск: пусть ненадолго, на два-три месяца, но солдаты и офицеры вновь поверили в свои силы, в возможность бить врага.

В памяти солдат и офицеров, как и их главнокомандующего, сохранились горестные дни отступления 1915 года. Теперь они наступали, гоня перед собой австрийцев. 9 месяцев враг занимал эти места, поля заросли высоким бурьяном и сорными травами — некому было поля обрабатывать. Луцкое шоссе, главная магистраль, по второй двигались войска 8-й армии, все было запружено обозами. Обгоняя подводы, неслись грузовики, с грохотом двигались артиллерийские батареи, зарядные ящики — русская армия наступала. И уже по сторонам, избегая толкучки, пользуясь боковыми дорогами, шли пешие люди и ползли крестьянские повозки — это спешили возвратиться на старые места беженцы.

Навстречу — толпы пленных. Австрийцы, венгры, чехи, словаки, сербы и — немцы, они тоже не избежали общей участи. Конвойных всего два-три на колонну, попыток к бегству мало. Лица пленных, хоть и усталые, но большей частью довольные:

пусть в плену, но живы, отвоевались…

Русская армия наступала.

26 мая (8 июня) Брусилов отдал войскам директиву, согласно которой 8-й армии предстояло, прочно утвердившись на реке Стырь, развить наступление на флангах ударной группировки. Многочисленная кавалерия должна была прорваться в тыл врага. 11, 7 и 9-я армии выполняли прежние задачи.

Брусилов ждал подхода 5-го Сибирского корпуса, чтобы наступать на Ковель, Владимир-Волынский, Сокаль, то есть выполнять план Ставки. Пока же резервы не прибыли, главнокомандующий требовал от войск не снижать темпов наступления. Когда Каледин попросил разрешения приостановить наступление 8-й армии до 29 или 30 мая, то в ответ получил 27 мая (9 июня) телеграмму Клембовского: «Для действий 29 мая получите новую директиву. Главкоюз не считает возможным откладывать дальнейшее наступление, чтобы не дать противнику опомниться и возвести новые укрепления, к чему, как видно из ваших разведок, он уже приступил. Кроме того, в войсках ваших огромный порыв, который может остыть от приостановки наступления. Напряжение всех сил окупится достижением дальнейших крупных успехов с меньшими потерями».

Каледин, конечно, знал, что находящийся перед ним противник деморализован и его нужно решительно преследовать, добить. Генерал-квартирмейстер 8-й армии Н. Н. Стогов так характеризовал состояние австрийских войск: «Разгром австрийцев на Ковельском и Владимир-волынском направлениях выявился во всей своей полноте. Массовые показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления: толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные… показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого. От каждой из этих дивизий остались лишь жалкие остатки в тысячу — две тысячи человек… Деморализация захватила и офицерский состав разгромленных австрийских полков: многие пленные уверяли, что офицеры чуть ли не первыми уходили в тыл, бросая солдат на попечение унтер-офицеров. Обычная при отходе картина недоедания и утомления войск развернулась во всю ширь…» Разумеется, в таких условиях врага надо было преследовать, не прекращать движения, наступать.

Но возникает вопрос, куда наступать, в каком направлении? Впоследствии, когда, откровенно говоря, было уже поздно, выдвигались различные суждения о том, куда следовало

наступать войскам Брусилова, в особенности 8-й армии. Немало упреков высказано было и в адрес Ставки и в адрес Брусилова. Сам он, выступая 27 августа 1920 года в заседании Военно-исторической комиссия и отвечая на критику, надо сказать, пристрастную со стороны А. А. Свечина[22], рассуждал так:

— К полевой войне я хотел перейти. В начале войны, когда полевая война у нас развивалась в полной мере, я действовал гораздо охотнее, чем впоследствии, и, кажется, довольно удачно. Конечно, и в 1916 году, когда представился случай после Луцкого прорыва, я стремился в поле, но только не искал этой войны в Львовском направлении, а шел на Ковель, куда мне было указано и что я считал более полезным, так как Львов соответствовал интересам только моего фронта, а движение на Ковель облегчало выдвижение всех фронтов. Конечно, Львов мне доставил бы славу, но я ее отнюдь не искал и не ищу. Я преследовал строго ту задачу, которая мне была поставлена, и, приняв план, без абсолютной необходимости не мог изменить его и не хотел…

Действительно, документы, в изобилии опубликованные с той поры, подтверждают, что действия Брусилова определялись указаниями Ставки. 27 мая (9 июня) Алексеев отдал на этот счет недвусмысленную директиву фронтам. Юго-Западному фронту предписывалось, продолжая сковывать противника на Стрыпе демонстративными боями, сосредоточить все усилия на своем правом фланге, с тем чтобы завершить поражение левого крыла австрийцев, отрезать их армию от Сана и путей сообщения на запад. В директиве указывался и способ, которого следовало придерживаться: выдвинув правофланговые соединения фронта к северу от Луцка и прикрывшись сильным конным отрядом с северо-запада, наступать в общем направлении Луцк — Рава-Русская.

Таким образом, несмотря на неожиданный и крупный успех войск Юго-Западного фронта, заставлявший, казалось бы, перенести все усилия именно сюда, Ставка не меняла своего плана, удар Юго-Западного фронта она продолжала рассматривать как вспомогательный. Главное место по-прежнему отводилось Западному фронту. Но в директиве имелось и еще одно место, заставлявшее Брусилова насторожиться и протестовать: Западный фронт получал разрешение отложить начало главного удара до 4(17) июня. Это ставило войска Юго-Западного фронта в тяжелое и даже опасное положение: в ближайшие дни следовало ожидать появления германских дивизий, которые не замедлят прийти на помощь разбитым австро-венгерским войскам. Брусилов пытался воздействовать на Эверта и 27 мая сообщал ему, что против войск Юго-Западного

фронта уже появляются германские части. Но у Эверта были свои расчеты. Правда, он обещал, что левофланговая 3-я армия Западного фронта поторопится и нанесет вспомогательный удар 31 мая (13 июня), но обещания не выполнил.

28 мая (10 июня) Брусилов обратился к Алексееву, доказывая, что выдвигать правый фланг его фронта рискованно, если Западный фронт не перейдет в ближайшее время в наступление. Сославшись на телеграмму Эверта о невозможности такого наступления, Брусилов констатировал: «Это сообщение лишает меня надежды достигнуть огромных решительных результатов, какие, несомненно, были бы при сложившейся на моем фронте обстановке с незамедлительным переходом в наступление Западного фронта».

В качестве временного выхода из положения, вплоть до вступления в дело Западного фронта, Брусилов намеревался, не ожидая действий 3-й армии, развивать наступление войск 8-й армии, чтобы облегчить положение 11-й армии, которую австрийцы ожесточенно контратаковали. В целом же Брусилов еще надеялся на помощь соседа справа: «4 июня одновременно с переходом в наступление Западного фронта и с прибытием 23-го корпуса в состав вверенного мне фронта приступить к развитию решительных активных действий в направлении на Раву-Русскую всей 8-й армией».

Ставка одобрила намерение Брусилова, одновременно сообщая, что удар Западного фронта «начнется своевременно». Алексеев считал, что «задержка в несколько дней в развитии вашей операции не окажет неблагоприятного влияния в общем ходе нашей большой операции». Беда состояла в том, что «большую операцию» пришлось выполнять только войскам Юго-Западного фронта.

Получив одобрение начальства, Брусилов 29 мая (11 июня) приказывает своим войскам выполнять ранее отданные распоряжения. Наступление продолжается. На левом фланге 8-й армии 32-й корпус отбрасывает 7-ю пехотную дивизию австрийцев: «Поспешное, почти паническое отступление по бездорожным Дубненским Садам заставило австрийцев бросить все, что задерживало их отход. Пленные всех частей показывали, что растерянность командования не поддается никакому описанию, многие части прямо бежали; кто-то пустил слух, что вот-вот нагрянут казаки…»

Удача 32-го корпуса одновременно облегчила положение 11-й армии: она получила возможность отбить атаки австрийцев. Далее к югу 7-я армия захватила город Бучач и энергично преследовала отходящих австрийцев. Наконец, 9-я армия,

возобновив 28 мая наступление, нанесла поражение 7-й австрийской армии, взяла много пленных и трофеев, отбросив врага за Прут.

Таким образом, уже к концу мая 1916 года войска Юго-Западного фронта достигли значительных успехов. В бой был введен 5-й Сибирский корпус, на подходе находился 23-й корпус. 31 мая (13 июня) Брусилов отдал директиву войскам, согласно которой с 1(14) июня они должны были продолжать наступление и довершить разгром австро-венгерской армии. Но полный успех, разумеется, зависел от взаимодействия с другими фронтами, в первую очередь с Западным. Этого взаимодействия, однако, не было.

По-видимому, уже тогда Брусилов сомневался в том, что Эверт намерен вести серьезные наступательные действия. Иначе трудно объяснить такой необычный поступок Брусилова, как личное послание 30 мая к подчиненному Эверта, командующему 3-й армией генералу Л. П. Лешу: «Обращаюсь к вам с совершенно частной личной просьбой в качестве вашего старого боевого сослуживца: помощь вашей армии крайне энергичным наступлением, особенно 31-го корпуса, по обстановке необходима, чтобы продвинуть правый фланг 8-й армии вперед. Убедительно, сердечно прошу быстрей и сильней выполнить эту задачу, без выполнения которой я связан и теряю плоды достигнутого успеха».

Но Эверт придумывал предлоги, чтобы не переходить в наступление. 1(14) июня он сообщил Алексееву, что из-за плохой погоды он отсрочил наступление 3-й армии, так как «острота необходимости немедленного наступления для войск Юго-Западного фронта исчезла». Фраза удивительная, хотя бы потому, что Эверт брался судить о делах Юго-Западного фронта, в то же время не выполняя предписаний Ставки. Но еще удивительнее, что Ставка санкционировала не только отсрочку наступления 3-й армии, но и полностью изменила план действий Западного фронта.

Брусилов вспоминал о крайне неприятном разговоре с Алексеевым по этому поводу: «Он меня опять вызвал к телефонному аппарату, чтобы сообщить, что вследствие дурной погоды Эверт 1 июня атаковать не может, а переносит свой удар на 5 июня. Конечно, я был этим чрезвычайно недоволен, что, не стесняясь, и высказал, а затем спросил, могу ли я, по крайней мере, быть уверенным, что хоть 5 июня Эверт наверняка перейдет в наступление. Алексеев ответил мне, что в этом не может быть никакого сомнения…»

Брусилов утверждал позднее, что Алексеев прекрасно

понимал, в чем дело, но, как бывший подчиненный Куропаткина и Эверта в русско-японской войне, скрепя сердце стремился прикрыть их бездействие. Думается, что на ходе дела сказывалось влияние, которое имел Куропаткин не только на царя (его Брусилов называл «младенцем в военном деле»), но и на царицу.

Как бы то ни было, но 3(16) июня Брусилов получил сомнительное удовольствие знакомиться с директивой Ставки, в которой наступление Западного фронта в Виленском направлении вообще отменялось. Взамен Эверту предписывалось не позднее чем через 12–16 дней организовать главный удар из района Барановичей. На Пинском направлении теперь 3-й армии предстояло «начать подготовку атаки» не позже 6 июня. Дорог был каждый день, ибо враг уже перебрасывал с запада резервы, а русская Ставка вроде бы и не торопилась!

В то же время задачи для Юго-Западного фронта существенно менялись: Ставка наконец, с десятидневным опозданием, решила использовать благоприятную обстановку на этом фронте. В срочном порядке сюда перебрасывались два корпуса и два тяжелых артиллерийских дивизиона. По-прежнему фронт должен был наносить удар на Ковель; в то же время ему предписывалось обеспечить свое левое крыло и подготовить операцию для достижения рек Сан и Днестр.

Перенесение главных усилий на Юго-Западный фронт и связанное с ним предоставление крупных резервов могло бы обрадовать главнокомандующего Юго-Западного фронта, если бы не обстоятельства, при которых происходило это изменение решений Ставки. В час дня 4(17) июня Брусилов разговаривал с Алексеевым по прямому проводу и настоятельно указывал, что войска его фронта оказались в трудном положении, что против них в Ковеле собирается большая маневренная группа противника; Брусилов просил добавить тяжелой артиллерии и боеприпасов. Алексеев обещал, но, видимо, главнокомандующий Юго-Западного фронта не очень доверял этим обещаниям, так как на следующий день он пишет Алексееву письмо, которое следует привести полностью:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Отказ главкозапа атаковать противника 4 июня ставит вверенный мне фронт в чрезвычайно опасное положение, и, может статься, выигранное сражение окажется проигранным. Сделаем все возможное и даже невозможное, но силам человеческим есть предел, потери в войсках весьма значительны, и пополнение необстрелянных молодых солдат и убыль опытных боевых офицеров не может не отозваться на дальнейшем качестве войск. По натуре я скорее оптимист, чем пессимист, но не могу не

признать, что положение более чем тяжелое. Войска никак не поймут — да им, конечно, и объяснять нельзя, — почему другие фронты молчат, а я уже получил два анонимных письма с предостережением, что ген.-адъют. Эверт якобы немец и изменник и что нас бросят для проигрыша войны. Не дай бог, чтобы такое убеждение укоренилось в войсках.

Беда еще в том, что в России это примут трагически. Также начнут указывать на измену. Огнестрельные припасы, скопленные для наступления, за две недели боев израсходовались, у меня во фронте, кроме легких, ничего больше нет, а армия бомбардирует меня просьбами, ссылаясь на то, что теперь борьба начинается еще более тяжелая. Вел. кн. Сергей Михайлович, прибывший сегодня сюда, доказал, что у него в запасе тоже ничего нет почти, а все поглощено Западным фронтом. Но раз их операция откладывается, может быть, окажется возможным поддержать нас запасами Северного и отчасти Западного фронтов. Во всяком случае, было бы жестоко остаться без ружейных патронов…

Теперь дело уже прошедшее, но если бы Западный фронт своевременно атаковал, мы бы покончили здесь с противником и частью сил могли бы выйти во фланг противника ген. Эверта. Ныне же меня могут разбить, и тогда наступление Эверта, даже удачное, мало поможет. Повторяю, что я не жалуюсь, духом не падаю, уверен и знаю, что войска будут драться самоотверженно, но есть известные пределы, перейти которые нельзя, и я считаю долгом совести и присяги, данной мной на верность службы государю императору, изложить вам обстановку, в которой мы находимся не по своей вине. Я не о себе забочусь, ничего не ищу и для себя никогда ничего не просил и не прошу, но мне горестно, что такими разрозненными усилиями компрометируется выигрыш войны, что весьма чревато последствиями, и жаль воинов, которые с таким самоотвержением дерутся, да и жаль, просто академически, возможности проигрыша операции, которая была, как мне кажется, хорошо продумана, подготовлена и выполнена и не закончена по вине Западного фронта ни за что ни про что.

Во всяком случае, сделаем, что сможем. Да будет господня воля. Послужим государю до конца.

Прошу принять уверение глубокого уважения и полной преданности вашего покорного слуги. А. Брусилов».

К несчастью для России, для сотен тысяч ее сынов — солдат и офицеров, такое отношение к делу обнаруживалось в высших военных кругах Российской империи не так уж и часто. В воспоминаниях Брусилов приводит дошедшую до него фразу, будто бы сказанную Эвертом: «С какой стати я буду работать во

славу Брусилова». Главнокомандующий Юго-Западного фронта отказывался верить в истинность этих слов, но тут же приводил убийственные свидетельства того, что Эверт намеренно оттягивал переход своих войск в наступление. Поэтому фраза Эверта нам представляется весьма и весьма вероятной. Расплачивались же за амбиции генерала Эверта и других ему подобных русские солдаты, расплачивались жизнями.

Беспокоился Брусилов обоснованно. Противника очень встревожили успехи русских войск, особенно угроза захвата Ковельского железнодорожного узла. Сумей войска Брусилова овладеть им — и зашатался бы весь германский фронт к северу от Припяти. Уже не могло быть речи о продолжении наступления в Италии, все свободные австрийские ресурсы пожирал русский фронт. Более того: без действенной помощи германских войск австрийцы и мыслить не могли об удержании фронта хотя бы на несколько недель. И из Франции, где «мясорубка» продолжалась, на Юго-Западный фронт спешат германские дивизии, сюда же везут подготовленные для сражения под Верденом резервы…

Спустя два десятилетия германские официальные историки сравнят брусиловское наступление с блеском молнии: «То, что, по образу мыслей генерала Фальгенгайна, считалось почти невозможным, свершилось с неожиданностью и очевидностью опустошительного явления природы. Русское войско явило столь разительное доказательство живущей в нем наступательной мощи, что внезапно и непосредственно все тяжелые, казалось бы, давно уже преодоленные опасности войны на нескольких фронтах всплыли во всей их прежней силе и остроте». Австро-германскому командованию приходилось теперь расплачиваться за недооценку русской армии и спешно залатывать дыры, возникшие в линии фронта.

3(16) июня противник нанес контрудар, стремясь концентрическим наступлением на Луцк вырвать инициативу у русских и попытаться разгромить главную группировку русских войск. Но то была попытка с недостаточными средствами. Войска 8-й армии и правого фланга 11-й армии стойко встретили контрудар и после трехдневных боев отбили его. Еще несколько раз на протяжении июня австро-германские войска пытались контратаковать, и безуспешно.

Тем временем левофланговая 9-я армия продолжала наступать. В полночь 4(17) июня ее войска под сильным артиллерийским и пулеметным огнем переправились через реку Прут. В 7 утра фланговым ударом были захвачены Черновицы. Русские войска, продолжая преследовать австрийцев, 6 июня вышли уже к реке Серет. Но к вечеру этого дня продвижение

пришлось прекратить, так как беспрерывные дожди и непроходимая грязь делали его невозможным.

К 12(25) июня на Юго-Западном фронте наступило некоторое затишье. Одержана была крупная победа: к 10(23) июня войска Брусилова веяли в плен более 4 тысяч офицеров и около 200 тысяч солдат, захватили 219 орудий, 644 пулемета. Но командование фронта не намерено было останавливаться, хотя уже и не надеялось на серьезную помощь от других фронтов.

Эверт и Куропаткин не только не торопились, но и срывали наступление Брусилова. В разговоре по прямому проводу с Алексеевым 9(22) июня Куропаткин выражал неудовольствие тем, что о Северного фронта перебрасываются войска на Юго-Западный, так как будто бы немцы собирались наступать на севере фронта. Одна фраза Куропаткина («Очень прошу в ваших соображениях не придавать превосходству в числе штыков преувеличенного значения») вызвала негодование даже у Алексеева. «Нужно забывать все частные интересы ради общего успеха, — пенял он Куропаткину. — Как же можно не принимать в расчет количество штыков? На чем же тогда базировать свои соображения? В данную минуту у вас 420000 штыков против 192000. Ведь эти цифры что-нибудь говорят! Нельзя же мне не руководствоваться ими и оставить Юго-Западный фронт погибать, утрачивать достигнутое ценой трудов, тяжких жертв, только в предположении, весьма гадательном, о возможности сбора противником где-то четырех дивизий на вашем фронте, с которыми он может произвести прорыв…» Лишь после этого Куропаткин нехотя согласился исполнять приказание.

Тремя днями ранее Алексеев достаточно резко отчитал и Эверта; сославшись на волю царя, ознакомившегося с телеграммами Эверта, в которых тот жаловался на передачу войск из Западного фронта Брусилову, наштаверх телеграфировал: «Общая обстановка и положение Юго-Западного фронта не допускают, чтобы фронт этот до 20 июня был предоставлен своим силам; равно недопустимо отсутствие поддержки удару в районе Пинска, при успешном выполнении его в течение двух недель. Этим могут быть разрушены результаты, достигнутые ныне. Поэтому главный ваш удар должен последовать не позже 16 или 17 июня, к осуществлению чего государь император повелевает приложить усилия и энергию вашу и всех исполнителей фронта. Этого требуют общие интересы, и к ним должны быть приурочены расчеты и выполнение…»

Во всех директивах, распоряжениях, обращениях Ставки к главнокомандующим Северного и Западного фронтов бросается в глаза недостаток, который в военном деле равносилен гибели:

Ставка уговаривает, а не приказывает, не проводит настойчиво свое решение, а позволяет главнокомандующим его саботировать. В результате страдает, и серьезно, дело. «Будь другой верховный главнокомандующий, — писал Брусилов, — за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заменен, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время в армии, была безнаказанность полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки».

Медленно, с опозданием, Ставка поняла, что имеется прямой расчет перенести главные усилия кампании на Юго-Западный фронт. 10(23) июня последовала директива о передаче 3-й армии из состава Западного фронта в Юго-Западный. Одновременно он получал и 78-ю пехотную дивизию с Северного фронта. Можно было рассчитывать и на другие резервы. Исходя из этого, Брусилов 12(25) июня предписал всем своим пяти армиям в промежуток с 17 по 20 июня перейти в общее наступление. Основные усилия, как и прежде, выпадали 8-й армии. Она получала подкрепления и продолжала оставаться самой мощной армией фронта — всего восемь корпусов. Целью наступления армии оставалось взятие Ковеля.

Готовить наступление приходилось в сложной обстановке: противник с 9(22) июня продолжал контратаки на Ковельском и Владимир-Волынском направлениях. На юге, в Буковине, его войска отступали к горным перевалам. На Западном фронте Эверт 19 июня (2 июля) наконец попробовал атаковать в районе Барановичей. Не приходится удивляться тому, что атака не дала результата.

Общее наступление Юго-Западного фронта возобновилось 21 июня (4 июля). Войска 3-й и 8-й армий начали его достаточно успешно: после мощной артиллерийской подготовки они прорвали фронт врага и, ломая его упорное сопротивление, вышли через несколько дней на реку Стоход. Но здесь пришлось остановиться; попытки форсировать реку противник пресекал. Сила сопротивления врага объяснялась во многом тем, что перед солдатами Брусилова были теперь германские части и соединения, переброшенные с Запада; в боевом духе и выучке они намного превосходили австрийские войска.

И все же австро-германское командование считало обстановку на Ковельском направлении очень опасной. Людендорф в воспоминаниях писал, что «…это был один из самых сильных кризисов на Восточном фронте. Надежда, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию

Стохода, была мала. Это были чрезвычайно серьезные дни. Мы отдавали все и хорошо знали, что никто нам не может помочь, если неприятель нас атакует». Австро-германцам удалось удержаться на Стоходе.

Брусилов велел прекратить атаки, сосредоточить войска, подвезти артиллерию и лишь затем возобновлять наступление. Южнее атаки войск 11-й и 7-й армий также значительных успехов не принесли. Но зато 9-я армия продвигалась успешно и 25 июня (8 июля) захватила Делятин. Тем временем под Барановичами 4-я армия Западного фронта продолжала безуспешные попытки прорыва. За девять дней эта армия провела пять артиллерийских подготовок, пять атак — и без видимого результата.

По директиве Ставки от 26 июня (9 июля) правофланговым армиям Юго-Западного фронта предстояло форсировать Стоход и овладеть Ковелем. В район Луцка перебрасывался стратегический резерв верховного главнокомандующего: два гвардейских корпуса пехоты и гвардейский кавалерийский корпус. Они совместно с другими соединениями составили Особую армию под командованием В. М. Безобразова. Армии этой предстояло атаковать Ковель с юга; 3-я армия наступала на этот город с севера и востока, 8-я армия должна была овладеть Владимир-Волынском, 11-я армия — наступать на Броды, Львов, 7-я и 9-я — на Галич, Станислав.

Как видим, планы Ставки, окончательно перенесшей главные усилия на Юго-Западный фронт, были широкими. Но выполнить их не привелось: время для этого ушло. Если бы эти мощные резервы поступили в распоряжение Брусилова на пару недель раньше, не исключено, что русские войска вновь увидели бы Львов и Карпаты. Теперь же противник перебросил под Ковель крупные подкрепления. Когда 15(28) июля армии Брусилова возобновили наступление, то они встретили упорное и организованное сопротивление. Войска 3-й, 8-й и Особой армий все же сумели продвинуться вперед, но несли при этом громаднейшие потери. Особая армия, атакуя сильные позиции противника в болотистом дефиле, за три дня продвинулась на 10 верст, но дойти до Ковеля не могла.

В специальном приказе Брусилов проанализировал причины неудачи. Он писал: «В боях последних дней я заметил неоднократные отступления от основных положений, выработанных опытом, и от моих требований. 1). Не всегда атаке предшествовала тщательная разведка неприятельской позиции, был даже случай, что наличие проволочных заграждений выяснено уже во время наступления. 2). Часты случаи отсутствия связи между пехотой и артиллерией… 3). Громадный расход

снарядов, не всегда соответствующий достигнутым результатам. Во время майского наступления артиллерия уничтожала начисто укрепления противника и совершенно лишала врага возможности держаться в них. Теперь же она не всегда справляется с окопами полевого характера… 5). Нет достаточного взаимодействия и стремления помочь, например, нажимом на фланг противника, которого соседняя часть не может опрокинуть. Сюда отношу то, что одна часть бездействует, когда соседняя дерется. 6). Иногда корпусам даются очень неопределенные задачи, например, «сообразовать свои действия» с рядом стоящим корпусом; если подобная задача дается смежным корпусам двух рядом стоящих армий, то все сводится к оглядыванию друг друга и к бездействию. 7). Часто войска ставятся равномерно по всему фронту, нет более сильной ударной группы на главном направлении. Нет и эшелонирования в глубину…»

Конечно, основной причиной неудачи стало прибытие вражеских резервов. Но указанные Брусиловым в приказе недочеты также имели важное влияние на ход боев на берегах реки Стоход. Цвет русской армии, гвардейские соединения, состоявшие из великолепных офицеров и солдат, имевшие высокий боевой дух и просто рвавшиеся в бой, несли огромные потери и не добились цели и потому, что высшие начальники в Особой армии никуда не годились. Долгое время они находились в резерве, опыта руководства войсками не имели, позиционной войны не знали, а противник изучил ее во всех тонкостях.

Наконец, просто по своим личным качествам эти гвардейские генералы и полковники не могли руководить войсками. Вот как характеризовал их Брусилов: «Сам командующий Особой армией генерал-адъютант Безобразов был человек честный, твердый, но ума ограниченного и невероятно упрямый. Его начальник штаба граф Н. Н. Игнатьев штабной службы совершенно не знал, о службе Генерального штаба понятия не имел, хотя в свое время окончил Академию Генерального штаба с отличием. Начальник артиллерии герцог Мекленбург-Шверинский был человек очень хороший, но современное значение артиллерии знал очень неосновательно… Командир 1-го гвардейского корпуса великий князь Павел Александрович был благороднейший человек, лично безусловно храбрый, но в военном деле решительно ничего не понимал; командир 2-го гвардейского корпуса Раух, человек умный и знающий, обладал одним громадным для воина недостатком: его нервы не выносили выстрелов, и, находясь в опасности, он терял присутствие духа и лишался возможности распоряжаться…»

Желая смягчить резкость характеристик этих генералов,

Брусилов, как очевидно, пытался найти в них что-то хорошее. Но понятия «человек честный», «человек хороший» ровным счетом ничего не значат при описании достоинств военачальника, тут должны употребляться совсем другие определения. Всех этих горе-военачальников гвардейского отряда Брусилов знавал издавна, со времен службы в Офицерской кавалерийской школе, знал их полную непригодность к управлению войсками вне парадных плацев. Как главнокомандующий фронта он имел право и должен был смещать командующих армиями и корпусами, если они не соответствовали должности. Но гвардия была вне пределов досягаемости: всех этих генералов лично выбрал и назначил царь, снять их всех сразу было просто невозможно.

На этот счет у Брусилова возникла оживленная переписка с Алексеевым. Одного за другим генералов снимали, назначен был и новый командарм — В. И. Ромейко-Гурко, но время уже было упущено, да и вновь назначенные командиры далеко не все соответствовали назначению. Выбор военачальников был невелик, и отнюдь не одна гвардия, даже и после двух лет войны, имела неудовлетворительных командиров.

30 июля (12 августа) 3-я и Особая армии были переданы Западному фронту. Эверт сумел добиться от Ставки отмены приказа о наступлении. Так, безрезультатно для русских войск закончилась серия тяжелых боев на Стоходе.

Другие армии Юго-Западного фронта во второй половине июля — августе 1916 года также вели упорные бои, но с несколько бóльшим успехом. 11-я армия 15(28) июля заняла Броды, 7-я армия — Монастержиску. Удачливее всех оказалась 9-я армия: австро-венгерские войска вынуждены были очистить всю Буковину. 28 июля (10 августа) был взят Станислав.

В августе сражение вылилось в отдельные операции, не приносившие успеха ни той, ни другой стороне. Общая атака, предпринятая 18(31) августа всеми четырьмя армиями фронта, не дала ожидаемого результата. Лишь 7-я и 9-я армии смогли чуть потеснить противника, но вскоре и их наступательные возможности иссякли. Наступление Юго-Западного фронта закончилось.

Военно-политическое значение его было огромно: австро-венгерская армия в Галиции и Буковине потерпела поражение, сказавшееся решительным образом на ее судьбе и в конечном результате на исходе войны. После наступления Юго-Западного фронта и битвы на Сомме стратегическая инициатива перешла к Антанте. Потери противника оказались огромными — до 1,5 миллиона человек. Только пленными с 22 мая по 5 сентября русские войска взяли 8924 офицера и 408 тысяч солдат.

Захвачены были 581 орудие, 1795 пулеметов…[23]. Боеспособность австро-венгерской армии была окончательно подорвана, и последующие два года войны она уже не могла предпринять сколько-нибудь значительное наступление.

Майское наступление на Юго-Западном фронте спасло от сокрушительного поражения Италию. Мало этого — положение французских войск под Верденом резко улучшилось. Для ликвидации прорыва на Юго-Западном фронте военное командование центральных держав сняло с Западного и Итальянского фронтов 30,5 пехотной и 3,5 кавалерийской дивизии. Перед войсками Брусилова появились даже турецкие дивизии! Крупнейший английский историк Лиддел Гарт, отнюдь не склонный симпатизировать России, писал, что она «пожертвовала собой ради своих союзников и несправедливо забывать, что союзники являются за это неоплатными должниками России».

Нелишне будет упомянуть, что союзники отплатили России интервенцией в годы гражданской войны и впоследствии десятилетиями требовали, чтобы Советское правительство выплатило деньги по займам, сделанным правительством Николая II. Кровь русских солдат, сражавшихся ради интересов капиталистических шейлоков, не имела никакой цены в глазах заимодавцев.

Победы Юго-Западного фронта положили конец колебаниям Румынии — 14(27) августа 1916 года она объявила войну Австро-Венгрии. Это поначалу осложнило положение центральных держав: надо было создавать новый стратегический фронт. В итоге, однако, вступление Румынии в войну легло лишь тяжелым бременем на Россию.

В целом же цена побед Юго-Западного фронта была очень велика. Все военные историки, отмечая громадный размах сражения на южном участке фронта и значительный успех, достигнутый русскими армиями, склоняются к выводу, что операция осталась незавершенной и не принесла решающего результата. Причиной того, несомненно, были как общее состояние русской армии, так и безволие и бездарность высшего военного руководства, не сумевшего использовать блестящие перспективы, открывавшиеся перед Юго-Западным фронтом. Брусилов отчетливо видел это: «Если бы у нас был настоящий верховный вождь и все главнокомандующие действовали по его указу, то мои армии, не встречая достаточно сильного противодействия, настолько выдвинулись бы вперед и стратегическое положение врага было бы столь тяжелое, что даже без боя ему пришлось бы отходить к своим границам, и ход войны

принял бы совершенно другой оборот, а ее конец значительно бы ускорился».

Может быть, эта оценка Брусиловым создавшейся тогда обстановки и чрезмерно оптимистична, но не подлежит никакому сомнению, что Ставка, запланировав одновременное наступление трех фронтов, во-первых, ошиблась в выборе направления главного удара в кампании и, во-вторых, оказалась неспособной провести свой план на практике. Когда же обнаружился крупнейший успех Юго-Западного фронта, то Ставка не сумела перестроиться, не смогла использовать успех армий Брусилова и обеспечить взаимодействие и взаимопомощь между фронтами. Обстановка требовала, предписывала незамедлительно направить имевшиеся в резерве силы и средства для глубокого развития прорыва.

В глазах Ставки Юго-Западный фронт стал главным, когда время было уже упущено, когда противник спохватился и стал бросать в «ковельскую дыру» одну за другой дивизии с запада. Если к тому же учесть, что командующие Западным и Северным фронтами не сумели (или не захотели) оказать действенную помощь своему коллеге на юге, а Ставка не смогла их к тому понудить, если вспомнить, что союзные англо-французские войска вновь нарушили свои обязательства и начали операцию на Сомме лишь в конце июня, когда в Галиции худшее для австро-германских войск уже миновало, если принять все это во внимание, становится понятным, почему наступление Юго-Западного фронта, начавшееся столь блестяще, не завершилось разгромом всего правого фланга австро-германских войск.

Военному искусству наступления Юго-Западного фронта дало очень многое. Это была первая успешная фронтовая наступательная операция, проведенная в условиях позиционной войны. Несколько раздельных, но одновременных ударов, наносившихся на широком фронте, — это была новая оперативная форма, позволившая Брусилову взломать оборону врага. Противник метался от одного участка к другому, не имея возможности определить сразу, где наносится главный удар.

Отличительной чертой наступления Юго-Западного фронта в сравнении с другими операциями, предпринятыми ранее на русском фронте, была большая подготовительная работа, в которой участвовали все командные инстанции, от главнокомандующего до командиров взводов. Брусилов добился того, что на фронте была проведена тщательная разработка тактического взаимодействия войск и скрытно сосредоточены силы и средства в местах главных ударов. Обучение пехоты на специально созданных, по типу неприятельских, позициях,

построение исходных плацдармов, максимально приближенных к противнику, обеспечило достижение крупного начального успеха.

Достоинства операции становятся еще заметнее, если мы укажем на то, чего не было в распоряжении Брусилова. Несомненно, что для развития успеха на Луцком направлении, как и на участках главных ударов в других армиях, ему не хватило резервов. Армии Юго-Западного фронта занимали широкие участки; отсутствие резервов приводило к необходимости останавливаться, перегруппировывать войска. И все же операция, начатая и развивавшаяся без резервов, при недостатке боеприпасов и незначительном превосходстве над врагом в артиллерии, принесла успех. Это свидетельствовало как о доблести и выучке русских войск, так и о высоких качествах командного состава, в первую очередь Брусилова.

В наступательной операции Юго-Западного фронта впервые было осуществлено тесное взаимодействие артиллерии и пехоты. Под руководством главкоюза была разработана и, главное, успешно применена «артиллерийская атака»: идущую в наступление пехоту артиллерия сопровождала не только огнем, но и колесами. Сочетание тактических приемов пехоты с умением использовать артиллерию давало возможность прорвать неприятельские позиции.

Историки впоследствии отмечали в наступательной операции Юго-Западного фронта и недостатки. Признавая заслуги Брусилова, писали о том, что главкоюз и Ставка не сумели развить первоначальный успех и добиться решающего разгрома австро-венгерских армий, что Брусилов приостановил наступление в 8-й армии для выравнивания флангов и позволил германскому командованию сосредоточить резервы у Ковеля, что он не стал отступать от имевшейся директивы Ставки и не изменил главное направление с Ковельского на Львовское, что он недостаточно активно использовал многочисленную кавалерию…

Что ж, доля правды, очевидно, в этих суждениях есть. Но все они высказываются, так сказать, задним числом, после тщательного изучения обстановки за рабочим столом, спустя много лет, когда в распоряжении военного историка имеется сумма сведений, фактов и цифр, которыми не располагал и не мог располагать Брусилов. Поэтому нельзя перекладывать на Брусилова вину за то, что операция Юго-Западного фронта осталась незавершенной, не принесла стратегического разгрома австро-венгерской армии. Мы уже показали, что многое в этом отношении не зависело от Брусилова, находилось во власти Ставки. Брусилов же сделал все, что мог.

Впоследствии он, кстати, и не отрицал некоторой своей

причастности к тому, что операция не получила другого направления: «Я не спорю, что я мог бы при тогдашнем составе Ставки добиться другой цели для действий, например, наступления на Львов, но для этого требовалась колоссальная перегруппировка войск, которая заняла бы много времени, и вражеские силы, сосредоточенные у Ковеля, конечно, прекрасно успели бы, в свою очередь, принять меры против этого предприятия. Дело сводилось, в сущности, к уничтожению живой силы врага, и я рассчитывал, что разобью их у Ковеля, а затем руки будут развязаны, и куда захочу, туда и пойду. Я чувствую за собой другую вину: мне не следовало соглашаться на назначение Каледина командующим 8-й армией, а настоять на своем выборе Клембовского, и нужно было тотчас же сменить Гилленшмидта с должности командира кавалерийского корпуса. Есть большая вероятность, что при таком изменении Ковель был бы взят сразу, в начале Ковельской операции. Но теперь раскаяние бесполезно…»

И у самого главкоюза, и у его современников, и у нас с вами, читатель, незавершенность операции вызывает сожаление. Таково уж свойство человека — пытаться в мыслях переделать историю, думать: «Что было бы, если бы…» Но изменить прошедшее нам не дано, и остается непреложным факт: наступление Юго-Западного фронта летом 1916 года, бесспорно, принадлежит к наиболее ярким и поучительным операциям первой мировой войны. После этой операции главнокомандующий Юго-Западного фронта твердо встал в ряд с выдающимися военачальниками русской армии, а это кое-что значит! Брусилов был последним из полководцев старой русской армии, опыт которого обогатил русское военное искусство…

Одной из причин успеха Брусилова была его вера в русскую армию, в русского солдата, в его прекрасные боевые качества. Веру в победу Брусилов сумел внушить и большинству своих подчиненных.

Брусилов сумел найти приемы ведения операции по прорыву укрепленной полосы противника, которые вполне отвечали поставленной задаче и конкретной обстановке. Не следует забывать, что знаменитый маршал Фош использовал этот опыт в операциях 1918 года, сокрушивших германскую армию. В советской военной науке опыт операции Юго-Западного фронта тщательно изучался в 20–30-е годы и послужил материалом для разработки теории прорыва укрепленных полос. Конкретное воплощение и дальнейшее развитие идеи Брусилова можно обнаружить при изучении крупнейших стратегических операций Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

Воздается должное полководческому искусству Брусилова и в зарубежной литературе. Успех его войск тем более разителен для западноевропейских авторов, что они достигнуты в то время, когда на Западном фронте прекрасно вооруженные и снабженные войска противоборствующих сторон не могли решить проблемы прорыва фронта, когда захват нескольких десятков метров вражеских траншей после ожесточенной бомбардировки и обильного кровопролития расписывался в газетах как крупный, блестящий успех. На таком фоне продвижение армий Брусилова на многие десятки километров (а на юге, в Буковине, и на сотни), захват нескольких сот тысяч пленных, несомненно, следовало оценивать как потрясающее достижение. Термин «Брусиловское наступление» («Brussilowangriffe», «the Brusilov offensive», «offensive de Broussilov») вошел в энциклопедии и научные труды. А. Тейлор называет брусиловское наступление «единственно успешной операцией первой мировой войны, названной в честь генерала».

***

Итак, наступление Юго-Западного фронта прекратилось. Брусилов недаром вспоминал, что жил в эти месяцы полной жизнью. Разумеется, от главнокомандующего потребовалось крайнее напряжение сил, он работал по 16 часов в сутки. Но внешне Брусилов оставался прежним: сухим, очень подвижным и живым, великолепно тренированным. В свои шестьдесят три года он был способен без видимого утомления сделать верхом 40–50 верст, причем, выполняя такой пробег, совершенно не считался с дорогой — встречные заборы, канавы и другие препятствия во внимание не принимались. По-прежнему Брусилов очень доступен для окружающих и приветлив, по-прежнему он любит и умеет говорить с солдатами.

После окончания операции забот у главкоюза не поубавилось, Как и предполагало русское командование, вступление Румынии в войну не сняло напряжения с русской армии, а добавило хлопот. Румынская армия была предельно отсталой, а боеспособность ее войск — исключительно низкой. Поначалу румыны продвинулись в Трансильвании, но, как только австро-германское руководство перебросило сюда германские дивизии, румыны побежали. Пришлось России, спасая нежеланного союзника, посылать в Румынию корпус за корпусом. Затем здесь были сформированы две армии. Подчинялись они Юго-Западному фронту, и управление ими для Брусилова оказалось очень сложным, по временам невозможным делом.

Нелепость создавшегося положения Брусилов характеризовал так: «Получалось, что на новом, Румынском фронте его правый и левый фланги подчинялись мне, центр же подчинялся королю румынскому, который со мной не только никаких отношений не имел, но, невзирая на все мои упорные просьбы, ни за что не хотел сообщать своих предложений и присылать свои директивы, без которых мне невозможно было распоряжаться правым и левым флангами этого фронта».

Такое «своеобразное» положение было нетерпимым в первую очередь и потому, что противник продолжал наступление, румынские войска сопротивляться не могли, отходили, не предупреждая русских, и тем самым подставляли их под удар. Брусилов настаивал, требовал от Ставки решительных действий, но положение не менялось, из румынской главной квартиры сведений не поступало. Тогда Брусилов послал в Ставку для доклада царю телеграмму: управлять флангами фронта, центр

которого ему не подчинялся, немыслимо. Поэтому, просил настоятельно Брусилов, надо либо подчинить Румынский фронт Юго-Западному, либо немедленно создать новый фронт.

В конце концов такой фронт во главе с генералом В. В. Сахаровым был создан. Но дела здесь шли плохо: в результате четырехмесячных боев румынская армия была разбита и почти вся территория Румынии захвачена германскими войсками. Русскому командованию пришлось перебросить сюда 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. Фронт удлинился на 500 верст, и только в конце декабря его удалось стабилизировать. Позиционная война наступила и тут.

На остальном фронте она господствовала давно. Вновь зарылись в землю армии, вновь лишь артиллерийская и пулеметная перестрелки да полеты аэропланов — вот и все, что происходило на позициях. Но в этой окопной, утомительной, нудной войне таилась опасность, которую русское военное руководство если и предвидело, то не во всей величине, и которой оно не могло противостоять.

Страна устала от войны. Изнемогала от нее и армия. Мелькнувшее было летом 1916 года воодушевление, вызванное успешным наступлением, быстро прошло и постепенно сменилось состоянием безнадежности. Все чаще слышалось в окопах: немцев нам не победить. И солдаты начинают размышлять, и размышления эти все чаще заставляют их внимательнее прислушиваться к тем, кто говорит: а ради чего ведётся война? Что даст русскому мужику овладение Константинополем? Кто выигрывает от войны, кто на ней наживается? Трудны эти вопросы для русских солдат, они политически неграмотны, они и читают-то с трудом, но они думают…

А тут еще и снабжение на фронте резко ухудшается. Вместо трех фунтов хлеба (фунт — 400 граммов) солдатам, находившимся в окопах, стали давать два фунта, а в тылу — полтора. Мяса раньше полагалось фунт в день, теперь же норму урезали до трех четвертей, а затем и до половины фунта. Вскоре пришлось ввести два постных дня в неделю, когда в солдатский котел вместо мяса клали рыбу, большей частью — селедку. Взамен гречневой каши в ход пошла чечевица… И вот генерал Брусилов, национальный герой (так его именовали газеты летом 1916 года, и, несомненно, в глазах многих он был таковым), стал получать анонимные ругательные письма, в которых ухудшение продовольственного положения ставилось ему в вину. Получал он теперь и письма, в которых сообщалось, что войска устали, что нужно прекращать войну и что, если мира не заключат, то его, Брусилова, убьют. Правда, были и другие письма, в которых,

напротив, утверждалось, что если царица-изменница заключит мир с немцами, то его, Брусилова, опять же убьют. Не без юмора Брусилов писал впоследствии: «Из этого видно, что для меня выбор был не особенно широк, а в войсках мнения относительно войны и мира расходились».

Среди войск все чаще и шире проявлялась деятельность революционеров. Главкоюзу по долгу службы приходилось заниматься и этим, в частности, рассматривать апелляции на приговоры военно-полевых судов. Тут нелишне будет вспомнить о роли Брусилова в судьбе легендарного героя гражданской войны Г. И. Котовского. В октябре 1916 года Котовский за революционную деятельность был приговорен военно-полевым судом в Одессе к смертной казни через повешение. За день до срока исполнения приговора Котовский обратился к главнокомандующему Юго-Западного фронта с просьбой заменить ему смертную казнь отправкой на фронт в самые опасные места или же, на худой конец, расстрелять. Брусилов помиловал революционера, и до конца своих дней Г. И. Котовский вспоминал об этом с глубокой благодарностью.

В целом для конца 1916 года утверждение о небоеспособности русской армии было бы несправедливым. Она устала, она начала подумывать о мире, но дисциплина в ней еще поддерживалась стараниями офицеров. Другое дело тыл…

В тылу положение осложнялось с каждым месяцем. Экономическая разруха, обрушившаяся на страну, стихийная тяга народных масс к миру с неумолимой последовательностью толкали массы к революции. Осенью 1916 года напряжение нарастало. Каждая очередь за хлебом (а их было несчетное количество в России той поры) превращалась в политический клуб: женщины, старики обсуждали вести с фронта, слухи о близком и желанном мире, не стесняясь в выражениях, ругали власти…

Взволновались и буржуазные круги, так называемая «общественность». С одной стороны, нарастание революционного кризиса, отчетливо ощущаемое, грозило буржуазии катастрофой. С другой стороны — царизм не желал делиться властью с представителями русской буржуазии, а им так этого хотелось! Отсюда и явление, о котором историк Н. Н. Яковлев пишет: «Брусиловские победы подняли на ноги «общественность», обозначилась крайне тревожная для нее тенденция: скованная железной дисциплиной армия — а о ее введении хлопотал Брусилов — может привести императорскую Россию к успешному завершению войны. Тогда прощайте надежды на власть, победителей не судят. Отсюда задача, которую с величайшей

энергией стала выполнять буржуазия с осени 1916 года, — потоком инсинуаций и прямых подрывных действий окончательно скомпрометировать режим. За это дело взялись решительно все руководители буржуазии — от Родзянко до Гучкова».

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко взял за обыкновение выезжать в действующую армию. Еще во время наступления Юго-Западного фронта он просил у Брусилова разрешения посетить Особую армию и получил его. Знакомство с Родзянко, настроенным, как казалось Брусилову, патриотически, должно было пойти па пользу делу. Покидая фронт, Родзянко прислал главкоюзу письмо, в котором сообщал, что вся гвардия в негодовании, что ею руководят военачальники, никуда не годные, и т. д. Брусилов использовал это письмо во время споров с Алексеевым о смене командовании Особой армии.

Этой осенью буржуазные политические деятели демонстрировали свою активность и показной патриотизм к месту и не к месту. В Ставку одна за другой направлялись записки критического содержания. Так, 28 членов Думы и Государственного совета подали в Ставку записку, в которой требовали внушить всем начальствующим лицам недопустимость бездумного «расходования людских жизней».

Справедливая с точки зрения абстрактного гуманизма постановка вопроса была в данном случае настолько притянута за уши и настолько отдавала толстовством в худшем смысле этого понятия и демагогией в прямом смысле, что даже и Брусилов, очень внимательно относившийся к земству, к «общественным деятелям», после ознакомления с запиской счел необходимым отметить с недоумением: «Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого расходования человеческого материала в боях, при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах. Противник несет столь же тяжелые потери, как и мы… Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть, чем их более, тем более гарантирован успех, но, чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут — притом значительные».

Да, Брусилов по-прежнему был оптимистом и считал возможным не только продолжение войны, но и достижение победы. Это мнение он неоднократно высказывал. Теперь на Юго-Западном фронте один за другим появлялись иностранные корреспонденты: беседа с главнокомандующим, войска которого

достигли таких успехов, считалась сенсацией на Западе[24]. Корреспонденту «Таймс» Брусилов заявил: «Война уже выиграна союзниками, хотя невозможно еще определить, сколько понадобится времени, чтобы убедить неприятеля, что дело, из-за которого он залил кровью Европу, безвозвратно потеряно…» Примечательно, что Брусилов считал возможным говорить: «Россия еще далеко не достигла зенита своей мощи, к которой приблизится лишь в будущем году, когда у нее будет огромнейшая и прекраснейшая армия…»

Та же нота прозвучала в беседе Брусилова с корреспондентом «Дейли кроникл»: победа держав Согласия обеспечена, война может окончиться в 1917 году…

В этой же беседе Брусилов счел необходимым указать: «Необходимо, чтобы боевые действия армий держав Согласия были вполне объединены друг с другом. Надо, чтобы все союзные армии наступали в одно и то же время. Это ускорит окончание войны».

Союзное командование как раз и мучилось над этой проблемой.

Основные положения будущей кампании были обсуждены сначала на межсоюзнической конференции в Шантильи 2(15) — 3(16) ноября. Решили, что к весне будущего года союзные армии подготовят совместные и согласованные операции. 21 ноября (4 декабря) генерал В. И. Ромейко-Гурко[25] довел до сведения главнокомандующих фронтов результаты конференции в Шантильи и предложил им представить соображения о плане кампании. Мнения разделялись. Н. В. Рузский (он командовал теперь Северным фронтом) и А. Е. Эверт считали более выгодным наступать севернее Полесья.

Брусилов представил ответ 1(14) декабря 1916 года. По его мнению, результаты наступления Юго-Западного фронта оказались менее удачными потому, что противник, не будучи связан на других своих фронтах, имел возможность сосредоточить против войск Брусилова достаточно сил и в конце концов их остановить. Поэтому, писал главкоюз, резкий, полный переворот в ходе войны в пользу союзников можно произвести при следующих непременных условиях: 1) наступление всех союзников на всех фронтах должно вестись одновременно, чтобы возможно крепче связать противника везде; 2) форму наступления надо избрать ту, которая была применена им, Брусиловым, летом 1916 года. «Такой образ действий, — заключал Брусилов, — сулит наибольшие успехи и только он может опрокинуть и перевернуть все самые точные расчеты наших врагов». Особое внимание, по мнению Брусилова, следовало придать боевым

действиям на Балканском полуострове.

Генерал-квартирмейстер Ставки А. С. Луковский представил свой проект; основной задачей он считал нанесение удара на Румынском фронте. Но это не исключало необходимости активных действий Северного и Юго-Западного фронтов.

17–18 (30–31) декабря 1916 года в Ставку вновь собрались военные руководители русской армии. Брусилов приехал в Могилев с начальником штаба С. А. Сухомлиным (Клембовский по представлению Брусилова был назначен командовать 11-й армией).

Встретились сначала все за завтраком у царя. Брусилов не видел его с весны; Николай II был очень сух. Даже и для генерала Брусилова, человека, сделавшего так много для славы армии, которую царь номинально возглавлял, у Николая не нашлось ни одобрения, ни приветливых слов.

После завтрака начали заседать. Царь был еще более рассеян, чем на предыдущем совете, даже зевал, в прения не вмешивался, а ведь спор был оживленным. Предложения Ставки, поддержанные Брусиловым, встретили оппозицию Эверта и Рузского. Так как генерал Гурко не имел авторитета, сравнимого с авторитетом Алексеева, а царь в дискуссию не вмешивался, то план кампании фактически не был выработан.

К тому же на другой день Николай оставил спорящих генералов и поспешил в Петроград: за день до этого, 16 декабря, там был убит Распутин, что повергло императрицу в смятение и горе. Царь спешил к ней. Знать, судьба армии, исход войны, о которых шла речь на совещании военачальников, и, следовательно, будущее династии Романовых имели для него меньшее значение по сравнению с гибелью Распутина. Вот здесь чувства царя были искренними.

Прощаясь, он сказал Брусилову:

— До свидания, скоро буду у вас на фронте.

Больше Брусилов его не видел.

Совещание оставило у Брусилова еще более тягостное впечатление, чем предыдущее: «Не знаю, как другие главнокомандующие, но я уехал очень расстроенный, ясно видя, что государственная машина окончательно шатается и что наш государственный корабль носится по бурным волнам житейского моря без руля и командира».

И все же надежда на лучший исход не покидала еще Брусилова, он старался поддерживать ее и у окружающих. Вот что говорил главнокомандующий в штабе фронта на встрече Нового, 1917 года:

— Сегодня мы встречаем, господа, третий Новый год в эпоху

великой войны.

1914 год, в котором она началась, был для нас исключительно благоприятным. Мы тогда наступали чрезвычайно удачно и продвинулись далеко в глубь вражеской территории.

Следующий, 1915-й, явился годом тяжелых неудач, повлекших за собой известные печальные события. Но мы стойко и мужественно выдержали тяжелое испытание, выйдя из него еще более сильными, чем были.

Истекший год я считаю хорошим годом, так как он положил предел успехам противника и показал, что злобный враг уже значительно ослаб…

И на новогоднем вечере Брусилов высказал свою уверенность в близкой победе. Закончил он свою речь довольно характерным для себя суждением:

— Все народы признают, что есть лишь один общий бог, сотворивший вселенную. Немцы же говорят, что их бог особый — их «старый, немецкий бог». Так как такого бога нет, то я полагаю, что эта едва ли не сам сатана. Мы и боремся именно с этим сатанинским богом…

(Поясним тут в скобках: последнее место в брусиловской речи гораздо более характеризует самого оратора, нежели народ германский. Древний и высококультурный народ этот, разумеется, никакому «сатанинскому богу» не служил, хотя, обманутый своими правителями и преданный желтыми социал-демократами, дал втянуть себя в неправую войну. Ссылка на сатану говорит лишь о мистицизме, свойственном Брусилову в ту пору, и он ошибался, как все мистики, ища темные силы мира совсем не там, где они на самом деле действовали.)

В заключение, как и положено в таких случаях, следовала здравица: «Да здравствует государь император! Да здравствует святая Русь! Ура!»

Пришел 1917 год. Он не стал для России, как предполагал Брусилов, да и многие другие, годом победы в войне. Но и для России и для всего человечества год 1917-й был рубежом новой эры.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

Предчувствовал ли Брусилов приближение революции? Видимо, если и предчувствовал, то неосознанно, как наступление чего-то очень страшного, гибельного для армии и России. Не надо забывать о монархистских убеждениях генерала русской армии, и они, без сомнения, были искренними. Но в то же время от его внимательного и опытного взора не могли ускользнуть пороки царизма, так наглядно обнаружившиеся в годы войны и сказавшиеся на ее исходе. И все же Брусилов считал невозможным для генерала заниматься политикой. Не принадлежа ни к какой политической партии, он был поглощен лишь одной идеей — довести войну до победного конца, так как считал кайзеровскую Германию лютым и непримиримым врагом России и всего славянства.

Трудно предъявлять к генералу русской императорской армии Брусилову требование понять несправедливый, империалистический характер первой мировой войны. Такое понимание доступно было до марта 1917 года лишь немногим, в первую очередь В. И. Ленину и его последователям. Брусилов был убежден, что проигрыш войны неизбежно влечет за собой и гибель России. Поэтому он все силы отдавал армии, не уезжал с фронта даже и на день.

Из бесед с людьми самых разнообразных занятий, приезжавших на фронт и стремившихся встретиться с генералом Брусиловым, ему было известно, что в тылу господствовало страшное возбуждение против правительства, что повсюду — и в очередях за хлебом, и в салонах знати и буржуазии — шептались, говорили, кричали: так продолжаться не может. Особенно запомнилась Брусилову беседа с министром земледелия А. А. Риттихом, который признался, что попал в министры совершенно неожиданно для себя, что сознает бесполезность своего труда и не сомневается в скором снятии с должности.

Подобные сведения о полном развале дел наверху Брусилов получал ежедневно. «Беспорядок действительно ужасный, — писал он жене в феврале 1917 года, — угля нет, паровозы плохи, и их не хватает, вагонов тоже, вообще — полное расстройство жел. дор. хозяйства. Немудрено при частых сменах министров, не знающих притом, что им делать, и занимающихся всем, чем угодно, кроме своего дела, которого не знают. Тут общее расстройство управления государства по всем министерствам, а

не только железнодорожного хозяйства».

Русскому дворянину и генералу, воспитанному на принципе верности самодержавию, трудно было смириться с мыслью, что Россию ведут к катастрофе. Поэтому он не только стремится укрепить армию, но и пытается обратить внимание самого царя на серьезность положения и необходимость принятия мер, которые, по мнению Брусилова, могли бы укрепить положение правительства.

Еще в начале октября 1916 года в разговоре с великим князем Георгием Михайловичем, прибывшим на фронт, Брусилов просил довести до сведения Николая II, что не следует обострять борьбу с Государственной думой и «общественным мнением», что необходимо создать так называемое «ответственное министерство» и прекратить вакханалию смены министров. Великий князь во всем согласился с Брусиловым, тут же написал подробное письмо с изложением разговора и отослал царю. Ответа не было, и, видимо, письмо это и послужило причиной сухого приема царем главкоюза на совещании в Ставке в декабре.

Позднее Брусилов написал министру двора Фредериксу. Изложив «положение России и возбуждение общественного мнения, которым пренебречь нельзя, в особенности в такое тяжелое время, я просил доложить, что для спасения России совершенно необходимо дать ранее обещанную конституцию и призвать все общественные силы для совокупной работы на пользу войны. Я добавлял, что секретные распоряжения — давить и сводить на нет деятельность всероссийских земского и городского союзов — преступно, так как оба эти общественные учреждения приносят с начала кампании неисчислимую пользу армии и облегчают ей исполнение ее бесконечно тяжелого долга…» Ответа на письмо также не последовало.

Наконец, уже в начале января 1917 года Брусилов беседовал с великим князем Михаилом Александровичем, который был назначен генерал-инспектором кавалерии и приехал проститься с главнокомандующим. Брусилов не стал кривить душой перед братом царя, напрямик, резко и твердо, охарактеризовал положение армии и России, просил великого князя передать царю, что жизнь требует реформ, иначе будет поздно, да, может, уже и поздно. Великий князь согласился с Брусиловым во многом и обещал передать разговор царю, но предупредил: это ни к чему не приведет, так как царь слушает только жену. На том и закончилась беседа.

Российская империя доживала последние недели, но на фронте, не предвидя этого, готовились к наступлению. Наконец было принято решение о плане кампании. В дело из Крыма

вмешался Алексеев; решено было наносить главный удар Юго-Западным фронтом на Львовском направлении. Северный и Западный фронты наносили вспомогательные удары. Как видим, план учитывал опыт операций 1916 года. Наступление предполагали начать в апреле, не позже 1 мая. 24 января (6 февраля) царь утвердил план.

Брусилов немедленно собрал командующих армиями, чтобы распределить роли в будущей операции. На этот раз главный удар наносила 7-я армия, наступая в северо-западном направлении на Львов; 11-я армия также нацеливалась на Львов, но с востока. Особая и 3-я армии вновь должны были попытаться овладеть Владимир-Волынском и Ковелем. 8-й армии давалась вспомогательная задача.

И на этот раз Брусилов начал подготовку самым тщательным образом. Юго-Западному фронту выделялись н резервы, и необходимые средства: ранней весной ожидалось прибытие двух армейских корпусов, фронту придавалась тяжелая артиллерия особого назначения (ТАОН), снабжение снарядами резко улучшилось. Правда, многое в армейской жизни заставляло Брусилова тревожиться, но в целом он не колебался: «Я вполне был уверен, что при той же тщательной подготовке, которая велась в предыдущем году, и значительных средствах, которые отпускались, мы не могли не иметь и в 1917 году хорошего успеха».

Пока верховное командование обдумывало наступление, пока царское правительство принимало и осуществляло меры по подавлению революционного движения, пока русская буржуазия готовилась перехватить власть у закачавшегося самодержавия, — настоящий хозяин страны, русский народ, взялся за дело сам, и никакие репрессии правительства, никакие маневры думских деятелей не могли остановить развитие революционных событий.

Имеются свидетельства того, что в напряженные предреволюционные дни в Петрограде и Ставке подумывали об установлении диктатуры, намереваясь использовать для этого популярность Брусилова у солдатских масс. Флигель-адъютант Николая II герцог Лихтенбергский писал о тех днях: «Был момент, когда показалось, что положение может быть в значительной степени спасено, если послать в Петроград популярного генерала с фронта, хотя бы Брусилова, снабдив его диктаторскими полномочиями и дав вместе с тем возможность объявить народу, что государь согласен на образование ответственного министерства». Но никакие диктаторы не смогли бы остановить восставший народ, да и, кроме того, очень сомнительно, чтобы генерал Брусилов согласился подавлять восстание. А вот генерал

Н. И. Иванов попытался было двинуться на Петроград с войсками и потерпел неудачу.

Ставку лихорадило. Каждый день оттуда на Юго-Западный фронт приходили подробные телеграммы о событиях в столице. Алексеев, к тому времени возвратившийся из Крыма, вызывал Брусилова к прямому проводу и разговаривал с ним, желая выяснить настроение главкоюза. Дело в том, что наштаверх вошел в тесный контакт с буржуазными кругами, в том числе с Родзянко, задумавшими устранить царя и тем смягчить кризис, попытаться воспрепятствовать развитию революции.

Но тут возникало опасение, как бы не произошло раскола в армии: что, если главнокомандующие, или хотя бы один из них, спасая царя, двинут войска и на Петроград и на Ставку? Надо было себя обезопасить, и 26 февраля (11 марта) 1917 года Родзянко, теперь уже председатель Временного комитета Государственной думы, обратился с шифрованной телеграммой к главнокомандующим фронтов, в которой, обрисовав революционную обстановку в стране и бессилие царского правительства восстановить порядок, предлагал передать власть «лицу, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения».

Главнокомандующие фронтов не стали защищать последнего самодержца российского: они поддержали Родзянко. На следующий день в Ставку к Николаю II была препровождена телеграмма Родзянко со следующей припиской Брусилова: «Считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу. Смутное время совершенно необходимо закончить, чтобы не сыграть на руку внешним врагам. Это столь же необходимо и для сохранения армии в полном порядке и боеспособности. Не забудьте, что проигрыш войны повлечет за собой гибель России, а проигрыш неминуем, если не будет водворен быстро полный порядок усиленная плодотворная работа в государстве».

Брусилов не ограничивается этим: он обращается к царю с просьбой отречься от престола через Фредерикса, через Алексеева и Рузского.

Позиция главнокомандующих фронтов была одним из мотивов, побудивших царя отречься от престола в пользу Михаила Романова. Верховным главнокомандующим был назначен вновь Николай Николаевич.

Но никакие маневры русской буржуазии и генералов не могли спасти самодержавие. 26 февраля в столице по призыву большевиков началось вооруженное восстание, на следующий

день оно охватило весь город, войска в массе переходили на сторону народа. Самодержавие рухнуло. «В несколько дней, — писал В. И. Ленин, — Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную — в обстановке войны, — чем любая страна в мире»[26].

…11 марта 1917 года в Бердичеве войска присягали Временному правительству. На площади в каре выстроились части, их окружала огромная толпа народа. Над головами колыхались красные флаги и щиты с невиданными надписями: «Да здравствует свободная Россия!», «Да здравствует Государственная дума и народ!», «Боже, храни народ и армию!» В середине каре поместились высшие чины штаба и духовенство.

В 10 часов утра в автомобиле приехал Брусилов. Толпа, тотчас узнав его, приветствовала генерала криками «ура!». Выйдя на середину площади, Брусилов стал держать речь:

— Мы сознательно присягаем России и новому правительству, которое сменило старую власть, которое выведет нашу родину на светлый путь счастья и благополучия… Враг сильно надеется на раздоры и смуты внутри нашего государства, но мы не оправдаем его надежд и сплотимся воедино, забыв всякие партийные и национальные счеты…

Речь Брусилова не отличалась существенно от бесчисленного множества речей, произнесенных в мартовские и апрельские дни 1917 года, с той только разницей, что произносил ее генерал, к голосу которого склонна была прислушиваться вся Россия. Понимая это, Брусилов убеждал солдат поддерживать в армии порядок и боевой дух, слушать своих начальников. Когда будут назначены выборы в Учредительное собрание, говорил Брусилов, то армия получит возможность заявить свою волю, а пока она должна повиноваться командирам…

Закончил свое обращение Брусилов восклицанием:

— Да здравствует свободная Россия! Да здравствует могучая русская армия! Ура!..

Слова генерала были встречены многократным «ура!» войск и народа. Под открытым небом отслужили молебен, войска принесли присягу по выработанной Гучковым новой формуле. Затем они под музыку прошли церемониальным маршем.

Когда окончилась официальная часть, солдаты и горожане окружили Брусилова, подняли его на руки и понесли впереди процессии к зданию штаба; раздавались возгласы: «Да здравствует генерал Брусилов!», «Да здравствует свободная Россия!», «Ура народному герою!» Играла музыка, впереди процессии солдаты несли три огромных красных плаката с надписью; «Да здравствует народный герой генерал Брусилов!

Тыл победил династию, фронт победит врага! Все для войны!»

На крыльце штаба Брусилов еще раз приветствовал войска и народ, призывал их охранять добытую с таким трудом свободу и немедля, не на словах, а на деле проявить свой патриотизм.

Мы намеренно, чтобы читатель почувствовал дух эпохи, рассказали подробно об этой церемонии. Она в высшей степени характерна для тех недель. Такая встреча со стороны народных масс могла вскружить голову кому угодно, даже и многоопытному русскому генералу, могла вселить в него уверенность в боевом духе войск. Но тем сильнее было наступившее вскоре разочарование…

Брусилов одним из первых среди крупных военачальников присягнул Временному правительству. Он надеялся, что правительство «деловых людей» положит корец развалу страны, станет энергично вести войну и добьется победы. Но уже в ближайшие недели Брусилову пришлось, во-первых, убедиться, что люди, сменившие у кормила государственной власти царских министров, вряд ли могут рассчитывать на успех в революционной России. Во-вторых, обнаружилось, что наряду с Временным правительством в Петрограде существует и распоряжается какой-то непонятный и крайне неприятный Совет рабочих и солдатских депутатов и что действия Временного правительства во многом в основном зависят от воли этого Совета.

Известно, что преобладающее влияние в Советах сразу после Февральской революции получили меньшевики и эсеры. Характеризуя это явление, В. И. Ленин писал: «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[27].

Меньшевики и эсеры не мыслили о дальнейшем развитии революции, думали ограничиться установлением в стране буржуазно-парламентарного строя. Они вступили в сговор с Временным комитетом Государственной думы, и в результате 2(15) марта 1917 года было образовано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. Военным министром стал А. И. Гучков.

Советскому читателю хорошо известны события 1917 года. Размах и характер этих событий поразительны и для нас сегодня, не говоря уж об их современниках, о Брусилове в том числе. Армия немедленно приняла участие в происходящем, и это-то больше всего огорчало Брусилова, так как солдаты сразу же окунулись в политику, примкнув поначалу в большинстве к

эсерам. Но постепенно они поняли, что эсеры и меньшевики стоят за продолжение осточертевшей всем войны, что раздел помещичьей земли откладывается ими до созыва Учредительного собрания. Вот тогда солдаты стали все больше прислушиваться к речам большевиков. Офицеры же потеряли в солдатской среде всякий авторитет и даже непосредственную власть.

Положение командиров в армии с марта 1917 года сделалось в высшей степени сложным и необычным. Брусилов так характеризовал его: «Офицер в это время представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом водовороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать. Его на митингах забивал любой оратор, умевший языком болтать и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания. При выступлениях на эти темы офицер был совершенно безоружен, ничего в них не понимал. Ни о какой контрпропаганде и речи не могло быть. Их никто слушать не хотел. В некоторых частях дошли до того, что выгнали начальство, выбрали себе свое, новое, и объявили, что идут домой, ибо воевать больше не желают. Просто и ясно. В других частях арестовывали начальников и сплавляли в Петроград, в Совет рабочих и солдатских депутатов; наконец, нашлись и такие части, по преимуществу на Северном фронте, где начальников убивали.

При такой-то обстановке пришлось мне оставаться главнокомандующим Юго-Западного фронта, а потом стать верховным главнокомандующим. Видя этот полный развал армии и не имея ни сил, ни средств переменить ход событий, я поставил себе целью хоть временно сохранить относительную боеспособность армии и спасти офицеров от истребления».

В этом месте своих воспоминаний, относящихся к 1917 году, Брусилов не совсем искренен. Документы за его подписью, сохранившиеся от того времени, свидетельствуют, что он пытался сохранить в армии старую дисциплину и препятствовать распространению революционных идей. Так, 4 марта 1917 года он требовал предания военно-полевому суду делегаций от рабочих партий, появившихся в тылу фронта. Позднее он просил Временное правительство прислать на фронт своих комиссаров и делегатов Петроградского Совета для агитационной деятельности против большевиков, требовал признать большевистскую пропаганду государственной изменой и применять суровые наказания за нее не только в действующей армии, но и в тылу.

12(25) марта Брусилов доносил военному министру: «Чрезвычайно разноречивые сведения, сообщаемые различными путями, захватывают ныне не только тыл действующей армии, но

доходят и до боевых линий. Бороться против огромного наплыва в войска всякого рода воззваний и проникновения антимилитаристской пропаганды очень трудно. Для ограждения армии от беспорядков нужны спешные неотложные меры…» В качестве такой меры Брусилов предполагал учредить при штабе фронта и в каждой из четырех армий комитеты «из общественных организаций», которые и вели бы пропаганду за войну «до победного конца». В заключение Брусилов сообщал, что им «принимаются все меры к сближению офицеров с солдатами».

Но не только недостижимое в тех условиях единство солдат и офицеров волновало тогда Брусилова. В беседе с корреспондентом «Русского слова» 9 марта Брусилов говорил:

— Вся русская армия перешла на сторону нового правительства и по-прежнему твердо стоит перед противником. Для того чтобы армия могла выполнить свой долг перед родиной, — успешно разбив врага, победоносно закончить войну, — необходимо совершенно не волновать ее дальнейшими гражданскими неурядицами и не затягивать политических раздоров. Армия должна знать только одно правительство. В ней до момента окончания войны не должно существовать никаких партийных и политических споров, которые неизбежно действуют на нее деморализующе…

Тут же генерал приводил примеры столь беспокоящей его «деморализации». Но отгородить армию от событий в стране, от ее бурной политической жизни было невозможно, и уже в ближайшие недели Брусилов убедился в этом.

Тем временем фигура выдающегося полководца привлекала внимание буржуазных политиканов, желавших использовать популярность Брусилова в своих целях. Гучков, став главой военного и морского ведомств, уволил и сместил с постов до 60 процентов лиц высшего командного состава армии. Это должно было обеспечить Временному правительству надежное руководство армией.

Временное правительство очень осторожно выбирало верховного главнокомандующего. Великий князь Николай Николаевич, покорно присягнувший новому правительству, не успел доехать с Кавказа до Ставки, как был смещен с поста. После некоторого колебания Временное правительство решило остановить свой выбор на М. В. Алексееве. Иного мнения держался Временный комитет Государственной думы. 18(31) марта Родзянко послал Гучкову письмо, в котором давался нелестный для Алексеева отзыв и выражалась уверенность в том, что он не подходит для поста верховного главнокомандующего.

Охарактеризовав восприятие армией событий Февральской

революции, Родзянко заявлял: «Для меня совершенно ясно, что только Юго-Западный фронт оказался на высоте положения. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкого полета мысли и ясного понимания дела, которая руководит всем этим движением. Я имею в виду генерала Брусилова, и я делаю из наблюдений моих при многочисленных своих поездках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно генерал Брусилов». Вторым наиболее способным военным деятелем Родзянко считал А. А. Поливанова. «Эти два — выдающиеся государственные умы, поставленные во главе нашей доблестной армии, с придачей им тех помощников, которые ныне существуют, — умные, знающие и уважаемые генералы Клембовский и Лукомский, — и составили бы то ядро военного верховного командования, которое единственно, с моей точки зрения, способно вывести страну и армию из бедственного положения…»

На следующий день Временный комитет Государственной думы специально рассматривал вопрос о верховном главнокомандующем и постановил: «Признать:

1) что в интересах успешного ведения войны представляется мерой неотложною освобождение генерала Алексеева от обязанностей Верховного главнокомандующего;

2) что желательным кандидатом на должность Верховного главнокомандующего является генерал Брусилов…»

Но назначение Алексеева главковерхом все же состоялось. Гучков, чтобы заручиться поддержкой с мест, послал телеграмму в 18 адресов: четырем главнокомандующим фронтов и командующим всеми 14 армиями. В телеграмме говорилось: «Временное правительство, прежде чем окончательно решить вопрос об утверждении верховным главнокомандующим генерала Алексеева, обращается к Вам с просьбой сообщить вполне откровенно и незамедлительно Ваше мнение об этой кандидатуре».

Подавляющее большинство ответов, поступивших 21–22 марта (3–4 апреля), было благоприятно для Алексеева. Только командарм-5 М. А. Драгомиров отозвался скептически: «Вряд ли генерал Алексеев способен воодушевить армию, вызвать на лихорадочный подъем, использовать освободительное движение». Н. В. Рузский ответил уклончиво: «По моему мнению, выбор верховного должен быть сделан волею правительства». Брусилов же телеграфировал: «По своим знаниям подходит вполне, но обладает важным недостатком для военачальника — отсутствием

силы воли и здоровья после перенесенной тяжелой болезни».

Брусилов уже и в первые недели после революции фигурировал в качестве кандидата на этот пост. Примечателен сам характер назначения. Он в значительной степени напоминает метод, который употребляли солдаты на митингах при выборах комитетов. Таким было положение в русской армии весной 1917 года.

Тем временем близился срок, избранный еще при старом режиме для начала военной кампании на фронте. Но думать о наступлении в ближайшие недели и не приходилось. 18(31) марта в Ставке было проведено совещание, которое пришло к выводу, что русская армия не сможет начать наступления в согласованный с союзниками срок — во второй половине апреля. Более того, высказывалось мнение о необходимости вообще отказаться от наступательных действий.

По этому поводу Ставка запросила мнения главнокомандующих фронтов. Главкосев Н. В. Рузский считал целесообразным ограничиться обороной, но главнокомандующие Западного и Юго-Западного фронтов были сторонниками активных действий. Они считали, трудно понять, на каком основании, что чем быстрее войска будут втянуты в боевую работу, «тем они скорее отвлекутся от политических увлечений». Брусилов телеграфировал в Ставку: «Сегодня на Военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено: 1) Армии желают и могут наступать; 2) Наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром; 3) Это наступление избавит нас от неисчислимых последствий, которые могут быть вызваны неисполнением Россией ее обязательств, и попутно лишит противника свободы действий на других фронтах… 7) Армия имеет свое мнение, мнение Петрограда о ее состоянии и духе не может решать вопрос; мнение армии обязательно для России; настоящая ее сила здесь, на театре войны, а не в тылах».

В данном случае суждение Брусилова было, несомненно, ошибочным: именно ко мнению Петрограда прислушивалась с каждым днем не только страна, но и армия, и будущее России решалось в тот год не на фронте, а главным образом в тылу.

Через два дня (20 марта) Брусилов прислал в Ставку рапорт, в котором подробно мотивировал положение телеграммы. Не отрицая сложности операции, Брусилов все же полагал, что «нам не следует отказываться от принятого и уже проводимого в жизнь плана действий; мы должны атаковать противника, так как это единственный выход при создавшейся обстановке. При обороне

мы будем непременно разбиты, ибо противник легко может прорвать наше расположение в любой точке, — и тогда мы все потеряли…» Мнение Гучкова о неустойчивости войск Брусилов считал преувеличением. Характеризуя настроение войск на своем фронте, он даже называл его «отличным» и утверждал, что «все хотят и ждут наступления».

Приходится признать, что здесь генерал Брусилов, при всем его знании русского солдата, принимал желаемое за действительное, и в ближайшем будущем его ждали суровые разочарования на этот счет. Пока же главкоюз полагал, что «пассивный образ действий убьет это настроение, разочарует, подорвет их веру в начальников, даст возможность широкого развития пропаганды и будет началом развала армии… Глубоко сознаю, что в настоящее время по общим соображениям нам более, чем когда-либо, необходима победа…» Но не таково было (и это мы знаем теперь доподлинно) мнение крестьян и рабочих России, одетых в серые солдатские шинели, только они в марте 1917 года не осмеливались еще высказывать это мнение открыто. Так начиналось для генерала Брусилова коренное расхождение с русским народом, расхождение столь трагическое и для Брусилова, и для немалого числа других русских офицеров, любивших русскую армию, русский народ, Россию и веривших, что служат ей, когда гонят солдат в бессмысленное наступление…

Мнение главнокомандующих и в этот раз повлияло на решение Алексеева: 30 марта (12 апреля) он отдал директиву о подготовке наступления. По-прежнему основной удар должны были наносить войска Юго-Западного фронта.

Но с самого начала при подготовке к наступлению командование на всех фронтах столкнулось с серьезным препятствием: нежеланием солдат воевать. Наступление было выгодно прежде всего русской буржуазии. Смысл и значение намеченного перехода в наступление глубоко раскрыл тогда же В. И. Ленин: «Вопрос о наступлении вовсе не как стратегический вопрос *поставлен жизнью сейчас,* а как политический, как вопрос *перелома всей русской революции*»[28]. И далее: «Наступление, при всех возможных исходах его с военной точки зрения, означает политическое укрепление духа империализма, настроений империализма, увлечения империализмом, укрепление старого, не смененного, командного состава армии… укрепление *основных позиций контрреволюции*»[29]. Партия большевиков повела кампанию против наступления на фронте, ленинские идеи постепенно все шире проникали в солдатские массы, и все чаще солдаты на фронте высказывали открыто свое нежелание не

только наступать, но и вообще продолжать войну.

На протяжении апреля 1917 года эти настроения приобрели распространение и на Юго-Западном фронте. Брусилов, конечно, не мог сочувствовать подобным явлениям. Для него это был хаос, развал русской армии, которой была отдана вся жизнь. Но и в новой обстановке Брусилов не отгородился от солдат, как поступило немалое число офицеров. Он по-прежнему пытался понять чувства солдат, приспособиться к новым порядкам, как бы тяжело это ни давалось ему. Скрепя сердце он сотрудничает с комитетами, выступает на солдатских митингах, подолгу разговаривает с солдатскими делегациями. «В самом начале революции я твердо решил не отделяться от солдат и оставаться в армии, пока она будет существовать или же пока меня не сменят».

Но, пока Брусилов оставался активным сторонником политики доведения войны до победного конца, его интересы и действия вступали в решительное противоречие с интересами солдатских масс. 21 апреля (4 мая) на съезде представителей армий Юго-Западного фронта Брусилов жаловался на существующее у солдат «стремление заключить преждевременный мир, ослабление дисциплины в некоторых частях, дезертирство и замечающееся с Пасхи братание с противником».

Из всех армий и корпусов фронта поступали донесения в высшей степени красноречивые. Главкоюз имел возможность и лично неоднократно убедиться в настроениях солдат. 24 апреля (7 мая) он доносил Гучкову: «Посетив 21-го сего апреля боевое расположение 3-й Заамурской пехотной дивизии и ознакомившись с настроением некоторых частей ее, я лично убедился, что разрушительная пропаганда мира пустила глубокие корни и тлетворно отразилась на духе этой, прежде геройской, дивизии. Солдаты отрицают войну, не хотят и думать о наступлении и к офицерам относятся с явным недоверием, считая их представителями буржуазного начала. Такое состояние частей действует на соседей, как зараза, Является настоятельная необходимость скорейшего прибытия в части VII и XI армий, готовящихся к решительному удару, вдохновленных, горячо любящих родину членов Государственной думы и рабочих депутатов для самой искренней и горячей проповеди необходимости вести победоносную войну; необходимо, чтобы депутаты были демократичны и могли бы пробыть (в) частях более продолжительное время. Прошу указаний, возможно ли рассчитывать на командировку таких лиц…»

Не прошло и полутора месяцев, как оценка Брусиловым настроений на фронте резко изменилась. Он теперь готов искать помощи именно в Петрограде в надежде, что «горячо любящие

родину» соглашатели-меньшевики и эсеры смогут уговорить его солдат идти в бой.

Но на Юго-Западном фронте положение, с точки зрения Ставки, было еще спокойным, если сравнивать с ситуацией на Северном, ближайшем к Петрограду, фронте. Это со всей определенностью выяснилось, когда 1(14) мая генералы собрались в Ставке и обменялись мнениями.

Брусилов выступал первым после вводного слова Алексеева. Процитируем несколько мест из этого пространного выступления.

— До Пасхи, — говорил Брусилов, — были у нас разные прорухи, так как на нас неожиданно свалилось много забот… Во время Пасхи развились братания, которые приняли повальный характер по всему фронту, после чего наступила сильная дезорганизация войск.

Лейтмотивом общественного настроения было следующее: «Немец ничего себе, человек недурной, воевать не хочет, в этом виноваты француз и англичанин. Наступать нам нечего, если объявлен мир без аннексий и контрибуций, то не для чего нам и кровь проливать». В частности, в одной из частей, совсем пропащей, 8-м Заамурском полку, мне говорили: «Зачем теперь мы будем умирать? Нам дана свобода, обещана земля, зачем же мы будем калечиться? Нам надо сохранить себя. И мы и семьи наши будут этим довольны. Нам нужей мир».

Брусилов не мог скрыть своего огорчения, когда рассказывал о дальнейшей беседе в Заамурском полку:

— Я много говорил им о неправильности их взгляда и о необходимости для нас наступления. Мне ничего не возразили и только попросили разрешения принести их резолюцию. Я согласился. Принесли и поставили большой красный плакат: «Долой войну, мир во что бы то ни стало». Хотели было они уйти с позиций, но удалось уговорить остаться. Я рассчитываю, что этот тяжелый и неприятный дух может измениться и мы к концу мая — началу июня сможем перейти в наступление, которое могло бы дать хорошие результаты, так как у нас теперь много сил и средств…

Отношение солдатских масс к правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов следующее: на правительство они не надеются, для них все в Совете рабочих и солдатских депутатов. Если затронуть последний — это вызывает у них злобу и раздражение. Признание это, видимо, далось нелегко генералу Брусилову. Вот тут бы и задуматься ему: «А почему же солдаты так верят Совету и не иду ли я, генерал Брусилов, вопреки воле моих солдат, в конечном счете вопреки воле русского народа?» Понимание этого придет к Брусилову не скоро. Но оно придет!

— Офицеры к перевороту подготовлены не были. Пятнадцать-двадцать процентов их пошло к солдатам, некоторые подлаживались к ним, другие по своим убеждениям, некоторые же из желания добра общему делу, но таких мало. Большинство офицеров — до семидесяти пяти процентов — спряталось в свою скорлупу, считая себя обиженными событиями.

Среди солдат много было рабочих и людей, подготовленных к политической жизни, многие из солдат уже стали большевиками.

Главкоюз перечислил части, в которых эти, как он полагал, «зловредные идеи» укоренились сильнее других, и продолжал:

— Солдаты управляются лишь нравственным авторитетом Совета солдатских и рабочих депутатов, офицеры и начальники вообще для них не больше как буржуи, так как стоят за Временное правительство и против Совета. Последнее обстоятельство объясняет возникшую между солдатами и офицерами рознь, поэтому быстрое сцепление их вместе невозможно.

Офицеры в большинстве случаев говорить не могут, их всегда забьет словом «оратель» — большевик.

Я говорил уже, что при установившемся ныне перемирии наши войска на месте стоять могут, по если немцы ударят, последует отход, который при существующей дезорганизации поведет к катастрофе…

Брусилов подвел итог: в настоящее время его армии наступать не в состоянии, может быть, через месяц, полтора. К таким же выводам пришли другие главнокомандующие — генералы Гурко, Драгомиров, Щербачев и Алексеев. Удивительнее всего, что, наглядно и правильно представляя ситуацию на фронте, понимая, что наступление не может быть удачным, генералы все же объединились во мнении: наступать надо, хоть солдат и придется гнать в бой. Несомненно, решение это определялось узкоклассовыми интересами собравшихся. Но, не говоря уже о том, что высшие военачальники армии должны были представлять размер катастрофы, неизбежно последующей за неудачным наступлением, их решение было преступным и с нравственной точки зрения: гибнуть в бессмысленном наступлении предстояло девяткам тысяч русских солдат.

Брусилов на совещании выступил еще раз:

— Я очень близко знаком с армией, ежечасно принимая различные депутации с фронта, и хотя убежден в могуществе России и ее армии, но должен сознаться, что в настоящее время наша армия — не армия, а просто толпа солдат, с одной стороны, и офицеры — с другой. Конечно, в будущем они сольются вместе, но пока между ними существует рознь, основанная на различном

отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов…

— Я пользуюсь доверием солдатских масс, но я никогда не решился бы затронуть некоторых вопросов, иначе потеряю свой престиж…

— Я считаю, что наступивший порядок — хороший. Я стою на стороне Временного правительства, но сознаю, что двоевластие, анархия, надвигающаяся на Россию, может погубить Россию. Каждая страна переживает такой кризис, некоторые погибают. Но я верю, что Россия выйдет из создавшегося положения, только ценою чего? Движение само остановиться не может, его остановить можно только ценою крови. Максимум ее прольется при демобилизации. Солдаты уже теперь говорят о возвращении их с войны с оружием для захвата земли. Я верю в здравый смысл русского народа, и он после грядущих потрясений опять попросит палку, и тогда начнется успокоение…

Тут Брусилов сослался на пример французской революции и закончил:

— Но наша страна вернется не к старому, а к более благоразумному порядку вещей…

Таким образом, уже в начале мая 1917 года генерал Брусилов предвидел неминуемое приближение гражданской войны. Но если эта ужасная для всех времен и народов перспектива страшила и угнетала его, то из речей других присутствующих на совещании генералов, особенно Алексеева и Щербачева, становилось очевидным, что они не поколеблются развязать гражданскую войну, не постесняются силой оружия расправиться со взбунтовавшимся русским народом.

Совещание решило, что Алексеев и главнокомандующие фронтов должны поехать в Петроград, чтобы там попытаться договориться с Временным правительством о совместных действиях по подготовке наступления. Алексеев испросил у премьера — Г. Е. Львова разрешения прибыть в столицу. Выехали экстренным поездом.

Утром 3 мая прибыли в Петроград. Но на вокзале генералов ждал новый военный министр, Гучков ушел в отставку, и его заменил А. Ф. Керенский. Вместе с ним приехавших встречал и командующий Петроградским военным округом Л. Г. Корнилов. Увиденное в столице настроило Брусилова на еще более печальные мысли. Началось с того, что солдаты почетного караула, невзирая на команду «смирно!», продолжали стоять «вольно» и высовывались из рядов, чтобы получше видеть генералов. На приветствие Алексеева отвечали они вяло, как бы с усмешкой, и выражение это оставалось на их лицах до конца церемонии; мимо генералов прошли небрежно, как бы из

снисхождения к такому незначительному лицу, как верховный главнокомандующий.

Еще более поразил Брусилова вид самого города, и котором он прожил так долго, но давно не бывал. Улицы, площади и здания были, конечно, прекрасны, как и прежде, но не это бросилось в глаза старому петербуржцу: поражало изменение атмосферы, разительное отличие публики. Не существовало более чиновного, строгого, казенного Петербурга. Вместо него кипел, шумел, волновался, спорил, агитировал, ораторствовал на всех перекрестках и площадях Петроград демократический, Петроград революционный. Он был своеобычен, этот город революций, но и пугающе грозен для генералов, прибывших с фронта.

Председатель Совета министров встретил генералов очень любезно, но и в поведении Львова чувствовалась некая неуверенность: он как раз вел переговоры с Советом рабочих и солдатских депутатов о создании нового правительства, в которое должны были войти эсеры и меньшевики.

Совещание началось в 4 часа на квартире Львова в доме на Театральной площади. Алексеев подробно описал военно-стратегическое положение, главнокомандующие фронтов дополнили его. Общий тон сообщений свидетельствовал, что положение в действующей армии, хотя и очень трудное, но не безнадежное. Генералы хотели одновременно и попугать Временное правительство и в то же время не доводить испуг до степени паники, чтобы побудить буржуазных политиков действовать более активно и решительно.

Обедали у Львова, затем продолжали обсуждение до 11 часов вечера. На следующий день в Мариинском дворце собрались послушать генералов министры, часть членов Государственной думы, депутаты Петроградского Совета. По выражению Брусилова, «говорено было много» — этим страдала в ту пору вся Россия, от края до края и от мала до велика. И, как обычно в таких случаях, толку от разговоров было немного. Содержание своего выступления перед меньшевистско-эсеровскими деятелями Совета Брусилов вкратце изложил так:

«Я говорил, что не понимаю смысла работы эмиссаров Совета рабочих и солдатских депутатов, старающихся углублять развал армии, якобы опасаясь контрреволюции, проводником которой якобы может быть корпус офицеров. Я считал необходимым заявить, что я лично и подавляющее число офицеров сами, без принуждения присоединились к революции, теперь мы все такие же революционеры, как и они. Никто не имеет права подозревать меня и офицеров в измене народу, а потому не только прошу, но настоятельно требую прекращения травли офицерского состава,

который при подобных условиях не в состоянии выполнять своего назначения и продолжать вести военные действия. Я требовал доверия, в противном же случае просил уволить меня от командования войсками Юго-Западного фронта…»

Несомненно, Брусилов был искренен, когда говорил о своей преданности Временному правительству и «делу демократии». Но так же несомненно, во-первых, что совершенно напрасно ручался он за «подавляющее число» офицеров, среди них было немало и настроенных открыто контрреволюционно. Во-вторых, искренность намерений следует сопоставлять и проверять делами, о людях, как и о политических партиях, судят не по словам, а по делам. Не приходится сомневаться, что некоторые действия Брусилова (о них — ниже) лили воду на мельницу контрреволюции, хотя он, вероятнее всего, этого и не хотел и не понимал, что делает.

В Петрограде Брусилов впервые встретился с Керенским. Ловкий, удачливый и вследствие того популярный дореволюционный адвокат, обладавший недюжинным красноречием, скорее краснобайством, Керенский в первые послереволюционные месяцы стал кумиром мелкобуржуазных слоев города, интеллигенции. «Душка Керенский» умел производить впечатление — в основном на политических младенцев. Видимо, поначалу он понравился и Брусилову.

Совещание в целом закончилось безрезультатно. Поскольку все же наступать предполагалось, Брусилов просил Керенского приехать на Юго-Западный фронт, чтобы «воодушевить» войска изложением позиции Временного правительства. Керенский обещал.

Через день Брусилов снова был на фронте. 7 мая он выступал на заседании фронтового съезда. Приветствовали его очень горячо, и аплодисменты прекратились только по знаку самого Брусилова:

— От всего сердца благодарю вас, дорогие боевые товарищи и друзья, за эту горячую встречу, которую вы мне устроили…

Два часа на закрытом заседании съезда Брусилов говорил о положении в армии, о поездке в Петроград. Сообщил и о беседе с новым военным министром:

— Александр Федорович Керенский, — сказал Брусилов, — именно тот человек, который нужен России в настоящий момент на таком ответственном посту…

Брусилов еще не понимал — России нужны были совсем иные люди…

Керенский не замедлил выполнить обещание: 12 мая он пожаловал на Юго-Западный фронт. С ним приехал Альбер Тома

— французский министр-«социалист» явился в Россию, чтобы убедиться в готовности ее продолжать войну. Теперь он разъезжал по стране, уговаривая русских рабочих в тылу и солдат на фронте «потрудиться» на благо войны, то есть во имя интересов французских и русских капиталистов.

Керенский выступил на съезде, а на следующий день он и Брусилов смотрели в Бучаче «батальон смерти». Тут необходимо объяснение.

На Юго-Западном фронте возникла мысль о создании особых, ударных частей, которые состояли бы из добровольцев, признававших дисциплину и готовых идти в бой по первому приказанию начальства. Инициаторами организации ударных батальонов были подполковник В. К. Манакин и капитан М. А. Муравьев, тот самый, что впоследствии, в октябре 1917 года, руководил боевыми действиями против войск Краснова — Керенского под Петроградом, а в июле 1918 года пытался поднять мятеж против Советской власти на Волге. Брусилов счел полезным формирование ударных батальонов. Один из таких батальонов и показали Керенскому. Военному министру понравились и батальон и сама идея. Брусилов получил согласие на дальнейшее формирование. 16(29) мая он телеграфировал Алексееву о разрешении Керенского и начале вербовки волонтеров. 24 мая он сообщал Керенскому о том, что «приступил к формированию революционных батальонов из волонтеров центра России».

Возможно, что основной идеей, которой руководствовался Брусилов при организации этих батальонов, было желание иметь в предстоящем наступлении под руками хоть некоторое количество надежных частей — разложение армии продолжалось стремительно.

Не менее очевидно и то, что с самого начала существовало намерение употребить эти батальоны и против тех фронтовых частей, которые откажутся выполнять распоряжения начальства и не пойдут в наступление. Главное же: Брусилов не мог гарантировать, что ударные батальоны не будут употреблены против революционного движения рабочих и крестьян в тылу. В дальнейшем так и произошло. Таким образом, может быть, и против своей, воли, не сознавая того, генерал Брусилов оказался споспешником контрреволюции.

Несколько дней Керенский и Брусилов объезжала войска фронта, побывали даже вблизи от передовой, и, хотя на позициях царствовала тишина, впоследствии Керенский не преминул принять предложенный ему подхалимами Георгиевский крест.

Повсюду солдаты встречали министра и

главнокомандующего горячо, и повсюду Брусилов, на долю которого также выпало немало оваций, обращался к войскам с вопросом:

— Могу ли я от имени своих войск поручиться перед военным министром, что они честно исполнят свой долг перед родиной и народом, когда это потребуется, пойдут умирать за свободу?

Повсюду с энтузиазмом отвечали: «Да».

В Бучаче солдаты три версты сопровождали медленно двигавшуюся машину с Керенским и Брусиловым, сидящие в машине пожимали сотни тянущихся к ним солдатских рук…

Впоследствии Брусилов писал, что пригласил Керенского на фронт преимущественно для того, чтобы убедить Временное правительство в верности офицерского корпуса «демократии». Кроме того, это было последнее средство, могущее побудить к наступлению солдат. О солдатских обещаниях Керенскому главкоюз выразился так: «Солдатская масса встречала его восторженно, обещала все, что угодно, и нигде не исполнила своего обещания».

Лично для Брусилова близкое знакомство с Керенским имело важные последствия. Временное правительство было недовольно М. В. Алексеевым и подыскивало лишь повод для его снятия. Повод такой нашелся: 7(20) мая Алексеев, выступая на съезде офицеров армии и флота, назвал «утопической фразой» лозунг мира без аннексий и контрибуций. Это вызвало скандал. 22 мая (4 июня) 1917 года Алексеев был снят с поста верховного главнокомандующего, и на его место назначен Брусилов.

В канун наступления Временное правительство надеялось использовать в своих интересах имя популярного в армии и стране генерала. Львов и Керенский не сомневались, что Брусилов поддержит политику правительства; значит, его можно использовать в качестве послушного орудия. Так генерал Брусилов, хоть и ненадолго, всего на два месяца, удостоился высокой чести — занял высший в русской армии пост.

Вступая на этот пост, Брусилов, однако, руководствовался своими собственными соображениями. «Одно тут чрезвычайно тяжелое, — писал он брату Борису, — это грандиозная ответственность перед Россией. Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ищу, но от всей души желаю и имею лишь одну цель — спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны… У меня глубокая внутренняя убежденность, что мы победим и с честью выйдем из титанической борьбы. В таком тяжелом положении Россия еще никогда не была, но чувствую, что мы выйдем из нее обновленными и крепкими и все устроится хорошо. Старое

правительство действовало безумно и довело нас до края гибели, и это безумие ему простить нельзя. Затхлая и невыносимая гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно, чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная Россия с ее лучезарным будущим. Теперь же Россия больна, но этого пугаться не нужно, ибо ее здоровый организм вынесет эту болезнь, необходимую для ее развития».

Человека с такими мыслями, высказанными в личном письме и потому не предназначенными для обнародования, трудно представить в роли диктатора, вооруженной рукой подавляющего народное движение. В воспоминаниях, однако, Брусилов несколько по-другому характеризует свое настроение в это время: «Я понимал, что, в сущности, война кончена для нас, ибо не было, безусловно, никаких средств заставить войска воевать. Это была химера, которою могли убаюкиваться люди вроде Керенского, Соколова и тому подобные профаны, но не я». Думается, что в письме брату Брусилов был искреннее, в мае 1917 года он все еще верил в какое-то чудо, в эту самую «химеру». Отметим, что предложение занять должность верховного главнокомандующего Брусилов, по его словам, принял только потому, что «решил во всяком случае оставаться в России и служить русскому народу». «Во всяком случае» — запомним это!

24 мая (7 июня) в Каменец-Подольске Брусилов прощался с сослуживцами. От имени чинов штаба его приветствовал Сухомлин, поднес Брусилову образ…

— Я по натуре человек независтливый, — отвечал Брусилов. — Но бывают моменты, когда завидуешь тем, которые обладают даром красноречия. Для меня теперь настал такой момент. Я хотел бы всех вас поблагодарить так, как я это чувствую, но, к сожалению, не в состоянии сделать это.

Он вспомнил и о 1915 годе, и о приеме фронта в марте 1916 года…

По-прежнему он страстно и искренне продолжал мечтать о победе над Германией. В первом своем приказе новый верховный главнокомандующий призывал войска сплотиться вокруг красного стяга с девизом «Свобода, равенство и братство» и ринуться на врага. «Я смело, без колебания, принимаю на себя этот тяжелый пост служения народу для выполнения поставленной народом цели: довести нашего врага до согласия заключить с нами и нашими союзниками мир, почетный для нас и справедливый для всех». Обратите внимание, читатель: «довести врага», не разгромить, не уничтожить — об этом Брусилов, видимо, уже не мыслил.

28 мая (10 июня) в Ставку на совещание приехал Керенский.

Договорились о сроке наступления: 10(23) июня для Юго-Западного фронта и 15(28) июня для остальных. Брусилов выехал на фронт для знакомства с обстановкой и уже 2(15) июня телеграфировал Керенскому: «На Северном фронте впечатление пестрое, на Западном тоже, но несколько лучше. Предполагаю атаковать на Юго-Западном фронте 12(25) июня. Раньше невозможно. В общем, считаю, что есть шансы на успех, размер которого теперь невозможно определить. Сообразно назначенным числам легко распределить ваши разъезды». Затем наступление было перенесено еще на четыре дня: Керенский намеревался посетить войска, которым предстояло нанести главные удары, и провести там митинги. Предполагалось, что это поднимет боевой дух частей до необходимого уровня.

Впечатления Брусилова от посещения Северного и Западного фронтов были более чем «пестрыми»: положение здесь оказалось еще серьезнее, чем на Юго-Западном. К примеру, Брусилову вместе с недавно назначенным главнокомандующим Западного фронта А. И. Деникиным пришлось успокаивать солдат только что сформированной 2-й Кавказской гренадерской дивизии. Солдаты выгнали всех начальников и грозили убить того из них, кто вздумает возвратиться, на митинге было постановлено ни больше ни меньше как идти домой!

Без колебаний Брусилов дал знать в дивизию, что едет в ее расположение, взял с собой Деникина и отправился на автомобиле: он полагал, что солдаты верили ему. Дивизия встретила генерала достаточно организованно, солдаты собрались без оружия. На приветствие Брусилова ответили дружно и с интересом слушали дискуссию главковерха с представителями солдат. В конце концов Брусилову удалось уговорить солдат принять офицеров обратно, но наступать они категорически отказались.

Такие случаи были отнюдь не единичными, и от Брусилова требовалась немалая энергия при подготовке наступления. Эсеро-меньшевистские комитеты фронтов и армий стремились помочь командованию; без их участия вряд ли бы удалось понудить солдат к активным действиям. Любопытный эпизод произошел на Западном фронте.

Исполком Западного фронта 4(17) июня специально рассмотрел вопрос о приезде Брусилова на фронт и постановил: «Послать телеграмму на имя генерала Брусилова через штаб фронта о том, что есть вопросы, которые желательно было бы комитету обсудить в присутствии В. главнокомандующего». Дальнейшее нам известно из воспоминаний большевика И. Е. Любимова — члена Исполкома Западного фронта.

Брусилов и Деникин приехали на заседание Исполкома: «Маленький, тщедушный Брусилов — «типичный рубака». Говорил он непривычные слова о революции, о свободе, и вылетали они неуклюже, отрывочно, как дурное и непривычное командование эскадрону.

— Как смотрит комитет на положение, о чем считает нужным заявить? — спрашивает он.

— Вот командование не дает нам автомобилей, не оказывает содействия в работе, — как-то некстати заявил председательствовавший товарищ председателя Исполкома эсер Полянский…

Вдруг поднимается здоровенная солдафонская фигура генерала и, стуча кулаком по столу, заявляет:

— Какое вам содействие! Вы скажите сначала, как вы смотрите на наступление и отменили ли вы пораженческие резолюции?»

Это не выдержал Деникин. Действительно, Исполком принимал, правда, половинчатые резолюции об отношении к войне. Полянский поспешил зачесть новую резолюцию, и Деникин выразил свое удовлетворение ею. Гармония, казалось, была достигнута, но поведение Деникина обидело эсеровских руководителей Исполкома, один из них поднялся и обратился к Брусилову:

«— Мы здесь собрались с представителями военного командования по меньшей мере как равные с равными. Поведение генерала Деникина грубо и недопустимо, и я предлагаю ему вести себя на нашем собрании более корректно, иначе мы вынуждены будем покинуть заседание.

Брусилов извиняется за Деникина, говорит, что не стерпело его русское сердце. Деникин сидит с налитым кровью лицом и злобно блестящими глазами….»

Эсеровско-меньшевистские комитеты на фронте с каждым днем теряли свое влияние на солдат, и, напротив, большевики становились реальной силой повсеместно. В такой обстановке перспективы предстоящего наступления выглядели достаточно мрачно. Ознакомившись с рапортом Деникина о положении на Западном фронте 11(24) июня, Брусилов наложил резолюцию: «При таком настроении стоит ли подготовлять тут удар?»

И все же он торопился с наступлением. Но начало его пришлось перенести еще раз: во-первых, Керенский непременно хотел заручиться одобрительной резолюцией I Всероссийского съезда Советов, заседавшего в Петрограде, и, во-вторых, военный министр намеревался выехать на фронт, чтобы своим словом «воодушевить» войска перед наступлением. Промедление явно

нервировало Брусилова; 11(24) июня он сообщал Керенскому: «Отложить представляется возможным только на два дня. Дальнейшее промедление может слишком вредно отразиться на успехе операции. Противник уже ясно чувствует подготовку с нашей стороны и на главных направлениях, дабы помешать нам, начинает огневые нападения, а на фронте одной из ударных армий после артиллерийской подготовки сам делает попытки небольшого наступления. Вероятно, подтягивает и резервы…»

Прошло еще два дня, а резолюции съезда все не было. 12 июня Брусилов по прямому проводу вызвал Керенского, настаивая на немедленном приезде. Начальник кабинета военного министра (Керенский был занят — в Таврическом дворце уговаривал делегатов съезда) успокаивал Брусилова: «Резолюция будет вынесена сегодня или завтра… К нам уже прибывало немало делегаций с фронта от частей… Все они уехали в общем удовлетворенные, но это показывает, что для верности приезд туда на место самого министра с резолюцией солдат и рабочих… совершенно необходим».

Только прикрываясь авторитетом съезда, могло Временное правительство погнать солдат в наступление. Поскольку эсеры и меньшевики располагали на съезде значительным большинством, им удалось добиться угодной резолюции. Располагая ею, Керенский выехал на фронт.

Уже тот факт, что такой вопрос, как начало стратегической операции, безусловно требующий строжайшей тайны, обсуждался громогласно с трибуны и в печати, решался голосованием, уже сам этот факт предвещал мало хорошего. Теперь же Керенский посещал участки ударных армий, произносил громовые речи на митингах, и места этих посещений усердно и точно отмечались на разведывательных картах германского генерального штаба. О внезапности удара и говорить не приходилось.

За истекшие с момента назначения на пост военного министра полтора месяца Керенский разработал целую систему «оздоровления» армии путем выпуска воззваний, приказов и поездок с агитационными речами — на них бывший адвокат больше всего рассчитывал, и вся его военная деятельность, в сущности, к ним и свелась. Во время таких поездок Керенский говорил перед солдатами только на одну тему — о необходимости наступать. Мотивировалась эта необходимость обычно желанием помочь союзникам, а кое-где Керенский призывал солдат идти вперед, на проволочные заграждения, еще и потому, что «там нас ждет земля и воля…». Вся буржуазная печать пела дифирамбы Керенскому, не жалея эпитетов для этого «героя».

Меньшевикам и эсерам удалось помочь буржуазии и принудить войска к наступлению. В. И. Ленин писал, что «свою задачу правительство могло выполнить лишь потому, что ему поверила, за ним пошла армия. Пошла на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира»[30].

16(29) июня артиллерия Юго-Западного фронта открыла огонь по позициям австро-венгерских войск. В тех же местах, где осенью 1916 года затухло наступление Брусилова, вновь началась серьезная операция. Она, пожалуй, превосходила прошлогоднюю по величине сил и, уж конечно, по количеству введенной в дело тяжелой артиллерии.

Наступало четыре армии (с севера на юг): Особая, 11, 7 и 8-я. Главный удар наносили 11-я и 7-я армии. Подготовка, казалось, была самой тщательной: в полосе протяженностью в 100 верст удалось сосредоточить 52 пехотные и 8 кавалерийских дивизий; их поддерживало 1114 орудий. Значительным было массирование сил и средств: до 2–2,5 дивизии и 30–35 орудий на версту фронта. Русская артиллерия выглядела грозной силой. Управление ею было полностью централизовано, при подготовке к наступлению применялись новейшие методы разведки. На участках прорыва русские войска превосходили противника по людям в три раза, по артиллерии — в два. Не было недостатка в боеприпасах — положение резко изменилось даже в сравнении с 1916 годом, не говоря уже о 1915 годе.

Брусилов, теперь верховный главнокомандующий, не был стеснен, как за год до того, указаниями Ставки, он, казалось бы, мог проявить всю мощь своего стратегического таланта. Но наступление было обречено на неудачу: никакое изобилие технических средств, никакие стратегические способности военачальников не могут привести к успеху войска, не желающие воевать.

18 июня (1 июля) 1917 года после двухдневной артподготовки, сровнявшей вражеские окопы с землей, 11-я и 7-я армии перешли в наступление. Первые два дня они имели тактический успех, были захвачены 2–3 линии окопов противника. Но вскоре продвижение замедлилось: войска стали обсуждать приказы и митинговать. Попытки возобновить наступление не дали результатов.

Но неожиданно для командования успех пришел в полосе 8-й армии, той самой, которой двадцать месяцев командовал Брусилов. Теперь ее возглавлял Л. Г. Корнилов. Начав наступление 23 июня (6 июля), ее войска прорвали оборону противника южнее Станислава, а через два дня — севернее этого

города. Появились трофеи — 48 орудий и пленные — 7 тысяч человек. 27 июля был занят Галич, на следующий день — Калуш. 8-я армия наступала там же, где и три года назад, в августе 1914-го…

Главнокомандующий фронта А. Е. Гутор и Брусилов попытались использовать успех 8-й армии, решив укрепить ее соединениями 7-й армии, но для продолжения наступления боеспособных частей уже не было, они отказывались выходить на позиции.

Это обстоятельство побуждало Брусилова к действиям, которые с неизбежностью должны были привести его в лагерь контрреволюции. 24 июня он телеграфировал Львову об ухудшении состояния войск 5-й армии на Северном фронте, где «благодаря агитации, идущей с тыла и главным образом из Петрограда, многие части отказываются занимать позиции и категорически высказываются против наступления. Во многих частях настроение крайне возбужденное, а в некоторых полках открыто изъявляют, что для них, кроме Ленина, других авторитетов нет». Брусилов просил помощи для борьбы с «агитаторами ленинского направления» и заключал, что «оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену, причем эта последняя мера должна быть проведена не только в районе действующей армии, но должна касаться и тыла…».

Однако верховный главнокомандующий не обладал реальной властью и возможностями. Когда 12-я и 13-я сибирские стрелковые дивизии 7-й армии отказались выступить на фронт и собрались уходить на отдых в тыл, расформировать их командование просто не могло, и главковерху пришлось увещевать солдат: «Я всегда считал 7-й Сибирский корпус выдающимся, отличным и чрезвычайно опечален, что он осрамил себя перед всей Россией. Неужели вы, офицеры и солдаты 12-й и 13-й стрелковых сибирских дивизий, оторвались совсем от ваших доблестных полков и более не хотите принадлежать к русской революционной армии? Неужели вы более не дорожите званием боевых товарищей? Неужели вы не дорожите свободой и замарали неповиновением ваши красные знамена и плюнули на великие слова: свобода, равенство и братство? Я, ваш старый и до сих пор любивший вас главнокомандующий, не могу и не хочу этому верить…»

Но чем мог грозить Брусилов неповиновавшимся сибирским стрелкам? Он писал о лишении их гражданских прав, прав участия в выборах, лишении земельных наделов. Эти угрозы

имели малый вес по сравнению с овладевшим солдатами непреодолимым желанием: хватит войны, пора домой, делить помещичью землю!

Генерал Брусилов явно не сознавал, что путь, на котором он стоит, ведет к контрреволюции. 26 июня (9 июля) на заседании Совета, где присутствовали Керенский, Брусилов и Лукомский, один из членов Совета обратился к Брусилову:

— Вы залетная ласточка, которая своим присутствием у нас подчеркнула свою солидарность с нами. Но восемьдесят восемь процентов офицеров Ставки думают иначе, всячески мешают нашей работе, своими действиями создают опасность контрреволюционных проявлений.

На это Брусилов отвечал:

— В присутствии министра я, верховный главнокомандующий, принесший присягу служить русской армии, заявляю, что контрреволюции не может быть. Я этого не допущу…

Генерал Брусилов оказался политически близоруким — контрреволюция была совсем рядом.

Известие о неудаче наступления и тяжелых потерях армии всколыхнуло страну. Утром 3(16) июля солдаты 1-го пулеметного полка в Петрограде выступили с требованием свержения Временного правительства. 4 июля в столице произошла грандиозная антивоенная демонстрация. Но меньшевики и эсеры вступили в сговор с Временным правительством, в Петроград были стянуты верные ему войска. Репрессии обрушились на партию большевиков, В. И. Ленин был вынужден скрыться в подполье. Двоевластие кончилось. Вся власть теперь была в руках Временного правительства, и оно, это правительство, было контрреволюционным.

На Юго-Западном фронте тем временем продолжались попытки наступать на участке 8-й армии. Поскольку ее соседи справа не продвигались, Брусилов начал беспокоиться за правый фланг 8-й армии: ему грозила опасность со стороны Рогатина. Он неоднократно указывал главкоюзу, а тот Корнилову, на эту опасность и необходимость развивать главный удар на Рогатин. Но все указания оставлялись Корниловым без внимания, он не изменился с 1914 года, и неудачи мало чему научили его. Вскоре наступательный порыв 8-й армии стал угасать.

Противник тем временем не дремал. Прорыв русских войск на Калуш ставил австро-венгров в трудное положение, и против 8-й армии начали появляться германские дивизии. В свою очередь, германское командование, зная о будущем русском наступлении, заранее подготовило контрудар по правому флангу Юго-

Западного фронта. Утром 6(19) июля после сокрушительной артподготовки немцы нанесли контрудар по войскам 11-й армии, и тут обнаружилось, что русские части сражаться не хотят: без разрешения они начали отходить. К концу дня фронт был прорван на участке шириной в 20 верст и глубиной в 15. Многие части, получив боевые приказы, обсуждали их сначала в комитетах, потом на митингах, тратили время, а то и вовсе отказывались исполнять приказы.

7(20) июля Брусилов писал главкоюзу Гутору, что войск на фронте у него более чем достаточно, но необходимо их заставить драться: «Не допускаю мысли, чтобы между сосредоточенными в районе прорыва частями не нашлось доблестных и верных долгу полков, которые не остановили бы небольшие части противника, наступающие только потому, что перед ними отходят. Приказываю не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контратаку и восстановить положение. Отхода 7-й армии не допускаю. Не допускаю и мысли, что развитие успеха противника может угрожать Тарнополю…

Но положение становилось хуже с каждым часом. В Ставку приехал Керенский. С 8 июля он возглавлял правительство, сохранив и пост военного министра, По приказу Керенского Брусилов выехал на Юго-Западный фронт для смены Гутора с поста главкоюза и водворения вместо него Корнилова (последнему покровительствовал комиссар 8-й армии Борис Савинков, имевший большое влияние на Керенского).

Брусилов не считал удачным как момент, выбранный для смены командования, так и кандидатуру Корнилова, но все же согласился. Приехав на Юго-Западный фронт, он был удивлен поведением Корнилова: тот соглашался заместить Гутора лишь при определенных условиях. «На это я ему ответил, — писал Брусилов, — что никаких его условий в данный момент я выслушивать не буду и не приму, и считаю, что высший командный состав подает в данном случае дурной пример отсутствия дисциплины, торгуясь при назначении в военное время чуть ли не на поле сражения. Тогда он сдался и без дальнейших возражений вступил в исполнение своих новых обязанностей».

Отступление русских войск продолжалось. 12(25) июля германцы заняли Тарнополь. После этого начали отходить войска 7-й и 8-й армий, и весь Юго-Западный фронт пришел в расстройство. Русские войска, не оказывая никакого сопротивления, бросали позиции и отходили на восток. Новый главкоюз, пытаясь их остановить, решил спасти положение,

прибегнув к жестоким мерам. Корнилов сразу же отказался от «брусиловской системы уговаривания» (такое название она получила у генералов типа Деникина и Корнилова) и потребовал, учитывая серьезность положения, запретить всякие митинги в районе боевых действий, а в случае попыток их устраивать — стрелять в митингующих. Но ничего не помогало: обсуждение приказов в комитетах и на митингах продолжалось, и Юго-Западный фронт отступал.

Не спасла положения и атака Западного фронта. С утра 6(19) июля здесь началась мощная артиллерийская подготовка. Длилась она три дня; артиллерия практически уничтожила укрепления врага. Современные исследователи оценивают эту артиллерийскую подготовку как проведенную блестяще. Войска, поднявшись в атаку, почти не встретили сопротивления, прошли две-три линии окопов, побывали на неприятельских батареях, сняли прицелы с орудий и… вернулись назад. На следующий день боевые действия не возобновлялись.

Видимо, Брусилов понял неспособность русских войск к настойчивым атакам. 9(22) июля он телеграфировал главкозапу: «Повторные удары частями других корпусов могут расстроить и эти части, не дав ощутительного результата, почему ставлю первой вашей задачей сохранение боеспособности армии, чтобы отнюдь не повторилось происшествие на Юз-фронте, когда расстроенные атаками части бросили от незначительного удара со стороны противника позиции и начали неудержимо отступать…» Такие же указания последовали Северному и Румынскому фронтам. Верховный главнокомандующий наконец осознал, на что была пригодна его разложившаяся армия, и отказался от призрачной возможности наступать.

Июньское наступление дорого обошлось русской армии: было убито, ранено и попало в плен 1968 офицеров и 36361 солдат. Так закончилась последняя военная операция, которой руководил генерал Брусилов, закончилась не к его чести.

Репутация Брусилова в армии и стране, заработанная за долгие годы службы, серьезно пострадала в эти дни, и не только из-за неудачи наступления, но и потому, что с его фамилией оказалось связанным решение Временного правительства о восстановлении смертной казни на фронте. Инициаторами этого решения были Корнилов и Савинков, требовавшие восстановить полевые суды и смертную казнь и получившие в этом поддержку Керенского. Брусилов в воспоминаниях утверждает, что сознавал бесполезность и даже вредность этого приказа, но все же согласился с Керенским и Корниловым. 12(25) июля смертная казнь была восстановлена.

На эти несколько дней середины июля 1917 года, когда войска Юго-Западного фронта отступали, приходятся и другие приказы, бросающие пятно на политическую репутацию Брусилова. 9(22) июля за подписью Керенского и Брусилова главнокомандующим фронтов был разослан приказ о применении оружия за неисполнение распоряжений командования и революционную агитацию в войсках. 10 июля Брусилов отдал приказ о запрещении митингов и собраний в войсковых частях. 12 июля появился приказ Брусилова, требовавший применять самые решительные меры для восстановления дисциплины и запрещавший комитетам вмешиваться в оперативные распоряжения и боевые приказы. Впоследствии Брусилов писал, что некоторые из этих приказов появились под давлением извне, но это ни в коей мере не снимает ответственности главковерха за такие распоряжения. Так заканчивалось его пребывание на посту верховного главнокомандующего.

И все же Временное правительство, руководствовавшееся классовыми интересами буржуазии, не было довольно Брусиловым. Двоевластие кончилось, но для расправы с революционным движением требовалась «сильная» власть, необходим был диктатор. Годился ли для этой цели Брусилов? Позднее он вспоминал, что в последние недели пребывания на фронте ему задали приватно вопрос: будет ли он поддерживать Керенского, если тот найдет необходимым стать диктатором? Брусилов ответил:

— Нет, ни в коем случае, ибо считаю в принципе, что диктатура возможна лишь тогда, когда подавляющее большинство ее желает.

«Я знал, — писал Брусилов, — что, кроме кучки буржуазии, ее в то время никто не хотел, в особенности же ее не хотела вся солдатская масса на фронте, которая приняла бы это как контрреволюцию, следствием чего явилось бы непременно избиение офицерского состава. Это во-первых, а во-вторых, я считал Керенского по свойству его истерической натуры лицом для этого дела абсолютно неподходящим. Тогда мне был предложен вопрос: не соглашусь ли я сам взять на себя роль диктатора? На это я также ответил решительным отказом, мотивируя это простой логикой: кто же станет строить дамбу во время разлива реки — ведь ее снесут неминуемо прибывающие революционные волны. Ведь судя по ходу дела, зная русский народ, я видел ясно, что мы обязательно дойдем до большевизма. Я слишком люблю свой народ и давно знаю все его достоинства и недостатки. Я видел, что ни одна партия не обещает народу того, что сулят большевики: немедленно мир и немедленно дележ

земли. Для меня было очевидно, что вся солдатская масса обязательно станет за большевиками и всякая попытка диктатуры только облегчит их торжество…».

Это высказывание Брусилова было сделано, впрочем, значительно позже июля 1917 года.

12(25) июля, в разгар тарнопольского разгрома, Керенский предложил собрать в Ставке совещание высшего командного состава. К этому времени до Брусилова частным порядком дошло известие: Керенский ведет переговоры в правительстве о смене верховного главнокомандующего. Но Брусилов уходить не хотел. «Ни одной секунды я не думал об уходе, — говорил он корреспонденту газеты неделю спустя, уже в Москве. — Я всегда считал себя не вправе уйти и не хотел уходить, а, напротив, думал, что мой боевой опыт и мое знание офицера и солдата и отношение армии ко мне послужат тем звеном, которое облегчит воскресение армии…»

Может быть, Брусилов еще некоторое время и оставался бы главковерхом, не случись перед совещанием в Ставке трагикомическое происшествие. Министр-председатель должен был прибыть в Ставку 16 июля в 14.30, а приехал на час раньше. Брусилов и наштаверх Лукомский в тот момент были заняты важными оперативными делами и, узнав о преждевременном прибытии Керенского, решили на вокзал не спешить — все равно опоздали — и поехать прямо на совещание. Но вскоре пожаловал адъютант Керенского с требованием немедленно следовать на вокзал. Генералы повиновались.

Выяснилось, что Керенский бушевал на вокзале, грозно кричал, что и генералы разбаловались, что их надо «подтянуть»… Министр-председатель к тому времени приобрел очень большое, непомерное мнение о своей персоне. Сохранив портфель военного министра, он уже подумывал о посте главковерха, чтобы непосредственно руководить операциями, наступать, наступать…

Да что главковерх, диктатором намеревался стать присяжный поверенный Александр Федорович Керенский, русским Наполеоном. Он уже и форму себе военного пошиба изобрел, и позы, смахивающие на наполеоновские, принимал, и не только на митингах, но и в повседневной обстановке. А тут — такое пренебрежение! Вот Керенский и кричал, что требует к себе внимания, ведь «прежних» генералы встречали, выстаивая часами в любую погоду на вокзалах… Поведение Керенского можно бы считать просто смешным, мелочным, если бы не жестокие бои на фронте, не отступление, не трагическое положение страны…

По приезде Брусилова, правда, Керенский своего недовольства не выказал, но принял генералов весьма сухо.

Выслушав доклад о положении на фронте, согласился идти на совещание.

Нет необходимости подробно рассказывать об этом совещании, остановимся только на выступлении Брусилова. По предложению Керенского он доложил присутствующим о состоянии фронта, говорил о подготовке к наступлению, о том, что не менял основных распоряжений, сделанных его предшественником:

— Но произошла одна крупная перемена: войска, а главным образом пехота, стали к этому времени менее боеспособны, дисциплина, безусловно, пала настолько сильно, что нельзя было заставить войска ни обучаться, ни работать по укреплению позиций и плацдармов. Вследствие этого наступление мы начали не в мае, но значительно позже…

Рассказав о попытках подготовить наступление, Брусилов продолжил:

— Тем не менее дисциплина в войсках не восстановилась, а без дисциплины и авторитета начальников успеха в длительных боях достигнуть невозможно.

Там, где была сильная артиллерия, где была могучая подготовка, там был порыв, но затем он выдыхался, и войска при нажиме противника, и даже без него, возвращались на свои позиции.

Чтобы вернуть боеспособность армии, надо дать дисциплину войскам. Прежнюю дисциплину полностью восстановить нельзя, и теперь желательно обсудить меры, которые могли бы поднять дисциплину и авторитет начальников и сделать войска послушными. Ведь теперь надо сутки и более, чтобы уговорить части идти выручать товарищей. Во время последних боев войска торговались, митинговали целыми сутками и иногда выносили решения не идти на помощь соседним частям. В результате — полная неудача. Без всяких разговоров, при малейшем нажиме дивизии разбегались, не слушая ни уговоров, ни угроз. Все это происходит оттого, что начальники, от ротного командира до главнокомандующего, не имеют власти…

История указывает, что есть предел свободе армии, перейдя который армия превращается в скверную милицию, необученную, непослушную и выходящую из рук начальников…

В целом выступления Брусилова на совещании были выдержаны в деловом тоне. Но вот поднимается генерал Деникин, затем другие генералы — и атмосфера резко меняется. В разительном контрасте с высказываниями Брусилова, выступления большинства генералов, особенно Деникина и Алексеева, наполнены неприкрытой контрреволюционной

настроенностью. Они без оглядки критикуют Временное правительство за его слабость, заявляя, что виноваты в разложении армии товарищи Керенского но правительству — эсеры и меньшевики. Настроения Алексеева и Деникина неудивительны — именно они (да Корнилов, которого не было на совещании) в ближайшее время станут столпами контрреволюции и «белого движения». Удивительнее, что министр-председатель, которому крепко досталось от Деникина, оправдывался перед контрреволюционными генералами в извиняющемся тоне, истерично взвизгивал и хватался за голову. Деникин тоже крайне взволновался, трагически размахивал руками и по окончании речи просил разрешения выйти, чтобы успокоиться. Керенский жал руку Деникину, благодарил за «откровенное» и «правдиво выраженное» мнение. В результате вышло не совещание, а «руготня», по выражению Брусилова. Никакого определенного решения принято не было.

Повторяем, выступление Брусилова и на этом, и на других совещаниях, его высказывания во время бесед с армейскими комитетами, сохранившиеся документы доказывают, что он относился к революционно настроенным солдатам с гораздо большей долей терпимости и либеральности, чем Деникин, Корнилов, Алексеев. По всей вероятности, это определялось большей близостью Брусилова к солдатской массе, желанием понять солдат, убежденностью, что он должен оставаться в России и служить ей в любом случае. Брусилов хотел служить русскому народу, Керенский, Корнилов, Деникин и им подобные — управлять народом.

В половине первого ночи 17 июля Керенский уехал из Ставки, а в 11 часов утра 19 июля Брусилов получил телеграмму: «Временное правительство постановило назначить вас в распоряжение Временного правительства. Верховным главнокомандующим назначен генерал Корнилов. Вам надлежит, не ожидая прибытия генерала Корнилова, сдать временное командование наштаверху. О времени выезда прошу телеграфировать. Министр-председатель, военный и морской министр Керенский».

Телеграмма чрезвычайно поразила Брусилова; больше всего была обидна та спешка, с которой ему предписывалось покинуть Ставку: вопреки обычаю он был лишен даже права передать преемнику на столь важном посту сведения и мысли о фронте. В штаб Брусилов уже не пошел. В Петроград он ответил, что уезжает, но просит разрешения выехать в Москву, где жила семья брата и где у Брусилова была квартира. Вечером в тот же день он покинул Ставку.

С тяжелым сердцем Брусилов покидал Могилев. Нет, печалила его не личная обида, личное унижение, сколь ни горьки они для каждого человека. Что станет с Россией, с русской армией? Куда поведут, точнее — куда заведут страну темные интриганы из Временного правительства?.. Ответа на этот и иные подобные вопросы старый генерал не находил. Но он твердо знал одно: его руками, его именем и авторитетом никто разваливать государство Российское не будет.

А там — там время покажет.

Пост верховного главнокомандующего занял Корнилов. Контрреволюция была не за горами.

НА СЛУЖБЕ НОВОЙ РОССИИ

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые…»

Тютчев, как правило, глубок и очень точен в словах. «Роковые минуты» в судьбах мира случаются редко, еще реже приходится людям становиться их свидетелями, совсем редко — участниками. Великое счастье для человека сделаться очевидцем и принять участие — хоть и самое скромное — в Великом, которое только-только явилось миру.

Брусилова, как и многих других патриотов, искренне любящих свою родину, рождение новой, Советской России застало врасплох. Опытом своей отнюдь не молодой уже жизни он не был к этому подготовлен. Рождавшийся в крови и муках новый общественный строй казался ему не слишком-то привлекательным, даже чуждым. Что ж, он был неодинок в таком своем ощущении. И не случайно, как это теперь понятно нам, обозревающим историю России во всеоружии ленинского взгляда на события переломной эпохи. Так, но Брусилов, подобно тысячам и тысячам других патриотов России, нашел в себе мужество не отойти от нового, народного движения, не откинуть его в высокомерном пренебрежении, он остался с народом, с русским солдатом, претерпел поверхностное раздражение, преодолел его, понял, как мог, суть нового государственного обличья страны и остался в конце концов с ними — с людьми в серых шинелях, то есть с рабочими и крестьянами России, ее тружениками и защитниками, с народом в целом.

Судьба Брусилова в переломную для нашей Родины эпоху не есть только его личная судьба. Вот так же остались с народом его младшие коллеги по русской армии — будущие маршалы Егоров и Шапошников и множество иных. Как остались с новой Россией академики Тимирязев и Жуковский, поэты Блок и Брюсов — всех не перечесть. Именно они и им подобные стали залогом того, что все лучшее и ценное, накопленное в дореволюционной культуре, в конечном счете должно было перейти в культуру нашей советской государственности.

Нелегок был путь, тяжкие потрясения приходилось переживать и преодолевать, многое претерпеть. Что ж, ничто в мире не дается даром. Зато Брусилов и ему подобные получили высшее счастье: они остались со своим народом, на своей земле, и народ воздал им должное. И сохранил о них благодарную память в потомках.

***

Утром 21 июля (3 августа) 1917 года Брусилов приехал поездом в Москву. Уже на вокзале его поджидали расторопные корреспонденты московских газет, жадные до сенсаций. Генерал говорит и о том, как не удосужились своевременно встретить на вокзале Керенского, как неожиданна и нежеланна была отставка, как обидела его спешка, проявленная Временным правительством…

Словом, горечи в этом интервью было достаточно; что ж, Брусилов имел основания обижаться. Но никакие житейские неурядицы и неудачи не могли поколебать главного, а им, этим главным, для Брусилова была любовь к русской армии, понимание необходимости служить России. И вот, даже в этом интервью, описав тяжелое положение русской армии, он говорил, что не обвиняет в том русского солдата:

— И, несмотря на все это, я утверждаю, что этот солдат — отличный воин, и он при началах дисциплины, этого вековечного закона, управляющего войсками, будет великолепно сражаться.

— Правда, для этого нужно время, но это будет.

— Армия возродится…

— Судить же меня будут Россия и история…

Действительно, старая русская армия доживала отведенный ей историей срок. С июля 1917 года пройдет лишь шесть месяцев, и в феврале 1918 года, в боях с германскими интервентами, народится новая, Красная Армия. Эта армия станет естественной и вернейшей наследницей лучших боевых традиций дореволюционной русской армии. И в этой народившейся и закалившейся в боях с врагами Красной Армии имя Брусилова, слава его, дела его будут почитаться и изучаться.

Да, история все рассудит…

Пока же Брусилов уединился с семьей в особняке на Остоженке, в доме № 4 по Мансуровскому переулку. Казалось бы, знаменитейший и популярнейший генерал Брусилов, даже будучи не у дел, сможет, если пожелает, ввязаться в политическую борьбу, делать заявления, выступать. Возможностей к тому полным-полно, каждый день в Москве проходят собрания и митинги самого различного толка, буржуазные газеты с удовольствием, со смаком будут воспроизводить сказанное Брусиловым. Но нет, старый генерал сознавал, что каждое его слово, каждый неловкий шаг могут лишь споспешествовать разброду и развалу в обществе, сознавал и воздерживался от таких слов и шагов.

Тем временем страна приближалась к событиям грозным и

решающим. С появлением во главе армии «сильного» человека — Корнилова — буржуазия вплотную занялись попыткой установить в стране режим открытой контрреволюционной диктатуры. Наступление контрреволюции должно было узаконить Государственное совещание, назначенное правительством на 12(25) августа в «спокойной» Москве, подальше от Петрограда. Эсеры и меньшевики с присущей им беспринципностью назвали это сборище «совещанием всех живых сил страны». Трудно придумать большее извращение истины: на самом деле Государственное совещание стало сборищем всех антинародных сил. В Большом театре собрались представители буржуазии и члены Государственной думы, царские генералы и кадетские профессора, эсеровские и меньшевистские лидеры, тайные агенты разведок и главари масонских лож. С трибуны одна за другой произносились контрреволюционные речи. Генералу Корнилову, прибывшему в Москву 13 августа, устраивают торжественную встречу на Александровском вокзале, его на руках пронесли к автомобилю. Появление главковерха в Большом театре сопровождается бурей оваций, миллионерша Морозова падает на колени перед ним… Но в Большом театре нет Брусилова.

Устроители сборища ошиблись, полагаясь на «спокойствие» Москвы: в день открытия совещания, 12 августа, 400 тысяч рабочих города и окрестностей забастовали в знак протеста; замерли заводы и фабрики, остановились трамваи, бастуют даже официанты. Рабочие электростанций постановили: «Пусть мракобесы заседают в темноте…»

Для того, кто любит свою страну и народ по-настоящему, кто хочет прислушаться к его мнению и понять его, позиция московских рабочих не может остаться двусмысленной: русский рабочий народ против контрреволюции, видимо, не поколеблется поднять против нее оружие.

Генерала Брусилова нет на контрреволюционном совещании… Более того, известно, что московский городской голова кадет Н. И. Астров до совещания беседовал с Брусиловым на предмет возможности захвата власти, государственного переворота во время совещания. Брусилов не советовал прибегать к захвату власти, указав, что такие действия в Москве практически не будут поддержаны: даже Союз георгиевских кавалеров (Брусилов был представителем отделения союза в Москве), даже московские юнкера и казачьи части не готовы к этому, Контрреволюционную авантюру генерал Брусилов не поддержит.

Другое дело — Корнилов, у него «львиное сердце, но пустая голова», по выражению Брусилова. Сначала Керенский и

Корнилов действовали в согласии, но вскоре Керенский понял, что если «сильный» генерал установит диктатуру, то ему, Керенскому, уже не придется и думать о роли русского Наполеона, а может и хуже обернуться… Юркий адвокат сперва попытался через масонов, обильно осевших в Ставке, воздействовать на честолюбивого генерала, призвать его к порядку. Но не поладили: в ответ тот 25 августа (7 сентября) двинул на Петроград 3-й конный корпус и Кавказскую туземную («дикую») дивизию, чтобы занять Петроград, обезоружить рабочих и революционных солдат, расправиться с ними силой. На следующий день из Ставки Керенскому передали ультиматум: немедленно уйти в отставку и передать власть ему, Корнилову.

Контрреволюционеры намеревались также захватить Москву и пытались привлечь на свою сторону Брусилова — имя его по-прежнему много значило. О том, что произошло, известно из воспоминаний активной контрреволюционерки Нестерович-Берг. В книге, изданной в 1931 году в Париже, она писала: «На заседании было решено соединиться с находящимися в то время в Москве офицерами, сделать военный переворот, захватить власть и объявить диктатором генерала Корнилова.

Но кто возьмет руководство нашими солдатами? А главное — кто будет руководить всем переворотом? Решили обратиться к генералу Брусилову, бывшему тогда в Москве. Никто не подозревал тогда, что Брусилов окажется тем, чем он оказался впоследствии: изменником. Тем более что он являлся представителем Союза георгиевских кавалеров. Мы постановили на следующий же день пойти к генералу Брусилову. Отправились со мной хорошо знакомый Брусилову капитан Бернасовский, председатель союза Крылов и еще два офицера. Около получаса просидели мы в гостиной с г-жой Брусиловой, интересовавшейся тем, что нужно нам от генерала. Потом вышел он сам в черной черкеске и попросил к себе в кабинет. На объяснение о цели прихода он ответил:

— Вы не первые ко мне с таким предложением, но должен вам сказать, как всем вашим предшественникам, что почитаю всю эту затею авантюрой, во главе которой я, генерал Брусилов, стоять не намерен. Довольно того, что генерал Корнилов оказался изменником и, собрав бунтовщиков, пошел против правительства. Советую вам, господа офицеры, успокоиться. Существует правительство, которое стоит на страже государства.

На этом закончился наш визит к Брусилову.»

Выступление Корнилова было самой настоящей авантюрой. Большевистская партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, организовала отпор мятежному генералу, и корниловщина была

разгромлена. По приказу Временного правительства Корнилов, Деникин, Лукомский, Романовский и некоторые другие генералы были арестованы и помещены в небольшом городке чуть южнее Могилева, то есть вблизи Ставки. Здание женской гимназии, где содержались заговорщики, находилось под охраной Текинского конного полка, лично преданного Корнилову. Первая попытка развязать гражданскую войну не удалась.

Однако общенациональный кризис нарастал с каждым днем. В начале сентября Петроградский, а затем и Московский Советы впервые приняли резолюции, предложенные большевиками. Новый революционный подъем распространился на всю страну. Лозунг Ленина, большевиков о переходе всей власти в руки Советов был принят и воспринят трудящимися России. Они не желали жить по-старому и стремились к установлению власти Советов.

Не дремала и буржуазия, она готовила свои силы, плела паутину заговоров, устраивала собрания и совещания явных и тайных врагов Советов. Произошло так, что в некоторых таких сонмищах принимал участие и Брусилов.

12(25) октября в Москве состоялось второе «совещание общественных деятелей». Открылось оно в помещении кинотеатра «Арс» в два часа дня. Прибытие А. А. Брусилова и Н. В. Рузского было встречено громом аплодисментов. Генералы уселись в первом ряду.

Первыми слово взяли известные кадетствующие масоны и масонствующие кадеты Родзянко, Трубецкой, Кизеветтер, их речи были полны злобы к народной революции. Ясно, что выступать с ними в одной компании — значит, казалось бы, наверняка солидаризироваться с ними и другими врагами трудящейся России. Но речь Брусилова была весьма и весьма сдержанной.

Он опять говорил о положении армии, о ее развале. Однако не было ни единого слова обвинения в адрес большевиков, генерал даже признавал необходимость комитетов и комиссаров, но только чтобы они не вмешивались в командование, в оперативные дела.

Закончил речь Брусилов следующими словами:

— Я все время слышал здесь: мы требуем, мы желаем сильной власти, нам нужны Минины и Пожарские. Но сильная власть может быть только тогда, когда ее желает весь народ, иначе на что она может опираться?.. У нас несвоевременный Пожарский был — Корнилов…

В этом месте речь прервали продолжительные аплодисменты, все встали с мест, что ясно свидетельствовало о симпатиях присутствующих. Однако смысл речи Брусилова, если вдуматься в

нее, был весьма далек от одобрения действий Корнилова.

— Корнилов появился тогда, — продолжал Брусилов, — когда Пожарскому являться было еще нельзя, а если бы пришел теперь и Минин, то он тоже сидел бы где-нибудь в Быхове. Нужно сообразоваться с моментом. Когда история этого потребует, явятся и Минин, и Пожарский. Вы помните историю французской революции? Вы знаете, что Наполеон явился тогда, когда этого потребовало время, — через семь лет после революции. Нам, русским людям, нужно сделать так, чтобы у нас Наполеона не было, а Минины и Пожарские были…

Хотя публика и проводила Брусилова вежливыми аплодисментами, но ясно было, что собравшиеся больше всего думают о расправе со «взбунтовавшимся» русским народом, жаждут его крови. В речи же Брусилова — ни призывов к гражданской войне, ни антибольшевистских выпадов, требований расправы с Лениным и его последователями. В этом выступление Брусилова разительно отличалось, к примеру, от речи М. В. Алексеева на Демократическом совещании в Петрограде, да и от речи Н. В. Рузского, выступившего тут же, сразу после Брусилова. Рузский просто восхвалял корниловцев, больше всего — Деникина.

Но дело не только в том, что Брусилов решительно, хоть и в сдержанных выражениях, отмежевался от реакционной клики, от озлобленных защитников денежного мешка. Призыв старого генерала «не подталкивать» историю, ждать, пока сам русский народ (народ! а не генералы!) породит Мининых и Пожарских, казался ему тогда верным и мудрым. Историческое нетерпение всякого рода «революционеров» в эполетах и без эполет, их стремление все решить за народ — для его же якобы блага — все это было глубоко чуждо истинно демократической природе Брусилова.

Примечательно и его противопоставление честолюбца и тирана Наполеона народным героям Минину и Пожарскому, как раз начисто лишенным и властолюбия и пристрастия к тирании. Это столь же мудро, сколь и дальновидно политически: ведь Керенский, Корнилов и прочие метили именно в Наполеоны, и именно народ не признал их таковыми. А сам русский революционный народ породил в срок и Мининых, и Пожарских, новых героев новой России.

В эти тревожные предоктябрьские дни 1917 года Брусилов участвовал еще в нескольких заседаниях. Чаще всего от приглашений отказывался, а выступал редко и неохотно. Но однажды сделал исключение. 16(29) октября он держал речь на совещании, посвященном выяснению «мирового значения

славянства в прошлом, настоящем и будущем». Единогласно Брусилова избрали почетным председателем совещания. Текста речи не сохранилось, но направление его интересов примечательно…

Тем временем назревали события, перед которыми все остальное отступило на задний план. 25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде было свергнуто Временное правительство. Настолько единым и мощным был революционный порыв трудящихся и солдат Петрограда, руководимых большевистской партией, настолько слабы и разобщены были в Петрограде силы контрреволюции, что Великая революция — Октябрьское вооруженное восстание в столице — оказалась по существу бескровной — 25–26 октября было убито всего несколько человек. Другой расклад сил обнаружился в Москве.

Здесь Военно-революционному комитету, руководимому большевиками, противостоял штаб военного округа во главе с эсером полковником К. И. Рябцевым. Контрреволюционеры располагали в Москве относительно крупными военными силами, в том числе юнкерами Алексеевского и Александровского военных училищ. Силы же большевиков не были достаточно организованными и вооруженными, не обладали боевыми навыками.

Все же к утру 26 октября пролетарские районы контролировал ВРК, контрреволюционеры удерживали центр города. Некоторое время шли переговоры, вечером же 27 октября Рябцев решил действовать, и в Москве впервые пролилась кровь: при движении отряда «двинцев» из Замоскворечья к Совету на Красной площади юнкера напали на них. Утром 28 октября юнкера обманом ворвались в Кремль и учинили расправу над солдатами гарнизона. Начались бои, и на целую неделю большой, густонаселенный город погрузился в состояние гражданской войны.

Сражение было упорным и шло с переменным успехом. Обе стороны несли большие потери. Днем 28 октября красногвардейцы оттеснили юнкеров в глубь Остоженки, а по Пречистенке — к самому штабу Московского военного округа, центру контрреволюционеров. Вечером 28 октября юнкера перешли в наступление и по Остоженке, и по Пречистенке. Ночью на Остоженке, Пречистенке, на Плющихе, по Смоленскому бульвару рабочие вырыли окопы…

Мирное население пряталось, кто куда мог. Но куда скроешься от раздающихся повсюду винтовочных выстрелов, очередей пулеметов, разрывов снарядов (обе стороны их не жалели). Дом Брусиловых оказался в самом центре боев,

неподалеку от здания Московского военного округа, именно туда все время рвались революционные войска и именно его упорно защищали юнкера.

Можно представить чувства Брусилова в эти дни: междоусобица, гражданская война, которой он так опасался, разразилась, да не где-нибудь на окраине страны, а здесь, в святая святых каждого русского, в Москве! Опытным ухом военного он различал: вот строчит пулемет «максим», а это — «гочкис», вот — разрыв трехдюймового снаряда, это — ого! — снаряд шестидюймовый!.. Так же ясно он представлял, какие разрушения неизбежны при употреблении такого оружия в городе, а главное — какие жертвы!

Что же делал старый генерал в эти дни? Позднее он писал: «Я всегда был противником излишнего и бессмысленного пролития крови, и с самого начала революции, предвидя, какие потоки крови могут пролиться от моего малейшего неверного шага, я принужден был поступать так, чтобы избегать этого, поскольку возможно, и нисколько не считался с тем, что могут другие обо мне подумать и как истолковать мои поступки. Для меня была важна общая конечная цель, и только. Я старался приблизиться к народной толще и понять психологию масс. Последующие события показали, что я был прав, желая подойти к народу с другой стороны, а не рубить все сплеча по старому образцу».

И генерал Брусилов никуда не вышел из дома. Он не сочувствует, он не может еще до конца понять рабочих и солдат, но он твердо знает: тот, кто выступает против воли русского народа, какими бы словами он ни прикрывался, — авантюрист. Генерал Брусилов остается у себя в кабинете.

Позднее он скажет, что в эти дни его «не очень тревожили». Тем не менее дом несколько раз подвергался ружейному обстрелу: кому-то почудилось, что с чердака дома стреляют. В связи с этим в дом несколько раз приходили с обыском красногвардейцы, но ничего подозрительного не нашли; с генералом обходились вежливо.

Тем временем дело шло к концу. Контрреволюционеры теряли одну позицию за другой. Тщетно ожидал Рябцев Обещанные Ставкой подкрепления. Вечером 2(15) ноября контрреволюционеры запросили пощады. Бои кончались, и в этот-то момент с Брусиловым произошло несчастье.

В шесть часов вечера 2 ноября во время обстрела штаба Рябцева мортирный снаряд попал в дом Брусиловых, пробил три стенки и, по счастью, разорвался в коридоре, делившем квартиру на две части. Осколки снаряда в нескольких местах перебили правую ногу Брусилова ниже колена.

Тотчас же на помощь пришли санитары из советского отряда «Красного Креста» и перенесли раненого в здание лицея, где ему и была сделана первая перевязка. Но в лицее было столько раненых и условия содержания были столь плачевны, что близкие Брусилова не хотели его там оставлять. Надежда Владимировна Брусилова проявила тут присущую ей напористость и решительность. По улицам, где еще не стихла перестрелка, она на автомобиле отправилась в ВРК Замоскворецкого района, предстала перед комиссаром Б. М. Волиным (Фрадкиным) и просила его разрешить перевезти раненого генерала в клинику на Молчановке. Волин разрешил, но автомобиль конфисковал.

Утром 3 ноября, когда в Москве наконец стихла перестрелка, к раненому прибыл крупный хирург Руднев. Брусилова на носилках перенесли в лечебницу Руднева, где ему немедленно сделали операцию. Положение раненого оказалось серьезным, заходила даже речь об ампутации ноги. Но у старого генерала здоровье оказалось хоть куда, он быстро пошел на поправку, и спустя несколько дней его жизнь уже была вне опасности. Ранение, однако, оказалось тяжелым.

На долгие восемь месяцев Брусилов оказался прикованным к постели в клинике Руднева. Причудлива судьба людей: на двух войнах бывал генерал Брусилов, видел множество смертей и ранений, но сам не получил даже царапины. И вот теперь в собственном доме настигли его осколки случайного снаряда, выпущенного в третьей, самой тяжелой и страшной войне, которую придется пережить Брусилову, — войне гражданской. «Я свое получил», — будет повторять Брусилов.

Пребывание в клинике не мешало Брусилову следить за происходящим. А в России совершаются события одно другого диковиннее. Триумфальным маршем идет по стране Советская власть, народ России в подавляющем большинстве поддерживает ее, и сопротивление внутренней контрреволюции подавляется быстро и относительно легко. Разбит и бежал в середине января 1918 года в оренбургские степи атаман Дутов; попробовал организовать на Дону сопротивление Каледин — и к концу того же месяца разбит и он; 26 января выбросили из Киева украинские рабочие и крестьяне Центральную Раду…

Близится весна 1918 года, и Советская власть день ото дня становится сильнее. Но новый путь, сулящий человечеству освобождение от власти капитала, не нравится, не может нравиться Ротшильдам и Дюпонам, Рокфеллерам и Нобиле… И, повинуясь их воле, правительства Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, Англии, Франции, США и Японии — с другой, объединяются в неприкрытом, яростном желании подавить

революцию в России, навязать ее народам свою волю. Сделать это, однако, можно только одним путем — развязав в стране гражданскую войну. Они готовы пойти на все, на любые траты, на любые преступления, лишь бы остановить, задушить, распять этот непонятный, проклятый народ России, этих большевиков, взявших на себя бремя освобождения человечества от ига золотого тельца. И развязанная, поддержанная, прикормленная империалистами гражданская война расползается, растекается, распространяется по стране.

Первыми — они всегда спешили быть первыми в таких случаях — начинают германские империалисты. Уничтожение Советской Республики для них дело жизни или смерти, так как народная революция назревает в самой Германии. И германско-австрийские войска, использовав повод, предоставленный им предательской политикой Троцкого на переговорах в Бресте, начинают наступление. Старой армии, по существу, нет, последние ее части уходят под нажимом германцев без боя; новая, Красная Армия еще очень слаба и не может задержать продвижение интервентов. Положение угрожающее, и Советская власть принимает ряд мер к развитию и укреплению Советских Вооруженных Сил, в том числе привлекает к работе и военных специалистов старой армии.

Последнее было делом исключительно важным для молодого государства трудящихся. В самом деле, ведь опытный солдат старой армии, будь он даже беспредельно предан революции, не сможет составить боевой приказ для полка, дивизии, армии, не сумеет рассчитать данные для артиллерийской стрельбы целого корпуса, не разберется в военной топографии. Творческие силы русского трудового народа безграничны, пройдет немало времени, и бывшие унтер-офицеры Георгий Жуков, Константин Рокоссовский, Василий Блюхер и многие-многие иные поведут в бой свои полки, а потом и армии, и как еще поведут!

Но… для этого нужно время, а его у только что родившегося государства Советов не было: враги нависли над его колыбелью. По предложению Ленина в молодую Красную Армию стали призывать на службу старых офицеров. Это сейчас может показаться, что провести подобную правильную и естественную меру было просто. Нет, колебались сами бывшие офицеры. Не доверяла им часть солдатской массы. А тут еще шепотком раздавались призывы: на Дон… к Корнилову… Было отчего задуматься и прийти в смущение. «Куда идти, в каком сражаться стане?» — этот вопрос задавали себе тогда многие.

Ценой подписания «похабного» Брестского мира Советскому правительству удалось спасти Советскую Республику. Но теперь

взялись за дело бывшие союзники: они спешат «расплатиться» с Россией, расплатиться интервенцией. 9 марта 1918 года в Мурманске высаживается английский десант; 5 апреля во Владивостокскую бухту входят японские корабли. 25 мая по наущению Антанты на огромном пространстве Заволжья и Сибири начинают мятеж белочехи…

Старый генерал был потрясен. Как? Коренные центры России — Минск, Витебск, Киев, Харьков, Ростов, огромные пространства его родины — все это оказалось под германским сапогом?! В ту пору — и это хорошо известно — многие, даже далекие от революции, люди, враждебные ей, просились в Красную Армию, чтобы защищать страну от нашествия (известный, например, консерватор В. М. Пуришкевич, посаженный в Петропавловскую крепость после Октября, попросился на фронт; и его отпустили…). Ясно, что Брусилов кипел негодованием, и выбор его не вызывает вопросов, но… он по-прежнему оставался прикованным к постели…

Поддержанная интервентами, оживает и внутренняя контрреволюция. В конце апреля 1918 года вспыхивает восстание на Дону, и русский генерал — атаман Краснов не стыдится брать оружие и боеприпасы у германской армии, не стыдится писать верноподданнические письма кайзеру Вильгельму: в борьбе против своего народа все средства хороши. На Кубани оживает от апрельского поражения «Добровольческая армия» Деникина и Алексеева — она рассчитывает на помощь Антанты…

Генерал Брусилов все еще лежит в клинике. Но его бывшие коллеги, а ныне белогвардейцы, не забывают о генерале — имя его по-прежнему значило многое для офицерского корпуса России. Не раз в клинике Брусилова навещали непрошеные гости. Об одном визите известно достаточно подробно.

Нестерович-Берг, выполняя роль связной белогвардейцев, побывала у Дутова, Каледина, Алексеева, возвратилась в Москву и сочла необходимым навестить Брусилова. «Отправилась к генералу Брусилову, — писала она, — лежащему в госпитале у Руднева… Он лежал, но чувствовал себя бодро. Сказал, что рана не так серьезна, но он ей нарочно не дает зажить, чтобы оставили в покое и большевики и небольшевики. Я передала ему письмо, привезенное из Новороссийска, в котором генералу предлагалось бежать на Дон с помощью нашего комитета.

Брусилов прочел письмо, положил под подушку и сказал, отчеканивая слова:

— Никуда не поеду. Пора нам всем забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным.

Меня как громом поразило.

— Что же передать от вас на Дону?

— То, что я сейчас сказал, то и передайте.

— В таком случае говорить мне больше не о чем, — заявила я и поспешила уйти.

…На душе было очень тяжело. Боже мой! А там-то, на Дону, меня так убеждали вывезти Брусилова! Я сознавала, что в Брусилове и его жене я приобрела опасных врагов».

Надо подчеркнуть здесь, что большинство (именно большинство!) старого офицерства не пошло за белогвардейцами. Некоторые сразу перешли на службу государству Советов, как, скажем, полковник Генерального штаба и будущий маршал Б. М. Шапошников, но многие колебались. К больному Брусилову нередко приходили бывшие однополчане, просили совета: как быть? Позднее один из них передал слова старого генерала: «… Россия остается, и все мы должны служить ей по той специальности, какую избрали…»

Примечательные слова! Многих, очень многих поставили они на верный путь.

Только в июле 1918 года Брусилов, опираясь на палочку, покинул клинику. К тому времени гражданская война бушевала по всей огромной стране. Советская Республика оказалась в кольце фронтов. В Москве — голод, жить в ней несказанно трудно. Родственники и знакомые наперебой уговаривали Брусилова уехать на Украину или в Одессу, где у Надежды Владимировны жили родные. Можно было, на худой конец, уехать оттуда за границу, к этому варианту склонялась жена Брусилова. Словом, возможности к отъезду были, но ничего подобного Брусилов не сделал.

«Оставаясь в России, — писал он, — несмотря на то, что перенес много горя и невзгод, я старался беспристрастно наблюдать за всем происходящим, оставаясь, как и прежде, беспартийным. Все хорошие и дурные стороны мне были заметнее… Позднее я говорил всем, что считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это ни стоило. Одно время, под влиянием больших семейных переживаний и уговоров друзей, я склонился к отъезду на Украину и затем за границу, но эти колебания были непродолжительны. Я быстро вернулся к моим глубоко засевшим в душе убеждениям. Ведь такую великую и тяжелую революцию, какую Россия должна была пережить, не каждый народ переживает. Это тяжко, конечно, но иначе поступить я не мог, хотя бы это стоило жизни. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным». И Брусилов остается в Москве, хотя его ждут

непривычные бывшему генералу, потомственному дворянину тяготы, переживания и испытания.

В начале сентября 1918 года Брусилова арестовали: в ответ на покушение эсерки Фанни Каплан на В. И. Ленина и убийство председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого эсером Канегиссером ВЦИК РСФСР объявил красный террор. В качестве заложников в Москве, Петрограде и других городах было арестовано немало бывших офицеров русской армии, видных чиновников, деятелей буржуазных партий, священнослужителей православной церкви; кое-кого и расстреляли.

Два месяца Брусилов пробыл под арестом. Содержали его в Кремле: там находилось и много других арестантов, в частности, глава заговора против Советской власти английский посол Б. Локкарт. Режим был не слишком строг, Брусилову разрешались прогулки по Кремлю.

25 октября 1918 года ЦК РКП(б) обсудил вопрос об офицерах, арестованных в качестве заложников в Москве, и постановил, что «освобождению подлежат лишь те офицеры, относительно которых не будет обнаружена их принадлежность к контрреволюционному движению». Брусилов был освобожден. Правда, еще два месяца он находился под домашним арестом.

Наступил 1919 год; был он не менее тяжел, чем год предыдущий, тяжел для всей страны, тяжел и для Брусилова, его семьи. Вместе со всей Москвой голодал Брусилов, вместе с ней мерз…

Часть архива, отложившегося за военные годы, Брусилов сумел сохранить у себя, и это давало возможность начать работу над воспоминаниями. Вот он, сухой и строгий по-прежнему, только постаревший, сидит в нетопленном кабинете над бумагами, вспоминает минувшее, бесконечно далекое, кажущееся нереальным, невозможным в суровой Москве 1919 года. Но как ни углубляйся в прошлое, как ни пытайся отгородиться от настоящего, оно вторгается в сознание само, заставляет и прошлое рассматривать иначе, чем представлялось ранее, переоценивать его, и будущее, неясное, тревожное будущее, представлять по-иному.

Идет гражданская война. Страна разделилась на два лагеря, восстал, как писалось в древней книге, брат на брата, сын на отца… На чьей стороне правда, где она? Много раз на протяжении 1918–1919 годов колебались на фронтах судьбы войны. Конечная победа, видимо, должна быть у той стороны, за которую стоит народ. Брусилов не может не видеть, что трудящийся люд России, рабочие и крестьяне, на стороне Советской власти. Он, всю жизнь видевший свой долг в служении

родине, России, должен бы оставаться на той же стороне…

Но он — бывший генерал, монархист в прошлом, оно, это прошлое, связывает невидимыми и тем не менее прочными нитями, и не все из них можно порвать сразу, легко и безболезненно. Люди его круга, те, с кем он жил и работал десятилетиями, на чьей стороне они? Прежде всего где его коллеги — генералы?

Подавляющее большинство из них — враги Советской власти, и многие, очень многие, уже поплатились жизнью в борьбе с ней. Еще в августе 1917 года, после корниловского мятежа, застрелился генерал Крымов; то же самое сделал 29 января 1918 года Каледин, разбитый в столкновении с советскими отрядами на Дону и очутившийся в безнадежном положении; 13 апреля 1918 года под Екатеринодаром убит разрывом снаряда, выпущенного русским артиллеристом, Корнилов; умер 8 октября 1918 года в звании верховного руководителя «Добровольческой армии» Алексеев; расстреляны 19 октября 1918 года в Пятигорске взятые в качестве заложников Рузский и Радко Дмитриев; 19 января 1919 года умер Иванов, «Южная армия» которого была разбита красными под станицей Вешенской…

Да, многие знакомые Брусилову генералы уже сложили головы в бесславной войне против русского народа. Другие же еще воюют, еще на что-то надеются. Что же думает о них генерал Брусилов?..

Несколько лет спустя довелось ему прочитать «Очерки русской смуты» генерала Деникина. То было объемистое пятитомное сочинение, написанное, надо признать, с точки зрения литературной довольно хорошо, в котором оправдывалась задним числом «белая идея». Брусилов отозвался на это в таких словах: «Не знаю, что легче — на чужие деньги жить за границей все эти годы или переживать все ужасы революции, голод и холод вместе со всей Россией. Деникин много говорит с большим пафосом о «Родине-матери». Так вот, когда мать тяжело больна, совершенно не нужно самонадеянно и безрассудно производить над ней рискованные операции в заливать ее потоками братской крови, а лучше предоставить времени залечить ее недуги, не бросая ее, и помогать ей вблизи, насколько сил и разума хватит. Так я думал и думаю». Нет, с Деникиным и подобными ему Брусилову оказалось не по пути.

Но ведь есть и другие примеры: еще в феврале 1918 года генерал М. Д. Бонч-Бруевич после личной встречи с В. И. Лениным стал разрабатывать план обороны Петрограда от германских интервентов; затем генерал был назначен военным руководителем Высшего военного совета. Побеседовав с бывшим

генералом А. И. Верховским, В. И. Ленин поручил привлечь его к работе по созданию Красной Армии; также после беседы с главой Советского правительства был назначен на ответственную работу бывший адмирал А. В. Немитц. С февраля 1920 года он стал начальником морских сил республики…

Таких примеров можно было бы привести немало. Когда стала очевидной необходимость перехода от добровольческой Красной гвардии к регулярной и массовой Красной Армии, Ленин и партия большевиков сделали обоснованный вывод о необходимости привлечения военных специалистов в армию: без их участия создание многомиллионной мощной армии было бы невозможно. Только с сентября 1918 года по март 1919-го в Красную Армию было принято 34600 бывших офицеров и военных чиновников, 21 тысяча медицинских и ветеринарных работников.

Ленин и ЦК РКП(б), требуя бдительного контроля за привлекаемыми в армию бывшими офицерами и генералами, самого решительного и беспощадного пресечения попыток саботажа и измены, в то же время учили подходить к честным военным специалистам внимательно, оказывать на них влияние и помогать полностью расстаться с прошлым. Многие из бывших военных в дополнение к уже упомянутым заняли видные посты в Красной Армии.

С июля 1919-го по апрель 1924 года пост главкома Вооруженных Сил республики занимал Сергей Сергеевич Каменев (1881–1936). Полковник дореволюционной армии, окончивший Академию Генштаба в 1907 году, он с начала 1918 года добровольцем вступил в ряды Красной Армии, был командующим войсками Восточного фронта. В 1919–1924 годах начальником полевого штаба Реввоенсовета республики был Павел Павлович Лебедев (1872–1933). Генерал-майор старой армии, он окончил Академию Генштаба в 1900 году, также добровольно пошел в Красную Армию, был начальником штаба и командующим Восточным фронтом. В 1917 году одним из первых военных специалистов, перешедших на сторону Советской власти, был Константин Иванович Величко (1856–1927). Военный инженер, генерал-лейтенант дореволюционной армии, он во время гражданской войны был председателем коллегии по инженерной обороне республики, руководил инженерной обороной Петрограда. О Борисе Михайловиче Шапошникове (1882–1945) уже говорилось, а в ту пору он был начальником оперативного управления Полевого штаба. Именно эти видные военные специалисты, а отнюдь не Л. Д. Троцкий, руководили на деле боевыми действиями на фронтах.

И это очень важно понять: в 20-е годы троцкисты всячески

превозносили своего «вождя», приписывая ему блистательные победы Красной Армии, при этом всячески затенялась роль истинных творцов этих побед. И сегодня буржуазная, ревизионистская и сионистская пропаганда преподносит нам то же самое (книга Исаака Дойчера о Троцком так и называется — «Вооруженный пророк»). Меж тем не дилетант Троцкий планировал блестящие операции под Уфой и Каховкой, под Егорлыкской и Перекопом. Это делали совсем иные люди, и среди них — бывшие русские генералы и офицеры. Они послужили тем средостением, что соединило лучшее в армии старой с новой народной армией. Прямая и истинная наследница славных традиций русской армии, молодая Красная Армия крепла с каждым месяцем и одного за другим сокрушала своих многочисленных врагов…

О службе многих своих соратников, знакомых в Красной Армии генерал Брусилов знает; он думает, сопоставляет, размышляет. Но сделать решительный шаг трудно, очень трудно…

Тяжелое лихолетье гражданской войны затронуло едва ли не каждую русскую семью. Не миновало горе и семью Брусиловых. Еще до революции сын Брусилова, Алексей, женился на семнадцатилетней Варваре Ивановне Котляревской, богатой и, видимо, честолюбивой девушке. Ей, а вернее — ее бабушке, Варваре Сергеевне Остроумовой, льстило родство со знаменитым генералом. В ту пору Брусилову не было времени глубоко вникать в происходящее с сыном, и за это он себя впоследствии жестоко корил. Несколько месяцев брак казался счастливым, но грянула революция. Алексей Брусилов-младший не был к ней готов, не разбирался ни в каких политических партиях, не понимал происходящего. Однако, приняв случившееся как неизбежность, он стал искать работы, какой угодно, начал учиться бухгалтерии, намереваясь зарабатывать себе на хлеб. Но трудно тогда было найти вообще работу, тем более бывшему гвардейскому офицеру, а дома теперь у него воцарился ад, иначе как «офицеришкой-нахлебником» его уже не называли. И Алексей Брусилов бежал из дома куда глаза глядят…

Не лучше сложилась и судьба невестки. По характеру она была доброй и отзывчивой, и, несмотря на тот «трагический сумбур», который невестка внесла в жизнь Брусиловых, они не таили зла на нее. В. И. Брусилова-Котляревская сделала и немало добра семье, в частности, очень заботилась о свекре, когда он лежал раненым и был под арестом. Точно так же она оказала немалые услуги семье брата Брусилова — Бориса, умершего в 1918 году в Москве.

После исчезновения Алексея Брусилова-младшего и смерти В. С. Остроумовой Брусиловы звали невестку жить с ними, но Варя не согласилась и, по выражению Брусилова, «стала устраивать политические салоны то с правым, то с левым направлением. Ее гостями были то епископы, монахи и монахини, то матросы и деятели крайнего большевизма. Такая мешанина очень смущала меня и мою жену, и мы все постепенно отдалились от нее». Время было суровое, и вскоре невестка Брусиловых попала под арест по какому-то «церковному делу», ей грозил расстрел. Брусиловы бросились хлопотать за невестку, представили серьезные медицинские свидетельства о ее ненормальности. В. И. Брусилову-Котляревскую выпустили из тюрьмы, но и после этого она не прекратила сумасбродств.

Младший Брусилов покинул Москву — и пропал. До отца доходили лишь противоречивые слухи о его судьбе. Однажды, уже в конце декабря 1919 года, знакомый принес армейскую газетку «Боевая правда». В ней — маленькая, напечатанная мелким шрифтом заметка: «Белые расстреляли б. корнета Брусилова». С ужасом читал отец: «В Киеве по приговору военно-полевого суда белыми расстрелян б. корнет Брусилов, сын известного царского генерала. Он командовал красной кавалерией и попал в плен к белым в боях под Орлом». Вот и вся заметка. Но это была лишь одна версия гибели сына, существовали и другие. Отец так и не узнал с достоверностью, где и как погиб его сын.

Весной 1920 года казалось, что война закончилась. Арестован, расстрелян и спущен под лед Ангары адмирал Колчак, бесславно уплыл из Новороссийска на английском корабле Деникин, разбит Юденич, несолоно хлебавши ушли из Архангельска англичане, позорно бежали из Одессы французы… Правда, зацепился Врангель за прекрасный клочок русской земли — Крым, на Дальнем Востоке распоряжаются японцы и американцы, мечется по украинским степям Махно. Но, думается, еще немного, и испытания России кончатся…

Именно в это время старый генерал сделал свой выбор. 18 апреля 1920 года на имя председателя Военно-исторической комиссии (существовала в Москве некоторое время и такая) от Брусилова поступило заявление: «Прошу зачислить меня в число сотрудников по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.». Военно-научная работа, несмотря на тяжелое положение Советской Республики, велась тогда очень широко. Некоторые из выпущенных тогда книг сохранили научное значение до сих пор. На заседании 20 апреля редакционная коллегия комиссии постановила удовлетворить просьбу

Брусилова, и 21 апреля в приказе № 39 по комиссии, в параграфе третьем, говорилось: «Алексей Алексеевич Брусилов назначается сотрудником-составителем с 20 сего апреля». Так бывший генерал Брусилов начал сотрудничать с Советской властью.

Для разработки ему дали весьма близкую тему: «Действия 8-й армии в 1914 году до начала Галицийской битвы». Что ж, времени ушло еще не так много, память сохранила события, да и документами можно воспользоваться, попробовать описать и осмыслить свои действия. Но заниматься военно-исторической работой Брусилову долго не пришлось.

25 апреля 1920 года армия Польши, вооруженная и щедро снабженная бывшими союзниками России, перешла в наступление против значительно уступавших ей в силах и средствах соединений Красной Армии на Украине. 12-я и 14-я советские армии мужественно сопротивлялись, но под натиском врага были вынуждены отходить. 7 мая интервенты заняли Киев. Вновь оборона Советской Республики становилась главной задачей.

30 апреля ВЦИК и Совнарком опубликовали обращение «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России». 23 мая были опубликованы тезисы ЦК РКП (б) «Польский фронт и наши задачи». В этих документах раскрывались цели польских интервентов и отмечался справедливый, освободительный характер борьбы, которую Красная Армия вела с польскими войсками.

С тревогой следил за событиями Брусилов. На этот раз он решил действовать. 1 мая 1920 года начальник Всероссийского главного штаба Н. И. Раттель получил письмо:

«Милостивый государь

Николай Иосифович!

За последние дни пришлось мне читать ежедневно в газетах про быстрое и широкое наступление поляков, которые, по-видимому, желают захватить все земли, входившие в состав Королевства Польского до 1772 г., а может быть, и этим не ограничатся.

Если эти предположения верны, то беспокойство правительства, сквозящее в газетах, понятно и естественно. Казалось бы, что при такой обстановке было бы желательно собрать совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия. Мне казалось бы, что первою мерою должно быть возбуждение народного, патриотизма, без которого крепкой, боеспособной армии не будет. Необходимо нашему народу

понять, что старое павшее правительство было неправо, держа часть польского братского народа в течение более столетия насильственно под своим владычеством. Свободная Россия правильно сделала, немедленно сняв цепи со всех бывших подвластных народов, но, освободив поляков и дав им возможность самоопределиться и устроиться по своему желанию, вправе требовать того же самого от них, и польское нашествие на земли, искони принадлежащие русскому православному народу, необходимо отразить силою. Как мне кажется, это совещание должно состоять при главнокомандующем, чтобы обсуждать дело снабжения войск провиантом, огнестрельными припасами и обмундированием.

Что же касается до оперативных распоряжений и плана войны в особенности, то в эту область совещание ни в каком случае вмешиваться не может. Как личный мой опыт, так и военная история всех веков твердо указывает, что никакой план, составленный каким бы то ни было совещанием, не может выполняться посторонним лицом, да и вообще план войны и оперативные распоряжения должны быть единоличной работой самого командующего и его начальника штаба…»

Приведенное почти полностью письмо Брусилова — свидетельство его бесповоротного решения. Сделав этот шаг, он окончательно связал свою судьбу с Красной Армией, с государством Советов.

Предложение Брусилова было рассмотрено немедленно. Н. И. Раттель направил его письмо в РВС республики, и уже 2 мая там приняли решение: «В целях всестороннего освещения вопросов, связанных с этой борьбой, от исхода которой зависит судьба не только украинского, но и русского народа …образовать при главнокомандующем всех вооруженных сил республики высокоавторитетное по своему составу особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции».

Приказ был опубликован в «Правде» 5 мая 1920 года. Тут же сообщался и состав совещания. Был он действительно авторитетным и произвел большое впечатление как в Советской России, так и у ее противников. Председателем Особого совещания — и это более всего поражало читателей — назначался Брусилов. Далее следовали громкие фамилии людей, завоевавших известность в годы мировой войны и, казалось, уже давно исчезнувших. Большинство этих генералов уже упоминалось в этой книге: А. А. Поливанов, В. Н. Клембовский, П. С. Балуев, А. Е. Гутор, А. М. Зайончковский, А. А. Цуриков, М. В. Акимов, Д. П. Парский и некоторые другие.

Сообщение это вызвало немалый интерес в стране и породило различные толки о назначении совещания и его обязанностях. В статье «Правды» от 7 мая разъяснялось, что «Особое совещание состоит при главнокомандующем С. С. Каменеве, в руках которого сосредоточена вся полнота военно-оперативной власти. Особое совещание имеет своей задачей разработку военно-административных и хозяйственных вопросов, связанных с обслуживанием Западного фронта (формирование, воспитание командного состава, пополнения, все виды снабжения, работа транспорта и пр.)».

«Правда» подчеркивала, что письмо Брусилова и согласие его и других генералов деятельно помогать Советской власти может быть истолковано только как свидетельство резких перемен в настроениях представителей старого общества. «В высокой степени знаменательно, — говорилось в статье, — что А. А. Брусилов признает безусловно правильной советскую политику, выразившуюся в безоговорочном признании независимости Польской республики. Не менее знаменательно и то, что А. А. Брусилов самым фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхетской Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право ждать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания, в той великой борьбе на Западе, от которой зависит будущность трудовой России».

По этой выдержке из статьи центрального органа партии большевиков можно судить, какое значение было придано тогда выступлению Брусилова и группы бывших генералов. Конечно, их имел в виду В. И. Ленин, когда 13 мая 1920 года говорил: «Даже бывшие царские генералы признают несправедливыми притязания Польши и идут помогать нам»[31].

Особое совещание приступило к работе. Рассматривались самые различные вопросы. Вскоре Брусилов побывал на заседании представителей военно-учебных заведений, где обсуждались методы подготовки командного состава и пополнения им Красной Армии. 25 мая 1920 года он докладывал о своих впечатлениях Особому совещанию. Доклад был пронизан неподдельной заботой о порученном деле, в нем сквозило искреннее огорчение недостатками, о которых он узнал. Участникам совещания Брусилов рассказал, что ознакомился с учебными программами и нашел их не соответствующими требованиям времени. По мнению Брусилова, это произошло оттого, что большинство составителей программ в войне участия не принимали, продолжая служить в военно-учебных заведениях,

и потому едва ли знают, что требуется строевому командиру. В качестве срочной меры Брусилов предлагал участникам совещания просмотреть программу обучения и определить, «действительно ли она соответствует тому, что нужно в настоящее время».

Наибольший интерес среди всего прочего представляет одно из первых крупных выступлений Особого совещания. На том же заседании 25 мая зашел разговор о возможности выпуска воззвания ко всем бывшим офицерам. Брусилов считал такое воззвание необходимым.

— Нужно так это письмо написать, — говорил он, — чтобы они ясно поняли, что дело в данный момент вовсе не о классовой борьбе, а о том, чтобы нашу самостоятельность отстоять и вместе с тем отстоять пределы, в которых находится наше государство…

Брусилов предложил участникам совещания каждому составить проекты и на следующем заседании обсудить их, чтобы содержание было приемлемо для всех. На очередном заседании наилучшим был признан проект Брусилова. Так 23 мая 1920 года в «Правде» появилось знаменитое воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились».

«Свободный русский народ, — начиналось воззвание, — освободил все бывшие ему подвластные народы и дал возможность каждому из них самоопределиться и устроить свою жизнь по собственному произволению. Тем более имеет право сам русский и украинский народ устраивать свою участь и свою жизнь так, как ему нравится, и мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России…»

Рассказав далее о целях польской интервенции, авторы воззвания продолжали: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию».

Первой под воззванием стояла подпись Брусилова, затем следовали имена генералов, принимавших участие в работе Особого совещания.

Советское правительство понимало, что страх ответственности за совершенные в прошлом деяния может сковать побуждения бывших офицеров отдать свои силы служению Советской власти. Вот почему 2 июня 1920 года был принят декрет «О бывших офицерах», подписанный В. И. Лениным. Декрет гласил: «Все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий Врангеля, Деникина, Колчака, Семенова и проч.».

Воззвание произвело в стане белогвардейцев сильнейшее впечатление: «Как, даже и Брусилов, даже и он идет на службу к большевикам! И не только идет, но требует того же от других!» Но если непримиримые, заклятые враги Советской власти с этого момента прокляли и отринули память о Брусилове, то для колеблющихся, сомневающихся, не определивших до конца свой выбор (а такие были, даже на третьем году гражданской войны), для многих из них обращение Брусилова стало решающей вехой на пути к возвращению, на службу Родине: «Не может быть, чтобы генерала Брусилова принудили к такому поступку, чтобы он сделал это из мелких, корыстных расчетов!..»

И буквально на следующий день после публикации воззвания в военные комиссариаты Москвы, Петрограда и многих других городов стали в значительном числе приходить бывшие офицеры, дотоле уклонявшиеся от службы в Красной Армии, а также те из них, кто некогда даже сражался на стороне белых. После декрета от 2 июня поток этот еще более увеличился.

Беседуя 12 июня с корреспондентом «Красной газеты», Брусилов упомянул о впечатлении, произведенном его воззванием, и пояснил:

— За последние несколько дней, в связи с выпущенным нашим совещанием воззванием ко всем офицерам, ко мне поступает очень много заявлений от офицеров, содержащихся в концентрационных лагерях и других местах заключения, а также состоящих на гражданской службе, с просьбой помочь им определиться на фронт. Все эти просьбы передаются мною по назначению, и, вероятно, в ближайшие дни я буду знать результаты…

Обращение Брусилова оказалось очень кстати и потому, что оно почти совпало с началом новой попытки белогвардейцев свергнуть Советскую власть вооруженной рукой: 7 июня 1920 года войска Врангеля вылезли из Крыма. Положение на юге России сразу же стало серьезным.

В. И. Ленин в шифрованной телеграмме Реввоенсовету республики распорядился изготовить обращение-манифест к офицерам врангелевской армии с точными предложениями и гарантиями о полной безопасности в случае перехода на сторону Советов. Такое воззвание было составлено; подписали его Председатель ВЦИК М. И. Калинин, Председатель Совнаркома В. И. Ленин и — подчеркнем это — А. А. Брусилов, председатель Особого совещания при главкоме. Обращение-манифест в виде листовок распространялось в войсках Врангеля.

Необходимо отметить, что тогдашнее руководство Реввоенсовета (Л. Троцкий и Э. Склянский) выполняло эти указания Ленина с большой неохотой. Этим космополитам, случайно оказавшимся в большевистской партии, претил сам дух отечественного патриотизма, которым были проникнуты воззвания Брусилова. Разумеется, в ту пору троцкистам приходилось скрывать свои истинные цели и убеждения, но позже, оставив страну, они уж высказались по этому поводу куда как откровенно. Сам Троцкий в своих заграничных мемуарах брюзжал, что воззвание Брусилова и вообще все эти «обращения к русскому народу» были ему глубоко неприятны, но он, мол, не мог ничего поделать…

Да, не смог. К счастью для Советской России и ее Вооруженных Сил.

Если ранее в эмиграции и белогвардейских кругах сохранялось весьма почтительное отношение к личности Брусилова, то теперь, после его недвусмысленных поступков, самая примитивная злоба тут возобладала. Иначе как предателем и изменником, продавшимся большевикам, Брусилова в эмигрантской печати не называли. Он же однажды сказал по этому поводу жене:

— Большевики, очевидно, меня уважают больше, потому что никто из них никогда и не заикнулся о том, чтобы мне что-либо посулить…

Год спустя, в августе 1921 года, Брусилов говорил корреспонденту рижской газеты о своем отношении к Советской власти:

— Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти, но,

признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною Родины…

Документы о деятельности Брусилова на посту председателя Особого совещания свидетельствуют, что он заботился о благе армии. Выше уже упоминалось о его отношении к программам подготовки командного состава. Позднее им было высказано немало ценных предложений по вопросам строительства Вооруженных Сил Республики Советов.

Особенно точные и глубокие оценки содержатся в докладе Брусилова Особому совещанию 20 декабря 1920 года. Прочитав доклад начальника штаба Второй Конной Армии А. И. Тарасова-Родионова на имя М. В. Фрунзе о дальнейшем использовании освободившихся частей и реорганизации кавалерии, Брусилов самым подробным образом характеризовал этот документ и сделал свои замечания.

В докладе Тарасова-Родионова отчетливо было заметно увлечение ролью кавалерии. Это и немудрено, если вспомнить, какую роль обе конные армии, Первая и Вторая, сыграли только что в боях с белополяками и врангелевцами. И, несмотря на это, несмотря на громкую славу, приобретенную красной кавалерией (и славу заслуженную), Брусилов считал необходимым указать: «Нельзя, конечно, отрицать возможность случайного успеха конной атаки кавалерии, своевременно брошенной на тот или иной боевой участок фронта противника, но при обширных полях сражений нынешнего времени и отсутствии густых строев пехоты ни решения участи сражения, ни тем более выигрыша кампании кавалерия достичь не в состоянии, и таких результатов ожидать от нее было бы неосторожно и даже опасно». Таким образом, Брусилов предостерегал от чрезмерного увлечения созданием очень крупных и чисто кавалерийских соединений.

В то же время Брусилов не отрицал очевидного — возможных успехов кавалерии, но при определенных условиях. «Стратегические удачные действия, — писал он, — оказывались успешными и давали значительные результаты по преимуществу во время гражданских войн, при обширных пространствах для действий и сравнительной редкости населения, и в особенности малочисленности путей сообщения и сети телеграфных и телефонных линий». Необходимо признать, что события 1918–1920 годов на юге нашей страны и роль кавалерии в этих событиях в целом отмечены здесь совершенно правильно.

Брусилов, старый кавалерист, отнюдь не считал кавалерию изжившим себя родом войск, он только ратовал за правильное и осмысленное употребление ее. Позднее, уже в октябре 1923 года, он писал, что новейшие технические средства борьбы в

значительной мере отразились на работе конницы, но техника — отнюдь не враг конницы в большинстве случаев, а ее могучий союзник. «Воздушный флот, броневые части, машины огня и другие технические средства, приданные коннице в пределах, допускаемых ее основным свойством — подвижностью, в значительной мере увеличивают ее самостоятельность и тем сугубо облегчают коннице выполнение ею разнообразных и многосложных задач ее на войне».

Поэтому у Брусилова вызывала озабоченность недостаточная оснащенность Красной Армии подвижными техническими средствами. «Наши вероятные противники бесспорно будут богаче нас своей техникой. И потому наше недостаточное еще богатство таковой всего выгоднее компенсировать сильной (своим составом, духом и снабжением) искусной конницей, на развитие и усовершенствование которой должно быть обращено сугубое внимание».

Уже говорилось, с каким вниманием относился генерал Брусилов в годы войны к авиации. В его докладе 20 декабря 1920 года и на этот счет имеются знаменательные высказывания: «Совершенно необходимо обратить особое, усиленное внимание, не жалея ни средств, ни трудов, на самую энергичную постройку воздушных судов вполне современных типов и необходимо твердо помнить, что наша отсталость в этом отношении грозит Красной Армии в будущем, а следовательно, и всей Советской Республике, большой бедой. Героическими усилиями нам необходимо догнать наших возможных врагов и в дальнейшем никак не отставать в развитии этого нового рода оружия». Государственный подход Брусилова к разрешению этого вопроса очевиден, он мыслит, несомненно, как командир Красной Армии, как лицо, сознающее свою ответственность и за судьбу армии, и за будущее страны — Республики Советов.

В этом же докладе имеется и еще одно важнейшее соображение, а именно об авторитете командира: «Для правильной постановки вопроса о командном составе было бы необходимо иметь соответствующий, по своей теоретической и практической подготовке, корпус красных офицеров, начальников во всех отношениях, без института комиссаров. Может быть, эта мера еще преждевременна, никакие же паллиативы тут помочь радикально не могут…» Вопрос о введении единоначалия стоял в Красной Армии после окончания войны достаточно остро, и мера эта, безусловно необходимая в правильно организованной армии, была осуществлена постепенно на протяжении ряда лет. К декабрю же 1920 года противников единоначалия насчитывалось немало, и они занимали видные посты. Поэтому-то и важно

отметить прямую и искреннюю постановку вопроса Брусиловым.

На заседаниях Особого совещания, как доказывают документы, он говорил о самых разнообразных и насущных делах Красной Армии. Но, конечно, для Брусилова, старого кавалериста, основной областью приложения своих сил, своего знания и опыта прежде всего оставалась кавалерия. Уже 1 мая 1920 года Брусилов был назначен председателем вновь созданной комиссии по выработке мер по созданию высокопородистых лошадей, необходимых для кавалерии и артиллерии.

После окончания гражданской войны страна наша находилась в крайне тяжелом положении. «Разорение, нужда, обнищание»[32] — так характеризовал его В. И. Ленин. Ни одна страна в мире на протяжении нескольких последних столетий не подвергалась подобному опустошению. Общие потери населения начиная с 1914 года составили более 20 миллионов человек; сумма материальных потерь Советской России превысила 40 миллиардов золотых рублей, то есть больше четверти всего довоенного богатства страны.

Приступив к работе в комиссии, Брусилов сразу же убедился, какие утраты понесло конское поголовье за годы войны. Из 35,5 миллиона лошадей, насчитывающихся в России на 1916 год, теперь осталось менее двух третей. А ведь в то время лошадь была главной, даже единственной тягловой силой в сельском хозяйстве, велика была ее роль в транспорте и, конечно, в армии. Но дело не только в уменьшении поголовья. Особенно тяжело пострадало племенное коневодство: большинство племенных заводов находилось на юге страны, именно там, где три года бушевала гражданская война. Качественный состав кавалерийского поколения ухудшился.

В комиссию Брусилова входили представители нескольких учреждений, и сразу же обнаружился различный подход к проблеме. Отдел животноводства Наркомзема категорически утверждал, что взгляды дореволюционных военных органов на необходимость культурной лошади для службы в коннице и артиллерии опровергнуты опытом войны, где якобы наиболее пригодными оказались крестьянские лошади. Еще дальше шел представитель Главного ветеринарного управления: он считал, что в армии культурная лошадь может быть успешно заменена киргизской!

Пришлось Брусилову разъяснять всю нелепость и вредность подобных взглядов. 23 июня 1920 года он представил в Совет Всероссийского главного штаба доклад о работе комиссии, в котором убедительно доказывал, что только культурная лошадь может удовлетворить нужды Красной Армии и сельского

хозяйства страны. «Как старый кавалерист, — писал он, — стою на той точке зрения, что невозможно оспаривать мнения, утвердившегося в целом мире бесконечной работой и всей культурой Западной Европы, нужна ли культурная лошадь. Ответ один: культурная лошадь необходима и для военного ведомства, и для крестьянина».

Мнение Брусилова возобладало. Вскоре комиссия, руководимая им, предложила создать соответствующий орган, который занимался бы коннозаводским делом и коневодством вообще. Такой орган — Центральное управление коннозаводства и животноводства при Наркомземе — был создан, а Брусилов стал главным его инспектором. В июле 1922 года начальник Штаба РККА поставил перед РВС республики вопрос о переименовании инспекции Брусилова в военную инспекцию. После принятия этого предложения Брусилов стал главным военным инспектором коннозаводства и коневодства в Советской России.

…Кончался седьмой десяток жизни Брусилова, но он неустанно продолжал трудиться на благо страны и армии. Восстановление конного дела требовало немалых усилий, и Брусилов старается, чтобы соответствующие органы отводили должное внимание этому вопросу. К примеру, в августе 1922 года Брусилов, препровождая в Центральное управление коннозаводства и животноводства доклад инспектора Скворцова о главнейших мероприятиях в области коневодства, писал от своего имени: «Эта исключительная по своему значению для земледельческой страны отрасль народного хозяйства в течение последних восьми лет по общеизвестным причинам пришла в такое тяжкое положение, что Советскому правительству необходимо обратить на нее усиленное внимание и предпринять ряд неотложных мер, без которых нам в этом отношении будет чрезвычайно трудно справиться. Время не терпит, и доклад тов. Скворцова является более чем своевременным, напоминая об этом важнейшем деле во время строительства государства на новых началах».

Поскольку восстановление коневодства в европейской России требовало немало времени, Брусилов рассчитывал использовать до предела еще уцелевшие ресурсы, в частности в Западной Сибири. «Было бы преступлением, — писал он в особой записке, — не обратить усиленного внимания и заботы на спасение и развитие еще сохранившихся остатков коневых средств в Западной Сибири. На случай мобилизации армии оттуда можно много почерпнуть, чтобы оно развивалось должным образом и чтобы при изъятии даже значительного количества лошадей план работ не разрушался и коннозаводство не исчезло,

как это имело место в европейской России во время гражданской войны. Это явление не должно повториться теперь, во время нового строительства Советской Республики».

Все же внутренними ресурсами страны в восстановлении коневодства обойтись было невозможно, и 8 ноября 1922 года Брусилов поставил перед главкомом вопрос о необходимости закупки за рубежом чистокровных лошадей. «Вопрос этот, — писал он, — принадлежит к числу государственных задач неотложной необходимости и первостепенной важности в целях обороны Советской Республики. Время не терпит».

Можно было бы привести и еще немало документов, свидетельствующих, как серьезно и целеустремленно работал Брусилов над восстановлением коневодства в стране, Его предложения, как правило, поддерживались высшими инстанциями. Несомненна крупная роль Брусилова в постепенном улучшении коневодческого дела в стране, а значит — создании прочной основы для развития красной кавалерии.

На семидесятом году жизни Брусилов получает новое и очень ответственное назначение в Красной Армии. В тот период Вооруженные Силы находились в стадии перестройки, продолжалась демобилизация: к концу 1924 года численность Вооруженных Сил сократилась с 5,5 миллиона человек до 562 тысяч. Тяжелое экономическое положение страны побуждало к экономии, сокращению штатов. В те годы на работу в гражданские ведомства из армии ушло немало видных военных. Тем не менее для Брусилова место нашлось, и, повторим, пост был очень важным. 1 февраля 1923 года было сформировано управление инспектора кавалерии РККА, подчинявшегося непосредственно главкому. Управление возглавил Брусилов. В то же время он оставался и главным военным инспектором Главного управления коннозаводства.

Вступая на этот пост, Брусилов так писал в приказе о положении в кавалерии: «После империалистической войны и голодов, последствием которых неизбежно явилась общая разруха, наше былое коневое богатство значительно убавилось как количественно, так и качественно; слышатся постоянные жалобы на недостаток лошадей и на плохое их качество. По этому поводу считаю необходимым объявить, что лошади — не «машина», а живое существо: на фабрике ее не закажешь. Восстановление коневых средств страны требует долгого времени, а война не ждет, и хорошая кавалерия должна суметь извлечь всю возможную пользу из того материала, который ей дан, ибо другого пока нет.

На основании долголетнего опыта могу смело утверждать,

что даже плохая по качествам лошадь, но хорошо содержанная, то есть выкормленная, вычищенная и правильно работанная, может нести значительно большую работу, чем плохо содержанная, хотя бы и высококровная лошадь».

Управление инспектора кавалерии имело широкий круг обязанностей: организация кавалерийских частей, развитие боевых качеств кавалерии при соблюдении современных требований, подготовка командного состава кавалерии, правильное применение действовавших уставов и инструкций. Поскольку штат управления был невелик, кроме Брусилова — 8 человек (тогда в армии приходилось экономить), то работы хватало всем, в том числе и начальнику.

Уже через месяц после своего назначения, 1 марта, главкому С. С. Каменеву был представлен проект программы работы управления инспектора кавалерии. В первую очередь он предусматривал выработку взглядов на современные требования к кавалерии; ежегодную организацию военной игры, кавалерийских сборов и полевых поездок; пересмотр существовавших кавалерийских уставов; упорядочение ремонтирования кавалерии. Брусилов намеревался войти с ходатайством о подчинении ему в техническом отношении Высшей кавалерийской школы, чтобы на практике проверять теоретические положения еще до введения их в действие в войсках. Главком одобрил план, и Брусилов принялся за дело со свойственной ему в семьдесят лет страстью к работе.

В ближайшие же месяцы он добился осуществления ряда пунктов программы: было разработано постановление по производству испытаний и состязаний по подготовке армейских кавалерийских частей и военно-учебных заведений, организовано Всероссийское общество конного спорта, начата подготовка инструкторов конно-саперного дела, приступил к работе отдел ремонтирования РККА и т. д.

Брусилов хотел бы и дальше служить Родине, но возраст и здоровье напоминали о себе. Сильно болела раненая нога. Он считал недопустимым быть подчиненным в тягость своим недомоганием и стариковской слабостью, поэтому твердо порешил оставить важные и ответственные посты. 5 сентября 1923 года, спустя несколько дней после своего семидесятилетия, Брусилов подал главкому рапорт об отставке. Но в Красной Армии высоко ценили таких специалистов, как Брусилов: РВС республики просил его послужить еще некоторое время.

В конце сентября 1923 года была учреждена должность помощника главкома по кавалерии; пост этот занял С. М. Буденный — блестящий кавалерист, крупнейший кавалерийский

начальник со времен наполеоновских войн, имя которого, несомненно, должно стоять в ряду с именами Мюрата и Платова. Управление инспектора кавалерии и отдел ремонтирования РККА подчинялись теперь Буденному. 15 марта 1924 года инспекцию кавалерии расформировали. Брусилов был назначен для особо важных поручений при РВС республики. В этой должности он и состоял последние два года жизни.

За годы службы в Красной Армии Брусилов познакомился и работал со многими видными военачальниками, которых породила наша народная революция. На протяжении 1923–1925 годов он неоднократно встречался с М. В. Фрунзе, занимавшим ведущие посты в Красной Армии, а с ноября 1924 года возглавившим РВС республики. Фрунзе был очень внимателен со старым русским военачальником. Брусилов, со своей стороны, имел возможность убедиться, что человек этот, революционер-профессионал, не имевший военного образования, — прирожденный военачальник.

В годы гражданской войны Фрунзе осуществил ряд блестящих операций, которые могли бы составить честь любому полководцу. Ныне — и в этом Брусилов убеждался во время каждой встречи — Фрунзе, проводя в жизнь директивы партии большевиков, работал над укреплением мощи Красной Армии, армии новой, коренным образом отличающейся от всех предыдущих. В то же время эта армия была естественной и единственной наследницей славных боевых традиций старой русской армии, и строительству ее Брусилов готов был отдать все свои силы.

Свои чувства к М. В. Фрунзе Брусилов высказал в письме в РВС республики в ноябре 1925 года, после смерти пролетарского полководца (в тот момент Брусилов был в Карловых Варах). Он писал:

«Буду всегда помнить доброе отношение и внимание Михаила Васильевича ко мне и к моей семье. Моя глубокая благодарность к нему тем более требует, чтобы я выразил мое сердечное соболезнование и сочувствие не только вдове его, но и всем Вам, его ближайшим сотрудникам и сослуживцам».

Столь же интересным и полезным было для Брусилова знакомство с К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным. Кавалерист до мозга костей, уже более полувека жизни отдавший русской коннице, он не мог не оценить руководителей 1-й Конной Армии, сумевших провести ее победоносно сквозь испытания гражданской войны. Ныне они продолжали совершенствовать кавалерию, готовить ее к возможным испытаниям, не пренебрегая при этом личным примером. После 100-верстного пробега, организованного в Северо-Кавказском военном округе, Брусилов в

приказе особо отмечал, что и командующий округом К. Е. Ворошилов и командарм С. М. Буденный участвовали в пробеге, ставил проведение такого пробега в пример и называл его «назидательным».

В свою очередь, и советские военачальники высоко отзывались о Брусилове, а военные организации заботились о нем. Показателен и в то же время характерен для той эпохи следующий случай. Брусилов с женой и свояченицей продолжал жить в доме № 4 по Мансуровскому переулку, но теперь от прежней квартиры оставались у них три комнаты. С жильем в Москве тогда было предельно тяжело, обладателей старых квартир постоянно «уплотняли» — существовало в ту пору и такое выражение. Жилищное товарищество потребовало от Брусилова освободить одну из комнат. Начальник Штаба РККА П. П. Лебедев обратился в Чрезвычайную жилищную комиссию с ходатайством о сохранении за Брусиловым комнаты. «Принимая во внимание выдающиеся заслуги перед республикой тов. Брусилова, его ответственную должность и преклонный возраст, по приказанию главкома прошу не отказать в распоряжении, в виде исключения, одну из трех комнат, занимаемых тов. Брусиловым, зачесть в счет 10 процентов нормы, сдаваемой товариществом, и сохранить ее забронированной для семьи тов. Брусилова». Комната осталась за Брусиловыми.

В последние годы жизни Брусилов имел возможность и работать, несомненно, по призванию, и встречаться с интересными, новыми для него людьми. Но бывали встречи и неприятные. Речь идет прежде всего о Троцком, который в сугубо карьеристских целях примазался к партии большевиков, не прекращая борьбы против Ленина и ЦК партии…

Брусилов терпеть не мог Троцкого и его окружения. Человек военный до мозга костей, он не пытался, разумеется, проявить недисциплинированности, а ведь Троцкий был тогда, к сожалению, его прямым начальником. Да, начальников не выбирают, старый генерал это знал хорошо. Но дома он уж давал волю своим чувствам и словам.

Дома… Увы, дома тоже не все было нормально, просто даже неблагополучно. Надежда Владимировна все же никак не могла принять новой России. Она, разумеется, не перечила мужу, заботилась о нем, но идейный разлад у них был очевиден, хоть и скрывался обоими. Надежда Владимировна и ее сестра Вера Владимировна все более впадали в мистицизм, уходя от окружавшей их новой жизни. Неудивительно, что после кончины Брусилова все нити, хоть как-то связывавшие сестер с новой Россией, оборвались. Надежда Владимировна попросилась за

границу, ее, разумеется, отпустили. И тут пожилая и нервная женщина написала «мемуары» от имени мужа. Ту неприязнь, которую Брусилов всегда питал к Троцкому и троцкистам, она перенесла на Советскую Россию в целом. Получилась та полуправда, которая порой хуже прямой лжи и клеветы. После войны рукопись прочли, кое-кого она даже смутила, но постепенно все встало на свои места, и память о славном генерале оскорблена не была.

Лучше всего о себе рассказал он сам. Без шума и суеты Брусилов закончил свою мемуарную работу в 1923 году. Его воспоминания впервые вышли в свет в 1929 году, а всего их насчитывается уже пять изданий.

…Раненая нога не давала покоя Брусилову. По ходатайству М. В. Фрунзе осенью 1925 года Брусиловым была предоставлена возможность выехать на лечение в Карловы Вары.

Прошло более одиннадцати лет с тех пор, как Брусилов был за границей. Сколько событий минуло, сколько людей ушло! Как изменилась Россия, как изменился он, бывший генерал Брусилов! Здесь же перемены незначительные. Та же толпа курортников, немало и русских. Правда, это эмигранты, жить в Чехословакии легче, чем в Париже, Варшаве: чехи относятся лучше по сравнению с бывшими союзниками, не говоря уж о шляхтичах. Но от встреч с эмигрантами Брусилов воздерживался — это было часто неприятно и даже опасно.

Однажды в его присутствии группа бывших, очевидно, офицеров громко, явно рассчитывая привлечь внимание Брусилова, стала возмущаться тем, что старый русский генерал пошел на службу к большевикам. Брусилов не вытерпел, повернулся и спросил:

— А кто, как не большевики, вместе с русским народом, отстоял в гражданской войне нашу землю от жадных иностранных государств?..

Неожиданность ответа смутила врагов, они замолчали, а Брусилов довершил:

— А где были, к кому на службу пошли в это время вы, господа? К немцам, французам или, может быть, к румынам?..

Ответа не было…

Лечение несколько облегчило боли в ноге. По возвращении в Москву Брусилов снова приступил к работе. Много времени у него отнимало написание мемуаров.

Но вскоре боли в ноге усилились; ежедневно Брусилов принимал сеансы лечения электричеством. Простудившись, он заболел крупозным воспалением легких и в ночь на 17 марта 1926 года, на 73-м году жизни, скончался от паралича сердца.

В этот же день РВС республики постановил принять расходы по похоронам на свой счет и ходатайствовать перед Совнаркомом СССР о назначении персональной пенсии вдове Брусилова.

18 марта в «Правде», «Красной Звезде» и других газетах появились некрологи о Брусилове. «Правда», давая высокую оценку личности покойного, одного из наиболее выдающихся представителей русской армии, внесшего вклад в строительство Советских Вооруженных Сил, подчеркивала, что весь Реввоенсовет республики уважал Брусилова, «ценил его глубокий ум, прямоту его взглядов, его искреннюю лояльность по отношению к Советской власти».

В 12 часов дня 19 марта у квартиры покойного выстроился почетный эскорт: рота пехоты, эскадрон кавалерии и полубатарея артиллерии. Среди присутствовавших — делегация РВС республики во главе с А. И. Егоровым и С. М. Буденным. Они возлагают на гроб Брусилова венок с надписью: «Честному представителю старого поколения, отдавшему свой боевой опыт на службу СССР и Красной Армии, А. А. Брусилову от Реввоенсовета».

В полдень гроб с телом покойного ставят, как и положено исстари, на артиллерийский лафет, и траурный кортеж направляется к Новодевичьему монастырю. Перед воротами — траурный митинг. А. И. Егоров от имени Реввоенсовета характеризует роль Брусилова в борьбе с бело-поляками. С. М. Буденный говорит о заслугах покойного в организации красной конницы, Г. Д. Гай, выступая от Военной академии имени М. В. Фрунзе, вспоминает о роли Брусилова в первой мировой войне… Гроб с телом Брусилова через ворота вносят на территорию Новодевичьего монастыря.

Немало могил бывших сослуживцев Брусилова, тоже русских, но оставивших родину, немало этих могил — иногда роскошных, чаще скромных и забытых, — разбросано по всему свету.

Генерал Брусилов и после смерти остался на своей Родине. Над могилой его, у Смоленского собора на Новодевичьем кладбище, склоняется русская береза.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1929; М., 1941; М., 1943; М., 1946; М., 1963.

Андрианов П. М. Генерал Брусилов. Одесса, 1916.

Белой А. Галицийская битва. М., Госиздат, 1929.

Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. Прорыв укрепленной полосы и форсирование реки. М., Воениздат, 1937.

Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг., 3-е изд., т. 1–3. М., Воениздат, 1938.

Ветошников Л. В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., Воениздат, 1940.

Галактионов М. Брусилов как полководец (к 90-летию со дня рождения). — «Красная звезда», № 207, 1943, 2 сентября.

Кузнецов Ф. Е. Брусиловский прорыв. М., Госполитиздат, 1944.

Мавродин В. Брусилов (очерк боевой деятельности). М., Воениздат, 1944.

Редкин А. Брусиловский прорыв. — «Военная мысль», 1946, № 6, с. 53–66.

Коротков И. Выдающийся русский полководец. — «Военное обучение», 1946, 15 марта.

Копылов Н. Полководческое искусство А. А. Брусилова. — «Сталинский сокол», 1946, 19 марта.

Белов Г. Русский полководец А. А. Брусилов. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 10.

Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М., Воениздат, 1964.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. БРУСИЛОВА

1853, 19 августа — В семье генерал-майора Брусилова родился сын Алексей.

1867, 27 июня — Зачислен в Пажеский корпус.

1872, 17 июля — Закончил Пажеский корпус, произведен в прапорщики и назначен в 15-й драгунский Тверской полк.

1874, 2 апреля — Произведен в поручики.

1875, 14 июля — Утвержден в должности полкового адъютанта драгунского Тверского полка.

1877, 29 октября — Произведен в штабс-капитаны.

1878, 1 января — За участие в боях с турками 4 и 5 мая 1877 года при взятии крепости Ардатан награжден орденом Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

1878, 16 марта — За отличие в боях с турками 23 и 24 августа 1877 года награжден орденом Анны 3-й степени с мечами и бантом.

1878, 3 сентября — За отличие, проявленное при взятии крепости Карс, награжден орденом Станислава 2-й степени с мечами.

1883, 12 августа — Окончил курс наук отдела эскадронных и сотенных командиров по разряду «отличных».

1883, 3 октября — За отличие по службе награжден вне очереди орденом Анны 2-й степени.

1883, 12 ноября — Назначен на должность адъютанта школы.

1890, 9 февраля — Произведен в подполковники.

1892, 30 августа — Произведен в полковники с зачислением по гвардейской кавалерии.

1898, 21 марта — 30 мая — Командирован в Германию, Австрию и Францию для осмотра кавалерийских полков, школ и приобретения лошадей.

1898, 10 ноября — Назначен помощником начальника школы.

1900, 6 мая — Произведен в генерал-майоры.

1902, 10 февраля — Назначен начальником Офицерской кавалерийской школы.

1906, 19 апреля — Назначен начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

1906, 6 декабря — Произведен в генерал-лейтенанты.

1909, 5 января — Назначен командиром 14-го армейского корпуса.

1912, 15 мая — Назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа.

1912, 6 декабря — За отличие по службе произведен в генералы от кавалерии.

1914, 19 июля — Назначен командующим 8-й армией.

1914, 23 августа — Награжден орденом Георгия 4-й степени.

1914, 18 сентября — Награжден орденом Георгия 3-й степени.

1915, 10 января — Награжден орденом Белого орла с мечами.

1915, 10 апреля — Назначен генерал-адъютантом с оставлением в занимаемой должности.

1916, 17 марта — Назначен главнокомандующим армий Юго-Западного фронта.

1916, 20 июля — Награжден георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, за поражение австро-венгерских армий («Брусиловский прорыв»).

1917, 22 мая — Назначен верховным главнокомандующим.

1917, 18 июля — Отстранен от должности распоряжением Временного правительства.

1920, 2 мая — Назначен председателем Особого совещания при главнокомандующем всех Вооруженных Сил республики.

1920, 1 октября — Назначен членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики.

1922, июль — Назначен главным военным инспектором коннозаводства и коневодства.

1923, 1 февраля — Назначен инспектором кавалерии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

1924, 15 марта — Назначен для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР.

1926, 17 марта — Смерть Алексея Алексеевича Брусилова в Москве.

Иллюстрации

А. А. Брусилов — офицер 15-го драгунского Тверского полка.

Прощание русских воинов при отъезде на театр войны. Гравюра 1877 г.

Форма офицеров Кавалерийской школы. 1882 г.

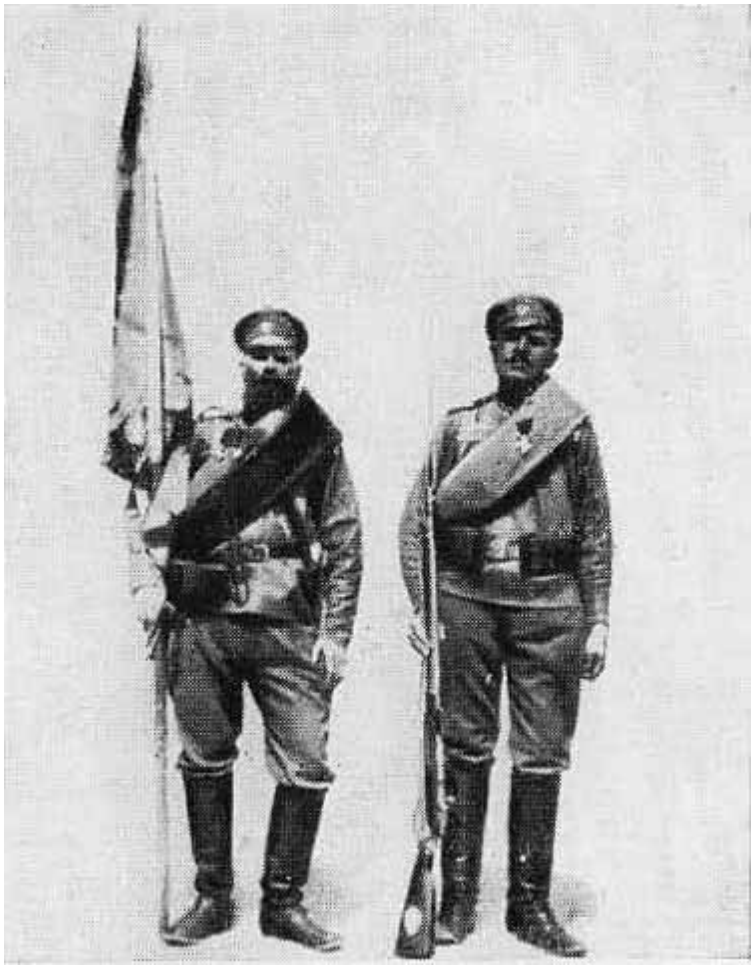
Грамота Офицерской кавалерийской школы за подписью генерал-майора А. А. Брусилова.

Начальник Офицерской кавалерийской школы генерал-майор А. А. Брусилов.

Воспитанник Пажеского корпуса Ал. Брусилов. 1906 г.

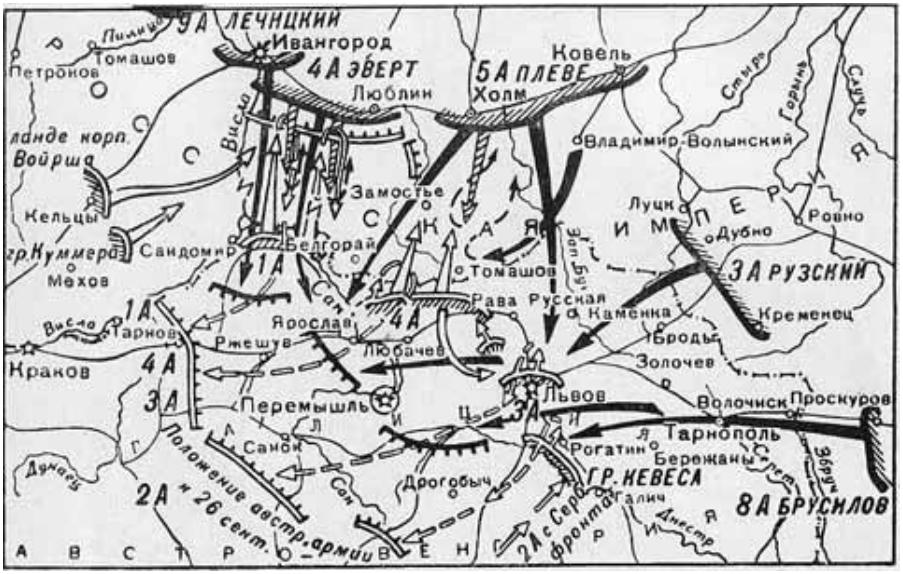
Генерал кавалерии А. А. Брусилов. 1914 г.

Москва. У памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в первые дни объявления войны. Август 1914 г.



Знаменщик.

Войска на марше.



Галицкая битва.

Вступление русских войск во Львов.

Генерал-адъютант А. А. Брусилов.

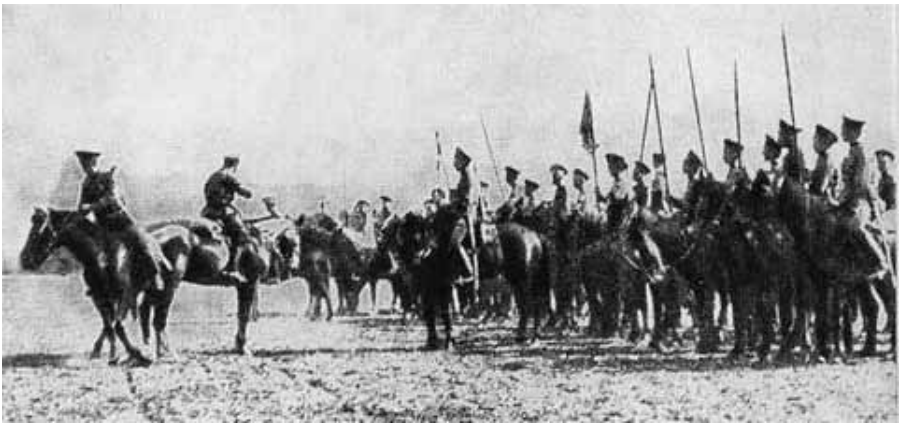
Город Слуцк.

Русские войска в Варшаве.

Русский солдат.

Перед отлетом на разведку.

Пленные германские солдаты на Невском проспекте.



Кавалерия.

Кавалерия на марше.

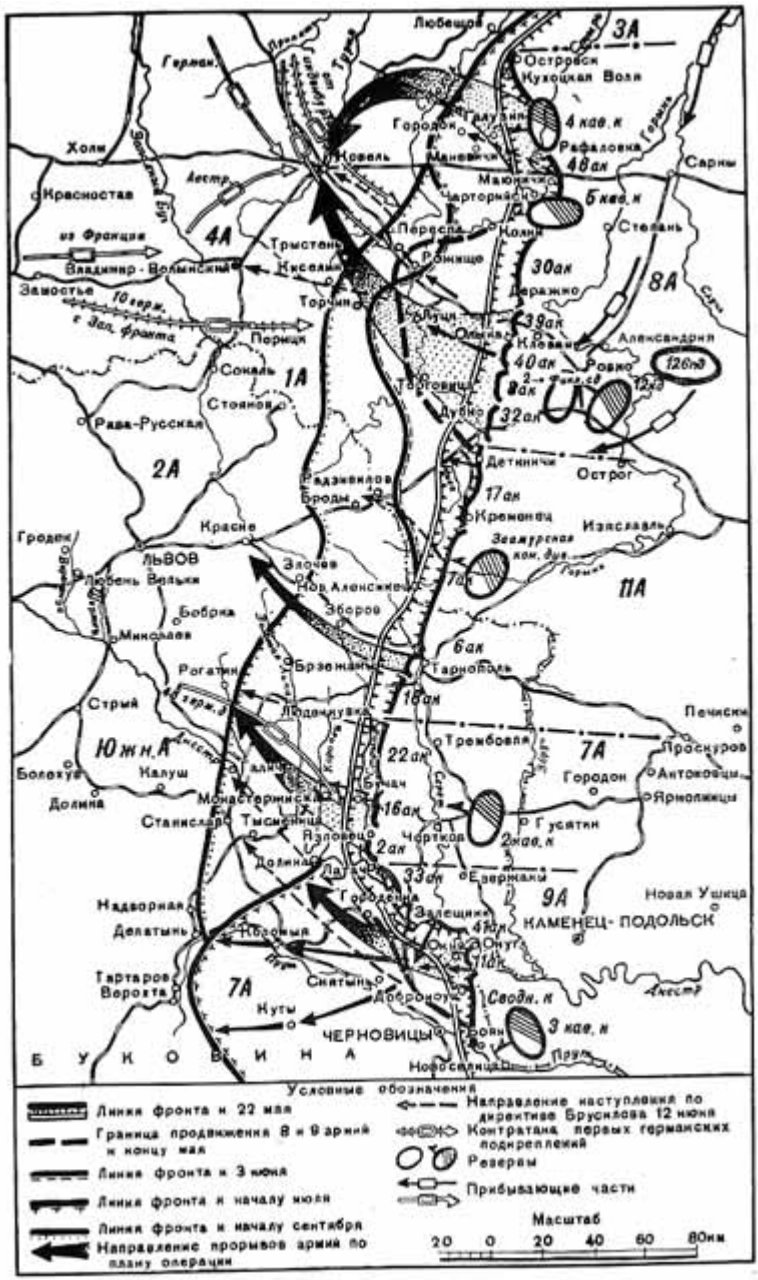
Немцев привел.

В окопах.

Генерал-адъютант А. А. Брусилов. 1915 г.

Генерал-адъютант А. А. Брусилов. 1915 г.

Галиция. На привале.



Наступление на Юго-Западном фронте. Лето 1916 г.

Учение по преодолению проволочных заграждений.

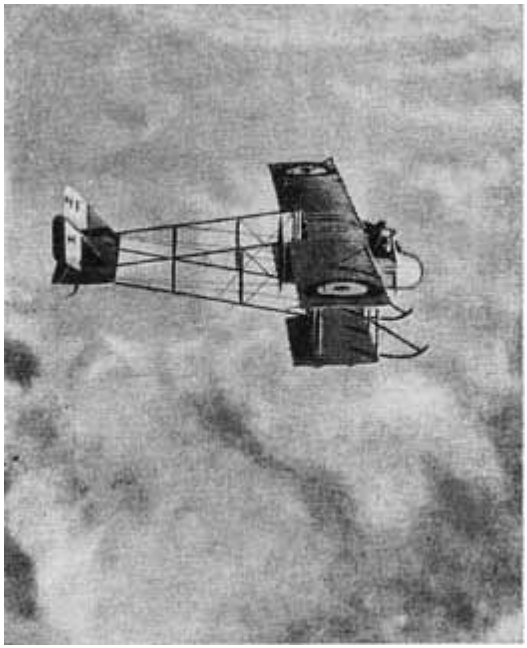
Батарея на позиции.

Походная кухня.

У проволочных заграждений.

Раненые.

Австрийские трофейные пушки.



Разведка в воздухе.

Георгиевские кавалеры.

Вести из дома.

На привале.

Генерал-адъютант А. А. Брусилов, награжденный георгиевским оружием.

Погибший в сражении.

1 апреля 1916 г. А. А. Брусилов на военном совете в Ставке верховного главнокомандующего.

Беженцы, сироты.

В. Васнецов. Пересвет и Ослябя. Из сборника «Памяти жертвам войны».

Генерал-майор М. Д. Бонч-Бруевич.

Подполковник Б. М. Шапошников в оперативном отделе Юго-Западного фронта в годы первой мировой войны.

В. И. Чапаев.

К. Е. Ворошилов выступает перед бойцами Первой Конной. 1920 г.

М. В. Фрунзе принимает парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве. 1924 г.

Сидят (слева направо): главком С. С. Каменев, член Реввоенсовета республики С. И. Гусев, командующий войсками Юго-Западного фронта А. И. Егоров, член Реввоенсовета Первой Конной армии К. Е. Ворошилов; *стоят:* начальник полевого штаба РВСР П. П. Лебедев, начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петин, командующий Первой Конной армией С. М. Буденный, начальник оперативного отдела полевого штаба РВСР Б. М. Шапошников.

Курсант К. К. Рокоссовский.

Б. М. Шапошников, М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевский. 1922 г.

А. А. Брусилов — инспектор кавалерии РККА. 1923 г.

На параде частей Первой Конной армии. 1923 г.

notes

Примечания

1

Все даты до февраля 1918 года (кроме особо оговоренных) даются по старому стилю.

2

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 35.

3

Башибузук по-турецки так и означает: головорез, только слово это в старой оттоманской армии имело совсем не осудительный, а скорее одобрительный смысл.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 165.

5

Исключительно интересная история эта хорошо описана в документальной книге Егора Иванова «Негромкий выстрел» (М., «Молодая гвардия», 1977).

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 303–304.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.

9

И. И. Ростунов. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976, с. 129.

10

Солдаты 60-го пехотного Замосцского полка *(авт.)*.

11

См., к примеру. *А. Коленковский.* Маневренный период войны 1914 г. М., 1940, с. 250; История первой мировой войны с 1914–1918, т. 1. М., 1975, с. 344–345; *И. И. Ростунов.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976, с. 144–145.

12

Орден учрежден в России в 1769 году и предназначался первоначально лишь для награждения офицеров. В 1807 году для поощрения храбрости и мужества солдат и унтер-офицеров учредили Знак отличия военного ордена, получивший в обиходе наименование Георгиевского креста. Поскольку орденом святого Георгия награждали исключительно за боевые заслуги, Георгиевские кавалеры пользовались большим уважением. Орден имел четыре степени, награждение производилось в порядке постепенности, начиная с 4-й степени. К началу первой мировой войны в России было всего 9 кавалеров ордена святого Георгия 3-й степени, а кавалеров ордена 2-й степени ни одного.

13

Авиацией Брусилов пользовался для разведки очень активно и сожалел, что развитие авиационного дела в России отставало от нужд войск. К примеру, 30 августа (12 сентября) Брусилов телеграфировал заведующему авиацией и воздухоплаванием в действующей армии: «В настоящее время лишился совершенно воздушной разведки, столь драгоценной для разведок, что ставит дело управления в крайне трудное положение. Почти все аппараты выведены из строя. Имеющиеся совершенно изношены, малопригодны к выполнению серьезных задач…»

14

В Восточной Галиции в ту пору жители православного вероисповедания, то есть украинцы и русские, составляли 61,7 процента населения, римско-католического, то есть в основном поляки, — 25,3 процента, лица иудейского вероисповедания — 12,4 процента.

15

Один из командиров корпусов армии Брусилова, Радко Дмитриев, тут же получил, повышение: был назначен командующим 3-й армией. Генерал Рузский стал командовать Северо-Западным фронтом.

16

Впоследствии, в 1915 году, действуя в составе 3-й армии, Корнилов вновь не выполнил приказа Цурикова. Его дивизия была окружена и уничтожена, сам генерал попал в плен, из которого ему удалось бежать.

17

Здесь Палеолог приводит неверные, заведомо заниженные сведения.

18

Генерал-адъютант — почетное звание в свите русского императора, установленное Петром I и жалуемое высшим военным чинам (полным генералам и генерал-лейтенантам) по «непосредственному высочайшему усмотрению». К 1 января 1911 года в России это звание носили 34 полных генерала и 26 генерал-лейтенантов.

19

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 26.

20

На протяжении двух лет правительство Румынии колебалось, не могло выбрать, на чьей стороне вступить в войну, — как бы не продешевить. Союзные правительства — французское и английское — все время стремились подтолкнуть Румынию к вступлению в войну на стороне Антанты. Русское же правительство склонно было удовольствоваться нейтралитетом этой страны. Генерал Алексеев весьма скептически смотрел на перспективы привлечения Румынии к коалиции: хорошо представляя крайне незначительную боеспособность румынских войск, Алексеев резонно предполагал, что новый союзник станет тяжелым бременем для русской армии. Так и произошло впоследствии.

21

И. И. Ростунов. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976, с. 305. Числитель — русские, знаменатель — австрийские войска.

22

А. А. Свечин (1878–1938) — известный русский и советский военный теоретик, отличавшийся нередко крайними и противоречивыми суждениями.

23

Русские войска также понесли немалые утраты: убитыми, ранеными и пропавшими без вести они потеряли около 500 тысяч человек.

24

О Брусилове буржуазная пресса на Западе писала нередко самые нелепые вещи: откуда, мол, в России, этой варварской и дикой стране, мог взяться выдающийся полководец, если в армиях Запада таковых что-то не видно. Вот что писала в октябре 1916 года с самым серьезным видом солидная швейцарская газета: «Не только в Европе, но главным образом в Америке распространяются самые дикие слухи о происхождении этого русского полководца, руководящего операциями против Галиции. Русского ли происхождения генерал Брусилов? Отнюдь нет. На основании упорнейших слухов он первоначально носил имя сэра Гектора Мак-Дональда и принадлежал к родовитой английской аристократии. В 1903 году дуэль на Цейлоне принудила его покинуть службу в рядах английской армии, а жена его вышла замуж за другого…» Далее этот «осведомленный» источник сообщал, что будто бы в русско-японской войне Брусилов участвовал на стороне японцев, затем реорганизовывая китайскую армию, а уж потом был приглашен на службу в Россию!

В. И. Ромейко-Гурко, командующий войсками Особой армии, временно замещал Алексеева, отбывшего в Крым на лечение.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 12.

27

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т 31, с. 156.

28

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 300–301.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 302.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 366.

31

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 120.